ВО СЛАВУ ОТЧИЗНЫ!

www.вославу.рф

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
ОРГАН ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «РУССКАЯ РАЗВЕДКА»

№ 2 (26)
2025

80 ПОБЕДА!

www.вославу.рф

ВО СЛАВУ ОТЧИЗНЫ!

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
ОРГАН ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «РУССКАЯ РАЗВЕДКА»

№ 2 (26)
2025

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БАБАНСКИЙ Юрий Васильевич – Герой Советского Союза, генерал-лейтенант, ветеран боевых действий;

БЕНОВ Геннадий Матвеевич – генерал-лейтенант, председатель Союза ветеранов советских офицеров, член ВС ВВС СССР;

БОДРЯГИН Александр Николаевич – полковник, президент Союза ветеранов военной разведки;

БОДУНОВ Игорь Аркадьевич – полковник, ветеран военно-технического сотрудничества, член правления Фонда «Резерв»;

БОНДАРЕНКО Константин Константинович – полковник, ветеран военной разведки;

БУРАВЧЕНКО Валерий Павлович – генерал-майор, член Совета ветеранов военной разведки;

БУРНОСОВ Игорь Лаврентьевич – полковник, член Совета ветеранов военной разведки;

БЫЧИХИН Павел Александрович – полковник, ветеран военной разведки;

ДЕМЕНТЬЕВ Сергей Павлович – генерал-майор авиации, ветеран боевых действий, член Фонда «Резерв»;

ДОМСКИЙ Игорь Александрович – доктор ветеринарных наук, профессор, член-корреспондент РАН, лауреат Премии Правительства РФ;

ИЗМАЙЛОВ Владимир Макарович– генерал-полковник, председатель Совета ветеранов военной разведки;

КЛИМУК Петр Ильич – дважды Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации, летчик-космонавт СССР;

КОРНЕЕВЕЦ Владимир Сергеевич – полковник, ветеран военной разведки;

КРИТСКИЙ Василий Юрьевич – заместитель главного конструктора по перспективным разработкам ОКБ им. А.М. Люльки, ПАО «ОДК – УМПО», член Фонда «Резерв»;

КУЗНЕЦОВ Владимир Васильевич – проректор МГИМО МИД РФ по финансово-экономическим вопросам;

ЛЁВИН Алексей Гаврилович – Герой Социалистического Труда, президент Всероссийской общественной организации «Трудовая доблесть России», кандидат технических наук;

МУХАМЕДЬЯРОВ Геннадий Борисович — генерал-майор авиации, командующий ордена Ленина Московским округом ВВС и ПВО (1997–2001 гг.), Заслуженный военный летчик РФ, летчик-снайпер;

МОЧНОВ Николай Борисович – полковник, ветеран боевых действий, президент Фонда «Резерв», Заслуженный испытатель космической техники, ветеран военной разведки;

НЕМЧИКОВ Геннадий Алексеевич – генерал-майор авиации, ветеран боевых действий, вице-президент Фонда «Резерв», кандидат военных наук:

ПАНИН Илья Григорьевич – генерал-полковник, председатель Совета ветеранов ГУК МО РФ;

ПОНОМАРЕВ Александр Васильевич – генерал-майор, член Совета ветеранов военной разведки;

РОДИОНОВ Юрий Николаевич — генерал-полковник, заместитель министра обороны СССР по кадрам, генеральный инспектор Министерства обороны РФ, кандидат экономических наук, Почетный гражданин города Таганрога;

РОМАНЕНКО Юрий Викторович – дважды Герой Советского Союза, полковник, летчик-космонавт СССР;

САВИНЫХ Виктор Петрович – дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР, Почетный президент Университета геодезии и картографии РФ, академик РАН;

СТРЮКОВ Владимир Антонович – полковник, воин-интернационалист, член Союза писателей России, ветеран военной разведки, главный редактор ВИА «Во славу Отчизны»;

ХИЛЬКО Борис Витальевич – полковник, кандидат исторических наук, ветеран военной разведки;

ЦИБЛИЕВ Василий Васильевич – Герой Российской Федерации, генерал-лейтенант авиации, летчик-космонавт РФ;

ЧУЙКОВ Николай Владимирович – полковник, председатель общественной комиссии по международному сотрудничеству Союза ветеранов России;

ЮДИН Виктор Анатольевич – генерал-майор авиации, член Фонда «Резерв».

История – особая наука, занимающаяся изучением прошлого человеческих обществ, начиная с зарождения социума по настоящее время. Главной задачей истории, основным её предназначением следует считать познание прошлого человечества для понимания современного состояния нашего человеческого общества и предвидения его развития в будущем.

История призвана отражать реальность прошлого в его узловых моментах так, как писал древнеримский политический деятель и мыслитель Марк Туллий Цицерон: «Первая задача истории – воздержаться от лжи, вторая – не утаить правды, третья – не дать никакого повода заподозрить себя в пристрастности или в предвзятой враждебности».

В истории России была целая временная полоса, когда появилось удивительно прискорбное пренебрежение к истории, к наследию наших предков. А ведь память о них – необходимое условие воспитания чувства патриотизма. Само понятие «патриотизм» вмещает в себя мощные заряды исторических знаний нашего прошлого, без которых невозможна осмысленная любовь к своему Отечеству.

Изучение прошлого, осмысление происходящего и предвидение грядущего вдвойне ценно тогда, когда приходит тому срок и, когда правда остается незыблемым критерием сущего во всех разностях и сложностях взаимосвязанного развивающегося исторического процесса.

Военно-исторический альманах «Во славу Отчизны» нацелен на освещение вопросов нашей истории в объективном, справедливом и честном ключе.

Учредители:
Союз ветеранов военной разведки;
Фонд «Резерв» ветеранов Военно-воздушных сил

Главный редактор:
Владимир Стрюков

Верстка дизайн-макета:
Ирина Васина

E-mail: info@вославу.рф
www.вославу.рф

Содержание

★ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ КРАСНОЙ АРМИИ

Н.Н. Воронов
Операция «Кольцо» 4

★ АВИАЦИЯ РОССИИ

В.В. Решетников
Применение Дальней авиации в Великой Отечественной войне 24

★ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ

Ю.Н. Смирнов
Испытание 50-ти мегатонной бомбы 33

★ ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА

В.А. Никольский
Создание разведки в ходе боевых действий..... 44

А.А. Игнатьев
Иностранные военные агенты..... 65

★ ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ РОССИИ

И.С. Исаков
Военные флотилии 78

★ РОССИЯ И США

В.И. Переверзев
Стратегическая цель – уничтожение СССР..... 89

★ РОССИЯ И КИТАЙ

Н.Т. Федоренко
Ночные беседы. Переговоры о советско-китайском договоре 112

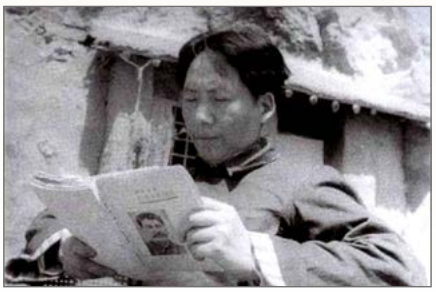
★ ГОВОРЯТ СТАЛИНСКИЕ НАРКОМЫ

А.Г. Зверев
Расходы на войну. Преимущества социалистического строя.....122

★ ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО РУССКОЙ АРМИИ

Октябрьский 1957 г. пленум партии. Выступление К.К. Рокоссовского.....135

★ ПРОТИВ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

На злобу дня 143

★ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ РУБЕЖИ РОССИИ

А.В. Шишов
Соседство двух империй .. 148

★ АНТИГИТЛЕРОВСКАЯ КОАЛИЦИЯ

Исторические документы.. 173

★ БЕЛОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

С.В. Смирнов
Маньчжурская база, эвакуация частей Белой армии в Китай 183

★ ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

Анна Ревельская 207

★ СПЕЦСЛУЖБЫ

Вальтер Шелленберг
Техника и разведка 212

★ РУССКИЕ ЦАРИ – КТО ОНИ?

В.О. Ключевский
Петр Великий среди своих сотрудников 219

★ ИСТОРИОГРАФИЯ

Юрий Нерсесов
Мечта имперского чухонца 240

Памяти Н.Б. Мочнова 253

★ ВОЕННАЯ ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Дмитрий Быстролетов
Вербовщик 254

Е.А. Пешков
Стихотворения 264

Н.Н. ВОРОНОВ

ОПЕРАЦИЯ «КОЛЬЦО»

▲ Сталинград, 1943 г.

Утром 19 декабря меня вызвал к телефону Сталин. Как обычно, первым, вопросом было: — Какова обстановка на фронте? Когда я доложил, последовал новый вопрос:

— А не считаете ли вы возможным закончить свою работу на этом направлении? Что, если отправиться вам в район Сталинграда, заняться разгромом и уничтожением группы войск Паулюса, координировать действия Донского и Сталинградского фронтов? Как вы смотрите на такое предложение?

Для меня это было полной неожиданностью.

— Вы не отвечаете на заданные вопросы, — послышалось в трубке.— Чувствуется, вам не хочется уезжать... Как и некоторые другие, вы, видимо, недооцениваете, как нам важно быстрее ликвидировать окруженную группировку врага. Вы серьезно подумайте над этим и доложите ответ завтра.

До самого вечера я перебирал все доводы «за» и «против».

Конец моим размышлениям положил срочный документ из Ставки. В нем говорилось:

«Воронову, Василевскому, Рокоссовскому, Еременко, Ватутину.

1. Ставка Верховного Главнокомандующего считает, что тов. Воронов вполне удовлетворительно выполнил свою задачу по координации действий Юго-Западного и Воронежского фронтов, причем, после того как 6-я армия Воронежского фронта передана в подчинение Юго-Западного фронта, миссию тов. Воронова можно считать исчерпанной.

2. Тов. Воронов командируется в район Сталинградского и Донского фронтов в качестве заместителя тов. Василевского по делу ликвидации окруженных войск противника под Сталинградом.

3. Тов. Воронову как представителю Ставки и заместителю тов. Василевского поручается представить не позднее 21.12.42 г. в Ставку план прорыва обороны войск противника, окруженного под Сталинградом, и ликвидации их в течение пяти — шести дней».

А я-то мучился весь день, решал, соглашаться или не соглашаться... Теперь волновало другое: мне дано всего двое суток для представления плана, а я еще находился вдалеке от берега Волги. Еще более нереальным казалось время, отведенное для ликвидации окруженных войск.

ВОРОНОВ Николай Николаевич (1899–1968). Военный деятель, военачальник. Командующий артиллерией Вооруженных Сил СССР – заместитель наркома Обороны СССР. Главный маршал артиллерии. Герой Советского Союза. Участник Гражданской войны, боевых действий на Халхин-Голе, советско-финляндской кампании, гражданской войны в Испании. Во время Великой Отечественной войны представитель Ставки Верховного Главнокомандования на фронтах. Ему принадлежит большая заслуга в разработке теории и практики артиллерийского наступления, борьбы с танками, в создании крупных артиллерийских соединений, развитии артиллерии РГК. Принимал непосредственное участие в планировании, подготовке и руководстве крупнейших стратегических операций Великой Отечественной войны. В 1942–1943 гг. руководил ликвидацией окруженной под Сталинградом немецко-фашистской группировки. После войны занимал должности начальника Военной артиллерийской командной академии, являлся Президентом академии артиллерийских наук. Внес большой вклад в развитие артиллерии и ракетных войск.

***

Тем не менее надо было немедля приступать к новому делу. Заказал самолет на раннее утро. Остаток вечера и ночь ушли на сборы к отлету, на прощание с боевыми товарищами. Мы очень подружились с Ватутиным, помогали друг другу в работе, и прощание с ним было самым сердечным.

Как и следовало ожидать, в связи с неблагоприятной погодой самолет за мной на следующий день не прилетел. Напрасно я ждал его до полудня. Наконец терпение иссякло. Подготовили два «виллиса». Дорога займет теперь много часов. Длительная тряска на автомашине может снова вызвать тяжелый приступ моей «штатной» болезни, от которой врачи не знали по-прежнему никаких средств. Однако ничто не могло меня удержать на месте. Полученный мною документ требовал максимальной быстроты действий. Я проклинал в душе и плохую погоду, и медлительные «виллисы».

Со мной отправились два генерала-артиллериста И. Д. Векилов и А. К. Сивков и три офицера. В степи свистел ветер, было холодно. Брезентовые полотнища на кузовах наших машин всю дорогу оглушительно хлопали и, конечно, не спасали от холода. Моим спасением была халхин-голская бурка, наброшенная поверх шинели. Спутники мои были в обычных походных шинелях, изрядно мерзли, но терпели. Бурка переходила от одного к другому.

По дороге мы обсуждали план предстоящих действий и, естественно, возлагали большие надежды на нашу артиллерию.

Наконец пройдена половина пути. Мы делаем остановку у одинокого хутора в безлюдной степи. Увидели огонек в окошке. Постучались. Нас встретили приветливо, но хозяйка предупредила, что в доме все больны. В то время в этих краях появилась весьма неприятная болезнь — туляремия, острое инфекционное заболевание с поражением лимфатических желез. Однако мы настолько устали, проголодались и промерзли, что ничто уже было не страшно. Захватили чемоданчик с бутербродами и, стоя вокруг небольшого стола, принялись за еду. Адъютант принес наш «резерв» — бутылку коньяку. Она была очень кстати. Когда бутылка заняла почетное место на столе, у всех радостно заблестели глаза. Мои спутники стали потирать застывшие руки, чтобы, чего доброго, не уронить стопочку с живительной влагой. Сразу начались шутливые разговоры о великой роли таких «резервов» на войне, о своевременном введении этих резервов в дело... Мы спешили, бутылка быстро опустела, бутерброды съедены. Сердечно поблагодарив хозяев дома и пожелав им скорейшего выздоровления, смелее ринулись преодолевать вторую половину пути.

Стемнело, высоко в небе висела луна. Ветер еще более усилился. Даже в монгольской бурке было холодно. Трясло невыносимо.

Наконец к полуночи мы достигли села Заварыгино, беспорядочно разбросанного на значительном пространстве. Где-то здесь находилась «резиденция» Рокоссовского. Долго мы колесили от дома к дому, разыскивая коменданта штаба фронта. В конце концов наткнулись на весьма расторопного младшего командира. Он попросил нас подождать, а сам куда-то сбегал и привел младшего лейтенанта. Тот пригласил нас в тепло натопленную избу, предназначенную специально для нас. Мы тотчас же уснули крепким сном.

Утром выяснилось, что А. М. Василевский направляется для организации отпора наступавшей с юга группировке Манштейна. Мы накоротке встретились с Александром Михайловичем и простились, пожелав успеха друг другу. Мне так и не довелось побывать у него заместителем — обязанности А. М. Василевского пали на мои плечи.

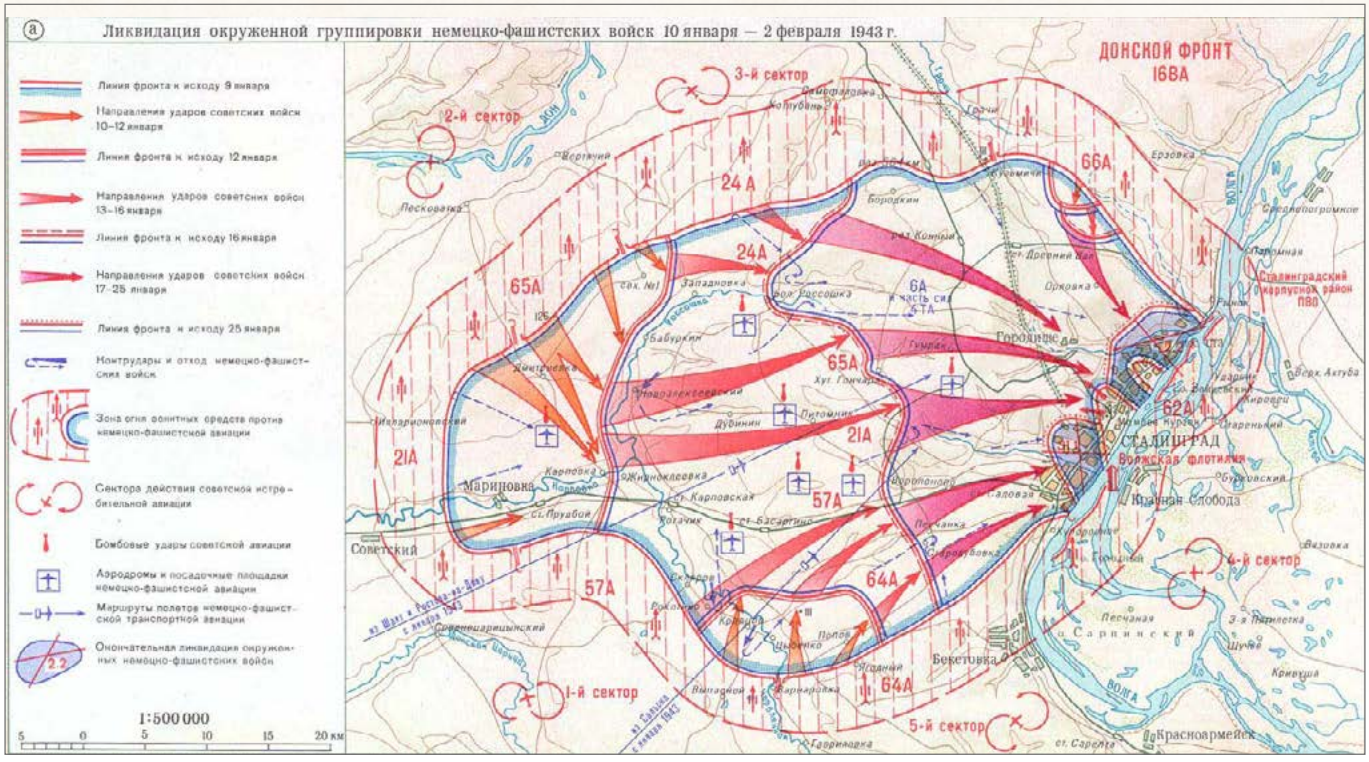
К. К. Рокоссовский встретил меня очень тепло, и мы не стали терять

с ним ни минуты. Прежде всего, надо было точно установить силы и средства окруженного противника. Пригласили начальника штаба фронта М. С. Малинина и начальника разведотдела штаба. Генерал Малинин доложил о состоянии частей и соединений войск Донского фронта, их группировке. Начальник разведотдела представил справку о численности и составе немецко-фашистских войск перед Донским фронтом. По его подсчетам, общая численность вражеской группировки составляла 80 — 90 тысяч человек. Когда я попросил уточнить цифру, он смело и уверенно назвал цифру в 86 тысяч, которые составляют пять пехотных дивизий, две мотодивизии, три танковые дивизии и три каких-то боевых отряда. По данным разведки фронта, в немецкой армии личный состав различных подразделений усиления и тыловых органов являлся до некоторой степени источником для восполнения потерь, понесенных в боевых частях. Докладчик доложил, что немецкая транспортная авиация подвозит окруженным различные грузы, а на обратном пути вывозит раненых и больных, а также часть штабных офицеров для формирования новых штабов вне окруженной группировки.

Когда К. К. Рокоссовский, М. С. Малинин и я приступили к оценке обстановки и выработке замысла предстоящей наступательной операции по уничтожению окруженной группировки противника, предполагалось участие двух фронтов — Донского и Сталинградского. Но мне было известно мнение Ставки, что в целях облегчения выполнения поставленной задачи целесообразно иметь здесь один фронт — Донской, которому передать три армии Сталинградского фронта, действовавшие на внутреннем фронте окружения, а остальные силы этого фронта использовать на другом направлении. Я был за этот вариант.

Обсудив втроем сложившуюся обстановку, мы пришли к единодушному мнению: главный удар должен наносить Донской фронт, а вспомогательный — войска, передаваемые из Сталинградского фронта. Мы также пришли к выводу, что ликвидировать окруженную группировку в течение пяти — шести дней, как требовала Ставка, явно невыполнимо. В то же время мы отлично понимали, как важно уничтожить окруженного противника в кратчайшие сроки. Оценив начертание нашего «круглого фронта», его ограниченные ширину и глубину, местность, построенные нами летом оборонительные рубежи, занятые теперь немцами, прикинув соотношение сил и средств, учтя наши реальные наступательные возможности, мы решили мощным таранным ударом с запада на восток рассечь надвое окруженную группировку противника с попутным уничтожением ее отдельных частей. Наступлению главной группировки войск фронта должны были помогать соседние армии, которым предстояло своими активными действиями расширять фронт прорыва вражеской обороны и сматывать ее в сторону флангов. Начало операции было назначено на 6 января 1943 года, как этого требовала Ставка.

Командованию и штабам обоих фронтов было приказано немедленно приступить к разработке планов операции, соблюдая, конечно, все меры скрытности и маскировки. Мы

▲ Голованов, Новиков, Рокоссовский, Воронов, январь 1943 года, Сталинград

рассчитывали, что внезапность наших ударов должна сыграть большую роль. Обеспечение прорыва обороны возлагалось в первую очередь на артиллерию и авиацию. Должное внимание уделили подготовке тыла обоих фронтов.

Словом, мы старались как можно полнее использовать опыт, накопленный в операциях у Волги и на среднем Дону.

Последующее успешное наступление войск Донского фронта подтвердило правильность принятых нами решений.

Подготовка операции, получившей название «Кольцо», шла полным ходом. Однажды мне привелось быть на командном пункте 57-й армии, у генерала Федора Ивановича Толбухина.

Погода была ясная, с очень хорошей видимостью, На фронте стояла тишина. Вдруг мы услышали вдалеке шум немецких авиационных моторов, а вскоре увидели на высоте около 3000 метров приближающуюся с юго-запада девятку транспортных самолетов противника Ю-52, медленно летевших немного в стороне от командного пункта. «Юнкерсы» шли без прикрытия истребителей. Немедленно было приказано двум ближайшим зенитным дивизионам открыть по ним огонь и не допустить самолеты к окруженной вражеской группировке. Огонь открыли с опозданием, и ни один «юнкерс» не был сбит. Наши истребители прибыли лишь тогда, когда самолеты противника уже приземлились в кольце врага. Моему возмущению и негодованию не было предела. Тут мне под горячую руку попал начальник ПВО, Я изрядно отругал его за плохое наблюдение за воздухом и оповещение, за низкую боевую готовность зенитной артиллерии и истребительной авиации и, конечно, за плохое управление и руководство всеми этими средствами. Отдал категорический приказ организовать надежную блокаду окруженного противника с воздуха. Я был настолько взвинчен в эту минуту, что предупредил генерала: если он не добьется резкого перелома в боевой готовности и высокой результативности всех средств ПВО, от его звания генерал-майор останется только майор. Впоследствии я много раз ругал себя за эту несдержанность, тем более, — что генерал быстро исправил ошибку, развил кипучую деятельность и сумел организовать настоящую блокаду окруженных немецких войск с воздуха. Вскоре гитлеровская транспортная авиация стала, нести большие потери от огня нашей зенитной артиллерии, вовсе прекратились ее дневные полеты. Одиночные транспортные самолеты противника летали теперь только с наступлением сумерек и до рассвета, сбрасывая грузы на парашютах.

31 декабря я доложил в Москву: «Работа по подготовке «Кольца» продолжается полным ходом... Частями тов. Рокоссовского за последние шесть дней захвачено несколько важных командных высот, обеспечивающих артиллерии хорошее наблюдение и удобное исходное положение для предстоящих действий.

Все попытки противника вернуть высоты отбиваются, успешно нашими частями с большими потерями для живой силы и танков противника.

Командиры и штабы проводят большую работу на местности, войска тоже готовятся».

30 декабря ночью я вернулся с бывшего Сталинградского фронта. Очень хорошо, что Вашим приказом его часть «Кольца» передана тов. Рокоссовскому. Мною на месте тт. Шумилову и Толбухину даны твердые указания. Кроме того, по моему требованию шесть среднекалиберных зенитных дивизионов с прожвзводами переброшены на западный берег Волги для перехвата транспортной авиации противника, идущей через фронт 57-й армии на высотах вне досягаемости малокалиберной зенитной артиллерии.

Приняты меры по упорядочению службы воздушного наблюдения и оповещения. Увеличено количество засад истребителей и приближены аэродромы истребительной авиации.

Задача усиления воздушной блокады окруженных выполняется еще плохо. Самолетов сбиваем мало. Временами немцы наглеют и посылают транспортные самолеты даже без прикрытия истребителями. Нами предусмотрен маневр противовоздушных средств. Выработан план изнурения противника ночью и днем авиацией и другими огневыми средствами.

Ведется активная разведка всех видов, ежедневно берутся пленные, перебежчиков же очень мало, единицы.

Времени осталось немного. Прошу приказать как можно скорее доставить сюда средства усиления, эшелоны с пополнением и транспорты с боеприпасами — все, что отпущено для Рокоссовского и Еременко для «Кольца». Я говорил и писал тов. Хрулеву, но пока все идет очень медленно и прибыло сюда очень мало. В этом вопросе прошу помощи.

Тов. Еременко теперь перебросит всю авиацию для действий на юго-запад. Рокоссовский имеет мало истребителей для воздушной блокады. Прошу Вас усилить «Кольцо» истребительной авиацией».

Войска Донского фронта в следующие дни продолжали бои местного значения, стремясь захватить высоты, имеющие тактическое значение. Бои были неудачны. Это казалось странным и непонятным.

По данным штаба Донского фронта, у противника на ближайших высотах находилось лишь боевое охранение, а передний край главной полосы обороны располагался глубже, на следующей гряде высот. Почему же наши части не могли сбить хотя бы боевое охранение?

Неудачи раздражали. Командование одной из наших армий готовилось провести еще одну решительную операцию по захвату высот, но уже со значительно большими силами и с широким привлечением огня артиллерии: ведь нельзя оставлять боевое охранение противника там, откуда хорошо просматривалось расположение наших войск. Вот почему я одобрительно отнесся к этой новой решительной попытке овладеть высотами.

Вечером мне доложили, что сбит немецкий транспортный самолет.

Он упал в расположении наших войск. Под грудой его обломков было подобрано около 1200 писем немецких солдат и офицеров, находившихся в «котле» окружения. Среди этих писем оказалось и письмо генерал-лейтенанта фон Даниэльса, командира 376-й немецкой пехотной дивизии, адресованное жене в г. Штеммен. Оно было написано на служебном бланке. Рядом с полным титулом генерала стояла дата: 30 декабря 1942 года. В этом письме говорилось:

«Моя любимая! Сегодняшний день уже с 3 часов утра начался очень неспокойно. Русские всю ночь усиленной разведкой прощупывали все участки и в различных местах ворвались в нашу главную линию обороны. Теперь это лоскутное сооружение снова восстановлено, где можно было заткнуть — закрыли, а другие остались открытыми. К счастью, наша артиллерия стреляет так отлично, что этим многое было компенсировано. Я распорядился о двух особенных огневых налетах в 10 и в 13 часов с тем, чтобы русским отбить охоту от дальнейших атак. Кажется, это подействовало, ибо остаток послеобеденного времени прошел довольно спокойно.

Атака, начатая вчера в 22.15 вечера 24 танками, первоначально имела желанный успех, но, к сожалению, сегодня утром пехота другой дивизии снова оставила занятые нами позиции якобы в результате русской атаки на эти позиции. В действительности это был только русский разведотряд — и теперь снова такое свинство. Так проходит день за днем, всегда с волнением.

Могут ли быть и будут ли позиции удержаны? Они должны быть удержаны!

Сегодня утром я позвонил начальнику штаба армии Шмидту Билефельду и сказал ему коротко и ясно, что дальше так дело не пойдет. Он пообещал некоторую помощь, которая с сегодняшнего вечера уже в ходу». Дальнейшее содержание письма было семейным и военного значения не имело.

Я был очень благодарен этому немецкому генералу за его болтливость. Стало ясно, что нужно без промедления прекратить всякие попытки с нашей стороны, захватить высоты в полосе действий 376-й пехотной дивизии и отложить всё до дня нашего генерального наступления. Гитлеровский генерал нам подсказал, что мы имеем дело с передним краем главной полосы обороны противника, а не с боевым охранением, как считали до сих пор в штабе армии и в штабе фронта.

Я позвонил по телефону К.К. Рокоссовскому, прочел выдержки из письма немецкого генерала и высказал свои выводы и предложения. Он со мной согласился и тут же отдал приказание прекратить активные боевые действия на этом участке и сосредоточить силы на подготовке к генеральному наступлению.

Позже мне пришлось допрашивать взятого в плен под Сталинградом немецкого генерала фон Даниэльса. Я, конечно, ему не сказал, что имел возможность прочесть его письмо, адресованное 30 декабря супруге. Спросил его только:

— Как, по-вашему, откуда мы могли знать боевой порядок в обороне вашей дивизии? Он, не задумываясь, ответил:

— Путем разведки или шпионажа.

Он не мог и предполагать, что его беспечность, хвастовство, бравирование перед своей женой оказали нам немалую помощь.

***

После Сталинградской битвы меня спрашивали: кто предложил послать к окруженным гитлеровским войскам советских парламентеров, чтобы вручить Паулюсу ультиматум с предложением прекратить сопротивление и сдаться в плен?

На Донском и Сталинградском фронтах командиры подразделений не раз по собственной инициативе делали попытки вступить через парламентеров в связь с противником с предложением о сдаче. Таким образом, мысль о посылке парламентеров во вражеские войска шла снизу: ее родила старая традиция и солдатская смекалка.

Эта мысль мне очень понравилась. В самом деле, не наступила ли пора предъявить ультиматум уже не отдельным подразделениям, а всей окруженной под Сталинградом группировке гитлеровцев и не послать ли через наших парламентеров ультиматум Паулюсу? Конечно, я не имел права решить это единолично, хотя и являлся представителем Ставки Верховного Главнокомандования.

2 января 1943 года я послал в Москву следующее донесение:

«Немецкие офицеры ведут большую разъяснительную работу среди солдат окруженных под Сталинградом немецких дивизий. По нескольку раз в день они проводят беседы с солдатами, стараются доказать возможность спасения окруженных наступлением извне, скрывая создавшуюся обстановку в связи с нашим успешным продвижением на юго-запад и запад.

Офицеры говорят солдатам, что основная цель русских уничтожить

▲ Руденко, Голованов, Новиков, Рокоссовский, Воронов, Малинин, Телегин, Казаков, операция «Кольцо»

немцев, что при взятии в плен будут обязательно все расстреляны, пощады никому не будет, и этому большинство верит. Предлагают верить фюреру и богу, что они позаботятся и окажут помощь, а задача окруженных — драться, не сдаваться в плен и так далее.

Наши листовки с предложением о сдаче в плен многими немцами не считаются официальными документами, несмотря на то, что имеют две подписи наших командующих — товарища Рокоссовского и товарища Еременко.

Вся наша политическая работа пока еще не дает нужных нам результатов: перебежчиков единицы, правда, несколько лучше стало с захватом пленных.

Нам, конечно, было бы выгодно скорее решить поставленную задачу с наименьшими потерями в живой силе и боевой технике, так как все это нужно будет на других направлениях.

Нам, по моему мнению, нужно поставить вопрос о сдаче официально, поставить в трудное положение командование и офицерский состав окруженных войск противника.

Мое предложение:

1. 4 или 5 января вручить командованию немецких окруженных войск ультиматум о сдаче, установить жесткий срок, дать в ультиматуме гарантии — оставить всех сдавшихся в плен живыми, обещать нормальные условия жизни в плену и возвращение после войны на родину. Сказать о безнадежности сопротивления. Сказать о наших силах и средствах. Ответственность за уничтожение, при отказе принять наши условия, возложить на командование окруженных.

2. Заготовить одновременно большим тиражом этот ультиматум на немецком языке, дать краткие комментарии к нему и сказать солдатам, что их генералы и офицеры не приняли ультиматум, решили поставить их под удары наших войск, ведут их на верную гибель. Сдавайтесь или будете уничтожены.

При отказе сдаться, начать «Кольцо», разбрасывая одновременно массу листовок с нашими предложениями о сдаче.

Первый этап «Кольца» должен дать, несомненно, нужные нам результаты.

Прошу Ваших указаний».

Как только этот документ был отправлен в Москву, я тотчас же принялся за составление проекта ультиматума. О своей затее я рассказал К. К. Рокоссовскому, который, как всегда, внимательно выслушал и отнесся к этому предложению положительно. Он был очень занят подготовкой к предстоящей операции и не мог поэтому принять деятельного участия в разработке проекта ультиматума. Впрочем, еще не было известно, как отнесется к этому предложению Ставка.

Меня и К. К. Рокоссовского весьма беспокоило, что на фронт опаздывают многие эшелоны с войсками и транспорты с вооружением и боеприпасами. А без них рискованно начинать нашу операцию 6 января. Мы решили за вечер и ночь собрать точные сведения о подходе эшелонов и транспортов, а утром вместе с начальником штаба фронта выработать согласованное решение»

Каждого из нас тревожила мысль: неужели завтра опять придется ставить вопрос о переносе сроков начала наступления? Разве нас поймут в Ставке? Разве будут считаться с тем, что отсрочка происходит не по нашей вине? На первый взгляд, виноват тыл и работа железнодорожного транспорта, а в действительности, их тоже винить нельзя — ведь тыловики и транспортники заранее не знали многих новых задач, поставленных им только в последнюю декаду декабря 1942 года. Новые сверхплановые задачи было очень трудно выполнить в столь сжатые сроки. Эти оправдания были лишь валериановыми каплями, они не приносили облегчения. Ставка все равно будет спрашивать с нас!

В тот же вечер начальник штаба фронта генерал М. С. Малинин доложил обстановку на фронте, ход нашей подготовки к наступлению и, конечно, горько печалился по поводу возникающих трудностей. Я позвонил в Москву Народному комиссару путей сообщения и начальнику тыла Красной Армии Андрею Васильевичу Хрулеву и стал взывать о срочной помощи. Он дал твердое обещание сделать все от него зависящее. Я верил ему, ибо у нас была с ним твердая договоренность о том, что я никогда с какими-либо пустяками к нему обращаться не стану. Уж если я звоню, значит, дело принимает се-

рьезный оборот. Так мы с ним всегда и работали. Теперь я всерьез рассчитывал на его помощь.

Утром 3 января ко мне зашли К. К. Рокоссовский и М. С. Малинин, чтобы определить нашу реальную готовность к наступлению и сроки его начала. Опаздывали железнодорожные эшелоны и транспорты с оружием. Выяснилось, что мы не готовы начать операцию «Кольцо» в назначенный срок, 6 января. Наши подсчеты показывали, что нужно еще 6-7 суток. Вместе с тем было ясно, что Ставка на это не пойдет. Решили просить перенести начало наступления хотя бы на четверо суток.

Я позвонил в Москву. Верховный молчаливо выслушал меня и, не давая никакого ответа, сказал лишь «до свидания» и положил трубку.

Я сразу же написал следующее донесение Верховному Главнокомандующему:

«Приступить к выполнению «Кольца» в утвержденный Вами срок не представляется возможным из-за опоздания с прибытием к местам выгрузки на 4 — 5 суток частей усиления, эшелонов с пополнением и транспортов с боеприпасами.

В целях ускорения их подхода пришлось согласиться на разгрузку многих эшелонов и транспортов в большом удалении от предусмотренных планом мест выгрузки.

Это мероприятие потребовало дополнительного времени на подтягивание выгружаемых частей, пополнения, и боеприпасов к фронту.

Наш правильно рассчитанный план был нарушен также внеочередным пропуском эшелонов и транспортов; для левого крыла тов. Ватутина. Тов. Рокоссовский просит срок изменить на плюс четыре. Все расчеты проверены мною лично.

Все это заставляет просить Вас утвердить начало. «Кольца» плюс 4.

Прошу Ваших указаний.

Воронов».

Донесение было сразу же передано в Москву. Вскоре меня вызвали к телефону. Сильно раздраженный Сталин, не здороваясь, стал обвинять меня во всех смертных грехах. Из многих его фраз мне запомнилась одна:

— Вы там досидитесь, что вас и Рокоссовского немцы в плен возьмут! Вы не соображаете, что можно, а что нельзя! Нам нужно скорей кончать, а вы умышленно затягиваете!

Он потребовал доложить ему, что значит в моем донесении фраза «плюс четыре». Я пояснил:

— Нам нужно еще четыре дня для подготовки. Мы просим разрешения начать операцию «Кольцо» не 6, а 10 января.

Последовал ответ:

— Утверждается.

Тут телефонистка спросила меня: «Хорошо ли было слышно?» Поблагодарив ее за хорошую связь, я вместе, с тем подумал: «Как было бы хорошо не слышать девять десятых этого разговора... Но все же наша взяла!»

Я рассказал о решении Верховного К. К. Рокоссовскому, порадовал его. Мне не хотелось передавать ему все содержание этого неприятного разговора, чтобы не причинять Константину Константиновичу огорчений в такое серьезное время.

Так было добыто знаменитое «плюс четыре»!

На следующий день утром меня вызвала к телефону Москва. Сказали, что Ставка одобряет предложение о вручении ультиматума командованию окруженных немецких войск.

▲ Рокоссовский К. К., Батов П. И. 65 А.

▲ Бои в городе

Однако правильнее будет вручить ультиматум не накануне, а на вторые сутки нашего наступления. Предложили 5 января представить проект ультиматума на рассмотрение и утверждение Ставки.

Все мои непосредственные помощники продолжали работать в войсках, проверяя ход подготовки к операции, и все время держали меня в курсе дел.

Представители Ставки по ВВС генералы А. А. Новиков и Е. А. Голованов в эти дни тщательно, во всех деталях, отрабатывали вопросы взаимодействия авиации с пехотой, танками и артиллерией. Член Военного совета фронта К. Ф. Телегин и начальник политуправления фронта С. Я. Галаджев хорошо организовали партийно-политическую работу среди наших войск.

Всю ночь я сидел над проектом ультиматума. Утром вместе с М. С. Малининым еще раз просмотрели его, подправили и передали в Ставку.

Ставка, получив проект ультиматума, вызвала меня к телефону. Поставили в известность, что документ получен и изучается.

— Но почему не указано, кому адресуется ультиматум?

Я понял свою оплошность и тут же передал пропущенную мною фразу: «Командующему 6-й германской армией генералу Паулюсу».

Наконец текст был передан из Москвы в окончательной редакции. Мне было приятно, что все главные, принципиальные положения проекта сохранились.

Вскоре прибыли и немецкие товарищи. Я вручил им машинописный экземпляр ультиматума на русском языке. На следующий день они высказали пожелание несколько изменить текст, чтобы при переводе избежать разночтений. Москва разрешила это сделать. Решили ультиматум вручить утром 8 января на северном фасе Донского фронта. Ультиматум отпечатать в двух экземплярах на русском и в двух — на немецком, подписать все четыре экземпляра, чтобы два экземпляра вручить, а два других оставить в резерве. Найти добровольцев для исполнения обязанностей парламентера, переводчика и трубача — все строго в соответствии с Гаагской конвенцией 1907 года.

Добровольцев оказалось немало. Парламентером был утвержден работник разведотдела штаба Донского фронта майор Александр Михайлович Смыслов, переводчиком — капитан Николай Дмитриевич Дятленко.

Весь порядок действий наших парламентеров мы обдумали до мельчайших деталей. М. С. Малинин, вооружившись международными законами и топографическими картами с нанесенной обстановкой, составил детальный план вручения ультиматума.

Вот этот план: накануне 8 января 1943 года вечером войти в связь по радио с командованием окруженной группировки и предупредить его о высылке нами парламентеров в точно указанном участке фронта, в точно установленное время. Парламентеры с большим белым флагом подойдут к немецким проволочным заграждениям, имея при себе пакет особой важности от командования Красной Армии.

Мы решили предложить на строго определенном участке фронта в определенные часы никаких боевых действий с обеих сторон не вести и огня не открывать. Кроме того, нами предлагалось германскому командованию выслать навстречу нашим парламентерам своих уполномоченных офицеров. С участком, где должны будут действовать парламентеры, установить прямую связь, чтобы о всех действиях можно было докладывать на командный пункт фронта. На этом участке должно вестись тщательное наблюдение и все наши огневые средства должны быть приведены на всякий случай в наивысшую боевую готовность.

К. К. Рокоссовский все намеченные мероприятия одобрил. Откровенно говоря, ни ему, ни мне не верилось, что вражеское командование примет условия нашего ультиматума и такая большая немецкая группировка сдастся в плен. Но ведь, как говорит русская пословица, попытка не пытка. Мы хотели избежать напрасного кровопролития.

Телефонные звонки из Ставки все учащались, и мы догадывались, что в Москве все более возрастает интерес к нашей наступательной операции.

Вечером 7 января и рано утром 8 января наше фронтовое радио несколько раз передало в штаб Паулюса сообщение о посылке парламентеров. По докладам, поступавшим

с северного фаса Донского фронта, я представлял себе, как наши парламентеры выходят из траншей и размеренным воинским шагом приближаются к проволочным заграждениям противника, где стоит мертвая тишина.

Парламентеров, однако, никто не встретил. Через некоторое время из вражеского расположения стали раздаваться отдельные выстрелы из винтовок, затем короткие очереди из автоматов, наконец, противник открыл огонь из миномета. Парламентеры, не видя встречающих, вынуждены были вернуться. Вражеская сторона отнеслась по-вражески!

Все это без промедления доложили в Ставку. В ожидании ответа я думал о том, что теперь можно начинать наше наступление со спокойной совестью. А впрочем, почему бы не попробовать послать парламентеров с противоположной стороны нашего «круглого» фронта?

В Ставке, как, оказалось, были такие же противоречивые мнения. Сначала оттуда поступило распоряжение: «Все прекратить», а вскоре было приказано еще раз послать парламентеров в новом направлении.

Я предложил найти новых желающих выступить в роли парламентеров, но мне передали убедительную просьбу тех же товарищей — они хотят выполнить свою задачу до конца. Я, конечно, не возражал.

Опять с вечера и до утра мы предупреждали по радио вражеское командование. Снова на одном из участков фронта была прекращена всякая перестрелка.

Утром наши парламентеры благополучно добрались до проволочных заграждений противника и в условленном месте были встречены немецкими офицерами, которые потребовали предъявить им пакет. Майор Смыслов категорически запротестовал и потребовал направить его туда, где он лично может вручить пакет немецкому командованию.

По существующим международным законам парламентеров проводят в расположение войск противника с завязанными глазами. Когда немцы об этом напомнили, наши парламентеры в тот же момент вынули из своих карманов специально для этого припасенные большие белые платки. Им завязали глаза. Платки развязали только на командном пункте. Один из немецких офицеров стал докладывать по телефону своему начальству о прибывших парламентерах и об их требовании передать пакет лично в руки Паулюса. Через некоторое время нашим посланцам объявили, что командование немецких войск отказывается принять ультиматум, содержание которого уже известно из объявления, сделанного русскими по радио. Нашим парламентерам снова завязали глаза, вывели за немецкие проволочные заграждения с гарантией безопасности. С развевающимся белым флагом они благополучно дошли до своего переднего края.

О наших попытках вручить ультиматум и официальном его отклонении было доложено в Ставку.

— Что дальше вы собираетесь делать?

— Сегодня все проконтролируем, а завтра приступаем к своей работе, — ответил я. Нам пожелали успеха.

***

Ночь перед боем... Она, как всегда, проходила в нервном возбуждении. Я непрерывно проверял готовность войск, принимал донесения, советовал, поправлял.

Незадолго до начала действий мы с К. К. Рокоссовским прибыли на командный пункт 65-й армии, где нас встретил командующий этой армией генерал П. И. Батов. Нам доложили, что все готово и все ждут условного сигнала. Я переспросил командующего артиллерией фронта генерала В. И. Казакова, все ли готово, и, получив от него утвердительный ответ, дал согласие начать артиллерийскую подготовку. Командующий артиллерией 65-й армии генерал И. С. Веский быстро сверил свои часы с нашими и отправился на пункт управления, чтобы отдать необходимые команды.

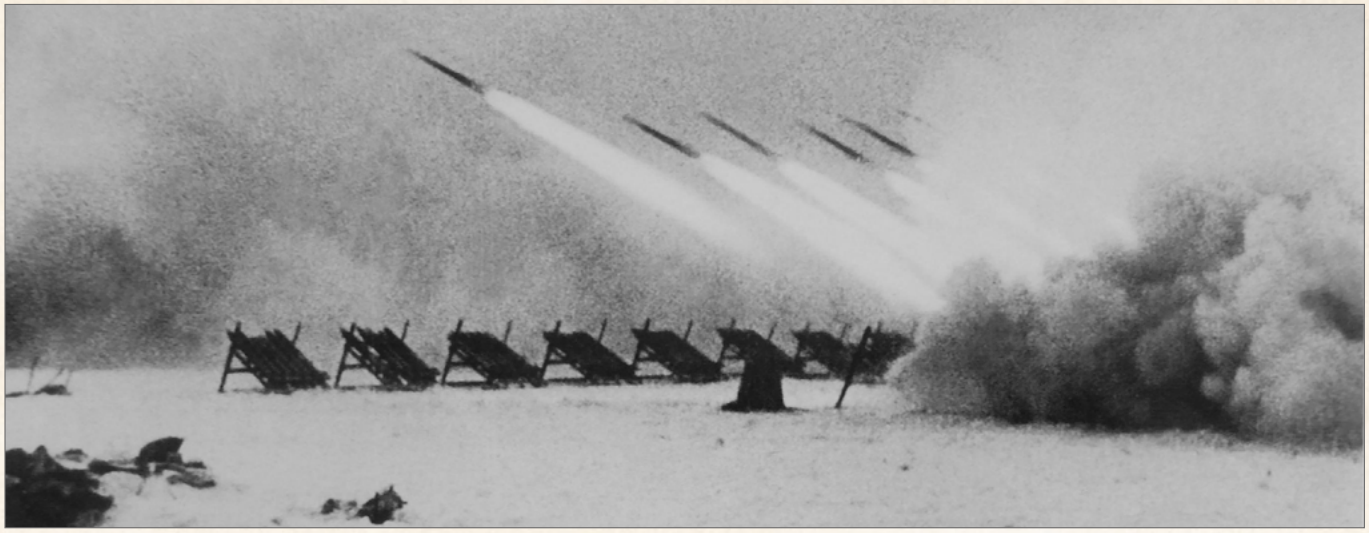
Стрелки на циферблате часов двигались в эти минуты словно замедленно.

Видимость была плохая. Даль окутана густым туманом. Оптические приборы бесполезны.

Несмотря на явно плохую погоду, около 450 зенитных орудий и более 250 зенитных пулеметов находятся в боевой готовности, чтобы прикрыть наши войска от вражеской авиации.

Наступил такой момент, когда все орудия и минометы заряжены, спусковые шнуры натянуты, а старший командир на любой батарее стоит около телефона или рации с высоко поднятой вверх рукой, смотрит на часы и ждет команды «Огонь».

В 8 часов 05 минут утра в воздухе в определенном направлении появилась серия мощных сигнальных ракет условленного цвета, а рация приняла команду «Огонь». Старший командир на батарее резко опускает руку вниз — и на батарее одновременно гремит залп из всех орудий.

Оглушительный грохот более 7000 орудий и минометов мгновенно перерастает в сплошной, непрерывный гул.

Справа, слева и над нами слышатся свист, завывание и шуршание летящих снарядов и мин, а в расположении врага сотрясается земля.

Так продолжалось 55 минут. Со стороны противника не было ни одного ответного выстрела.

Точно в установленное время плотность нашего артиллерийского и минометного огня заметно увеличилась. Это служило сигналом полной изготовки нашей пехоты и танков к атаке. Снова взвились в воздухе сигнальные ракеты. Артиллерия, дождавшись, начала движения вперед пехоты и танков, дружно перенесла огонь на первый рубеж огневого вала, сопровождая наступающие войска на глубину 1,5 — 2 километра.

На командный пункт фронта вскоре стали поступать первые данные об успешном начале наступления. Продвижение войск медленно, но верно нарастало. То и дело над головами пролетали наши самолеты. Прошло еще некоторое время, и мы стали свидетелями начавшегося передвижения вперед наших артиллерийских батарей на новые огневые позиции с целью обеспечить непрерывность артиллерийской поддержки наступающей пехоты и танков. Для нас это было надежным признаком начавшегося успешного прорыва обороны противника.

Я отправился на пункт управления командующего армией генерала П. И. Батова. Здесь была напряженная обстановка. Генерал Батов сидел за рацией и добивался от каждого соединения доклада о том, что делает «правый сын», где находится «левый сын», что предпринимает «третий сын». На кодированной карте генерал ставил красным карандашом соответствующие значки.

Наступление развивалось с нарастающей мощью. Наш успех был явный. Вскоре стало известно, что противник во время нашей артиллерийской и авиационной подготовки понес невосполнимые потери. Пехота и танки смело шли вперед. Управление войсками осуществлялось непрерывно, связь всех видов работала хорошо, взаимодействие родов войск на поле боя осуществлялось четко.

11, 12 и 13 января наступление продолжалось успешно. Ежедневно под вечер я по телефону докладывал в Ставку о действиях войск и планах на следующие сутки.

***

Прошло пять суток нашего наступления. Противник оказывал упорное сопротивление. Откуда же у него брались силы и средства? Неужели не сказываются трудности с продовольствием? Как же немцы дерутся, получая голодный паек?

Все эти вопросы невольно вставали перед нами. Разведка доносила, что суточный рацион немцев состоит из 150 граммов хлеба, 60 — 75 граммов мяса или консервов, супа из конины и изредка 25 — 30 граммов масла. Но разведка не учитывала тех тайных запасов продовольствия, которые имели немецкие соединения и части.

Я решил лично заняться изучением действительного положения окруженных немецких войск. Ежедневно я выделял 2 — 3 часа для допроса пленных офицеров и генералов. Кроме того, хотелось лучше познакомиться с офицерскими кадрами гитлеровской армии, чтобы знать их слабые и сильные стороны. Ну и, конечно, я стремился выяснить оценку действий нашей наземной и зенитной артиллерии.

Время, истраченное на допросы пленных, не пропало даром.

В эти дни мне попался в руки приказ по 297-й немецкой пехотной дивизии, изданный 7 января 1943 года, за трое суток до нашего наступления:

«Поставить в известность всех о том, что ожидаются силь-

ные и, возможно, последние атаки со стороны русских. Мы должны их отбить. В этом условие нашего освобождения, обещанного фюрером. Я знаю, какие трудности должен перенести каждый из нас, и знаю, насколько велики ваши усилия. Никто так не сочувствует вам, как я.

Я знаю еще из боев прошлой мировой войны, что после длительной тяжелой артиллерийской подготовки непередаваемой мощности, длившейся по нескольку дней, решительное сопротивление одного в состоянии остановить наступление нескольких полков. Сегодня происходит то же самое. Все те, которые принадлежат к этой дивизии, знают, что эта дивизия никогда не была битой, а, наоборот, всегда шла от одного успеха к другому.

Никогда победа не была так необходима, как в нашем теперешнем положении.

Мы знаем, что перед нами стоит решительный противник. Мы должны отбить его атаки, и мы можем это сделать до тех пор, пока не пробьет час нашего освобождения. К этому нас обязывает долг перед воинами нашей родины, долг перед нашими товарищами, а так же долг перед теми, кого мы желаем увидеть.

Я, как командир дивизии, хотел вам это сказать до того, как мы вступили в бой. Я это сделал таким путем, не имея возможности с каждым из вас лично поговорить.

Командир дивизии генерал Пфеффер».

Такой приказ по дивизии, находящейся в «котле» окружения, был сочинен явно для поднятия духа солдат и офицеров.

Да, характер гитлеровской пропаганды стал совсем другим. Вначале у окруженных войск была твердая надежда, что к ним придет спасение извне. Войска продолжали упорно сражаться в надежде на это спасение. Но теперь, спустя полтора месяца, эта надежда еле теплилась. Все реже становились радиопередачи о планах германского командования на будущее, вести о скором окончании войны и другие хвастливые прогнозы Геббельса и его аппарата. В передачах стали усиленно нажимать на восхваление немецкого оружия, всячески расписывать, как хорошо переносят немецкие солдаты, находящиеся в Финляндии, все трудные условия суровой зимы, как стойко и храбро дерутся немецкие войска под Сталинградом.

Медленно, но верно у окруженных росло недоверие к Гитлеру, они стали сознавать свою обреченность. Вот почему понадобились приказы, подобные приведенному выше. Часть немецких офицеров была переселена в солдатские землянки, чтобы улучшить надзор за подчиненными, следить за их настроениями.

Наши листовки с текстом ультиматума, разбросанные в больших количествах на территории, занятой гитлеровцами, должны были вносить ясность в умы немецких солдат и офицеров. По официальным данным, к 16 января 1943 года было сброшено на территорию окруженных немецко-фашистских войск 1 549 000 наших листовок. Кроме того, было проведено по радио более 265 выступлений немецких военнопленных.

Вскоре в наши руки попал очень важный приказ по 6-й немецкой армии:

«За последнее время русские неоднократно пытались вступить в переговоры с армией и с подчиненными ей частями. Их цель вполне ясна — путем обещаний в ходе переговоров о сдаче надломить нашу волю к сопротивлению. Мы все знаем, что грозит нам, если армия прекратит сопротивление: большинство из нас ждет верная смерть либо от вражеской пули, либо от голода и страданий в позорном сибирском плену. Но одно точно: кто сдается в плен, тот никогда больше не увидит своих близких. У нас есть только один выход: бороться до последнего патрона, несмотря на усиливающиеся холода и голод.

Поэтому всякие попытки вести переговоры следует отклонять, оставлять без ответа и парламентеров прогонять огнем.

В остальном мы будем и в дальнейшем твердо надеяться на избавление, которое находится уже на пути к нам.

Главнокомандующий Паулюс».

Нам оставалось в ответ на такой приказ — не «отгонять» зарвавшегося врага, а беспощадно бить его огнем нашей артиллерии, добиваясь полной победы!

Ко мне на допрос доставили квартирмейстера 6-й немецкой ар-

▲ Пленные немцы

▲ Разгром

мии подполковника фон Кугювского, окончившего академию генерального штаба. Он сообщил весьма важные данные. Из его показаний выяснилось, что на четвертые сутки нашего наступления, к 22 ноября 1942 года, в окружении оказалось 250000 человек вместе с тылами. К 10 января 1943 года осталось 215000 человек, так как к тому времени 25000 были ранены и 10000 убиты. До 10 января удалось эвакуировать на самолетах 25000 раненых, а после 10 января всего лишь 1200 раненых. Ему было точно известно, что из окружения удалось вырваться на самолете пяти генералам и какому-то числу штабных офицеров. Немецкие самолеты, залетавшие на аэродромы в кольце окружения, людских пополнений не доставляли, кроме 500 человек, возвращавшихся из отпусков. В окружении немцы съели 39 000 лошадей...

Теперь на основе показаний гитлеровского подполковника можно было убедиться в просчете, допущенном ответственными работниками штаба Донского фронта и штабов армий, входящих в этот фронт. Ведь еще 21 декабря было официально доложено ими, что в окруженной на Волге группировке противника насчитывается всего 80—90 тысяч человек, а их в это время было более 215 тысяч.

Вот в какое заблуждение ввела нас наша разведка.

***

Отрадно было читать посланное 16 января донесение командования Донского фронта в Ставку. В нем было сказано, что войска фронта отсекли и полностью уничтожили юго-западную группировку окруженных войск противника в районе Мариновка, Цыбенко, Елхи, Песчанка, Алексеевка, Мал. Рассошка, Бородин, совхоз №1, Дмитриевка, Пять курганов, продвинувшись вперед на 20—40 километров. Освобождено 565 квадратных километров советской территории и 33 населенных пункта. Захвачено в плен за шесть дней боев 6896 солдат и офицеров, взято 941 орудие, 420 минометов, 500 шестиствольных минометов, 1950 пулеметов, 293 автомата, 15551 автомашина, 1387 мотоциклов, 499 танков, 15 бронемашин, 371 самолет и многое другое.

Но враг, отступая, продолжал упорно отстаивать свои позиции.

В своеобразное положение попали войска 57-й армии под командованием генерала Ф.И. Толбухина. Летом 1942 года этому генералу довелось руководить строительством оборонительных рубежей на западных подступах к городу. А теперь обстановка сложилась так, что окруженные немецко-фашистские захватчики использовали эти рубежи для своей обороны. Федор Иванович теперь шутливо сожалел о том, что он в свое время сильно «нажимал» на строительство этих оборонительных укреплений. Он показывал мне карты и схемы их. В левом верхнем углу красовалась крупными буквами его резолюция «Утверждаю».

— Эх, на свою же голову построил я все это! — с усмешкой восклицал боевой генерал.

Утром 17 января собрались на совещание командующие соединениями и командиры частей, участвующих в операции на главном направлении, чтобы уточнить ближайшие и последующие задачи. К.К. Рокоссовский и я несколько запоздали на это совещание. Когда мы прибыли туда, оно было в разгаре.

В ближайшие минуты нам стало ясно, что все разговоры сводятся не к уточнению ближайших и последующих задач, а к тому, чтобы сделать остановку, собраться с силами и только через 2 — 3 суток вновь продолжать наступление. А ведь уже были нащупаны реальные бреши в обороне противника, в которые нужно немедленно вклиниться и продолжать наступление.

Мы с Константином Константиновичем удивленно переглянулись. Рокоссовский вскочил и предложил немедленно закончить подобные высказывания.

— Никаких остановок и пауз! Продолжать наступление! — сказал он горячо. — Не давать противнику опомниться, использовать образовавшиеся бреши, с помощью артиллерии, авиации и танков непрерывно громить противника! Вот на эту тему я согласен продолжать совещание.

В ответ мы услышали:

— Все ясно! Разрешите отправиться в войска!

Совещание на этом и закончилось.

Наступление развивалось. Насколько правильным было решение Рокоссовского, можно видеть по сле-

дующим данным: за 17 января наши войска взяли в плен 3184 солдата и офицера, захватили 412 орудий разных калибров, 202 миномета, 25 шестиствольных минометов, 448 пулеметов, 3856 автомашин и другие многочисленные трофеи. А сколько противник потерял убитыми и ранеными, сколько было уничтожено вооружения и боевой техники!

По-прежнему на направлении главного удара фронта действовали 21-я и 65-я армии с частями и соединениями усиления. Все остальные армии фронта играли вспомогательную роль. В меру своих возможностей они также вели наступление, взаимодействуя с армиями, действовавшими на направлении главного удара, наносили удары по обнажающимся флангам обороны противника.

Мне позвонили по телефону из Москвы и передали, что 16 января 1943 года Указом Президиума. Верховного Совета СССР введены новые звания для высшего командного состава родов войск, в том числе и звание «Маршал артиллерии».

18 января 1943 года я вернулся с фронта поздно вечером очень усталым, лег отдохнуть и мгновенно заснул. Меня разбудили раньше определенного часа. Сонный, я приоткрыл глаза и спросил адъютанта: «Что нужно?» Он что-то мне сказал, но я не расслышал и, рассерженный, закутался в бурку и опять уснул. Позднее, когда встал, мне сказали, что по радио объявили о присвоении мне воинского звания Маршала артиллерии.

Спустя некоторое время позвонили по телефону из Москвы и предложили, ссылаясь на какие-то указания свыше, разработать форму одежды для Маршала артиллерии. Было досадно, а вместе с тем смешно. Досадно потому, что в разгар серьезнейшей операции отвлекали такими пустяками. Смешно потому, что мне предлагали разработать форму... для себя же.

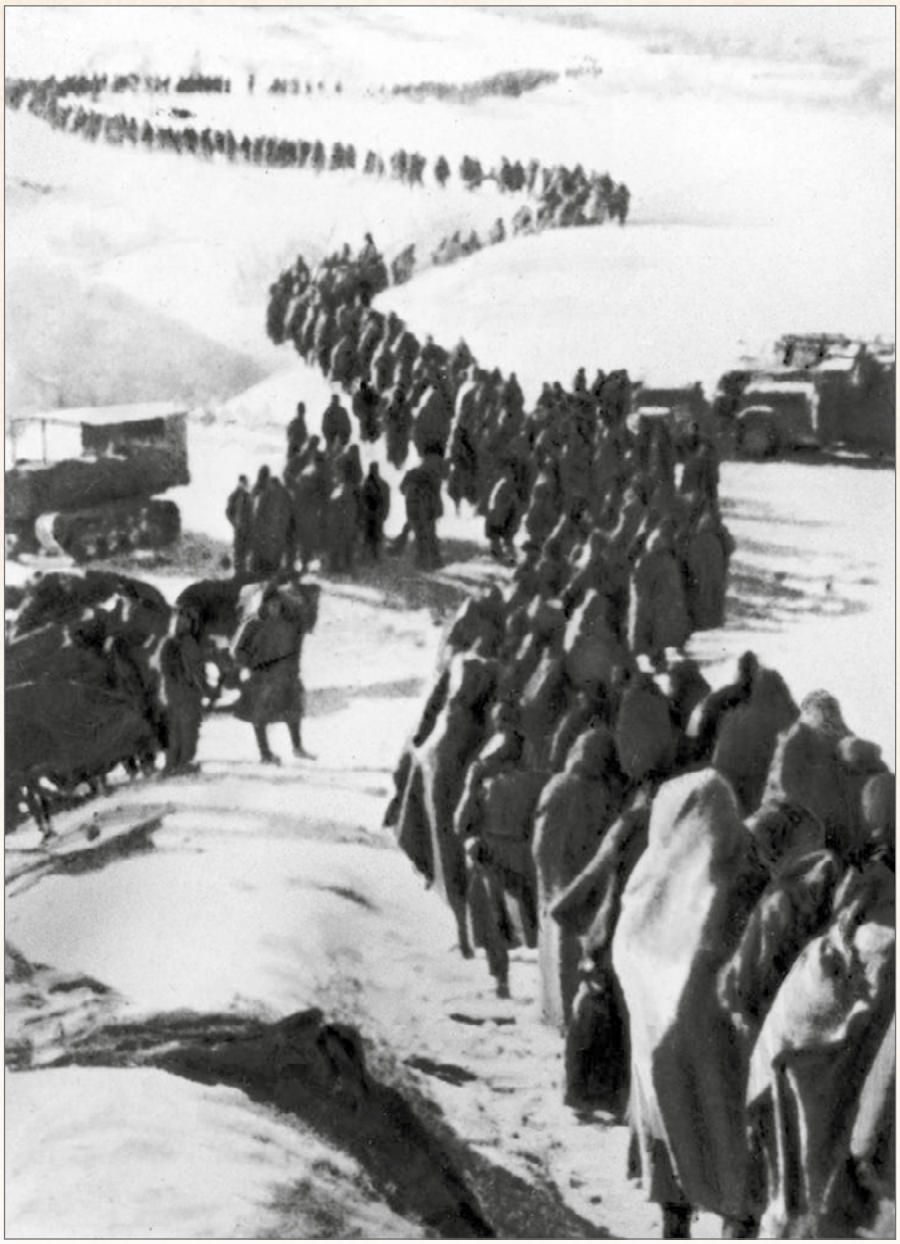
— Пусть специалисты подумают, — ответил я. — Им должно быть виднее.

Бои между тем не стихали. Фронтовая авиация под руководством командующего ВВС генерала А. А. Новикова и командующего воздушной армией генерала С. И. Руденко хорошо взаимодействовала с наземными войсками. Во время подготовки и осуществления операции «Кольцо» (с 25 декабря по 24 января) она произвела 7760 боевых вылетов для бомбежек объектов противника, прикрытия наших войск и разведки, в воздушных боях и на аэродромах уничтожила 297 вражеских самолетов. Большую помощь войскам оказывала авиация дальнего действия под командованием генерала А. Е. Голованова. С наступлением темноты и до рассвета тяжелые многомоторные бомбардировщики бомбили объекты с больших высот. Эта мощная авиация произвела 1962 боевых вылета и сбросила на вражеские объекты 2614 тонн бомб.

В самый разгар операции Ставка потребовала от Голованова использовать тяжелую авиацию и в дневных условиях для нанесения ударов по важнейшим объектам противника, находившимся в «котле». Мы с Голо-

▲ Первый допрос Паулюса в штабе у Шумилова

▲ Отвоевались

вановым тщательно продумали, как это сделать. Особое внимание было уделено взаимодействию тяжелых бомбардировщиков с зенитной артиллерией и истребительной авиацией: были установлены коридоры пролета через наши войска, сообщены силуэты самолетов, чтобы облегчить их опознавание, установлено время полетов и так далее. Казалось, все предусмотрели, чтобы взаимодействие этой авиации с наземными войсками было надежным.

Свою первую дневную операцию авиация дальнего действия провела довольно успешно, но вскоре два самолета из ее состава были сбиты огнем нашей же зенитной артиллерии.

Голованов тотчас же разыскал меня и стал шумно выражать свое законное возмущение. Мы вновь пересмотрели все положения, которые были определены, чтобы обеспечить нормальные условия боевой работы «ночников» в дневных условиях. Как сейчас помню, генерал Голованов стоял, прислонившись спиной к теплой печке, и продолжал ругать зенитчиков, как главных виновников происшествия. Вдруг он задал мне вопрос:

— А не могла ли их ввести в заблуждение окраска наших самолетов? Ведь они у нас окрашены в черный цвет, так как предназначены для действий только ночью.

Для меня это было полной неожиданностью: я и сам не знал, что наши дальние бомбардировщики имеют черную окраску. Значит, если бы я сам увидел в воздухе эти самолеты, то признал бы их за вражеские и приказал открыть по ним огонь. Вот, оказывается, какие «мелочи» должны учитывать лица, организующие взаимодействие авиации с зенитной артиллерией и с сухопутными войсками.

Конечно, ошибка была немедленно исправлена и дальнейшая боевая работа авиации протекала в нормальных условиях.

На всю жизнь запомнился день 26 января, когда передовые части Донского фронта на Мамаевом кургане встретились с частями 13-й стрелковой дивизии генерала Родимцева, доблестно дравшейся в составе славной 62-й армии. Наши войска, таким образом, окончательно разрезали окруженную немецко-фашистскую группировку на две части, попутно сильно сократив в боевом и территориальном отношении обе ее половины.

Теперь нельзя было медлить — скорее, как можно скорее нужно было заканчивать операцию «Кольцо». Можно себе представить, какие силы у нас сразу освободятся для решения новых оперативно-стратегических задач.

К нам на помощь прибыли отдельные артиллерийские дивизионы особой мощности, вооруженные 152-миллиметровыми пушками с дальностью стрельбы до 25 километров. Они вели огонь по аэродромам окруженной группировки, не давая возможности взлетать и садиться вражеским самолетам.

30 января вечером меня вызвал к телефону директор артиллерийского завода А. С. Елян и сказал, что сейчас у него в кабинете собрались руководящие работники завода, они горячо поздравляют войска Донского фронта с большими боевыми

успехами. По просьбе присутствующих он спросил меня:

— Сколько времени потребуется еще для окончательного разгрома окруженных немцев?

— Два-три дня, — ответил я.

Это вызвало бурю радости. Я отметил также, что продукция завода ведет себя хорошо, пожелал создателям орудий новых успехов на трудовом фронте.

Легкая 76-миллиметровая пушка, производившаяся на этом заводе, была любимицей наших артиллеристов и грозой для гитлеровских танков. От огня этой пушки враг нес большие потери, и пленные немецкие офицеры и солдаты говорили, что гитлеровцы боятся ее как огня.

Я очень поздно лег спать и быстро заснул, но внезапно проснулся от тревожной мысли: а что, если Паулюс вылетит из «котла» на самолете не с аэродрома, который находится под систематическим обстрелом нашей артиллерии, а со льда Волги?

По телефону я приказал, чтобы любой попытавшийся сесть вражеский самолет был бы расстрелян нашей артиллерией с восточного берега Волги. К утру успокоился. Мне доложили, что ночь прошла спокойно и приняты все меры, чтобы не допустить посадки и взлета ни одного вражеского самолета со льда Волги.

31 января сначала по телефону, а затем и из донесения, присланного Военным советом 64-й армии, стало известно, что Паулюс взят в плен. В донесении приводились интересные подробности пленения:

«С утра 31.1.43 г. генерал-фельдмаршал фон Паулюс находился в доме исполкома (центральная часть г. Сталинграда) с чинами своего штаба и сильной охраной. В ходе боя здание было окружено подразделениями 38-й мотострелковой бригады под непосредственным руководством зам. командира бригады по политической части подполковника Винокурова. После окружения здания прибыл личный адъютант фон Паулюса с предложением о ведении переговоров. Для ведения переговоров выехали начальник штаба армии генерал-майор Ласкин, начальник оперативного отдела полковник Лукин и командир 38-й мотострелковой бригады полковник Бурмаков в сопровождении группы командного состава, которые по прибытии в штаб генерал-фельдмаршала фон Паулюса в 10.00 предъявили ультиматум о прекращении сопротивления и полной капитуляции окруженной группировки немецких войск.

Ультиматум был полностью принят. Войскам южной группы под командованием генерал-майора Роске был дан приказ сложить оружие. Приказ стал немедленно выполняться. Генерал-майору Роске было дано время на организацию полной сдачи личного состава, вооружения и техники нашим войскам.

Во время переговоров генерал-фельдмаршалу фон Паулюсу было предъявлено требование — дать приказ войскам северной группировки о прекращении сопротивле-

ния. На это требование фон Паулюс ответил отказом.

После того как были даны указания о порядке сдачи и приема личного состава и оружия, генерал-фельдмаршал фон Паулюс с начальником штаба генерал-лейтенантом Шмидтом и личным адъютантом были привезены в штаб армии.

Генерал-фельдмаршал фон Паулюс сдался в плен со всем личным составом своего штаба. Одновременно с ним сдались и доставлены в штаб армии: командир 29-й механизированной дивизии генерал-майор Ляйзер, начальник артиллерии 51 армейского корпуса генерал-майор Вессель и командир 1 кавалерийской дивизии (румын) генерал Братеску.

Шумилов, Сердюк, Ласкин».

Мгновенно эта долгожданная весть облетела Донской фронт. Непрерывно звонил телефон — все выражали радость и ликование. На улице обнимаются люди различных званий и рангов, в восторге качают друг друга. Звучат гармони, начинается перепляс.

Все понимали, что скоро в этом раскаленном докрасна районе наступит тишина, не будет слышно ни одного выстрела, ни одного разрыва. Раз взяли немецкого главкома и его штаб, остальным быстро придет «капут».

С утра 1 февраля штаб фронта и мою избу стали осаждать журналисты, писатели, поэты, операторы кинохроники, фотокорреспонденты с просьбой разрешить присутствовать при допросе пленного фельдмаршала.

Мы с Рокоссовским придавали большое значение допросу Паулюса и поэтому не могли вести его в присутствии посторонних.

В середине дня ко мне прибыл заместитель Народного комиссара вооружения И. Д. Агеев, с которым я поддерживал постоянную связь. Все эти дни он нетерпеливо ждал разгрома немецкой группировки, чтобы, не теряя времени приступить к восстановлению сталинградского завода «Баррикады». Теперь, узнав, что в плен взят фельдмаршал Паулюс, он примчался в штаб Донского фронта и буквально вымолил у меня 300 грузовых автомашин из числа трофеев для восстановительных работ. Другая его просьба была не менее настойчива — он упрашивал разрешить ему видеть и слышать допрос немецкого фельдмаршала.

Допрос было решено проводить в избе, в которой я жил и работал. Она имела прихожую, большую и совсем маленькую комнаты. Маленькая отделялась от большой легкой перегородкой с двухстворчатой дверью. В ней стояла кровать, на которой я спал, и один стул — больше там ничего не было. В избе горел электрический свет от полевой подвижной электростанции.

Возвращаясь из штаба, я увидел среди толпившихся на улице кинооператоров и корреспондентов кинооператора Р. Кармена, хорошо мне знакомого еще по Испании. Я разрешил ему присутствовать во время допроса с обычным фотоаппаратом.

Пленных немецких генералов уже доставили в Заварыгино. Мы решили дать им отдохнуть, покормить их, а затем уже вызвать на допрос. В прихожей толпились адъютанты и переводчики. Агееву я разрешил во время допроса находиться за перегородкой в маленькой комнате.

Послышался шум открываемых дверей. Паулюс еще в прихожей спросил переводчика: «Как можно узнать, кто маршал Воронов и кто генерал Рокоссовский?» Переводчик дал исчерпывающий ответ.

Дверь в большую комнату открылась, вошел Паулюс. Он остановился и молча приветствовал нас гитлеровским приветствием, высоко подняв вверх правую руку.

— Подойдите к столу и сядьте! — сказал я ему.

▲ Рокоссоввский, Воронов, Дятленко — переводчик, Паулюс

▲ Победа

Переводчик перевел мои слова. Паулюс крупным шагом подошел и сел на стул.

Перед нами был пожилой человек с бледным худым лицом, усталыми глазами. Он казался несколько растерянным и смущенным. Левая часть его лица довольно часто нервно передергивалась, руки дрожали, и он не находил им места. Я предложил ему закурить и пододвинул коробку папирос. В ответ он кивнул головой в знак признательности, но папиросу не взял.

Тогда я ему сказал, что мы к нему имеем всего два вопроса. Первый из них:

— Вам предлагается немедленно отдать приказ продолжающей драться группе немецких войск в северо-западной части города, чтобы избежать напрасного кровопролития и никому не нужных жертв.

Паулюс внимательно выслушал переводчика, тяжело вздохнул и тут же стал не спеша отвечать по-немецки. Он сказал, что, к сожалению, не может принять моего предложения вследствие того, что в данное время является военнопленным и его приказы не действительны.

Пока длился перевод, я посоветовал К.К. Рокоссовскому закурить и еще раз предложить Паулюсу папиросу. Константин Константинович закурил, тогда рискнул закурить и Паулюс.

Дымя папиросой, он продолжал обосновывать свой отказ принять мое предложение тем, что северная группа немецких войск имеет своего командующего и что она продолжает выполнять приказ верховного главнокомандования германской армии.

Я предупредил Паулюса, что в связи с его отказом отдать приказ окруженной немецкой группировке он будет нести ответственность перед историей и немецким народом за напрасную гибель своих подчиненных, которые находятся в безвыходном положении.

— Мы располагаем огромными силами и средствами для их полного уничтожения, — добавил я. — К этому уничтожению мы приступим завтра и свою задачу завтра же обязательно выполним полностью.

Паулюсу было предложено взвесить создавшуюся обстановку, отдать уцелевшим приказ о сдаче в плен.

— Мы сможем довести до окруженных этот приказ многими способами, — добавил я.

Паулюс внимательно слушал перевод. Нервное состояние его заметно усиливалось. Левая часть его лица стала передергиваться все чаще. Паулюс снова ответил отказом, приведя те же мотивы.

Я перешел ко второму вопросу, который оказался для Паулюса полной неожиданностью: какой режим питания ему необходимо установить, чтобы не нанести какого-либо вреда его здоровью, и добавил, что о состоянии его здоровья мне известно от находящегося у нас в плену армейского врача генерал-лейтенанта Ренольди.

Удивление Паулюса можно было легко прочитать по выражению его лица. Медленно подбирая слова, он ответил, что лично ему ничего особенного не нужно, но он просит, чтобы хорошо относились к раненым и больным немецким офицерам и солдатам, оказывали им медицинскую помощь и хорошо кормили. Это его единственная просьба к нашему командованию.

Ему обещали выполнить эту просьбу по мере сил и возможностей. Я тут же отметил, что мы встретились с очень большими трудностями в связи с тем, что немец-

▲ Руины Сталинграда

кий медицинский персонал бросил на произвол судьбы переполненные ранеными госпитали.

— Фельдмаршал должен понять, — добавил я, — как трудно нам в таких условиях быстро наладить нормальное лечение раненых немецких офицеров и солдат.

Это заявление произвело на Паулюса сильное впечатление. Он долго медлил с ответом и наконец как бы выдавил. из себя слова:

— Господин маршал, бывает на войне такое положение, когда приказы командования не исполняются!

Допрос на этом и закончился. Но перед его уходом я сказал:

— Пусть фельдмаршал знает, что завтра по его вине будет уничтожено много офицеров и солдат — его бывших подчиненных.

Он в ответ молча встал, вытянулся, высоко взмахнул правой рукой, круто повернулся и медленно, но твердым шагом вышел в прихожую. Там ему подали шинель, и тотчас же наружная дверь громко захлопнулась.

Мы торопились. Нам надо было заняться проверкой, все ли готово к нашему завтрашнему последнему удару по врагу. Из донесений выяснилось, что перегруппировка артиллерии была закончена. Артиллеристы изготовились открыть огонь с севера, запада, юга и востока — вся территория, занятая противником, во время артиллерийской подготовки будет находиться под сплошным перекрестным огнем нашей артиллерии. Если будет летная погода, участвовать в нанесении удара будет и авиация.

В Ставку ушло донесение о том, что мы будем энергично продолжать военные действия по разгрому и уничтожению продолжающей сопротивляться немецкой окруженной группировки в северо-западной части Сталинграда.

— Какова численность оставшейся немецкой группировки? — запросил я штаб Донского фронта. Оттуда был получен ответ — около десяти тысяч человек. А поздно вечером 2 февраля мне доложили: взято в плен около 35000 человек, да еще убитые! Вот и верь докладам после этого. А ведь разведывательные органы фронта имели в своих руках огромное количество пленных и немало важных документов. К сожалению, из-за установившихся у нас неправильных порядков нужные документы нередко находились не в тех руках, где им следовало быть. Вот почему я был вынужден послать в Ставку предложение, чтобы специальным приказом был установлен твердый порядок хранения и изучения захваченных у противника документов. Следовало упорядочить и опрос пленных: им должны, прежде всего, заниматься разведорганы и штабы, а потом уже ругие органы,

***

Рано утром, еще в потемках, после напряженной ночной работы мы с Константином Константиновичем сели в машины и двинулись на новый командный пункт. Пассажиром

в моем вездеходе был И. Д. Агеев, который решил лично убедиться в качестве продукции, производимой заводами наркомата вооружения.

Еще в темноте на нашем пути не раз встречались колонны немецких военнопленных, медленно бредущих по дороге. Фары наших автомашин освещали угрюмые лица, съежившиеся от холода фигуры в длиннополых шинелях темно-зеленого цвета. У многих поверх ботинок или сапог были одеты большие, плетенные из веревок или даже из соломы боты, головы обмотаны платками, шарфами или просто тряпками.

Бесконечные колонны этих незадачливых «завоевателей» мне сразу напомнили знаменитую картину Верещагина «Отступление французской армии в 1812 году». Но я обратил также внимание: почти не видно конвоиров — наших бойцов, так легко отличаемых по шапкам-ушанкам, полушубкам и валенкам. Оказалось, что некоторые колонны шли вовсе без охраны. Колонну обычно вел назначенный старшим немецкий унтер-офицер, в руках у которого был белый листок бумаги с надписью по-русски «Бекетовка» (пункт назначения). Регулировщик читал листок и указывал направление.

Командный пункт располагался на насыпи железной дороги. Связь работала хорошо, управление было налажено. Все ждали сигнала для начала артподготовки. Противник временами постреливал, то ли для храбрости, то ли для острастки наших солдат, явно неразумно пренебрегавших опасностью в эти последние часы Сталинградской битвы.

Как обычно, в условленный час взвились ракеты. Все кругом загрохотало, земля затряслась от мощных залпов нашей артиллерии. Я посмотрел на окружающих, их лица были сосредоточенными и воодушевленными.

Нервное состояние и большая тряска, которую я только что перенес по пути на командный пункт, вызвали очередной приступ моей болезни. Пришлось покинуть пункт, уйти в ближайшую землянку, лечь и срочно обратиться к сухим грелкам.

Но лежать не хватало терпения, поднялся наверх. В это время как раз закончилась артиллерийская подготовка. Пехота и танки пошли вперед. Дым от разрывов снарядов переместился на некоторую глубину обороны противника, но сила нашего артиллерийского огня не уменьшилась, а даже значительно усилилась. С помощью биноклей и стереотруб мы внимательно наблюдали за противником.

Вдруг в расположении гитлеровцев появился один белый флаг, затем второй, третий, четвертый... Вскоре флаги забелели и на соседних участках. Стали показываться небольшие группки пленных немцев, конвоируемых нашими красноармейцами.

Так на наших глазах завершалась ликвидация последнего очага обороны гитлеровцев. Бой продолжался, пленных становилось все больше и больше.

Приступ моей болезни повторился, мне пришлось еще два раза спускаться в землянку. Наконец боли стали глуше, я снова поднялся на командный пункт.

Но что там впереди? Наши конвоиры вели группу пленных, затем остановили ее, построили в одну шеренгу и стали бить каждого пленного по лицу. Я немедленно послал туда офицера. Избиение прекратилось к великому неудовольствию наших бойцов. Эти пленные оказались власовцами — изменниками и предателями Родины.

Постепенно всюду стала стихать стрельба, а вскоре наступила тишина. Враг не оказывал больше сопротивления.

Мы поздравляли друг друга с победой. Пленных оказалось намного больше, чем предполагали в штабе фронта. Снова можно было убедиться в том, что разведывательные данные наших штабов очень неточны.

На обратном пути мы обгоняли бесконечные колонны пленных. У нас было приподнятое настроение. Больше всех говорил И. Д. Агеев. Он считал себя счастливейшим человеком, ибо видел славную концовку вошедшей в историю битвы.

Итак, войска Донского фронта в 16.00 2 февраля 1943 года закончили разгром и уничтожение окруженной группировки противника, освободив территорию общей площадью 1400 квадратных километров. Боевые действия на Волге и Дону прекратились. Взято в плен 91 000 человек. В числе пленных — около 2500 офицеров и 24 генерала.

Поздно вечером мы с тов. Рокоссовским получили приглашение от Н. С. Хрущева, а потом от секретаря Сталинградского обкома А. С. Чуянова приехать 5 февраля на городской митинг в ознаменование одержанной победы. Я, конечно, ответил согласием. Но несколько позднее нас вызвала к телефону Москва. Поздравив с победой, нам предложили, мне и Рокоссовскому, завтра же, 3 февраля, прибыть в Ставку. Мы просили разрешить нам присутствовать на митинге в честь победы, но из этого ничего не вышло. Удалось лишь выпросить отсрочку на одни сутки.

Работы у нас было по горло. Войска нужно было разместить в районах, где имелось достаточное количество землянок, чтобы не заниматься напрасным строительством и дать отдых людям. Все вооружение и боевую технику следовало в эти дни тщательно почистить и смазать, привести ее в полную боевую готовность. И все это сделать в очень сжатые сроки, чтобы можно было направить войска на другие фронты великой войны.

Мне очень хотелось побеседовать с артиллеристами, чтобы обменяться мнениями и подвести итоги боевых действий наземной и зенитной артиллерии.

Но эти намерения оказались неосуществимыми в связи с предстоящим отлетом в Москву. Пришлось ограничиться краткими беседами с командующим артиллерией Донского фронта генералом В. И. Казаковым и узким кругом его помощников. ■

В.В. РЕШЕТНИКОВ

ПРИМЕНЕНИЕ ДАЛЬНЕЙ АВИАЦИИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

По предвоенным взглядам дальнебомбардировочная авиация, являясь авиацией Главного Командования Красной Армии, предназначалась для поражения крупных военно-промышленных и административно-политических центров глубокого тыла врага в интересах войны в целом. Этому была подчинена и направленность ее боевой подготовки. В частях осуществлялся процесс перевооружения на самолеты Ил-4, Пе-8, Ер-2 и их освоения.

К началу войны в состав ДБА входили пять авиакорпусов (в том числе один на Дальнем Востоке), три отдельные авиадивизии и отдельный авиационный полк, в которых насчитывалось более 1000 боеготовых самолетов.

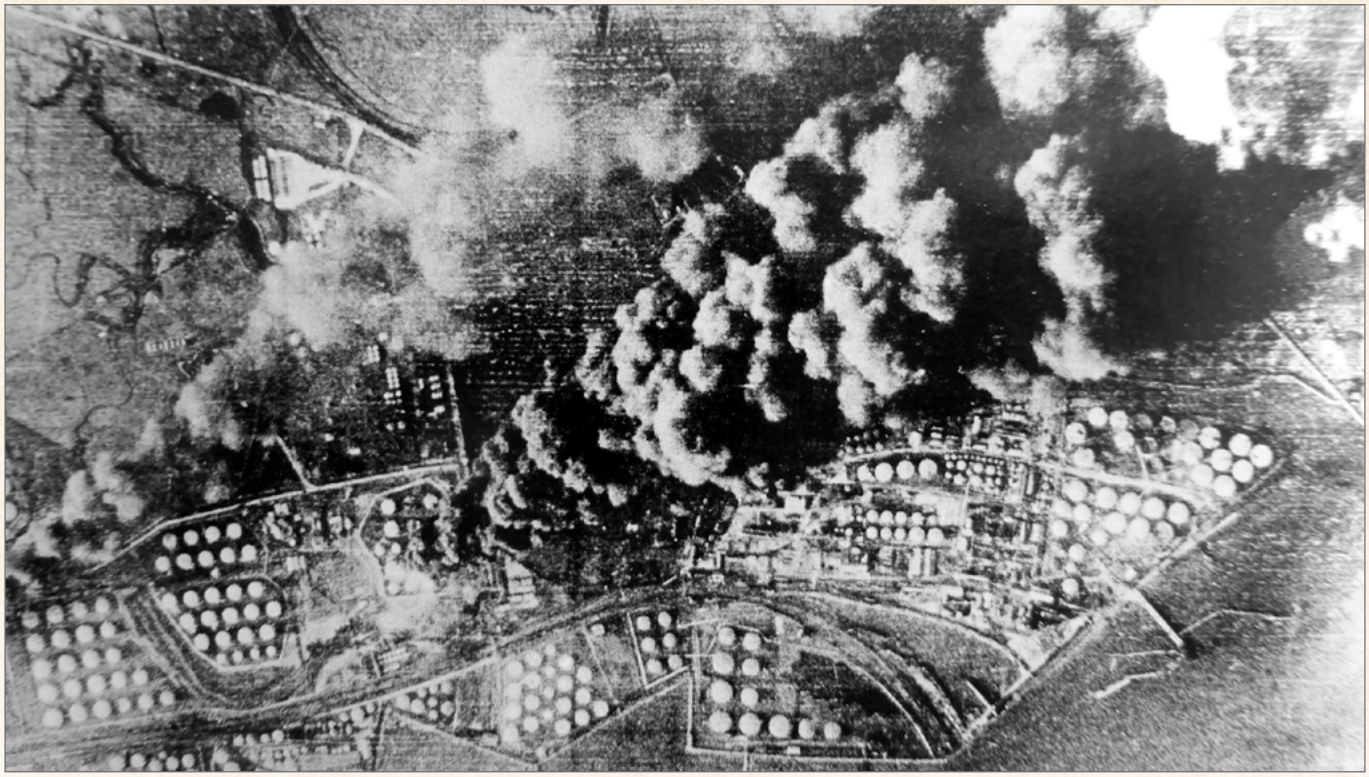
Острая необходимость применения ДБА по своему основному предназначению сохранялась в течение всей войны. Но сложившаяся обстановка, невыгодное для нас соотношение сил авиации сторон, особенно по ударной авиации, резко изменили принципы ее боевого использования с самого начала военных действий.

Известно, что в результате внезапно развязанной войны в первый день вторжения агрессора ВВС приграничных военных округов понесли тяжелые потери — около 1200 самолетов. Дальние же бомбардировщики, имея более глубокое базирование, от ударов с воздуха не пострадали, но, будучи привлеченными из-за отсутствия достаточного количества бомбардировщиков в составе фронтовой авиации для борьбы с танковыми колоннами и колоннами мотопехоты, несли большие потери в воздухе.

В первый день войны в соответствии со своим предназначением ДБА получила задачу главными силами

РЕШЕТНИКОВ Василий Васильевич (1919-2023). Герой Советского Союза (27.7.1943), Заслуженный военный летчик СССР (1965), генерал-полковник авиации (1970), командующий Дальней авиацией СССР (1969-1980). Легенда советской авиации. Уходит героическое поколение, отстоявшее нашу Родину от нацистской заразы. Уходит, оставляя нам, ныне живущим, историю своих героических подвигов, своей самоотверженной борьбы, как ориентир, как образец для подражания. Родился легендарный герой 23 декабря 1919 г. в городе Екатеринослав (Днепропетровск) в семье потомственных художников и иконописцев. Окончил школу-семилетку, учился на рабфаке. В 1936 г. по призыву «Комсомолец — на самолет!» был направлен в 11-ю Ворошиловградскую военную авиационную школу имени Пролетариата Донбасса, которую закончил в 1938 г. В Великую Отечественную войну воевал в 751 отдельном ночном дальнебомбардировочном полку. В мае 1942 г. принял участие в бомбардировке гитлеровского командного пункта в Антербурге. В том же 1942 г. участвует в многочасовых ночных полетах без второго пилота, без автопилота и подогрева кабины в бомбежке Берлина, Данцига, Кенигсберга, Штеттена, Будапешта и других районов дислокации фашистских войск и боевой техники. В 1942 г. во время бомбежки Днепропетровского железнодорожного узла зенитный снаряд попал в правый мотор, самолет загорелся, пилот не сошел с боевого курса, пока весь бомбовый груз не был прицельно сброшен на цель. Огонь с двигателя удалось сбить фигурами высшего пилотажа и дотянуть до своего аэродрома в Раменском. Сражался в небе Сталинграда, нанося бомбовые удары по окруженной немецко-фашистской группировке. Самолет В.В. Решетникова дважды сбивали фашисты. Первый в феврале 1942 г. рядом с линией фронта после бомбардировки аэродрома Балбасово под Оршей. Второй раз в тылу у немцев. Выбираться пришлось с помощью войсковых разведчиков. С 27 июля 1943 г. гв. капитан Решетников В.В. командир эскадрильи 19 гв. авиационного полка дальнего действия 8 гв. бомбардировочной авиадивизии дальнего действия. Совершил 307 боевых вылетов, последний — 16 апреля 1945 г. — по Берлину. Много позже В.В. Решетникова пригласили в Портленд (США) на встречу старых пилотов, где спросили, сколько у него было вылетов. 307, ответил он. Переводчик, преподаватель русского языка несколько раз переспрашивал, и каждый раз Василий Васильевич ему говорил, что вылетов было 307. Но он опять переспрашивает. Зал ждет. Наконец переводчик называет цифру, но 307, а 37. Зал взрывается аплодисментами. У янки «потолок» был 25 боевых вылетов, после чего они возвращались домой отвоевавшими героями. Для них 307 вылетов было — недосягаемой, заоблачной, непостижимой величиной. После войны, в 1946 г. окончил Военно-воздушную академию и был назначен командиром родного 19 гв. дальнебомбардировочного авиаполка АДД. В 1956 г. окончил Военную академию Генерального штаба им. К.Е. Ворошилова, был назначен командиром 106 дивизии стратегических бомбардировщиков Ту-95. Весной 1959 г. установил на стратегическом бомбардировщике ракетоносце Ту-95 мировой рекорд дальности полета по замкнутой кривой — 17 150 км превзойдя американцев на 2 700 км. Пробыл в воздухе 21 час 15 минут. В 1961 г. назначен командиром 2 отдельного тяжелобомбардировочного авиационного корпуса. Участвовал в сбросе ядерных бомб на полигоне Новой Земли и той 50-мегатонной, на самом деле это была 70- мегатонная. Осваивал Арктику. Направление наших боевых действий к нашему вероятному противнику в годы холодной войны лежало через Северный полюс. Его нужно было освоить. Решетников садился на Ту-95, весившем 172 тонны на лед моря Лаптевых, на другие арктические аэродромы на Земле Франца Иосифа. С 1968 г. — первый заместитель командующего, с 20 января 1969 по 1980 гг. командующий Дальней авиацией. Став, командующим АДД, вырабатывал новые концепции перевооружения авиации. Занимался всем этим в КБ Туполева. Были созданы Ту-22, Ту-95МС с дальнобойными ракетами, Ту-160, которые и сейчас стоят на вооружении авиации. С 1980 по 1986 гг. заместитель Главнокомандующего ВВС СССР. В 1986 г., прослужив в авиации 50 лет, В.В. Решетников ушел на заслуженный отдых. В 2004 г. в возрасте 85 лет Василий Васильевич поднял в небо на авиашоу «Легенды авиации» в Монино бомбардировщик США «Б-25», поставлявшийся в годы войны по ленд-лизу в СССР. Один из стратегических сверхзвуковых реактивных бомбардировщиков-ракетоносцев Ту-160 носит имя «Василий Решетников».

нанести удар по ряду административно-политических и военно-промышленных центров глубокого тыла врага: Кенигсбергу, Данцигу, Варшаве, Кракову, а также, во взаимодействии с авиацией ВМФ, разрушить основные объекты нефтеперерабатывающей промышленности Румынии. Поставленную задачу, хотя и ценой больших потерь, дальнебомбардировочная авиация выполнила успешно, Однако уже на третий день войны характер боевых действий ДБА резко изменился. Ее основные усилия были направлены на уничтожение танков и живой силы наступавших войск, противника на дорогах и переправах в районах Минска, Луцка, Двинска и др. Она наносила удары по переправам на Западной Двине, Немане, Березине, Друти, Днестре и других реках.

Дальние бомбардировщики действовали с большим напряжением в основном днем, реже — ночью. Их удары были весьма эффективны, но силы все больше и больше распылялись. От ударов полковыми группами они переходили к действиям мелкими группами, по большому количеству объектов, с малых высот — 200 — 400 м, нередко применяя по наземным целям пулеметный огонь. Дальние бомбардировщики действовали без прикрытия истребителями, так как их не хватало. Это приводило к большим потерям. Только 26 июня 1941 года ДБА потеряла 43 экипажа Ил-4. В этот день геройски погиб и экипаж командира эскадрильи 207-го дальнебомбардировочного авиационного полка капитана Н. Гастелло, направивший свой подбитый зенитным снарядом, горящий бомбардировщик на скопление гитлеровских войск и техники. Идя на таран, героический экипаж продолжал сражаться — вел огонь по врагу из всех пулеметных установок.

Следует отметить, что, хотя ДБА в тот период пришлось действовать в несвойственных для нее условиях, экипажи, имевшие более высокую летную и боевую выучку, значительно быстрее к ним приспосабливались. Их действия отличались боевой дерзостью, решительностью, тактической целесообразностью, а удары — высокой точностью.

Но потери продолжали расти. И потому Ставка Главного Командования своей директивой от 3.7.41 г. потребовала применять дальнебомбардировочную авиацию ночью, с больших высот, а в случае необходимости — днем, с высот не ниже средних, при обязательном сопровождении истребителями и выделением сил для подавления зенитной артиллерии. Решение было правильным и своевременным, однако осуществлять его было непросто.

ДБА вела боевые действия практически во всех оборонительных операциях. Например, в воздушной операции, проводимой с 29 августа по 3 сентября 1941 года, в которой участвовала авиация трех фронтов и силы ДБА против 2-й танковой группы Гудериана, дальние бомбардировщики совершали за ночь по 2 — 3 вылета. Танковая группировка понесла крупные потери, темп ее наступления был значительно снижен.

Продолжая сосредоточивать свои основные усилия на поддержке войск фронтов, дальнебомбардировочная авиация в период с 10 июля по 30 сентября 1941 года частью сил во взаимодействии с авиацией флота успешно действовала по военно-

промышленным объектам в Кенигсберге, Данциге, Хельсинки, Варшаве, по нефтеперегонным заводам Румынии. В июле 1941 года ДБА нанесла восемь эффективных ударов по объектам нефтяной промышленности в Плоешти, Констанце и Бухаресте. Были уничтожены склады нефтепродуктов, почти в два раза упала добыча нефти, что вызвало серьезное беспокойство в ставке Гитлера. В записке от 22 августа 1941 года он писал, что разрушение единственных, находящихся в распоряжении Германии нефтяных промыслов может иметь для продолжения войны «такие последствия, которые трудно предвидеть». К сожалению, переключение нашей авиации на решение неотложных задач по уничтожению колонн мотопехоты и танков противника не позволило успешно завершить выполнение поставленной задачи.

Следует заметить, что тревожная перспектива лишиться горючего, которая реально возникла перед фашистским руководством в разгар летне-осенней кампании 1941 года в результате действий ДБА, явилась одной из причин сосредоточения главных усилий немецких войск на южном направлении с целью захвата кавказской нефти.

В начале августа 1941 года Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение нанести удар по Берлину в качестве ответной меры на начавшиеся с 22 июля налеты немецко-фашистской авиации на Москву. Эту задачу, действуя с аэродрома на о. Эзель в Балтийском море, успешно выполнили группа бомбардировщиков ВВС Балтийского флота и две группы ДБА. В течение августа 1941 года они нанесли несколько ударов по столице фашистской Германии. Боевые действия велись в исключительно трудных условиях. Линия фронта проходила уже в 350 — 400 км восточное острова. Гитлеровская авиация бомбила островные аэродромы днем и ночью, фашисты вели обстрел из корабельной артиллерии, топили в море транспорты с горючим и боеприпасами. Несмотря на все это, бомбардировки Берлина продолжались. Последние самолеты вылетали на боевое задание, используя бензин из баков других самолетов. И только в начале сентября на минимальной заправке экипажи покинули остров.

В это же время, действуя с аэродрома под Ленинградом, Берлин бомбили четырехмоторные бомбардировщики Пе-8 дивизии комбрига М.В. Водопьянова. Эти удары потрясли фашистское руководство, население Германии и войска на фронте, поскольку в результате лживой фашистской пропаганды все уверовали в то, что советская авиация уже давно уничтожена. Подвиг наших экипажей был отмечен высокими государственными наградами. Целый ряд летчиков и штурманов были удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

Но враг продолжал рваться к Москве. Дальние бомбардировщики в этот период действовали не только по аэродромам, участвуя в борьбе

за господство в воздухе, но и нарушали коммуникации противника, громили вражеские войска на поле боя, применяя авиационные бомбы и пулеметный огонь, ведя, по сути дела, штурмовые действия. В тяжелых метеорологических условиях (низкая облачность, снегопады, обледенения) ДБА днем и ночью действовала по отступавшим немецко-фашистским войскам в период контрнаступления под Москвой.

Вместе с тем, в сложившейся обстановке все больше и больше нарушалось централизованное управление дальнебомбардировочной авиацией. Из-за больших потерь происходили постоянные переформирования частей. Силы ее продолжали распыляться. Авиационные соединения и части оказались фактически в подчинении командующих войсками фронтов, в полосах которых они базировались. 74 процента всех самолето-вылетов за 1941 год ДБА произвела с целью непосредственной поддержки войск на поле боя.

В августе было упразднено корпусное звено управления. Ставка стремилась сохранить силы авиации Верховного Главнокомандования, централизовать управление, обеспечить массированное ее применение. Директивой от 4 июля 1941 года Ставка потребовала от начальника Генерального штаба ставить задачи ДБА лично. После этого Генеральному штабу удалось спланировать и провести две воздушные операции. Но положение с управлением в основном оставалось прежним. Потери сил ДБА дошли до 65 процентов. В боевом составе оставалось семь дивизий.

5 марта 1942 года Государственный Комитет Обороны принял решение преобразовать ДБА в авиацию дальнего действия и подчинить ее непосредственно Ставке Верховного Главнокомандования. Командующим АДД был назначен генерал-майор авиации (к концу войны главный маршал авиации) А. Е. Голованов. Были сформированы новые полки и дивизии. В АДД вошел основной состав ГВФ и воздушно-десантные войска. Промышленность уже поставляла новые самолеты Ил-4. Дальние бомбардировщики стали действовать массированно, главным образом ночью, по наиболее важным объектам. Удельный вес ударов по целям, расположенным в глубоком тылу, заметно возрос. И все-таки главными объектами действий по-прежнему оставались войска, коммуникации, аэродромы противника, т. е., строго говоря, объекты фронтовой авиации.

АДД действовала в интересах войск Крымского, Брянского фронтов и особенно на сталинградском направлении. В августе 1942 года сюда были переброшены пять авиационных дивизий. Экипажи действовали с высоким боевым напряжением в тесном взаимодействии как с соединениями и частями других родов авиации, так и с сухопутными войсками. Приближение к основным районам боевых действий позволило за счет сокращения заправки самолетов топливом увеличить бомбовую нагрузку. Это очень важно, если учесть, что наша промышленность к тому времени уже стала поставлять авиационные бомбы более крупных калибров.

Произошли и другие изменения: значительно расширилась сеть радио

и светомаяков, приводных радиостанций, пеленгаторных баз. Отсюда повысилась точность навигации и эффективность ударов по объектам врага в непосредственной близости от своих войск. Если фронтовая авиация действовала преимущественно днем, то АДД чаще всего наносила удары ночью, делая по 2 — 3 вылета. Боевые порядки состояли из ударных групп и групп обеспечения: разведки и обозначения цели, освещения и контроля результатов ударов.

В Сталинграде, особенно в конце сентября 1942 года, авиация дальнего действия приобрела богатый опыт боевых действий по уничтожению войск противника в крупном городе. Дальние бомбардировщики вынуждены были наносить удары в 2 — 3 км от своих войск. Широко практиковалось перенацеливание экипажей, что представляло большую сложность. Но следует сказать, как показал опыт боевых действий дальних бомбардировщиков и в последующих операциях, не было за всю войну ни одного случая нанесения ударов по своим войскам.

В этот трудный период для нашей страны и ее Вооруженных Сил Ставкой ВГК было принято решение на нанесение ударов частью сил авиации дальнего действия по военно-промышленным и административно-политическим центрам глубокого тыла врага — Берлину, Будапешту, Бухаресту, а также по Варшаве, Данцигу, Кенигсбергу, Штеттину. Для выполнения этой задачи было выделено 200 наиболее подготовленных экипажей. Например, по Берлину были нанесены три удара, в результате которых в городе возникло 50 очагов пожаров, 13 из которых крупные. Были отмечены шесть мощных взрывов. Столице фашистской Германии был нанесен существенный материальный ущерб, а международный политический резонанс был просто колоссальным. В то время советские люди с гордостью и восхищением восприняли весть о бомбардировке Берлина. Все прогрессивные информационные агенства мира отмечали смелую и дерзкую операцию советских летчиков, огромную нарастающую силу нашей авиации.

В ходе контрнаступления под Сталинградом авиационные соединения АДД, взаимодействуя со 2, 8, 16 и 17-й воздушными армиями, получили первый опыт боевых действий в рамках авиационного наступления. К началу 1943 года в боевом составе АДД произошли существенные изменения. Она уже имела 11 дивизий. В мае в соответствии с постановлением ГКО стали формироваться восемь дальнебомбардировочных авиационных корпусов. Боевой состав авиации дальнего действия возрос до 700 самолетов и продолжал увеличиваться. Задача стояла в том, чтобы довести его до 1200 самолетов.

В подготовительный период битвы под Курском АДД вела активные боевые действия по срыву железнодорожных перевозок. В течение апреля, мая и июня она вела систематические боевые действия по разрушению железнодорожных объектов на глубину до 50 — 600 км. По таким наиболее важным железнодорожным узлам, как Брянск и Орел, были нанесены 22 сосредоточенных удара, по Гомелю — восемь, Унече — шесть. Стала применяться «свободная охота» в ночных условиях.

Как свидетельствуют захваченные в качестве трофеев оперативные документы фашистского командования, одной из причин переноса сроков начала наступления на Курской дуге были удары наших бомбардировщиков по коммуникациям, сыгравшие важную роль в срыве планов перегруппировки немецко-фашистских войск.

Более крупными силами АДД действовала на участках прорыва вражеской обороны в Курской битве.

На орловском направлении для действий по войскам противника в тактической зоне было сосредоточено уже пять авиакорпусов и одна дивизия дальних бомбардировщиков.

В этот же период АДД наносила эффективные удары по позициям дальнобойной артиллерии беззаботинской группировки противника под Ленинградом, применяя бомбы крупного калибра. Некоторые части, делая в ночь по два вылета, один удар наносили по объектам в районе Курска, а второй — под Ленинградом. После каждого удара по артиллерийским позициям Ленинград не обстреливался по 10 — 12 дней.

В феврале 1944 года Верховное Главнокомандование приняло решение провести воздушную операцию силами авиации дальнего действия по разрушению военно-промышленных объектов в г. Хельсинки. В течение трех ночей было совершено 2120 самолето-вылетов. На объекты противника сброшено 18 000 бомб. Плотность ударов составляла пять самолетов в минуту.

С такой же целью в течение четырех ночей в сентябре 1944 года была проведена воздушная операция по разрушению военно-промышленных объектов г. Будапешта. Было сброшено 8000 бомб, плотность ударов составляла девять самолетов в минуту. Эти удары ускорили выход из войны сначала Финляндии, а затем и Венгрии. Немаловажную роль сыграла АДД и в выводе из войны Румынии. Таким образом, цели этих воздушных операций были достигнуты.

Большой опыт организации и ведения боевых действий авиация дальнего действия получила в стратегических наступательных операциях 1944 года и завершающего периода Великой Отечественной войны. Ставка Верховного Главнокомандования на главнейших направлениях сосредоточивала основные силы не только фронтовой, но и дальней авиации. Так, в целях достижения крупных стратегических результатов, в ходе Белорусской наступательной операции на этом направлении было сосредоточено восемь авиационных корпусов, насчитывавших более 1000 тяжелых самолетов. Ставка ВГК даже сочла целесообразным перенести на сутки наступление 1-го Белорусского фронта с тем, чтобы последовательно сосредоточить усилия АДД на поддержке сначала 1-го Прибалтийского, 2-го и 3-го, а затем 1-го Белорусских фронтов.

К 1945 году, когда военные действия были перенесены на территорию фашистской Германии и ее сателлитов, потребность в уничтожении объектов в глубоком тылу противника отпала, появилась благоприятная возможность привлечения ударных сил авиации для содействия сухопутным войскам при взламывании особо прочной вражеской обороны в ходе развернувшегося гигантского наступления наших войск на всем советско-германском фронте. Это явилось также одним из основных факторов, обусловивших необходимость преобразования авиации дальнего действия в 18-ю воздушную армию и подчинения ее командующему ВВС Красной Армии с сохранением ее назначения как средства ВГК.

В этих условиях дальние бомбардировщики стали выполнять боевые задачи в более тесном взаимодействии с сухопутными войсками и фронтовой авиацией, чем это было в предшествующих операциях.

Основными целями стали укрепрайоны, цитадели, крепости и т. д. Мало того что такие цели, будучи особо прочными и малоразмерными, требовали применения бомб крупного калибра, они в то же время вплотную примыкали к переднему краю атакующих войск. От дальних бомбардировщиков требовалось наносить удары с очень высокой точностью. В связи с этим увеличился удельный вес боевых действий днем. Например, при штурме г. Кенигсберга днем 7 апреля 1945 года участвовало 514 дальних бомбардировщиков при непосредственной сопровождении 124 истребителей. Кроме того, над городом непрерыв-

но патрулировало еще до 100 советских истребителей. Сокрушительный массированный авиационный удар с применением бомб крупного калибра по опорным пунктам и фортам города снизил возможности фашистских войск к сопротивлению, что значительно способствовало более быстрому продвижению советских войск и капитуляции этой, как считали фашисты, неприступной крепости.

В ночь на 16 апреля 1945 года перед переходом советских войск в наступление и началом Берлинской наступательной операции 745 дальних бомбардировщиков в течение 40 мин нанесли мощный массированный удар и разгромили шесть опорных пунктов второй полосы обороны противника. В ночь на 17 апреля 760 бомбардировщиков вновь обрушили свой удар по объектам противника перед наступавшими войсками. Подобные удары последовали и в ночь на 18, 21, 25 и 26 апреля. Это были последние удары по опорным пунктам фашистов на подступах и в самом Берлине.

За годы Великой Отечественной войны дальняя авиация произвела около 220 тысяч боевых вылетов. По задачам самолето-вылеты ДА распределяются следующим образом: на уничтожение войск противника — 88 901, на срыв железнодорожных перевозок — 67 278, на удары по аэродромам — 20 519, на десантирование войск и грузов — 25 747, на удары по глубокому тылу врага и морским объектам — 13 268, на воздушную разведку и выполнение других задач — 4075. На врага было сброшено 2 млн.266 тысяч бомб различного калибра. Это составило около 1/3 всех бомб, сброшенных на врага всей советской авиацией.

Боевые действия дальней авиации, вклад ее личного состава, в разгром фашистского агрессора получили всеобщее признание нашего народа и высокую оценку Коммунистической партии и Советского правительства. За годы войны стали гвардейскими 5 корпусов из 9, 12 авиадивизий из 22, 43 авиаполка из 66. Орденами награждены 7 авиадивизий и 31 авиационный полк. Более 20 тысяч авиаторов были награждены орденами и медалями, около 300 удостоены высокого звания Героя Советского Союза, а шестеро этого звания удостоены дважды: А. И. Молодчий, Е. П. Федоров, П. А. Таран, С. И. Кретов, В. Н. Осипов, В. В. Сенько.

Таким образом, в ходе Великой Отечественной войны авиация дальнего действия провела ряд крупных воздушных операций как самостоятельно, так и совместно с фронтовой авиацией. Своими действиями она способствовала завоеванию и удержанию стратегического господства в воздухе, существенно влияла на ход и исход стратегических операций на театрах военных действий.

Более 40 процентов от всего количества самолето-вылетов было выполнено для нанесения ударов по войскам и боевой технике противника на поле боя. столько же — по объектам в оперативной глубине, восемь — на решение транспортных и десантных задач, около двух — на воздушную разведку и только четыре процента самолето-вылетов (в 1942 — 1943 годах эта цифра доходила до 8 и более процентов) дальние бомбардировщики использовали для нанесения ударов по объектам глубокого тыла врага.

Война диктовала свои законы и широкое применение АДД в интересах фронтовых операций было объективной необходимостью. Вместе с тем это не означает, что именно такое применение дальних бомбардировщиков в ходе войны может быть признано наиболее целесообразным.

Из анализа боевых действий АДД можно сделать следующие наиболее важные выводы, имеющие существенное значение для планирова-

ния и организации боевых действий дальней авиации в современных условиях.

АДД в годы Великой Отечественной войны являлась мощным дальнобойным и наиболее маневренным ударным средством в руках Верховного Главнокомандования. Имея значительный радиус действия, она, не меняя своего базирования, могла успешно действовать в интересах различных фронтов.

Важнейшими принципами и условиями достижения максимально эффективных результатов боевых действий АДД в любых условиях обстановки является централизованное управление и массированное ее применение по наиболее важным объектам.

Боевые действия дальних бомбардировщиков должны надежно обеспечиваться силами и средствами других видов Вооруженных Сил, родов войск и авиации на максимальную глубину.

Следует избегать привлечения дальних бомбардировщиков для выполнения тех задач, которые могут быть решены другими средствами.

В ходе боевой подготовки авиационных частей необходимо совершенствовать не только способы нанесения ударов по объектам глубокого тыла, но и отрабатывать действия по войскам и наиболее важным целям противника в тактической и оперативной глубине.

Исключительно важным условием применения дальних бомбардировщиков является умение командования, авиационных штабов оперативно организовывать и осуществлять взаимодействие с другими видами Вооруженных Сил и с фронтовой авиацией.

Дальние бомбардировщики при действии в непосредственной близости от своих войск должны надежно обеспечиваться высокоточными средствами навигации и управления экипажами в воздухе, поскольку любая ошибка в выборе точки прицеливания опасна не столько промахом, сколько возможностью поражения своих войск.

Сохраняя свое основное предназначение как мощное ударное средство Верховного Главнокомандования для поражения объектов в глубоком тылу, дальняя авиация должна быть в готовности для решения разнообразных и неожиданных боевых задач. Залогом успеха при этом является высокая всесторонняя выучка летных экипажей. ■

Ю.Н. СМИРНОВ, ученый-атомщик,кандидат физико-математических наук

ИСПЫТАНИЕ 50-ТИ МЕГАТОННОЙ БОМБЫ

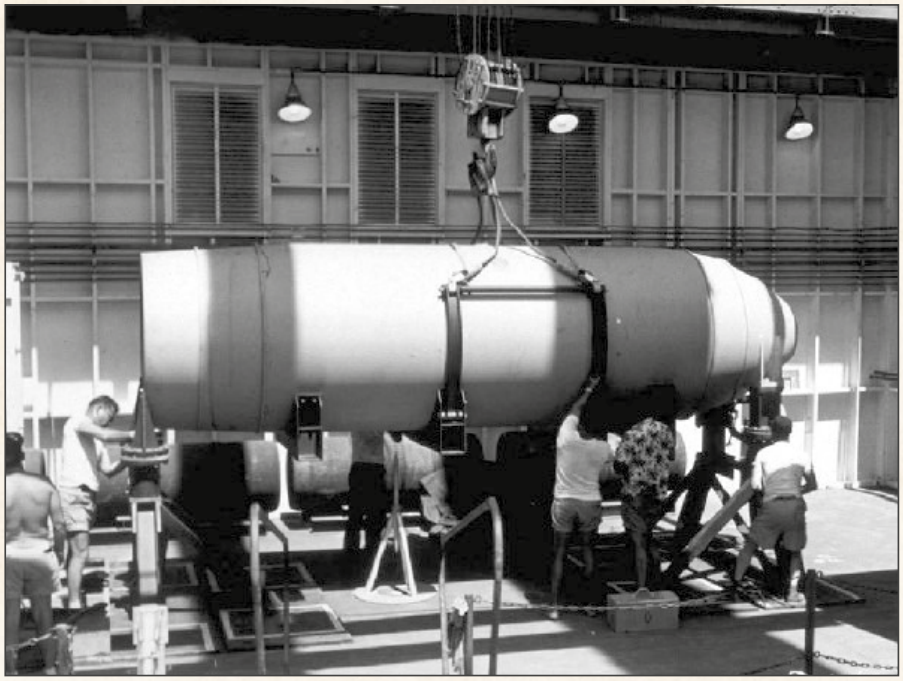
▲ Взрыв царь-бомбы

Испытание 50-мегатонной советской водородной бомбы потрясло воображение современников. Став самым мощным за всю историю человечества рукотворным взрывом, этот эксперимент взбудоражил политических лидеров мира.

Еще накануне, 24 октября 1961 г., газета «Нью-Йорк Таймс» сообщила, что, по мнению Белого дома, *«подобный взрыв не имеет никакой военной ценности и приведёт лишь к обширному радиоактивному заражению»*. Двумя днями позднее эта же газета информировала читателей: *«Политический комитет Генеральной ассамблеи ООН 75 голосами «за», 10 — «против», при 1 воздержавшемся призвал Советский Союз отказаться от испытания 50-мегатонной бомбы. Против голосовали советский блок и Куба, Мали воздержался...»*. А 27 октября уже Генеральная Ассамблея ООН на своём 1043-м пленарном заседании 87 голосами (против 11 при 1 воздержавшемся) принимает резолюцию, в которой *«торжественно призывает правительство Союза Советских Социалистических Республик воздержаться от осуществления его намерения произвести до конца текущего месяца взрыв в атмосфере бомбы в 50 мегатонн»*.

Но дипломатический и политический прессинг уже ничего не мог изменить — «холодная война» развивалась по своим законам. Тем более что Соединённые Штаты ещё в первой половине 50-х гг., без каких-либо терзаний, сами провели несколько мощных термоядерных взрывов (к примеру 1 ноября 1952 г. эксперимент «Майк» мощностью 10,4 мегатонны и серию экспериментов в 1954 г.: 1 марта «Браво» — 15,0 мегатонн, 27 марта «Ромео» — 11 мегатонн, 5 мая «Янки» — 13,5 мегатонн).

Последовавшие за советским сверхмощным взрывом официаль-

▲ Американская водородная бомба Браво

ные заявления только подтвердили, что запланированный руководством СССР политический эффект достигнут. Так, по свидетельству «Нью-Йорк Таймс» от 31 октября, *«Белый дом охарактеризовал испытание как политический шаг, направленный на разжигание страха и паники»*. А газета «Таймс» 1 ноября процитировала совсем не «протокольные» слова премьер-министра Японии Икеды из его телеграммы-протеста Н. С. Хрущёву: *«Это испытание ввергло меня в состояние такого шока, какого никогда ранее я не испытывал»*.

Теперь эти события — далёкая история. Напоминание, до каких опасных и нелепых «высот» доходило противостояние двух сверхдержав, из которого, казалось, нет и не будет никакого разумного выхода.

Новому поколению, наверное, непросто прочувствовать и понять накал непримиримых страстей, которыми жил тогда мир, разделённый на два враждующих лагеря. Этот период, будем надеяться, безвозвратно ушёл в прошлое. Но даже лишённые эмоций строки «Книги рекордов Гиннесса» из года в год, из издания в издание упорно напоминают — да, было такое, было: «Самое мощное термоядерное устройство. Термоядерное устройство с взрывной силой равной приблизительно 57 мегатоннам тротила (в действительности — 50 мегатонн. Ю. С.), было взорвано в бывшем СССР на архипелаге Новая Земля в октябре 1961 г. Взрывная волна обошла земной шар 3 раза, сделав первый оборот за 36 ч. 27 мин. По некоторым расчётам, мощность взрыва составила от 62 до 90 мегатонн».

... Лето 1961 г. преподнесло сюрприз. 10 июля Никита Хрущёв провёл в Кремле встречу-совещание с разработчиками и создателями советского ядерного оружия. Он сообщил, что руководство страны, учитывая складывающуюся международную обстановку, приняло решение отказаться в одностороннем порядке от добровольно взятого на себя обязательства не проводить ядерных испытаний. Предстоящей осенью такие испытания будут проведены, и соответствующее официальное заявление будет сделано правительством накануне. До этого момента вся работа по подготовке к взрывам должна была проходить в условиях полной секретности.

Вернувшись с совещания, Андрей Дмитриевич рассказал нам о решении правительства. Он поделился впечатлениями о встрече в Кремле и добавил, что принято также решение разработать и испытать сверхмощную бомбу в 100 мегатонн. Естественно, мы были взволнованы новостями. Во время обсуждения прозвучал острый вопрос: *«Зачем нужно делать такое «людоедское» оружие?!»* Андрей Дмитриевич улыбнулся: *«Никита Сергеевич сказал — пусть это изделие висит над капиталистами, как дамоклов меч...»*.

Для нас, физиков-теоретиков, — а для новичков, как я, в особенности, — такой поворот событий явился в какой-то мере неожиданностью. Необходимо было немедленно приступать к интенсивной работе. Острота впечатления усиливалась тем, что после длительного перерыва с испытаниями некоторые из опытных сотрудников получали возможность экспериментально проверить ряд новых идей и усовершенствований, а кое-кому из новичков предстояло впервые соприкоснуться с небывалым для них реальным делом. Мы были взволнованы очередным крутым виражом в «грандполитике» и оказались посвящёнными в готовящийся «сюрприз» глобального характера. Когда 31 августа 1961 г. советское правительство выступило с заявлением об отказе от добровольного моратория, уже на следующий день над Семипалатинским полигоном прогремел первый взрыв из беспрецедентной по количеству и разнообразию зарядов серии наших ядерных испытаний.

Пользуясь термином А. Д. Сахарова (см. его воспоминания), «вести» сверхмощное изделие было поручено одному из самых опытных сотрудников — Виктору Борисовичу Адамскому. Непосредственными участниками его разработки стали наиболее авторитетные сотрудники Андрея Дмитриевича — Юрий Николаевич Бабаев и Юрий Алексеевич Трутнев. При этом они в ту памятную «сессию» выполняли уже куда более важную роль, чем просто участники конкретной разработки.

▲ Сахаров А. Д.

Как авторы принципиально нового подхода к конструированию термоядерных зарядов, блестяще реализованного ими в 1958 г., Ю. Н. Бабаев и Ю. А. Трутнев по существу вместе с А. Д. Сахаровым разделяли ответственность за всю предстоящую программу работ и стали его доверенными лицами.

Неожиданно для меня я также был подключён к работе над сверхбомбой.

Сначала мне казалось, что 100-мегатонное изделие вряд ли будет испытываться, и до поры до времени работа над ним большого накала не приобретала. Чудовищная цифра мощности подавляла и не воспринималась как нечто реальное и допустимое. Но постепенно дискуссии вокруг этой бомбы становились определённее. Вскоре в целях безопасности было решено испытывать её в варианте половинной мощности. Всё быстро переменилось.

Стало ясно, что из аутсайдера, как мне представлялось в первые дни, это испытание переходит в разряд приоритетных и наиболее ответственных. Сверхбомба и в самом деле оказалась на особом счету у Хрущёва, своеобразным козырем в его политической игре с Америкой. Уже по этой причине она приобрела куда более важное значение, чем просто некий «трудовой подарок» разработчиков ядерного оружия к открытию очередного партийного съезда, как пишут в некоторых публикациях.

Разработке сверхбомбы стали уделять повышенное внимание и оказывать максимальное, всестороннее содействие. Андрей Дмитриевич взял эту работу под свою опеку.

В этот период сотрудники теоретических секторов были увлечены перспективами, которые открылись вследствие принципиальных достижений наших физиков в ходе испытаний ядерного оружия в 1955 и 1958 гг. О реализации в 1955 г. так называемой «третьей идеи» теперь знают многие. Но другой важнейший результат был получен в одном из экспериментов 1958 г. и связан с именами Ю. Н. Бабаева и Ю. А. Трутнева. Этот их успех оказал огромное влияние на всю последующую работу над советским термоядерным оружием, предопределив исходные концепции и для сверхмощной бомбы.

Случилось так, что после выданного Андреем Дмитриевичем задания на разработку 100-мегатонной бомбы моя прошитая, опечатанная, сверхсекретная рабочая тетрадь оказалась под рукой. Адамский и Трутнев на моих глазах быстро набросали на одной из её страниц принципиальную эскизную схему изделия — в сущности, она и воплотилась в жизнь.

С этого момента и до подрыва изделия Виктор Борисович и я были на работе неразлучны. Всё чаще и всё дольше мы засиживались в его небольшой комнате, занимаясь расчётами, пока, наконец, не стали задерживаться до глубоких сумерек. Эта работа сблизила нас, сохранив теплоту отношений на все последующие годы.

Всё чаще стал заглядывать к нам Андрей Дмитриевич. Усаживался на стул, иногда, к моему удивлению, ловко обвивая одну свою ногу другой. В эти минуты общения и обсуждения результатов стирались должностные и возрастные грани. Мы настолько увлекались (а времени оставалось всё меньше и меньше!), что когда в момент какой-то страстной дискуссии к нам заглянул Я. Б. Зельдович и попытался «заполучить» Андрея Дмитриевича, он встал, подошёл к Якову Борисовичу и по-дружески, очень мягко, выпроводил его из комнаты.

Напряжение нарастало. Иногда невольно возникали сомнения: не подведёт ли изделие, не «откажет» ли в момент испытаний. Как-то Андрей Дмитриевич заметил: *«Если мы не сделаем ЭТО, — пойдём строить железные дороги...»* В другой

▲ Изготовление АН 602 (царь-бомба)

раз, на заключительной стадии работ, когда за рубежом стали ширить протесты против уже объявленного Хрущёвым сверхмощного взрыва, он довольно спокойно рассуждал: хотя в двух-трёх наших посольствах в западных странах и могут разбить оконные стёкла после нашего эксперимента, дальше этого дело не зайдёт.

Мы не только проводили многочисленные расчёты на ЭВМ и делали прикидочные оценки при изменении параметров, стараясь разобраться в физической картине явлений при «срабатывании» бомбы и стремясь убедиться в эффективности вырисовывающейся конструкции. Мы выезжали к конструкторам для консультаций и согласования технической документации, бывали у экспериментаторов при проведении модельных опытов.

Работа кипела. На заводе появлялись на свет всё новые детали и узлы будущей бомбы. Естественно, в её создание было вовлечено множество самых разных специалистов.

Напряжение достигло апогея, когда изделие было отправлено в район испытаний. Следом 26 октября 1961 г. к месту, где предстояла окончательная подготовка бомбы и подвеска её в бомболюк самолёта-носителя, должны были поездом выехать Адамский и я. Мы условились, что на другой день нас самолётом догонят в Москве Бабаев и Трутнев, и, объединившись, мы вместе отправимся поездом до станции Оленья на Кольском полуострове.

Время было спрессовано. В день отъезда я столкнулся с Андреем Дмитриевичем на лестнице и попросил подписать моё командировочное задание. Он расписался тут же, не поднимаясь в кабинет. Пользуясь неофициальностью обстановки, я спросил, почему он так занятно расписывается, издали перечёркивая в своей фамилии палочку в букве «х» (позднее он максимально упростил свою подпись). Андрей Дмитриевич ответил: *«У меня примета: если удастся перечеркнуть палочку посередине — всё будет удачно. Если нет — жди осложнений». И добавил, довольный: «Видите, как удачно получилось на сей раз: значит, изделие сработает успешно!»*

XXII СЪЕЗД КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

О XXII СЪЕЗДЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

О ПРОГРАММЕ

В тот же день, 26 октября, к вечеру, когда мы с В. Б. Адамским уже заняли свои места в вагоне и готовились к отъезду в Москву, в нашем купе неожиданно появились Ю. Н. Бабаев и Ю. А. Трутнев. Они сказали, что подъехали к поезду вместе с Андреем Дмитриевичем и он ждёт нас в машине. Мы вышли из вагона. Недалеко от платформы стояла «Волга». Мы уселись все вместе, и началось необычное, но очень важное и срочное деловое совещание.

Оно было продиктовано совокупностью обстоятельств и, прежде всего, упреждающим заявлением Хрущёва на открытии съезда КПСС о предстоящем испытании с указанием не только сроков, но и мощности изделия. Такой шаг был беспрецедентным. В сочетании с волновавшими нас техническими нюансами это порождало естественное беспокойство и вызывало дополнительное напряжение.

Андрей Дмитриевич вдобавок поделился свежей информацией, исходившей, по-видимому, от высших инстанций. Она также касалась испытания нашего изделия

По существу перед нами возник драматический вопрос: не отменить ли в сложившейся ситуации само испытание. Мнения участников этого импровизированного совещания были выслушаны. Никто не торопился. Виктор Борисович с присущим ему спокойствием и на сей раз был невозмутим: *«Я уверен в надёжности изделия. Всё надёжно ...»*

Тем временем поезд стоял. Наше совещание завершалось. Было решено ничего не менять. Андрей Дмитриевич пожелал успеха и сказал, что остаётся на объекте. Мы с Виктором Борисовичем вернулись в вагон, и поезд тронулся. Перед нашими глазами медленно проплыло скромное здание вокзала ...

Вечером 28 октября, находясь в пути, по поездной трансляции мы услышали голос Хрущёва, выступавшего на съезде с заключительным словом и говорившего как бы для нас: *«В последнее время буржуазная пропаганда много шумит в связи с тем, что Советский Союз был вынужден возобновить испытания ядерного оружия. Эта шумиха приняла истерический характер после того, как на съезде было заявлено о предстоящем испытании ядерного оружия мощностью в 50 миллионов тонн тротила. Раздаются голоса, будто бы эти испытания противоречат принципам морали.*

Странная логика! Когда Соединённые Штаты Америки первыми создали атомную бомбу, они сочли для себя юридически и морально оправданным сбросить её на головы беззащитных жителей Хиросимы и Нагасаки. Это был акт бессмысленной жестокости, в нём не было никакой военной необходимости ...»

Мы с Виктором Борисовичем вышли из купе в коридор. Поезд мчался. Сквозь стук колес по всему вагону раздавался переходящий на высокие ноты голос Хрущёва. Несколько человек слушали трансляцию, стоя рядом с нами. Переговаривались и комментировали... Разумеется, мы и виду не могли показать, что имеем к теме выступления и предстоящему взрыву самое прямое отношение. Хрущёв продолжал: *«Укрепляя оборону Советского Союза, мы действуем не только в своих интересах, но и в интересах всех миролюбивых народов, всего человечества. Когда враги мира угрожают нам силой, им должна быть и будет противопоставлена сила, и притом более внушительная ...»*

Делегаты съезда разразились бурными аплодисментами. Было ясно, что наше изделие не имеет права не сработать.

На станцию Оленья мы приехали ранним холодным утром. Нас поджидала автомашина «Волга». Преодолев унылое голое пространство, мы очень скоро оказались в закрытом военном городке при аэродроме. Нас четверых разместили вместе в одной просторной комнате на втором этаже какого-то здания и «поставили на довольствие» в офицерской столовой.

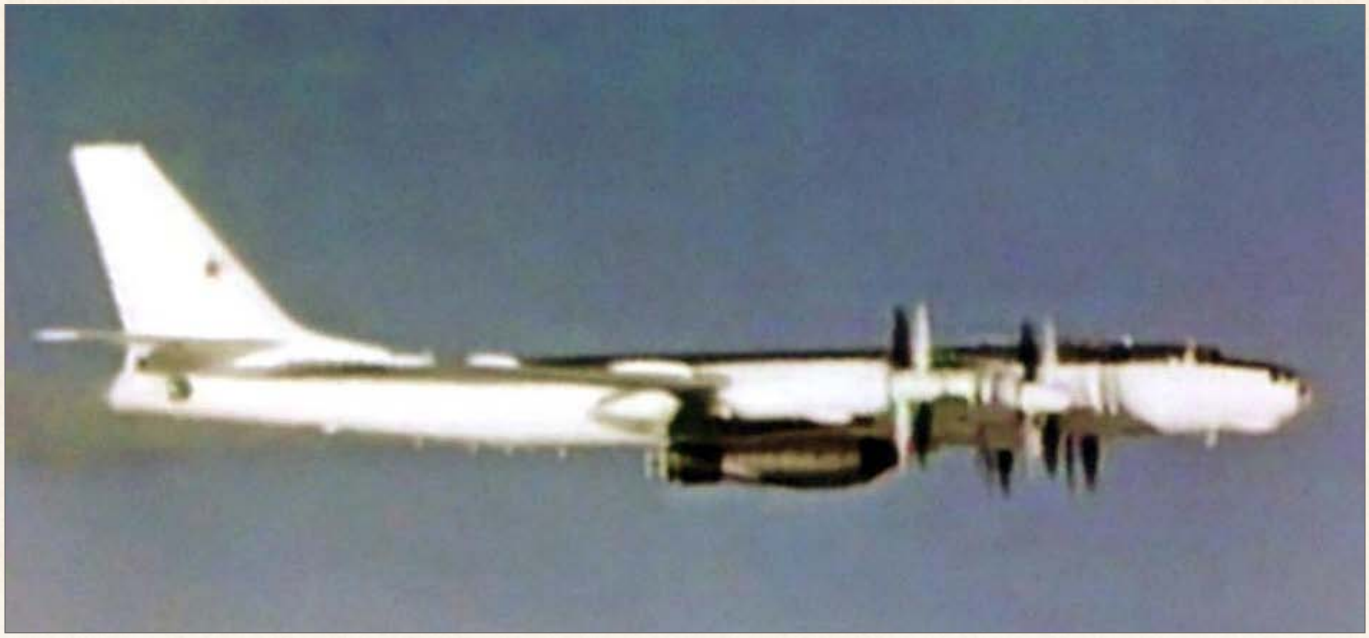
Едва придя в себя с дороги, мы выехали к особо охраняемому внушительному техническому корпусу, который располагался на некотором отдалении от взлётной полосы. В одном из его помещений уже работал с документами генерал-майор Н. И. Павлов — начальник одного из главков нашего министерства, а здесь — председатель Государственной комиссии по проведению испытаний ядерного оружия на Новой Земле. Ему помогал добродушный и смешливый Коля Самохвалов — наш коллега из группы Я. Б. Зельдовича. После короткой, оживлённой беседы, которая больше напоминала взаимное дружеское приветствие, мы, облачившись в белоснежные халаты, прошли в специальное большое помещение, где находилась «наша» бомба.

Вокруг неё, выполняя комплекс заключительных операций, «колдовали» несколько человек в таких же белоснежных халатах. Было тихо, царила спокойная деловая атмосфера. Ясно слышались отдельные чёткие слова. Ничто и никто не мог отвлечь работавших здесь людей от их дела. Таков был установленный порядок.

В этом отношении характерен эпизод, связанный с оформлением моего постоянного пропуска в технический корпус, куда для первого раза меня пропустили по особому разрешению Н. И. Павлова. Никто не посылал меня к фотографу, мне не пришлось куда-либо ехать или идти. Через какое-то время «спецфотограф», видимо, снимав-

▲ Павлов Н.И.

▲ Ту-95 в полете с бомбой

ший «для истории» подготовку изделий к испытаниям, подошёл ко мне, и мы «на секунду» перешли в соседнее помещение. Он пристроил меня у побеленной стены, а я приспустил с плеч свой халат. Затвор щёлкнул, и я вернулся к своим товарищам. А вскоре мне принесли туда полностью оформленный пропуск с наклеенной фотографией.

Вечером 29 октября в большой комнате на первом этаже здания, в котором мы остановились, за дверью, охраняемой часовым, состоялось заседание Государственной комиссии. Среди присутствующих выделялись три человека в генеральских мундирах: представительный генерал-лейтенант С. В. Форстен, очень статный и по-военному красивый генерал-майор Н. И. Сажин и, конечно, председательствующий — Николай Иванович Павлов, внешностью, голосом и даже манерами напоминавший мне популярного тогда киноактёра Николая Крючкова.

Руководители различных служб и подразделений лаконично доложили о полной готовности к эксперименту. Благоприятным оказался и прогноз погоды. Было решено произвести испытание сверхмощной бомбы 30 октября 1961 г.

После заседания комиссии я с группой офицеров пошёл в специальную аудиторию смотреть учебные «немые» документальные фильмы, предназначавшиеся для экипажей боевых самолётов. Мелькали кадры, показывавшие, как производится сброс бомбы над полигоном, как экипаж готовится к ядерному взрыву и как формируется в атмосфере гигантский гриб. Но особенное впечатление произвели на меня съёмки внутри кабины самолёта: световая вспышка и сильная встряска от ударной волны, порождённой взрывом, а затем и от волны, отражённой от поверхности Земли. Я невольно представил тогда, какое испытание и какие эмоциональные нагрузки ждут лётчиков при взрыве «нашей» сверхбомбы.

Глубокой ночью, в первые часы наступившего нового дня — 30 октября, вместе с Бабаевым я отправился вновь в технический корпус. Затем мы пошли к самолёту, который должен был доставить супербомбу к цели. У огромного стратегического бомбардировщика Ту-95 при локальном маскировочном освещении сновали люди, готовя его к ответственейшему полёту. Через какое-то время из темноты медленно выплыл тягач со специальной тележкой, на которой покоилась бомба. К солдатам, охранявшим самолёт, добавилась охрана, сопровождавшая бомбу.

К 9 часам утра подвеска бомбы и все подготовительные операции завершились. Через люк под фюзеляжем забрались друг за другом в самолёт члены экипажа. Наступило томительное ожидание. Наконец, была дана команда приступить к выполнению задания.

Мы переместились к обочине взлётной полосы. На некотором отдалении от нас налаживали свои камеры два-три кинооператора-документалиста.

И вот взревели моторы. Ту-95 с выглядывавшей из бомболюка бомбой неторопливо и аккуратно направился к далёкой начальной точке аэродрома, где уже находился самолёт-лаборатория Ту-16. Раздался могучий рокот, и бомбардировщик, тяжело разбежавшись по казавшейся нескончаемой бетонной полосе, поднялся в серое, низкое, затянутое сплошной облачностью небо. Следом за ним взмыл и Ту-16. Нам сказали, что вскоре к самолётам, взявшим курс на Новую Землю, присоединились истребители сопровождения. Мы снова оказались во власти ожидания ...

В комнате, где накануне заседала Государственная комиссия, собралось несколько человек. Мы обменивались шутливыми репликами. Но, кажется, всеми овладело плохо скрываемое напряжение. Время от времени поступали известия, что связь с лётчиками нормальная и всё идёт по графику. Приближалась критическая минута. Прошло сообщение, что в заданной точке бомба отделилась от самолёта, парашют раскрылся, и экипажи уходят из района предстоящего взрыва ...

Наконец, нам передали, что в 11 ч. 33 мин. московского времени связь с экипажами и пунктами наблюдения за экспериментом полностью прервалась. Это означало: взрыв состоялся. Теперь предстояло узнать, каково самочувствие экипажей самолётов и насколько соответствуют характеристики взрыва его расчётным параметрам. И только через 40 мин. пришло первое известие о том, что самолёты благополучно возвращаются на свой аэродром и что, по предварительным данным, термоядерный заряд сработал нормально. Это сообщение приглушило наши волнения и развеяло нараставшую тревогу. Послышались первые поздравления.

Спустя ещё какое-то время Н. И. Павлов пригласил нас, четверых разработчиков заряда, с собой, и мы поехали встречать приземляющиеся самолёты.

Самолеты подрулили. Было видно, что на Ту-95 в одном-двух местах остались небольшие тёмные отметины от световой вспышки взрыва. Когда шум двигателей стих, а экипажи оказались на земле, командир бомбардировщика А. Е. Дурновцев отдал рапорт председателю Госкомиссии об успешном выполнении задания. Начались вопросы и ответы. Один из членов экипажа, совсем ещё молодой человек, находившийся в хвостовой кабине бомбардировщика и как никто видевший панораму и динамику развития небывалого «гриба», показал Павлову зарисованные им характерные стадии этого процесса. Незабываемым финалом встречи стала короткая, но эмоциональная и яркая поздравительная речь Николая Ивановича, с которой он обратился к лётчикам и к нам, физикам.

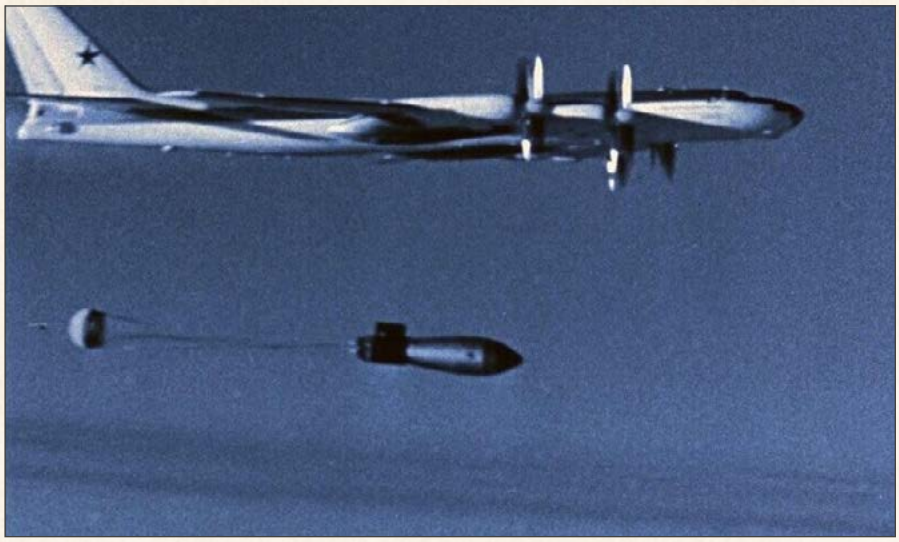
Через какое-то время после испытания нам позвонил Андрей Дмитриевич, и мы поздравили друг друга с успехом. В этом разговоре Виктор Борисович произнёс: «*Смелость города берёт!*» Андрей Дмитриевич лаконично ответил: «*Я понимаю вас*». Речь шла о высокой степени напряжения и риска на заключительной стадии работы. Кульминацией того нашего состояния и было, пожалуй, памятное совещание в салоне автомашины перед отправлением поезда.

О том, что бомба показала проектную мощность 50 мегатонн и, значит, сработала идеально, мы узнали от Ю. Б. Харитона, который позвонил нам в тот же день с Семипалатинского полигона...

Вскоре после взрыва мы стали собираться домой. Начальство бла-

▲ Дурновцев А.Е. командир ТУ-95

▲ Сброс бомбы

говолило, и я получил разрешение провести несколько дней по своему усмотрению. Ранним утром 4 ноября по моей просьбе меня отвезли в Мончегорск, показавшийся мне очень маленьким городком, а оттуда поездом я доехал до Мурманска. Побродил по улицам, посмотрел на океанские корабли, зашёл в краеведческий музей. Затем сел на самолёт и почти за полночь прилетел в Ленинград. Здесь я провёл несколько дней у своих университетских друзей-сокурсников и обнаружил: только и говорили, что о нашем супервзрыве. Оказывается, они слышали обо всём по зарубежному радио и пересказывали многочисленные комментарии и сообщения. А я, как и полагалось, делал вид, что ничего об этом событии не знаю.

Когда 10 ноября я вернулся домой, на объект, то с удивлением узнал, что мои старшие коллеги тоже в Ленинграде. Но задерживаются, так как заболел Виктор Борисович. Время поджимало, и Андрей Дмитриевич попросил меня, не откладывая, подготовить заключительный отчёт по результатам испытаний сверхмощного изделия. Работа была выполнена, и я зашёл к нему. Андрей Дмитриевич стал внимательно, страница за страницей, читать рукописный текст. Вдруг раздался телефонный звонок по местному аппарату. Отвечая на чьи-то вопросы, он сказал, что ему дважды — в 1953 и 1956 гг., после испытаний термоядерного оружия — присваивалось звание Героя Социалистического Труда. Я понял, что готовится представление к награждению Андрея Дмитриевича третьей Золотой Звездой Героя. Закончив чтение моего черновика и не сделав ни единого исправления по тексту, Андрей Дмитриевич задумался. Потом в конце дописал короткое предложение, повторяющее один из тезисов нашего итогового отчёта: *«Успешное испытание заряда ... доказало возможность конструировать на этом принципе заряды практически неограниченной мощности»*.

И дал «добро» на дальнейшее оформление рукописи.

Работа над 50-мегатонной бомбой была захватывающей. Готовящееся испытание оказалось в центре внимания руководителей страны. Поэтому на меня, тогда совсем молодого, 24-летнего человека, незабываемое впечатление произвела вся цепочка событий: от первого упоминания о задании разработать такую бомбу, от первых прикидочных числовых оценок, умещавшихся на нескольких страничках, — до её материализованного воплощения на заводе и подвески в бомболюк самолёта. От этапа нашей профессиональной работы над бомбой — до заключительного момента, когда на ход событий могли влиять уже только высшие руководители страны.

В этом отношении характерны два эпизода. Помню случай, когда я один, без моих старших опытных коллег, оказался при каких-то обстоятельствах на заводе, в специальном помещении, где находились элементы заряда. Там без всяких скидок на мой «зелёный» возраст, обратились ко мне и спросили, можно ли сделать так-то или допустимо поступить иначе, не отразится ли это на работоспособности заряда.

И другая картина. К бомболюку огромного самолёта в сопровождении охраны подошла тележка с «нашей» могучей бомбой. Мы, её разработчики, превратившись теперь в пассивных зрителей, молча наблюдали за чёткими слаженными действиями специалистов. Понимали, что она, даже не приведённая в действие, уже магией своего существования и неотвратимостью приближающегося взрыва взбудоражила и как-то «придавила» мир. Через несколько часов, стоя у обочины взлётной полосы аэродрома, мы проводили взглядом пронёсшийся мимо нас бомбардировщик со знакомым корпусом под фюзеляжем ...

И потом — взрыв, который всколыхнул весь мир.

Когда несколько лет назад я разговаривал с Н.И. Павловым об этом уникальном взрыве, он назвал его эпохальным событием.

Теперь о днях и ночах, проведённых в Оленьей, мне напоминает офицерский золотистый нагрудный знак, который я купил тогда в качестве сувенира в военторге аэродромного гарнизона: маленькая бомбочка с алой звездой на стабилизаторе, такой же алой цифрой «1» вдоль её корпуса и симметрично раскинутыми в стороны от корпуса крыльями, как принято в авиационной символике. По-видимому, я купил знак лётчика-бомбометателя первого класса. Но в то время мне нравилось воспринимать его совсем по-иному: как символ нашего сверхзасекреченного небольшого «бомбодельского» коллектива, руководимого А.Д. Сахаровым и имевшего название «сектор

№ 1». Позднее, однако, знак стал, скорее, напоминанием о самой супербомбе. А она, в свою очередь, тревожит память очень непростыми вопросами. Собственно, вопросы стали появляться вскоре после взрыва. Первый из них — что дальше? Следующий — зачем?

Конечно, работа над бомбой была всепоглощающим делом. Ни с чем подобным я, естественно, прежде не сталкивался. Азарт молодости и, в определённом смысле, как бы «боевое крещение» только усиливали остроту восприятия происходящего. Всё остальное отступило, померкло и стало несопоставимым с главным. Тесное взаимодействие с коллегами — людьми яркими и незаурядными, их доверие и расположение добавляли уверенности в своих силах. Общение с Андреем Дмитриевичем, поначалу казавшееся фантастикой, становилось нормой. Каждая новая встреча с ним и обсуждение результатов вызывали всё большее уважение к этому необыкновенному человеку.

В тот момент меня не тревожили какие-либо «каверзные» вопросы или сомнения. Общая атмосфера профессионального поиска и энтузиазма увлекала и казалась совершенно естественной. В конце концов, в ту пору для нас было ёмким и значимым простое слово «надо». Наша работа была воплощением усилий «сделать всё» в интересах безопасности страны. Кроме того, разумеется, молодому человеку не могла не льстить причастность к делу государственной важности, которое находилось под контролем высшего руководства страны и вызвало затем резонанс во всём мире. В тот период безоглядной увлечённости места для вопросов у меня не оставалось.

Они, нарастая, и всё более подчиняя себе, возникли позднее. Но это тема для отдельного разговора.

В заключение остановлюсь на конкретном факте, в котором, я полагаю, проявилось весьма своеобразное переплетение интересов обороны страны с абсурдной логикой ядерной гонки, когда милитаристский угар довлеет над моралью.

А. Д. Сахаров активно участвовал в работе над сверхбомбой. Более того, после её испытания он по своей инициативе стал искать способ эффективной доставки сверхмощного заряда к цели, остановившись на большой торпеде, запускаемой с подводной лодки.

Таким был его ответ на вопрос «что дальше?».

Однако энтузиазм Андрея Дмитриевича быстро угас после беседы с адмиралом Фоминым: *«Я устыдился и больше никогда ни с кем не обсуждал своего проекта»*. И это было ответом на второй вопрос.

Но эта многоплановая, побуждающая к размышлению коллизия имела неожиданное продолжение. Хотя уже без участия Андрея Дмитриевича и, определённо, без его ведома.

В один из октябрьских дней 1993 г. я случайно услышал по радиостанции «Свобода» выступление Н. Н. Сунцова — бывшего начальника отдела поверхностных явлений подводных ядерных взрывов ленинградского морского филиала ЦНИИ–12 Министерства обороны. Николай Николаевич сообщил, что в 1962 г. на смену весьма сомнительному варианту большой торпеды *«появился вариант, по которому взрыв должен происходить на некотором удалении от берега»*. И этот взрыв — естественно, сверхмощного заряда — должен был привести к возникновению гигантской катастрофической волны типа цунами.

Далее Сунцов сказал: *«В 1962 г. я был вызван из Ленинграда в Москву начальником 6-го управления Военно-Морского Флота инженер вице-адмиралом Фоминым Петром Фомичем. Это была заметная фигура среди руководящего состава Военно-Морского Флота: в его ведении были все флотские ядерные боеприпасы, ему же подчинялся ядерный полигон на Новой Земле. Фомин вызвал меня, чтобы поручить выполнение научно-исследовательской работы, как он сказал, чрезвычайной важности. Целью этой работы являлось составление методики расчёта ущерба, который может быть нанесен территории США искусственной волной цунами, вызванной подводным взрывом мощного термоядерного заряда. Был выдан диапазон тротиловых эквивалентов, верхней границей которого и была цифра 100 мегатонн...»*.

Оказалось, для достижения желаемого эффекта взрыв 100-мегатонного заряда должен был бы производиться на глубине не менее 1000 м. Тогда на расстоянии 5 км от эпицентра взрыва высота возникшей океанской волны могла бы составить около 500 м, а длина её приблизилась бы к 10 км. Но для тихоокеанского гористого побережья США такая волна не предста-

▲ Сухой нос на полигоне Северная земля

вила бы большой опасности. Другое дело атлантическое побережье Америки, отличающееся, однако, обширной прибрежной отмелью. Это вынудило бы в поисках подходящих глубин для взрыва уйти дальше в океан. Кроме того, было не вполне ясно, как поведёт себя искусственная волна в случае такой широкой отмели. В связи с этим коллектив Сунцова выполнил обширные модельные исследования.

На песчаном берегу Ладожского озера около Приозёрска была смоделирована даже материковая отмель и прилегающая к ней часть Атлантического океана у восточного побережья США. Прогремели небольшие заряды до 100 кг. Позднее были проведены и контрольные опыты на Новой Земле с массой обычной взрывчатки до 1 т. В результате подтвердились скептические предположения, что материковая отмель является прекрасным фильтром, разрушающим прибойный поток, и (вне зависимости от мощности подводного супервзрыва в океанских глубинах) реальный ущерб мог бы быть нанесён сооружениям и объектам на расстоянии 2, максимум 5 км от уреза воды.

Не без иронии Сунцов заключил: *«Таким образом, нами было опровергнуто предложение некоторых горячих голов «смыть» американский империализм с лица Земли с помощью 100-мегатонного заряда. На этом данная проблема была закрыта, и к ней, насколько мне известно, больше не возвращались».*

Интерес к испытанному в виде авиабомбы термоядерному суперзаряду, как возможному варианту оружия, был утрачен. Но, став символом противостояния двух ядерных сверхдержав, это испытание до сих пор продолжает будоражить воображение журналистов и историков».

Пояснения

Между прочим, различного рода фантазии вокруг нашего супервзрыва публикуются и поныне. Даже в саровской печати можно прочитать, что А.Д. Сахаров, якобы, буквально накануне отправки готовой бомбы в Оленью приехал на завод и, как говорится, по мановению руки превратил 100-мегатонную бомбу в 50-мегатонную. Как ни пытались мы с Юлием Борисовичем убедить «воспоминателя» в нелепости такого «факта», в ответ слышали упрямое: «Но я же видел!»

Другой, уже бывший работник объекта Ф.Д. Попов, убеждает читателя в своей книге (с. 124), что Сахаров «колебался в необходимости проведения такого эксперимента» (т. е. взрыва 50-мегатонной бомбы в 1961 г.) и он «до конца не осознал»... А на с. 164 пишет: «В 1961 году после взрыва... водородной супербомбы теоретическая разработка термоядерного оружия перестала занимать главенствующее место в тематике КБ–11» (Ф.Д. Попов. «Арзамас-16. Семь лет с Андреем Сахаровым. Воспоминания контрразведчика», Мурманск, 1998). Хотя в действительности именно продолжавшаяся и даже ускоренная (из-за назревавшего запрещения испытаний в атмосфере) «теоретическая разработка» позволила нашим специалистам осуществить принципиально важную большую испытательную программу в течение 1962 года!

Кстати, о том, что Сахаров, якобы, «вообще возражал против испытания» 50-мегатонной бомбы, утверждается и в другой книге (Ю.А. Хабаров. «Этот фатальный месяц октябрь», Москва, ИздАТ, 1997, с. 142).

Однако до каких высот могут подняться фантазии профессиональных журналистов, я проиллюстрирую на примере телевизионного «эссе» небезызвестного Алексея Самолётова, которое представил на государственном канале РТР 21 мая 1999 года в своей программе «Подробности» не менее известный телеведущий Николай Сванидзе («ключевые находки» я отметил в скобках восклицательными знаками):

«... Специальный самолёт для этих испытаний (50-мегатонной бомбы. Примеч. — Ю.С.) был изготовлен на Машиностроительном заводе в Куйбышеве (ныне Самара) и носил название Ту-95М (!). В 1961 году (!) сразу после облёта машины заводским экипажем её перегнали в подмосковный Жуковский, где на неё началась установка дополнительного оборудования ... Бомбу прятали (на аэродроме в Оленьей. Примеч. — Ю.С.) в брезентовой палатке (!) ... Насколько они успеют уйти из зоны (лётчики после взрыва. Примеч. — Ю.С.)? Какой огромной она будет? Какой силы будет ударная волна? Каким излучение? Этого не знал никто (!) ...

Провожал экипаж на правительственное задание незнакомый сутуловатый седеющий генерал-майор, непохожий на кадрового военного. Экипажу шёпотом сообщили: «Виноградов ... Главный конструктор (!)» Только спустя много лет, когда телевидение показало горьковского узника-диссидента, оставшиеся в живых узнали в том Виноградове Андрея Дмитриевича Сахарова (!)...

Баренцево море. В траверс к «Ту-95М» встают ещё три (!) машины: две летающие лаборатории «Ту-16» и дублёр справа. Освободившийся от 40-тонного (!) груза самолёт словно подпрыгнул... Взрыв произошёл в 500 (!) метрах от земли ...

Экипаж результаты взрыва увидел по возвращении в Оленью ... Краски не было (!). Был только голый (!), как ободранный наждаком, фюзеляж и плоскости, на которых было множество (!) тёмных пятен. Не выдерживавший теплового потока верхний слой дюраля попросту стекал (!) и сгорал (!)...

Герой Советского Союза Андрей Дурновцев скончался ровно через год (!) после испытания. Похоронен в Киеве. Рядом с ним покоится прах штурмана...»

Для убедительности А. Самолётов использовал в сюжете в качестве рассказчиков четверых вполне достойных, но не имевших никакого отношения к эксперименту людей. До реальных, ныне здравствующих участников, Самолётову дела не было. Вот и «усилил» фантазии журналиста генерал-майор в отставке, Герой Советского Союза

▲ Царь-бомба

А. Дудаков: лётчики «успели отойти до её взрыва на расстояние 50 км. И на этом (!) расстоянии самолёт так тряхнуло, что такое впечатление, что самолёт ломается ...» Чтобы мало не показалось, заслуженный лётчик-испытатель Герой Советского Союза И. Ведерников добавил: «... мог взрыв так состояться, что и вся земля взорваться (!). В этом тоже был (!) какой-то процент риска: пойдёт реакция и весь земной шарик ...» Третий участник телесюжета, генерал-майор в отставке В. Рог, рассуждая об экипажах самолётов, вообще ограничился слухами: «Насколько мне известно, предлагали (выполнить задание — Примечание Ю. С.) испытателям, государственным НИИ и так далее — те не пошли. А, как говорят, рядовой экипаж (но в кавычках!), но со строевой части Дальней авиации — пошёл на это».

Я не буду обсуждать все нелепости, отмеченные восклицательными знаками. Ограничусь несколькими пояснениями. К сожалению, генерал-майор в отставке А. Дудаков не учитывает, что ударная волна не распространяется мгновенно и в действительности она догнала Ту-95 на удалении 115 км от пункта взрыва, а ТУ–16 на расстоянии 250 км. Андрей Дмитриевич Сахаров не только генералом не был, но даже простого офицерского звания не имел. Что же касается Ту-95, доставившего супербомбу к цели, то он был построен в 1955 г. и доработан в Жуковском в качестве носителя в 1956 г. Его предполагалось использовать для испытания запланированного тогда к изготовлению заряда «Изделие 202». Именно поэтому самолёту был присвоен индекс Ту-95-202. Наконец, задание выполняли не «рядовые экипажи», а отобранные и подготовленные специальные подразделения, в которых лётчики прошли полную выучку и успешно работали, испытывая ядерные заряды на Семипалатинском и Новоземельском полигонах (см. Серафим Куликов «Авиация и ядерные испытания», Москва, ЦНИИатоминформ, с.с. 125–126, 1999).

А. Д. Сахаров в 1961 г. выступал не против конкретного испытания. Он очень активно участвовал (когда решение было принято) в создании сверхмощной бомбы. В действительности Сахаров 10 июля 1961 г. возражал Хрущёву, считая, что не следует нарушать действовавшее тогда добровольное обязательство воздерживаться от испытаний ядерного оружия. ■

В.А. НИКОЛЬСКИЙ

СОЗДАНИЕ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ СЕТИ В ХОДЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

▲ Разведдонесение

В атмосфере строжайшей секретности в РУ РККА в ночь на 22 июня проводилось штабное учение, на котором прорабатывались вопросы организации разведки при возможном нападении Германии. А на рассвете всем участникам игры, не расходившимся по домам, стало известно о вторжении немецких войск на нашу территорию на трех направлениях и бомбардировке ряда городов. Так игра превратилась в действительность. Началась война.

Нет необходимости останавливаться на описании тех первых грозных дней в Москве. Это сделано многими. Следует лишь еще раз подчеркнуть поразительное единство и готовность всех трудящихся защищать свою Родину. Тысячи и тысячи добровольцев юношей, девушек, людей зрелого возраста и стариков осаждали военкоматы с просьбами направить их на фронт.

Первые дни войны многие, в том числе и в армии, считали, что произошло какое-то недоразумение, немецкие трудящиеся не могли выступить против своих братьев, они повернут оружие против своих капиталистов и через несколько недель с войной будет покончено. На весьма редко попадавших в плен немецких солдат смотрели как на обманутых братьев — жертв фашизма. Экономисты типа Варги предсказывали скорую гибель нацистов из-за недостатка стратегического сырья.

Остро сказывалось отсутствие предварительной работы по воспитанию ненависти к немецкому

Никольский Виталий Александрович (1910-2002), советский военный разведчик, генерал-майор (1961), участник Великой Отечественной войны (1941-1945). Родился 16 мая 1910 г. в деревне Ясеновая Одоевского уезда Тульской губернии в семье сельского дьяка и учительницы церковно-приходской школы. В 1928 г. поступил на Государственный рабочий факультет в Туле. На военной службе с 1932 г. Окончил инженерный факультет Военно-химической академии в 1937 г. Помощник начальника химслужбы 43-й стрелковой дивизии. С марта 1938 г. в военной разведке. Окончил Центральную школу подготовки командиров штабов при РУ ГШ РККА. Старший помощник начальника 6-го отделения 3-го отдела, 1-го отделения 4-го отдела, заместитель начальника 1-го отделения 2-го отдела РУ ГШ РККА, начальник РО 10-й армии Западного фронта, начальник 4-го отдела 2-го управления ГРУ Красной Армии, начальник направления, заместитель начальника 2-го агентурного отдела РУ Генштаба РККА (1942-1945). Заместитель начальника РУ Центральной группы войск в Австрии, заместитель начальника РУ Группы советских войск в Германии, начальник направления управления оперативной разведки ГРУ (1958-1960). На всех выше перечисленных должностях занимался агентурной оперативной разведкой. Военный, военно-морской, военно-воздушный атташе, резидент военной разведки в Швеции (1960-1963). Руководил работой крупного агента Стига Венерстрёма («Викинг»). Начальник факультета Военно-дипломатической академии Советской Армии (1963-1968). С 1968 г. в отставке. До 1990 г. работал контрольным редактором в Воениздате МО СССР. Писатель, автор сочинений «Аквариум-2» и ГРУ в годы Великой Отечественной войны. Награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й ст., тремя орденами Красной Звезды, боевыми медалями: «За боевые заслуги», «Партизану Отечественной войны» 1-й ст., «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией в ВОВ 1941-1945 гг.».

фашизму как к злейшему врагу человечества. Сказалась двойственная политика правительства во взаимоотношениях с фашистской Германией перед войной. Ненависть к фашизму рождалась в ходе боев, при виде нацистских зверств над пленными советскими солдатами и мирным населением. Она росла, как снежный ком, захватывала всех — от детей до глубоких стариков, звала их к мести, к бою, к уничтожению ненавистного, жестокого врага. В Разведывательном управлении началась лихорадочная деятельность по подбору и подготовке разведчиков для работы в тылу противника. Наверстывалась беспечность мирного времени за счет ночных бдений, непрерывных поисков лиц со связями в оккупированных немцами районах. Создавались школы по подготовке командиров групп, радистов, рядовых разведчиков. Причем иногда преподавателей от слушателей отличало лишь служебное положение первых, т.к. ни теоретической, ни тем более практической подготовки они не имели и в обучении руководствовались здравым смыслом и скудными литературными познаниями из мемуаров Макса Ронге, Марты Рише и др. Подбирались добровольцы из числа знающих радиодело моряков Совторгфлота, Севморпути, Гражданского воздушного флота, Осоавиахима. Ставка была на массовость. Обучение продолжалось в зависимости от степени военной и общеобразовательной подготовки, а также предполагаемого использования будущего разведчика в тылу немцев, от нескольких дней до нескольких месяцев. Особенно продолжительным оно было для радистов, которые, помимо знаний материальной части рации («Белка», в последующем «Север»), должны были уметь передавать на ключе и принимать на слух 100–120 знаков в минуту, а для достижения таких нормативов требовалось несколько месяцев упорной работы.

Необходимо отметить, что недостатка в добровольцах вести боевую работу в тылу противника не было. Военкоматы были наводнены рапортами с просьбами направить

▲ Никольский В.А. и Веннерстрём Стиг

немедленно на самый опасный участок фронта. Выбор представлялся в большом возрастном диапазоне — от 15-летних юношей и девушек до 70-летних стариков, участников еще Русско-японской войны. Предложение служить Родине в военной разведке расценивалось как проявление особого доверия командования и, как правило, безоговорочно принималось.

Трогательно и больно вспоминать, с каким безграничным доверием относились к своим «воспитателям» — командирам отобранные кандидаты, какие это были кристально чистые и преданные своей Родине люди, с какой готовностью они шли выполнять свои боевые задания, с которых многие из них не возвращались. Лида Базанова, Мария Жукова, Павел Кот, Иван Анисимов, Аня Петрожицкая, Елизавета Вологодская, Людмила Донская, Иван Ильясов, Хелена Кульман, Софья Осетрова (Дубова), Федор Илюхин, Галина Сущева, Людмила Орлеанская, Лидия Вербовская, Борис Герасимов, Георгий Воронцов, Семен Мазур, Алексей Коробицын, Владимир Артемкин, Павел Кононенко, Вера Волошина, Мария Артемова, Николай Беляев, Владимир Шайкин, Мария Козлова, Порфирий Романенко, Иван Позняк, Иван Банов и сотни, тысячи других патриотов одними из первых вступили на тяжелый путь разведчика.

Переброска отдельных разведчиков и целых партизанских отрядов и групп в первые месяцы войны производилась преимущественно пешим способом в разрывы между наступающими немецкими войсками. Значительное количество разведчиков, организаторов подпольных групп и партизанских отрядов со средствами связи и запасами боеприпасов, оружия и продовольствия оставляли на направлениях, по которым двигались немецкие войска. Многих из них подбирали буквально накануне захвата населенного пункта немцами из числа местных жителей, которым под наскоро составленной легендой в виде дальних родственников придавали радиста (чаще всего радистку), снабженного паспортом и военным билетом с освобождением от военной службы, обусловливали связь, ставили задачи по разведке или диверсиям, и оставляли до прихода немцев. Через несколько дней, а иногда и часов такие разведывательные, диверсионные группы и одиночки-разведчики оказывались в тылу врага и приступали к работе.

Часть разведчиков, главным образом имеющих родственные связи в глубоком тылу, направлялась на самолетах и выбрасывалась в нужном пункте с парашютами.

Аналогичную работу по подбору, подготовке и заброске разведчиков в тыл врага проводили агентурные и диверсионные отделения РО штабов фронтов. Разведорганы фронтовых и армейских объединений начали развертываться на штаты военного времени уже в ходе боевых действий, когда войска вели тяжелые оборонительные бои, поэтому квалификация офицеров специальных отделений была в первые месяцы войны крайне низкой. Опыт приобретался ценой больших потерь.

Авангардную роль в организации и ведении разведки в период войны всегда играли коммунисты и комсомольцы. Именно они, выполняя ответственные задания командования, показывали образцы мужества, идейной убежденности, непоколебимой веры в правоту дела, за которое они боролись.

Особо следует отметить беззаветный героизм и самоотверженность советской молодежи, в частности девушек-разведчиц, из числа которых многие направлялись в тыл противника прямо со школьной скамьи. Значительную часть радистов-разведчиков составляли женщины, стойко переносившие наряду с мужчинами все тяготы боевой жизни во вражеском тылу. Уже один перелет линии фронта на тихоходных транспортных или учебных самолетах и прыжок ночью с парашютом в неизвестность фактически являлись подвигом, а ведь это было только началом боевой работы, полной непрерывных опасностей.

В течение всей войны разведка носила массовый характер и велась непрерывно. В результате объединенных усилий РО фронтов и Центра уже в первые 6–7 месяцев войны было заброшено в тыл противника до 10 000 человек, в том числе значительное количество разведчиков с радиостанциями. А противник стремительно продвигался на восток

на широком фронте — практически от Белого до Черного моря. Он рвался к Москве. Героические усилия отдельных гарнизонов, частей и соединений не могли сдержать эту бронированную лавину. Да это было и понятно. Помимо внезапности нападения, немцы имели значительное превосходство в танках, авиации. Причем это превосходство было не только численное, но и качественное. Истребители «Ме-109» легко догоняли и сбивали наши «И-16». Наиболее распространенные в то время «Т-26» и «БТ-7» практически защищали лишь от ружейно-пулеметного огня. Сразу сказался недостаток стрелкового и артиллерийского вооружения, т.к. головные склады артхимущества через несколько недель после нападения оказались в тылу у немцев. Автоматов, составляющих основу стрелкового вооружения у противника, у наших солдат почти не было. Пополнение в части, как и в 1914 году, приходило без оружия. Нет нужды подробно останавливаться на сложности и, казалось, безнадежности обстановки на фронтах, которые все приближались к Москве.

Москва превратилась в прифронтовой город. Частые налеты фашистской авиации хотя и не производили существенных разрушений и не вызывали больших потерь, т.к. на пополнение частей ПВО столицы были брошены значительные силы, тем не менее создавали известное напряжение у ее населения и дезорганизовывали жизнь города. Маскировочная окраска Кремля, снятие некоторых заводских труб, могущих служить ориентиром для авиации, противотанковые ежи из рельсов на окраинах, полное затемнение по вечерам, патрули на улицах, посты на крышах, зенитные батареи на площадях и в парках и серьезные мрачные лица обычно веселых москвичей вызывали горькое чувство. Вспоминалась песня: «Родимый город может спать спокойно...». К ней какой-то остряк с горькой иронией добавил конец: «Граждане, воздушная тревога». До боли обидно было видеть страх детей, стариков и женщин, веривших когда-то нам, военным, как своим надежным защитникам.

Невыносимо тяжело было наблюдать первые жертвы воздушных налетов немцев — разрушенные жилища, разорванных в клочья мирных жителей, толпы людей, спешивших в метро в поисках убежища от фашистских бомб, дезорганизацию многих областей хозяйственной деятельности. Нас, работников центрального аппарата НКО, многие считали счастливчиками, поскольку мы по крайней мере знали, что с нашими семьями, хотя видеть их нам не приходилось, а вскоре по приказу командования они были эвакуированы за Урал, и моя жена с 10-дневной дочерью 28 июля уехала в Челябинскую область, в товарном эшелоне, так и не успев увидеться и проститься со мною.

Поэтому мы, оперативные работники, особенно часто задумывались: почему все это произошло? Почему не были приняты должные меры, не подготовлено противодействие агрессии, заранее планируемой врагами и известной нам вплоть до ее сроков? Почему, несмотря на большое число сигналов, в том числе и от англичан, о сроках начала войны и очевидной подготовке к ней немцев, она оказалась для нашего

▲ Сталин, Москва Красная площадь 7 ноября 1941 г.

▲ Связь

народа внезапной? Но искать ответа на этот вопрос было некогда. Нужно было выполнять свой долг, наверстывать упущенное.

В первой половине августа нас, группу оперативных работников РУ, направили в прифронтовую полосу для создания разведывательной сети в городах, которым угрожала опасность захвата противником. Эта работа должна была проводиться нами в помощь фронтовым агентурным и диверсионным отделениям, которые выполняли ее независимо от нас. Командиров разведывательных групп (резидентур), за редкими исключениями, мы должны были подбирать на месте из числа добровольцев-патриотов, не подлежащих призыву в армию: как правило, пожилых людей, имеющих за плечами опыт армейской службы, не известных окружающим в качестве партийно-советских активистов. С собою мы везли подготовленных радистов, знавших не только свое дело, но и основы агентурной работы, приобретенные в краткосрочной школе при РУ. Эти радисты должны были по нашему замыслу не только являться техниками-связистами, но и зачастую заместителями командира группы, а иногда и создавать группу разведчиков из местных жителей. Такие задачи обычно ставились радистам, имевшим в пункте назначения какие-либо связи. Разведчиков снабжали поношенной гражданской одеждой, обеспечивали деньгами, запасом продуктов, сухим пайком (консервы, сухари, сахар, сало, спирт) месяца на два, оружием, боеприпасами и взрывчаткой в зависимости от поставленных задач. Радисты получали радио «Север» с двумя комплектами батарей БАС-60 и БАС-80 с необходимым количеством элементов 3С. Всем выдавались соответствующие легенде советские документы (паспорта, военные билеты с отметкой о снятии с воинского учета по какой-либо трудно контролируемой причине, свидетельства об освобождении из мест заключения и др.).

Каждый оперативный работник снабжался удостоверением за подписью заместителя начальника Генерального штаба, где указывалось, что мы выполняем задание особой важности и все гражданские, военные власти и органы НКВД обязаны оказывать нам всяческое содействие. Люди и грузы, следовавшие с нами, проверке не подлежали.

По замыслу руководства, наши разведчики знали только свои пункты назначения и, хотя обучались вместе, рабочих фамилий и имен, под которыми им предстояло работать, друг другу не открывали. На практике эти нормы иногда нарушались, что приводило нередко к тяжелым последствиям. Совместная подготовка разведчиков при массовом наборе была неизбежным злом, чреватым расконспирацией отдельных групп, при возможных провалах. Анекдотично, но факт. На Брянском фронте для экипировки разведчицы получили партию красных трикотажных

▲ Радистки

▲ Шерстнев Н.В. 1957 г.

предметов женского туалета. Немцам удалось схватить двух разведчиц, одетых в этот трикотаж, после чего в ряде городов проводились облавы, во время которых всех женщин, имевших красные трусы, забирали в гестапо.

В первую командировку, приказом начальника 2-го отделения 7-го отдела РУ майора Шерстнева Николая Васильевича, мне надлежало 12 августа выехать на грузовой автомашине с разведчиками и радистами для создания в городах Гомель и Брянск разведывательных групп, имеющих целью вскрывать переброску войск противника через эти пункты, в том случае, если они будут остановлены нашими войсками, а сомнений в этом не было, т.к. бои шли уже на подступах к этим городам. Нужно было спешить. Все шоссейные дороги в западном направлении были забиты автомобильным и гужевым транспортом. К фронту перебрасывались незначительные подкрепления, а на восток катил неудержимый поток беженцев, перегонявших своим ходом скот, везущих на телегах детей, плетущихся пешком, измученных, голодных, с воспаленными от бессонницы глазами. Многие из них растеряли в результате непрерывных налетов немецкой авиации своих близких, у многих эти близкие были убиты на глазах. Шли автомашины с ранеными, которые ничего утешительного о положении на фронтах сказать не могли. И над всем этим хаосом в воздухе непрерывно висели немецкие самолеты, которые безнаказанно бомбили толпы беженцев, расстреливали из пулеметов автомашины с ранеными, гонялись за бежавшими по полям и дорогам обезумевшими от ужаса людьми. Картины смерти и разрушения в эту благодатную пору года, когда все плоды человеческого труда в поле ожидали уборки, както не укладывались в сознании. Казалось, что это какой-то дурной сон и нужно скорее проснуться. Но вой самолетов, взрывы, трупы на месте только что ушедшей вперед группы людей, стоны раненых возвращали к действительности.

В Гомель мы прибыли ночью 13.08 без потерь. Но все виденное воздействовало на моих спутников, да и на меня самого, как предметный урок ненависти к немцам. Мы впервые увидели весь ужас войны, и перед нами вновь вставал вопрос: «Кто дал право врагу распоряжаться нашими жизнями?» «Что ему нужно в нашей стране?» Закипала дикая злоба к захватчикам, желание беспощадно мстить за погибших соотечественников.

Город практически к обороне подготовлен не был. Немцы продвигались так стремительно, что западнее Гомеля мы успели только вырыть обычные окопы. В городе, подвергавшемся непрерывной бомбежке, а с 14.08 и прямому артобстрелу, из органов власти практически никого не осталось, и оформить хотя бы задним числом моих людей на работу, подобрать надежных помощников из числа проверенных местных жителей уже было нельзя. Не успевшая или не желавшая бежать часть гражданского населения, уже никем не управляемая, в ужасе ожидала прихода немцев, прячась в подвалах и щелях. Часть предприимчивых молодчиков тащила из магазинов и складов продовольствие, промтовары. В пылающем, стонущем от взрывов городе на них никто не обращал внимания, да и не было нужды. Спасти это имущество все равно было нельзя. Так или иначе, оно досталось бы врагу.

Все мои попытки найти представителей органов НКВД, чтобы воспользоваться хотя бы их кадрами для создания группы, не увенчались успехом. Брать же непроверенных людей было рискованно. А немцы упорно рвались к городу. Во время одного из артобстрелов случайно оказавшийся рядом со мной старик схватил меня за шинель и начал яростно кричать: «А где же наши? Скажи, где они? Неужели так и пропадать тому, за что мы боролись?»

Не найдя, что ответить этому человеку, с чувством стыда, как будто во всех этих несчастьях была и моя вина, я почти бегом направился к своим разведчикам. Они ожидали меня в покинутом домике на восточной окраине города. Автомобиль был оставлен мною на восточном берегу р. Сож.

Группу я вынужден был после проверки надежности связи с Центром оставить на нелегальном положении с переходом в последующем, при невозможности легализоваться, на базу партизан, в лес, чтобы организовать подвижную разведгруппу. Распростившись с товарищами, фамилии которых, к сожалению, не сохранились в памяти, я перешел на другую сторону реки по мосту, который был через несколько минут взорван, т.к. кто-то сообщил, что немецкие танки и мотоциклы прорвались и могут захватить переправу. Тревога была ложной, но в результате нее несколько наших подразделений оказались отрезанными водной преградой и вынуждены были в панике, вплавь перебираться на восточный берег, бросая оружие.

На берегу какой-то бригадный комиссар тщетно пытался задержать поток бегущих бойцов и организовать на берегу оборону. Я пытался ему помочь, но все было тщетно. Задержанные нами и еще несколькими переплывшими реку командирами солдаты, собранные из разных подразделений, некоторые без оружия, неудержимо стремились назад и не поддавались никаким увещеваниям; немцев еще не было видно, но берег усиленно обстреливался артиллерией. Боязнь танков и окружения в первые месяцы войны превращалась иногда в массовый психоз, от которого мы избавились ценой больших потерь лишь в дальнейшем ходе войны.

▲ Кочетков Михаил Андреевич

Выполнив задание в Гомеле не совсем удачно, из-за недостатка времени, в чем были повинны не зависящие от нас, рядовых работников, обстоятельства, и сообщив начальнику РО штаба Брянского фронта подполковнику М. А. Кочеткову данные о группе, на случай посылки РО связника через линию фронта, мы с оставшимся радистом направились в Брянск. Гомель был занят немцами буквально через несколько часов после нашего отъезда 16.08.1941 г.

Дороги от Гомеля до Брянска также были забиты. На восток эвакуировалось население, сельскохозяйственная техника и скот, отступали войска. Использовались все возможные проселочные дороги. Беспорядочное на первый взгляд перемещение людей и техники шло, как показывало внимательное наблюдение, в одном направлении — в тыл. Над всем этим скоплением отходящих войск и гражданского населения носились самолеты с крестами, сея смерть и разрушение.

В Брянске удалось задержаться на более продолжительный промежуток времени. Там еще работали, в какой-то мере, советские организации, и нам удалось с помощью местных партийных органов подобрать нужных людей, достаточно убедительно легализовать радиста, документируя его как племянника одного из жителей города. С подобранными разведчиками удалось провести более или менее подробный инструктаж: дать им задания, рассказать, как их выполнить, разработать условия связи, проверить рации. В Москву я возвратился в начале сентября.

В октябре в связи с продолжающимся наступлением немцев возникла необходимость срочного создания в Курске и Мценске радиофицированных разведывательных групп, было очевидно, что эти города будут заняты противником.

20 октября 1941 года я выехал из Москвы, имея с собою двух радистов, для комплектования этих, подразделений вначале в Мценске, уже находившемся в преддверии захвата, а затем в Курске. Во Мценск направлялся молодой, веселый парень — армянин, для легализации в Курске — девушка-полька. Фамилии их, к сожалению, в памяти не сохранились. Кандидатуры были явно не подходящие, поскольку в Мценске — небольшом районном городке Орловской области, вероятно, никогда не жили армяне. Вряд ли была удачно выбрана радистка и для резидентуры в Курске. Девушку выдавал польский акцент и абсолютное незнание советских порядков, поскольку она еще недавно проживала в присоединенных к СССР областях Западной Украины. Легенды у обоих были малоправдоподобные. Кроме энтузиазма и желания помочь делу разгрома немцев, других качеств, нужных разведчику, у них не было, да они и не имели времени приобрести их за короткий срок своей теоретической учебы. Но делать было нечего. Иного выбора мы не имели.

Как и во многих других случаях, радистам разрешалось, в зависимости от обстановки, переходить на нелегальное положение, уходить в партизанские отряды, действовать самостоятельно.

Выехав вечером, мы утром уже были в Мценске. Так же, как и в предыдущем рейсе в Гомель, в пути нам встречались беженцы, автомашины с ранеными и эвакуирующимися, за которыми охотились немецкие самолеты.

В Мценске нас должен был ожидать оперативный работник нашего отдела майор Ларионов, явка с которым была обусловлена в пассажирском зале железнодорожной станции. Ларионов попутным транспортом выехал к месту работы несколькими днями раньше. Он должен был подобрать на месте личный состав группы и подготовить условия легализации радистов.

При въезде в город нас поразило почти полное отсутствие на улицах гражданских лиц. Шли бойцы, командиры, плелись раненые, но спросить, как проехать к вокзалу, было не у кого. Все спешили на восток. Магазины и учреждения были открыты, но в них не было обычных для этого времени посетителей.

Вокзал был пуст, хотя станционные пути плотно забиты порожняком. Не было только паровозов и... людей. У будки одиноко сидел инвалид стрелочник, который на вопрос: «Куда же делось все начальство?» — коротко ответил: «Утекло».

На станции, как и в городе, все свидетельствовало о поспешной, даже панической эвакуации, похожей на бегство. Порванные провода, костры еще тлеющих бумаг, которые в спешке пытались уничтожить перед уходом, и вместе с этим элеватор, полный зерна, нефтебаза с большим запасом ГСМ. Понятно, что Ларионова на станции не оказалось. Возможно, он погиб в пути. Больше я его не встречал.

Единственное учреждение в городе, которое продолжало напряженно работать, был районный отдел НКВД. В него накануне прибыл из Орла заместитель начальника областного управления, депутат Верховного Совета СССР Ефремов. Этот энергичный волевой человек смог за несколько дней, оставшихся до захвата города немцами, организовать эвакуацию ценностей и в первую очередь хлеба. Под угрозой расстрела самовольно бежавших и угнавших паровозы железнодорожников он потребовал их возврата. Из окрестных деревень были собраны крестьяне для погрузки зерна из элеватора в вагоны. Грузчикам за день работы на станции выдавали мешок пшеницы. Если учесть, что в те времена в колхозе получали по 400–500 граммов хлеба на трудодень, то неудивительно, что по беспроволочному телеграфу в округе стало известно о выдаче хлеба из мценского элеватора почти безвозмездно. Сотни людей устремились на работу в Мценск, и в течение нескольких дней значительная часть зерна была вывезена, пакгаузы и склады освобождены от наиболее ценного груза (кожа, консервы, сахар), нефтебаза минирована.

Так воля, энергия и организаторские способности одного человека спасли от захвата противником очень нужных для фронта материалов и продовольствия, не считая большого количества подвижного состава.

Товарищи из НКВД, проводившие параллельно с нами работу по подготовке подполья в районе Мценска, помогли рекомендациями при подборе нужных для разведки лиц, дали несколько адресов к своим доверенным людям, что значительно облегчило нам выполнение задачи по созданию группы. В основном мы все закончили в 3 дня. Было найдено несколько человек, «изъявивших желание добровольно служить в разведке». Понятно, что подготовить их по всем вопросам их будущей опасной и трудной деятельности можно было лишь в самых общих чертах. Из запасов, сохранившихся в магазинах и на складах, разведчикам оставили примерно на год продовольствия: муки, сахару, консервов и даже вина. Наступало время оставлять радиста на подобранной квартире и уезжать, т.к. немцы уже подходили к городу. Перед отъездом, по имевшейся боевой программе, попытались установить радиосвязь с Центром. Но безуспешно. Тщательная проверка раций показала их полную исправность. По всему диапазону передавались хвастливые немецкие реляции о победах на восточном фронте, разгроме большевиков, неудержимом продвижении соединений рейха к Москве. Сообщало о тяжелых боях с захватчиками и Совинформбюро. Лишь наш радиоузел хранил гробовое молчание. Это крайне волновало меня и отрицательно сказывалось на настроении радистов. Они были уверены в безотказности своей техники, имели относительно неплохую

▲ Курск, 1941 г.

учебную подготовку по линии связи, морально настроились преодолевать всяческие трудности, но не готовы были к срыву работы по основному профилю работы. Рации являлись их оружием, и вдруг оно оказалось негодным еще у своих. Стал вопрос о целесообразности оставления этих чудесных ребят в тылу немцев, но они оба единодушно заявили, что если радиоузел будет с ними работать, то связь они установят любой ценой. В крайнем случае, останутся для партизанской борьбы с врагом, но обратно не вернутся.

С грустным чувством расстался я с радистом, теряясь в догадках, что же произошло со связью, но сделать уже ничего было нельзя. Ночью мы выехали из Мценска, а утром он был занят немцами. До Курска мы добирались около недели. Двигаться приходилось по разбитым проселочным дорогам, которые раскисли от осенних дождей. Навстречу нам катила лавина наших отходящих войск. В ту пору в ходу была горькая шутка. Немцы, отрицая свое вероломство в нападении на СССР, утверждали, что русские первые начали тщательную подготовку к войне, испортив все дороги. Однако бездорожье причиняло нам не меньше неприятностей, чем противнику.

У немцев имелось в тот период значительно больше, чем у нас, транспортных средств с повышенной проходимостью, в том числе гусеничных, что давало им возможность даже осенью по российскому бездорожью маневрировать своими силами, обходить и окружать наши части и соединения.

В пути наблюдалась все та же общая для того времени картина прифронтовой полосы при беспорядочном отходе войск: неразбериха, бесчинства по полям и дорогам немецкой авиации и, как их следствие, горящие города, села, деревни, трупы наших бойцов, гражданского населения — стариков, женщин, детей.

В Курск мы прибыли 30.10.1941 г. В городе уже не было нормально работающих советских учреждений, кроме оперативной группы НКВД, сотрудники которой порекомендовали мне «родственника» для нашей радистки. Это был уже пожилой человек, в прошлом поручик царской армии, беспартийный. Кроме положительной устной характеристики оперуполномоченного НКВД, никакими материалами на него я не располагал, но выбора не было, радистка осталась у него в доме в качестве дальней родственницы, эвакуировавшейся из Львова и настигнутой в Курске немцами.

В течение двух дней я пытался внушить «резиденту» основные задачи его предстоящей работы, рассчитывая больше на его житейский опыт, прошлую военную подготовку и личную сообразительность.

Для обеспечения «резидента» и радистки удалось и здесь достать муки, консервов, сахару и даже манufактуры из магазинов, уже подвергшихся разграблению местными жителями. К сожалению, и из Курска связь с Центром установить не удалось.

2 ноября совершенно случайно я встретил на улице майора Бабина, с которым мы не виделись более 4 лет. Это был мой сослуживец по 43-й стрелковой дивизии, где он работал начальником инженерной службы. Бабин сообщил, что он выполняет особое задание Военного совета 13-й армии по уничтожению, в соответствии с приказом И. В. Сталина, всех военно-промышленных объектов города (электростанции, вокзала, нефтехранилищ, складов, элеватора,

казарм, служебных зданий и т. п.). Нужная работа ими была уже проделана, объекты минированы, и к вечеру все они должны были быть взорваны его саперами, отходящими с последними нашими войсками.

Поскольку работа по «легализации» радистки была в основном закончена, мы с водителем, не желая оставаться «единственными» защитниками Курска, забрали на нефтебазе перед ее взрывом 2 бочки бензина и бидон автола и выехали из города. За нами грохотали взрывы. Трудно было понять, то ли город бомбили немцы, то ли начал выполнять заключительную часть своего задания мой друг Бабин.

Настроение было подавленным в связи с общими неудачами на фронте, разрушениями, гибелью людей и сознанием недоработок в выполнении непосредственных служебных задач. Что могли сделать наши чудесные разведчики-добровольцы при такой поспешной подготовке, плохо обеспеченные, наспех заброшенные в незнакомые районы, доверенные малоизвестным людям? Что серьезного могла сделать 19-летняя девушка, оставленная в чужом городе в условиях оккупации, да еще без связи? Почему с конца октября молчит Центр? Какие еще ошибки в подготовке радистов допущены нами? А ведь такую подсадку разведчиков перед наступающим противником в первые месяцы войны проводили многие десятки оперативных работников управления и РО фронтовых штабов. Действовали они теми же методами и средствами, что и я.

Единственная надежда была на массовость проводимой заброски, оправданной при огромной протяженности фронтов. Некоторые шансы на успешную отдачу давала также неизбежная при колоссальных перемещениях людей, вызванных войной, неорганизованность в тылу противника и невозможность даже немецкой «хваленой» административной машине учесть их всех и сразу наладить контрразведывательную службу. Ориентировка на создание подвижных разведгрупп партизанского типа, при невозможности работать в городах и поселках, также давала основание верить в успех хотя бы части наших людей.

Опыт последующей работы показал, что эти соображения в какой-то степени оправдались. Потери были велики, но разветвленная сеть разведчиков все же сохранилась. Многие выжили, легализовались с помощью советских патриотов, устроились на работу в немецких оккупационных органах, на узловых станциях железных дорог. Из городов, поселков, от лесных групп, возникавших на оккупированной территории партизанских отрядов, через наших радистов начала поступать все более и более полная информация о немецких войсках, сначала об их группировке, перебросках живой силы и техники, а в последующем, по мере укрепления и усиления агентурных кадров, планах и намерениях. Наше возвращение в Москву длилось свыше 10 дней. Вместе с нами отходили на восток наши бойцы. Пешком, на повозках, верхом на отобранных в колхозах и совхозах лошадях без седел ехали и шли пехотинцы, артиллеристы, танкисты, оставившие свои танки, орудия и автомашины в осенней курской грязи из-за отсутствия горючего. Отходили группами, вырвавшись из окружения, зачастую только с личным оружием. Раненых везли на повозках. Вся дорога от Курска до Щигров была усеяна военной техникой, брошенной отходящей 13-й армией. Не было горючего, в то время как в городе саперы подрывали емкости с бензином.

Учитывая отсутствие железнодорожного движения на линии Курск-Щигры, мы двинулись на полуторке по шпалам, пропустив один рельс между колес, и успешно добрались до Щигров. В дальнейшем выбирали дороги в стороне от направления отходящих войск.

Много нелестных замечаний и горьких упреков приходилось выслушивать от крестьян попутных деревень, в которых приходилось останавливаться на ночлег или просить выделить лошадей для извлечения из липкого чернозема завязшей по самый дифференциал автомашины. «Продали Россию», «До Курска даже дурак Николка не пустил немцев», «Вояки, чему же вас учили, только проводить парады», — бросали реплики наиболее агрессивные. Почти все спрашивали: «Как на фронте?», «Что же с нами будет?» Женщины плакали, вспоминая своих мужей, сыновей, братьев, служивших в армии, от которых с начала войны не было никаких вестей. Информация у населения была крайне скудная. Сводки Информбюро были неутешительными. Курск давно уже был взят немцами, а бои все еще шли на «курском направлении».

Вражеская пропаганда изощрялась в клевете. В листовках, которые вперемежку с фугасами немцы сбрасывали над нашими городами, селами и войсками, сообщалось о полном разгроме Красной Армии, указывались сроки взятия Москвы и Ленинграда. Фашистские политики пытались играть на националистических чувствах людей, разжечь антисемитизм, неприязнь украинцев к русским и т. д. За Щиграми с немецкого самолета были сброшены в гущу наших отходящих войск несколько евреев и выброшены вымпелы с надписями: «Жиды и комиссары — вот с кем борется германская армия». Фашистские летчики хулиганили, сбрасывали на беженцев и войска тракторные колеса и другой металлолом, который при падении выл, как какие-то необычные бомбы. Над оборонительными рубежами, возводимыми населением, с самолетов рассыпали издевательские листовки с виршами, сочиненными, вероятно, каким-нибудь белоэмигрантом:

Дорогие дамочки! Вы не ройте ямочки. Немецкие таночки. Обойдут те ямочки.

Вся эта неумная пропаганда воздействие на советский народ имела, в основном, диаметрально противоположное тому, которое ожидали немцы. Сбрасывание живых евреев с самолетов не поджигало антисемитизм, а наоборот, вызывало чувство ненависти к изуверам-нацистам. Иллюзии о том, что немцы культурный народ, гуманная нация, проводники

▲ Сеанс радиосвязи

технического прогресса, воспитанные на передовых идеях, имевшиеся до войны у многих наших людей, начали исчезать. Народ увидел звериное лицо фашизма во всей его красе, и ненависть к захватчикам росла, как снежный ком.

По пути пришлось видеть много примеров любви нашего народа к армии и ее солдатам. Крестьяне делились с отходящими воинами буквально последним куском хлеба. Были, конечно, и враждебные выпады, вызванные далеко не всегда неприязнью к армии, а зачастую отчаянием, страхом перед неизвестным будущим.

В некоторых колхозах, оставшихся без руководства, крестьяне делили зерно, скот и мелкий инвентарь. Обращало на себя внимание большое количество мужчин призывного возраста. Очевидно, в ряде районов мобилизацию провести не успели или часть отходивших и вышедших из окружения солдат осела в деревнях.

Возвратиться в Москву через Тулу оказалось уже невозможным, т.к. противник подошел вплотную к этому древнему русскому городу, продвинулся на юго-восток, перерезав дорогу Орел-Тула. Пришлось пробираться окольными путями параллельно фронту с выходом через г. Михайлов на шоссе Москва-Рязань. 14.11.1941 г. за Коломной нас с водителем Марчуком удивило большое число легковых автомашин «ЗИС-10» и «М-1», мчавшихся целыми вереницами на восток. Значительно реже встречались груженные оборудованием полуторки и трехтонки. Это обстоятельство настораживало. Не бегство ли это? Неужели и Москву постигнет участь Минска, Смоленска, Харькова, Курска и многих других городов, разрушенных врагом?

Подъехав к управлению, располагавшемуся в то время на улице Грицевец, д. 19 (бывшем Б.Знаменском переулке), мы обнаружили, что ворота и входные двери наглухо закрыты. Дворник, стоявший у входа, охотно разъяснил нам, что все сотрудники из здания эвакуировались. Осталось лишь несколько человек в доме 6 по Гоголевскому бульвару. По указанному адресу мы нашли своих коллег майоров И. А. Большакова, В. И. Коновалова, П. И. Степанова, военинженера 2 ранга К. Б. Леонтьева, капитана М. И. Полякову. Они представляли собою оперативную группу управления, оставленную «на передовой» для подготовки запасной сети разведчиков на своей территории от столицы до г. Горького включительно. От них я узнал, что управление эвакуировано в Куйбышев, а Центральный радиоузел — в Читу. Понятно, что при поспешной эвакуации связистам было не до круглосуточного дежурства для контроля за работой наших раций, и в то время, когда разведчики-радисты пытались установить связь с Центром, некоторое время их просто никто не слушал. Операторы, очевидно, работали лишь с наиболее важными корреспондентами, находившимися в глубоком тылу противника. Вероятно, панике поддались и некоторые тогдашние руководители нашей службы. Оставшиеся в Москве товарищи рассказывали, что в октябре и начале ноября некоторые московские партийно-советские и хозяйственные работники пытались на служебных автомобилях уехать из столицы, будучи уверенными, что ее неминуемо через 1–2 дня захватят немцы. Поспешно уничтожались архивы, преступные элементы и враже-

ская агентура использовали панику в своих целях, сея провокационные, пораженческие слухи о неминуемой победе фашистов. Были случаи, когда паникеров, дезертировавших со своих постов, при выезде из Москвы рабочие избивали и заставляли возвращаться в город. Потребовались решительные меры вплоть до расстрела для наведения порядка в столице.

Характерно, что И. В. Сталин Москвы не покидал и, как известно, присутствовал 7.11.1941 г. на параде войск Московского гарнизона, направившихся прямо с Красной площади на фронт.

В городе было введено осадное положение, установлен комендантский час. Движение по улицам в ночное время и во время воздушных тревог строго ограничивалось особыми пропусками. В небе столицы с вечера выставлялись аэростаты заграждения. По улицам курсировали военные патрули. Ожидали возможной высадки десанта противником и готовились к его отражению. Было введено рационирование продовольствия и промтоваров. Работавшие получали 600 грамм хлеба в день, иждивенцы — 300.

Отчитавшись в проделанной работе перед старшим оперативной группы майором Большаковым, я получил новое задание — совместно с майорами Коноваловым и Степановым организовать и подготовить запасные разведывательные группы в гг. Орехово-Зуеве, Владимире, Коврове, Горьком, подобрав разведчиков из числа местных жителей. Для групп надлежало создать необходимые материально-технические запасы на случай развертывания разведывательно-диверсионных действий, если территория будет оккупирована немцами. Для работы с легальных позиций в этих городах должны были подбираться мужчины и женщины, не подлежащие по состоянию здоровья и возрасту не только мобилизации в армию, но и привлечению к трудовой повинности.

Очевидно, отрицательный опыт подбора и подготовки разведчиков под артогнем противника, а также стремление немцев любой ценой взять Москву вынудили руководителей нашей службы принять решение о создании запасной разведывательной сети до такой глубины с тем, чтобы иметь возможность более солидно подготовить намеченные группы и быть гарантированными в случае прорыва нацистских войск в обход столицы на восток.

К счастью, эта разведывательная сеть не понадобилась. Началось наше зимнее наступление, отбросившее немецко-фашистские войска далеко от Москвы. Тем не менее, хотелось сказать несколько теплых слов о наших патриотах — пожилых гражданских людях, изъявлявших желание добровольно, без колебаний служить Родине на опаснейшем участке войны — в разведке. В те тяжелые месяцы 1941 года никто из них не знал об исходе битвы за Москву, не знал о начавшемся наступлении, но все они были уверены в конечной победе советского народа над врагом.

Закончить эту работу мне не пришлось. В конце ноября я был вызван в Москву и назначен на должность старшего помощника начальника РО штаба 10-й армии Западного фронта.

Работа в РО штаба Сталинградского фронта. Ликвидация оперативной агентурной разведки

Летом 1942 года немцы предприняли попытку прорваться к Кавказу, выйти к Волге и захватить Сталинград. Нет необходимости останавливаться на всех известных положениях о чрезвычайной серьезности стратегической обстановки, создавшейся на юго-востоке страны. Для отпора наступлению противника готовились резервы, создавались новые формирования.

В конце июля 1942 года меня вызвали в Отдел кадров ГРУ и предложили назначение на должность начальника 2-го отделения РО штаба вновь создаваемого Юго-Восточного фронта (7.08.1942 г. Сталинградский фронт был на короткий промежуток времени разделен на два фронта — собственно Сталинградский и Юго-Восточный).

Я с радостью согласился не столько потому, что это было значительное повышение по службе, но и потому, что дальнейшее пребывание под руководством Жемчужина, повседневное общение с ним, выслушивание его авантюристических, зачастую просто вредных указаний становилось нетерпимым.

Работа же под Сталинградом должна была развертываться заново, должность обеспечивала известную самостоятельность, участок обещал быть боевым. Что же большего в условиях войны может желать молодой командир?

Меня познакомили с будущим начальником РО штаба фронта подполковником Михаилом Андреевичем Кочетковым, который коротко ввел меня в курс событий, снабдил должными полномочиями и инструкциями по подбору необходимого для развертывания заново 2-го и 3-го отделений РО, имущества и улетел в Сталинград. Кочеткова я встречал ранее в Разведуправлении, до войны, потом на Брянском фронте в первые ее месяцы. Он оставлял впечатление знающего и энергичного командира, опытного разведчика, предоставляющего известную самостоятельность и инициативу своим подчиненным.

Поскольку штаб фронта и его подразделения создавались заново, мне надлежало рассчитать необходимое количество материально-технических средств для обеспечения работы 2-го и 3-го отделений, включая узел связи, агентурные рации, парашюты, оружие, взрывчатые вещества, продовольствие, радиопитание, боеприпасы, получить все это в центральных довольствующих органах и на складах и доставить с одним из прямых воинских эшелонов в Сталинград.

Некоторый опыт, приобретенный во время работы во 2-м отделении РО штаба Западного фронта, помог мне относительно правильно учесть потребности вновь создаваемых раз-

▲ Сталинград

ведорганов и в короткий срок отбыть с эшелоном, следующим на Сталинградский фронт, к месту назначения. Имущества самых различных наименований собралось на целый пульмановский вагон.

Несмотря на то, что нашему эшелону, как везущему пополнение на фронт, давали «зеленую улицу», путешествие продолжалось более 10 дней, т.к. чем ближе мы подъезжали к Сталинграду, тем сильнее были разрушения железнодорожных сооружений и путей, чаще совершались налеты немецкой авиации. Станции и полустанки были забиты составами. Многие из них пылали после недавних бомбежек. Картина была примерно та же, что и летом 1941 года на западном направлении.

Со мною ехали два оперативных работника будущего 2-го отделения РО Юго-Западного, а в последующем Сталинградского фронта, старшие лейтенанты Фурсов и Пантелеев. В Сталинграде к нам должны были прикомандировать капитана М. А. Смоленкова. Остальной состав отделения надлежало подобрать на месте.

В Борисоглебске наш эшелон подвергся ожесточенной бомбежке. Был разбит полностью один вагон, несколько человек убило, многих ранило. Станция была почти на сутки выведена из строя. Нужно отметить самоотверженную работу железнодорожников, пытавшихся любой ценой растолкать пробку, образовавшуюся в результате налета и привлекавшую новые атаки вражеских самолетов. В ночь на 9.08.42 года мы двинулись дальше, а утром 11.08 наш эшелон окончательно остановился в степи на каком-то полустанке или разъезде, до отказа забитом товарными вагонами, цистернами и платформами. Дальше поезда не ходили, т.к. линия была разбита бомбежкой и заставлена порожняком. До Сталинграда оставалось около 180 километров. Юго-западнее слышался шум боя. Очевидно, линия фронта была недалеко. Часть, при которой мы находились в одном эшелоне, разгрузилась и спешно, своим ходом, направилась на гул орудий. Мы остались одни. Для перевозки нашего имущества нужно было не менее 5 грузовиков «ЗИС-5» — самых мощных, что мы имели в то время, грузоподъемностью в 3 тонны.

Оставив своих подчиненных на забитом вагонами полустанке охранять груз, я на попутных машинах добрался до Сталинграда, нашел разведотдел и с помощью его начальника подполковника М. А. Кочеткова получил заветные 5 грузовиков. К утру 12.08, к радости моих спутников, считавших меня погибшим, я вернулся к опустевшему эшелону. Едва мы успели перегрузить наше имущество на автомобили и отъехать на полтора-два киломе-

тра в тень небольшой придорожной рощи, как на полустанок налетела девятка «Ю-88», и через несколько минут товарные вагоны нашего эшелона, залитые потоками горючего из разбитых цистерн, пылали, как громадный костер, а через несколько часов железнодорожная линия на этом участке была перерезана прорвавшимися немецкими танками. Наша спешка оправдала себя. Несмотря на многократные налеты немецкой авиации в пути, охотившейся и здесь за каждой автомашиной, мы благополучно добрались во фронтовой город, которому второй раз за 24 года пришлось пережить ужасы войны. За этот «рейс» приказом командующего фронтом я был награжден орденом Красной Звезды. С 15.08.1942 г. 2-е отделение РО штаба фронта начало работу.

Сталинград — большой промышленный город, в прошлом купеческий Царицын, насчитывавший свыше 500 000 человек населения, ставший в 30-х годах центром советского тракторостроения, в ту пору имел значительное количество старых деревянных построек, образовывавших целые улицы. Окраины полностью состояли из одноэтажных обывательских домиков, и лишь в центре вокруг площади Павших Героев да у тракторного завода и других промышленных предприятий возвышались многоэтажные современные здания. Несмотря на близость фронта, в городе оставалось много гражданских лиц. Были открыты магазины, кинотеатры. Несмотря на налеты вражеской авиации, работали на оборону заводы «Красный Октябрь», «Баррикады» и другие. До двухсот тысяч сталинградцев возводили оборонительные сооружения на подступах к городу, тысячи и тысячи вступили в народное ополчение. Массовой эвакуации населения города не производилось. Возможности ее осложнялись отсутствием мостов через Волгу. Все сообщение с левым, тыловым, берегом осуществлялось на баржах и катерах, занятых почти полностью обслуживанием фронтовых переброс. Ширина реки у города была более километра.

По опыту, приобретенному в первые месяцы войны на Западном фронте, я отказался от расквартирования постоянного и переменного состава отделения в центре города и расположился в нескольких хибарках на его окраине. Рядовой и сержантский состав для обслуживания отделения мы без труда подобрали в запасном полку и, не теряя времени, начали поиски людей, которых можно было бы после непродолжительной подготовки, главным образом по радиоделу, направить на разведку в тыл противника.

Подготовка разведчиков и диверсантов, подобранных нами из числа местных жителей, рядового и сержантского состава частей, осуществлялась централизованно во фронтовой разведывательной школе, недавно созданной при РО. Командовали этим учебным заведением майор Шарыгин и батальонный комиссар Цирлин, преподавали — наши офицеры и несколько радиоспециалистов. Начинать все нужно было заново, с нулевого цикла. Не было людей, пособий, материально-технических средств, продовольствия и, самое главное, опыта и теоретической подготовки у большинства командиров-начальников.

Помимо привезенных нами из Москвы парашютов, агентурных раций, небольшого запаса оружия, тола и продовольствия, в РО не имелось ничего. Не было автотранспорта, гражданской экипировки, пайков для текущего довольствия сравнительно большого количества разведчиков, число которых все увеличивалось. Однако выход был найден. Командование фронтом снабдило нас «чрезвычайными» полномочиями. Нам были выданы мандаты, предоставляющие право отбирать у всех учреждений Сталинградской области, за исключением обкома ВКП(б), легковой и грузовой автотранспорт, забирать для нужд фронта в торговых организациях гражданскую одежду и продовольствие, для переменного состава были выданы красноармейские пайки, и вскоре мы имели все необходимое для развертывания подготовки разведчиков. Правда, не обошлось и без курьезов. 20.08.1942 г., возвращаясь из разведшколы, одно из подразделений которой находилось на левом берегу реки в деревушке Суходол, мы обогнали автомобиль «М-1». Задержали, проверили документы. Владельцем

▲ Узел связи

▲ Чуянов

его оказался секретарь Калачского райкома ВКП(б), обеспечивший себя запасами ГСМ, продовольствия, водки и фиктивными документами, свидетельствующими о том, что он якобы является командиром истребительного батальона, однако указать, где находится его подразделение, «командир» не смог. Шофер мошенника, оказавшийся более порядочным, чем его шеф, попросил направить его в какую-либо часть, т.к. ему, по его словам, было стыдно болтаться в тылу, в то время как его товарищи воюют. Высадив незадачливого районного руководителя, не понявшего своей роли в столь грозное время, мы отобрали его автомобиль для нужд фронта, в чем выдали расписку, как это делали обычно всем.

22.08.1942 г. я внезапно был вызван к члену Военного совета фронта, секретарю Сталинградского обкома ВКП(б) Чуянову. Кратко подготовив доклад о состоянии дел в разведке, я прибыл в указанное время. Каково же было мое удивление, когда Чуянов с места в карьер предъявил мне обвинение в бандитизме и потребовал письменного объяснения, на каком основании мною была отобрана злосчастная «эмка» у районного вельможи. Мандат на право конфискации любого гражданского автотранспорта несколько успокоил члена Военного совета, но он продолжал утверждать, что я, как член партии, из чувства уважения к партийному руководителю не должен был трогать имущество райкома. Меня удивила столь нежная забота о дезертире, пытавшемся удрать с фронта по подложным документам, и я высказал свое мнение о нем, добавив, что такие руководители должны привлекаться к уголовной ответственности по законам военного времени. Приказав вернуть автомашину, Чуянов, не поинтересовавшись работой отдела, его нуждами и задачами, отпустил меня, очевидно, тут же забыв об отданном приказании, которое я даже при желании не мог выполнить, т.к. автомобиль к тому времени был уже разбит при переправе. Мне казалось, что члену Военного совета при громадном объеме ответственности за судьбы фронта, города, людей нужно было выделять из массы вопросов наиболее важные.

23 августа с утра начались массированные налеты на город фашистской авиации. Непрерывный рев моторов, вой бомб, грохот разрывов, рассыпающиеся каменные здания, море огня, охватившего деревянные строения, обезумевшие от ужаса дети, женщины и старики, мечущиеся по улицам, — все это далеко превзошло виденное ранее и на всю жизнь врезалось в память.

Противовоздушную оборону города составляли главным образом зенитки, которые не смогли в должной мере прикрыть его от массированных налетов. Наша авиация почти отсутствовала. Одиночные самолеты «И-16» сбивались немецкими «Ме-109», сопровождавшими пикирующие бомбардировщики, без особого труда, несмотря на самоотверженность наших пилотов, т.к. скорость «Мессеров» значительно превосходила скорость наших истребителей. Все это создавало возможность для немцев безнаказанного полета над городом и прицельного бомбометания. Сотни очагов пожаров, вызванных немецкими «зажигалками», никто не тушил. Отсутствовали пожарные команды, не работал водопровод. Спасением гражданского населения практически никто не занимался. Оставшиеся в городе местные жители были предоставлены самим себе. Тысячи людей бросились к Волге и пытались под огнем переплыть ее на подручных средствах — лодках, бревнах, досках. И над всем этим адом кружили, как на параде, немецкие бомбардировщики, сбрасывая бомбы и расстреливая людей из пулеметов. В первый же день было совершено свыше 1000 вражеских самолетовылетов, превративших город и особенно его центр в груду пылающих развалин. Нетронутыми оставались нефтехранилища и элеватор, которые, очевидно, немцы надеялись захватить вместе с содержимым для своих целей.

Тяжелые картины смерти и разрушения можно было видеть повсюду.

Запомнилось крытое убежище на дворе, окруженном деревянными домами. При налете в него набилось множество людей. Дома загорелись

и образовали гигантский круговой костер, в центре которого располагалось укрытие с находившимися в нем жителями. Они почувствовали огонь только тогда, когда снаружи, на поверхности, он уже не давал возможности выйти из огненного кольца. Все, пытавшиеся спастись в укрытии, сгорели.

Пылали госпитали с ранеными и больными. Малочисленный медперсонал пытался спасти тех, кто не мог двигаться, и погибал от бомб, пуль, завалов, огня вместе с ними. На одной из улиц нас со Смоленковым остановила плачущая женщина. Она просила помочь, но не ей, а раненому старшему лейтенанту, выползшему из-под развалин горевшего госпиталя. Он был под огнем перенесен мужем этой женщины в подвал, где его семья укрывалась от бомбежки. Раненый был в весьма тяжелом состоянии, и нам удалось определить его на одну из машин, следовавшую за Волгу. Надо было видеть, как благодарили нас эти чудесные люди. А ведь благодарить, а может быть, и наградить за спасение раненого командира нужно было их.

Трудным было снабжение защитников города. Доставка всего необходимого для боя и эвакуации раненых через Волгу осуществлялась на баржах с буксирами и катерами. Переправы постоянно находились под воздействием авиации противника, а прикрывались, на первых порах, почти одним зенитным огнем. Насколько важным было значение переправ для обороны города, можно судить по тому, что с ноября на них постоянно дежурили заместители командующего фронтом, определявшие очередность движения людей и техники через Волгу. Количество лиц, коим разрешалось беспрепятственно и вне очереди переправляться в ту и другую сторону, было весьма ограничено, и им выдавались специальные пропуска.

В сентябре в одну из поездок на тыльную сторону, как раз когда наша большая волжская баржа, нагруженная автомашинами и сотнями раненых, медленно буксируемая маленьким катером, находилась где-то посередине реки, на нее налетел немецкий пикировщик. С воем неподалеку падали бомбы, поднимая высокие столбы воды. Среди раненых поднялась паника. Некоторые из них бросались в воду, и среди криков, стонов, воплей терялся слабый голосок медсестры, совсем еще девочки, бегавшей от одной группы раненых к другой и успокаивавшей их. Она хватала ползущих к бортам солдат за руки, уговаривала их, как маленьких детей, хотя каждый из них был значительно старше ее: «Родненькие, успокойтесь, он не попадет, только не прыгайте, все будет хорошо». Эта маленькая девушка, почти ребенок, не видела личной опасности. Она спасала вверенных ей людей, не думая о себе. К счастью, одна из бомб, предназначавшихся нам, попала в стоявшую на отмели баржу с лесом. От взрыва веером разлетелись в стороны бревна и доски. Летчик, решив, очевидно, что его задача выполнена, а может быть, израсходовав весь боекомплект, отвалил в сторону. Только тогда у сестры наступила реакция... Она разрыдалась. «Восемь человек, восемь человек утонули, я же им говорила», — всхлипывала она. У причала к девушке подошел уже пожилой, заросший седой щетиной капитан с завязанной окровавленными бинтами головой и рукой на перевязи. Как бы между прочим он сказал: «Дочка, если бы у меня был орден, я снял бы его и отдал тебе. Спасибо тебе от всех нас!»

В конце августа 1942 года, во время одного из ожесточенных налетов фашистской авиации на Сталинград, наши зенитчики сбили немецкий истребитель «Мессершмитт-109». Выбросившийся с парашютом пилот приземлился на окраине города и был схвачен нашими бойцами. Жители разрушенного, пылающего города в ярости хотели прикончить на месте фашиста — одного из тех, кто был виновен в гибели тысяч мирных жителей — женщин, детей, стариков. С трудом удалось удержать их от этого акта законного возмездия за воздушный бандитизм.

На допросе летчик держал себя крайне высокомерно, давать какие-либо показания отказался, сообщил лишь свою фамилию, добавив, что он является потомком Бисмарка. При этом пленный нагло заявил, что, очевидно, никому из здесь присутствующих имя этого великого немца не известно, поскольку культурный уровень советских командиров настолько низок, что они, кроме истории своей партии, ничего не знают. Летчик был удивлен, когда я заявил, что имя Бисмарка в СССР хорошо известно хотя бы потому, что он был противником войны Германии с Россией. Пленный оставлял впечатление отъявленного фашистского головореза. Во время допроса вблизи дома, где мы располагались, взорвалась немецкая бомба. Стекла были выбиты, упало несколько досок с потолка. Пленный внешне ничем не показал страха. На замечание, что он может переселиться в «потусторонний мир» от рук своих же друзей, он ответил, что будет от души благодарен им, так как в этом случае нас тоже уничтожат. Для допроса фашистский пилот был направлен в разведотдел штаба фронта.

Позже стало известно, что потомок Бисмарка, находясь в лагере военнопленных, вступил в антифашистскую школу, работал в Комитете «Свободная Германия» и в числе многих генералов и офицеров вермахта подписал воззвание к германским солдатам и офицерам с требованием кончать гибельную для немецкого народа войну.

Когда вопрос о подписании этого воззвания обсуждался на собрании генералов и офицеров гитлеровской армии, многие, в том числе и Паулюс, колебались, ставить ли свои подписи, и даже выступали против этой политической акции, опасаясь за семьи, которые могли быть репрессированы гитлеровцами. Паулюс резко оборвал выступавшего на собрании военнопленных потомка «железного канцлера», заявив, что тот еще молод иметь свое мнение и навязывать его старшим по званию, тогда Айзиндель ответил: «Вы, господин фельдмаршал,

▲ Айзиндель в центре, справа Паулюс

в течение ряда лет повиновались безграмотному ефрейтору и безоговорочно выполняли его указания, приведшие Германию к катастрофе. Будьте любезны выслушать советы лейтенанта вермахта, направленные к спасению родины».

Недавно я узнал из наших газет, что он жив, здоров, в июне 1992 года побывал в СССР, чтобы собрать материалы для съемки кинофильма с воспоминаниями о России. Граф написал книгу о незабываемых годах и встречах в годы войны.

ВОЗЗВАНИЕ

Прочти и передай другому! Немецкие летчики, офицеры и солдаты! 30.8.42 года над Сталинградом был сбит летчик истребительной эскадрильи «УДЕТ», лейтенант граф фон Айзиндель.

Лейтенант Айзиндель происходит из старой дворянской семьи. Его отец — офицер генерального штаба, его брат недавно погиб на фронте, его мать — внучка «железного канцлера» Отто фон Бисмарка.

Лейтенант Айзиндель известен многим солдатам... Он награжден двумя железными крестами и золотой медалью и представлен к рыцарскому кресту.

Прочитайте написанное им и подумайте над тем, что говорит честный немецкий офицер, который любит свою семью и родину.

4.09.42 г.

Дорогие друзья из истребительной эскадрильи «УДЕТ»!

Я уже пять дней в русском плену, и хотя русские знают, что я раньше состоял в гитлерюгенд и сбил несколько их самолетов, обращаются они со мною хорошо. Меня не мучили, не били. Сообщите об этом моим родителям и скажите им, чтобы они обо мне не беспокоились, поскольку я после войны, с которой вы должны покончить, вернусь домой здоровым и бодрым.

Я пришел к выводу, что мы такую великую страну, как Россия, победить не сможем.

Поэтому кончайте с войной! Русские солдаты и офицеры, с которыми мне удается беседовать, готовы непоколебимо защищать свою страну до полной победы.

Мой предок Бисмарк был прав, говоря: «Мы не должны никогда начинать войну с Россией».

Мы совершили эту ошибку, и еще пройдет много времени, пока я встречусь с моей матерью и сестрой, как тогда в мае и когда я прощался с ними в нашей квартире перед отъездом в Россию.

Я прошу всех боевых друзей, которые получат это письмо, в качестве листовки переслать его в мое подразделение: полевая почта № Л 35482/Бреслау и моим родителям по адресу: подполковнику графу Айзинделю, Берлин-В, Бамбергерштрассе, 29.

Ваш Генрих граф фон Айзиндель.

Наблюдая ужасные картины массовой гибели гражданского населения в Сталинграде, видя страдания беззащитных советских людей, наши солдаты и командиры преисполнялись чувством жгучей ненависти к врагу, нарушившему нашу мирную жизнь, и с особым упорством защищали каждую пядь родной земли. Вместе с тем, видя жертвы и страдания нашего народа, иногда возникала мысль, что при лучшей организации можно было спасти от уничтожения многие тысячи и сотни тысяч стариков, женщин и детей при условии их своевременной, возможно, даже принудительной, эвакуации из городов и районов, подвергавшихся опасности превращения в место ожесточенных боев. Оставлять в таких районах было целесообразно лишь минимум самодеятельного населения, необходимого для обслуживания войск.

Практически же, плохо информированные о положении дел на фронтах, жители крупных городов и поселков, не говоря уже о деревнях, не покидали добровольно насиженных мест, а когда становилось очевидным, что эти города станут ареной боевых действий, эвакуация их становилась практически невозможной. Так было в блокированном Ленинграде, где погибло от голода около 600 000 человек, в Минске, Смоленске, Гомеле, Сталинграде и многих других городах, откуда эвакуировали главным образом оборонные предприятия и их рабочих. Естественно, что потери неорганизованного населения, совершенно не подготовленного в вопросах, составляющих теперь то, что мы называем гражданской обороной, были чрезвычайно велики. Боясь паники, военные и гражданские власти всемерно пресекали слухи о продвижении противника. Совет даже родственникам эвакуироваться в тыл мог быть рассмотрен как провокация, происки немецкой агентуры и пораженчество со всеми вытекающими отсюда последствиями. А впрочем, рассматривая те грозные события много лет спустя после их свершения, невольно вспоминается афоризм: «Через десятки лет после поражения каждый ефрейтор знает, что нужно было бы совершить, чтобы одержать победу».

В сентябре фронт вплотную подошел к городу. Непрерывный артобстрел, налеты вражеской авиации сильно затрудняли подготовку людей к отправке в тыл противника. Да и пребывание будущих разведчиков непосредственно в расположении наших войск не отвечало принципам конспирации. Было принято решение перевести 2-е и 3-е отделения РО в город Ленинск, расположенный в 60 километрах от Сталинграда за Волгой.

Всем нашим маленьким коллективом мы упорно работали по подбору и подготовке людей, формированию и сколачиванию разведгрупп. В запасном полку и среди местных жителей было привлечено до ста человек добровольцев, желавших сражаться с врагом на «тихом фронте». Среди этих патриотов были не только воины, но и девушки, люди более чем зрелого возраста, представители различных профессий. Имелся даже один солист ГАБТ рядовой Варламов А. А. На него мы делали особую ставку, намереваясь заслать его в глубокий тыл к его бывшему другу, оставшемуся у немцев.

С учетом знания местности, обстановки, наличия связей на оккупированной территории были скомплектованы группы, подготовлены по оперативным задачам резиденты. Задерживали отправку на задание всей этой массы разведчиков радисты, на обучение которых, при самой интенсивной работе, требовалось 3–4 месяца. Без радиосвязи посылать разведчиков было нецелесообразно. Маршрутные группы и многочисленные одиночки-разведчики, посылаемые в тыл врага через линию фронта, несли чрезмерно большие потери и не выполняли задач из-за большой плотности немецких войск, сконцентрированных на этом направлении.

В спешном порядке работала разведшкола РО фронта (начальник — майор Шарыгин, заместитель по политчасти — батальонный комиссар Цирлин). Тем временем враг вступил в город, вернее, на его развалины. Нужно было на всякий случай создавать запасную сеть разведки на своей территории. С этой целью нами были созданы резидентуры в Бекетовке, Ахтубе, собственно Сталинграде, Ленинске, Черном Яре и многих других пунктах. Их снабжали запасом

▲ Пленные немцы

продовольствия, денег, радиоаппаратурой.

В конце ноября разведотдел планировал начать массовую заброску радиофицированных групп и отдельных разведчиков в глубокий тыл немцев.

В 8-й воздушной армии, которой командовал в ту пору генерал-майор Т. Т. Хрюкин, были подготовлены транспортные самолеты «Ли-2», уточнены задачи, пополнены запасы снаряжения, продовольствия, проверены документы.

Однако буквально накануне начала настоящей работы, которой все мы с нетерпением ожидали, все сорвалось. В штаб фронта 20.11.42 года прибыл из Москвы представитель ГРУ подполковник А. А. Голиков (однофамилец генерала) с приказом Сталина, которым предписывалось ликвидировать второе и третье отделения разведотдела, разведчиков и оперативных работников агентурного аппарата до старших лейтенантов включительно направить в войска, личные дела и все материалы на разведчиков, находящихся в тылу противника, передать для дальнейшей работы в органы СМЕРШ. Радистов, резидентов и оперативных работников от капитана и выше откомандировать в распоряжение ГРУ. В дальнейшем намечалось вести оперативную агентурную разведку централизованно со специально созданных баз ГРУ квалифицированными силами с достаточно современным материально-техническим обеспечением. Получаемая в тылу противника информация должна была обрабатываться в ГРУ и высылаться в армии и фронты в виде систематизированных сводок и донесений. Разведывательные пункты при армиях этим же приказом расформировывались на тех же основаниях.

Только настоятельные просьбы командующих фронтами заставили Генштаб признать несостоятельность произведенной реорганизации и в апреле 1943 года вновь вернуть агентурные разведорганы фронтам, что также потребовало значительной ломки организационных форм работы, длительного периода становления, потерь в людях, подготовки и расстановки новых кадров оперативного состава, подбора разведчиков для переброски в тыл противника в массовых количествах. И все это в то время, когда войскам требовалась постоянная, достоверная и исчерпывающая информация о планах и намерениях врага. Кстати, армиям агентурный аппарат так и не вернули. Приказ пока оставался приказом. Мне же было поручено ликвидировать то, что было создано упорным трудом всего нашего коллектива и должно было, по нашему глубокому убеждению, помочь командованию в разгроме врага. У всех нас было весьма подавленное состояние. Мы чувствовали всю нелепость предписанных нам действий, но ничего не могли предпринять. Мало того, нам пришлось еще в какой-то мере разъяснять этот приказ на разведывательных пунктах и оперативному составу отделений и школы разведчиков, которая тоже расформировывалась. Если бы не уверенность, что это было проявление обычного недомыслия, можно было заподозрить инспиратора приказа и директивы в глубоко продуманной диверсии.

Для расформирования агентурных органов были даны весьма ограниченные сроки. Нужно было сдать имущество, откомандировать людей не только своих, но и разведпункта 57-й армии, которая в это время, развивая наступление, начавшееся по всему фронту, вела бои за Абганерово.

22.11.42 года, поручив капитану М. А. Смоленкову работу по расформированию разведшколы и подготовку личных дел разведчиков, убывающих в Центр, я, по приказанию начальника РО, направился догонять 57-ю армию, в полосе наступления которой действовал наш разведывательный пункт (РП), возглавлявшийся в ту пору майором В. А. Дубинским. На РП, как и в остальных агентурных разведорганах РО, разведка велась лишь маршрутниками. Засылка радиофицированных групп ограничивалась отсутствием радистов.

Штаб 57-й армии ориентировочно должен был находиться в поселке Абганерово, только что взятом после упорных боев нашими войсками. Переправившись через Волгу у деревни Черный Яр, мы с водителем Вавилкиным, накрутившим со мною по фронтовым дорогам не одну тысячу километров, ехали, обгоняя бесчисленные колонны наших резервов, двигавшихся к фронту. Свернув несколько в сторону по указателю «На Абганерово», мы попали на малонаезженную дорогу, где движение было значительно

меньше и населенные пункты встречались реже.

Вдруг на безлюдном участке пути из придорожного оврага наперерез нам выдвинулось в походной колонне подразделение румын около роты. Впереди шло несколько офицеров. У нас с Вавилкиным мелькнула одна и та же мысль: «Конец». Развернуться по сильно разбитой грунтовой дороге было трудно, так как глубоко прорезанная в грязи колея не позволяла это сделать достаточно быстро. Мы продолжали движение вперед. К нашему изумлению, при виде советской автомашины офицеры и солдаты дружно подняли руки вверх и закричали хором: «Плен, плен», — а один из офицеров подбежал к нам и на ломаном русском языке заявил, что он просит принять пехотную румынскую роту численностью 98 человеке плен. Сдаются они добровольно, так как не намерены умирать за фашистов. Задерживаться мы не имели права, поскольку были весьма ограничены во времени. Задание по самоликвидации по непонятным причинам носило особо срочный характер. Показав румынам дорогу на переправу, мы продолжали свой путь, оглядываясь на толпу вооруженных солдат противника, из которых каждый мог, придя в себя, дать очередь по нашей полуторке. Когда они скрылись из виду, Вавилкин глубокомысленно заявил: «Да, товарищ майор, по ордену сорвали мы с вами у себя с груди. Забрать бы у них оружие в машину, а их провести строем до переправы и сдать коменданту под расписку. Майор Никольский и рядовой Вавилкин взяли вдвоем целую роту румын. Об этом можно было бы и внукам рассказывать». — «Так и рассказывай, кто же тебе запретит», — заметил я. — «Рассказывать все можно, да кто потом без доказательств поверит», — резонно ответил Вавилкин.

При подъезде к Абганерово все напоминало о только что закончившихся ожесточенных боях. Груды изуродованных трупов немцев, румын и наших воинов, множество сгоревших и подбитых немецких и наших танков, разбитых орудий, исковерканных машин, ящиков покрывали землю.

В Абганерово я доложил начальнику штаба 57-й армии полковнику Кузнецову, бывшему сотруднику ГРУ до войны, о приказе расформировать пункт. Он весьма сожалел о таком решении, но приказ Сталина не допускал задержки в исполнении даже в ходе наступления.

Догнав РП, мы с его начальником с болью в сердце расформировали его, направив оперативных работников, рядовой и сержантский состав в части, а радистов, раненых разведчиков, которых по излечению можно было использовать в оперативной разведке, разместив с трудом на рации типа СЦР и моей полуторке, захватили с собою. Особенно тяжело было передавать дела на маршрутников, находящихся в тылу противника, в органы СМЕРШ. Многие из этих маршрутников неоднократно выполняли задания разведки в тылу противника. Их нужно было бы награждать за боевые подвиги. Сделают ли это по нашей рекомендации

▲ Абганерово

и представлениям их новые начальники?

В РО штаба фронта мы двигались уже колонной в две автомашины, нагруженные ранеными и оперативным имуществом. В Черном Яре уже знакомый нам комендант переправы категорически отказался погрузить наши автомобили на готовую к отправке баржу без разрешения дежурившего при нем представителя командующего фронтом. Попросив задержать отправку парома на несколько минут, я подбежал к стоявшему на берегу несколько в стороне от причала молодому, неизвестному мне генерал-майору, представился ему и доложил о выполнении приказа начальника штаба фронта. Не глядя на меня, генерал приказал немедля разгрузить машины и направить их обратно в Абганерово в распоряжение начальника тыла 57-й армии. Мои доводы о том, что демонтировать радиостанцию нельзя, а раненых оставить без медицинской помощи бесчеловечно, ни к чему не привели. Документы за подписью начальника штаба фронта, по которым люди и грузы, следуемые со мною, проверке не подлежали, специальный пропуск на внеочередную переправу ретивый администратор просто не стал смотреть, да и вряд ли что-либо увидел в них, поскольку еле держался на ногах от «усталости», дополненной наркомовской порцией водки, вероятно, несколько больше ста граммов.

Вернувшись к барже, я обнаружил свои автомашины уже погруженными, поскольку здравомыслящий комендант, перед этим ознакомившийся с моими документами, был уверен в том, что я получу санкцию на переправу. Не став его разуверять, я прыгнул на медленно отваливавшую баржу, и мы поплыли на тыльный берег. Когда шустрый катерок оттащил нас уже метров на 400, один из солдат комендантской команды заметил: «Кажись, нас догоняет генерал». И действительно, за нами мчался на катере представитель командующего фронтом. Он стоял на корме в расстегнутом кожаном реглане и, казалось, внимательно всматривался в толпившихся на барже людей. Признаюсь, меня охватил страх куда больший, чем при немецких бомбежках и обстрелах. В такой ответственный момент генерал, облеченный несомненно чрезвычайными полномочиями, мог за невыполнение приказа расстрелять на месте или в лучшем случае арестовать и отдать под суд военного трибунала, который, бесспорно, наказал бы ослушника по всей строгости законов военного времени.

Катер приблизился к барже, обогнал ее, и генерал, высадившись на противоположном берегу, быстрыми шагами направился в сторону стоявших в кустарнике палаток. «В медсанбат пошел», — с завистью заметил солдат, который, очевидно, уже успел изучить распорядок дня этого большого начальника.

Камень упал с моих плеч. Дальнейший рейс протекал спокойно, и мы с Дубинским своевременно доложили начальнику РО о выполнении работы по расформированию разведпункта. Объединенными усилиями мы за три дня ликвидировали то, что с большим трудом, затратой крупных материальных средств создавали в течение четырех месяцев. Возникал вопрос: не ошибка ли это, не придется ли все это восстанавливать заново?

Перед отъездом в Москву пришлось еще раз проехать по созданным нами запасным резидентурам для проверки их готовности, хотя успешно развивающееся наступление нашей армии вызывало уверенность в том, что их услуги, очевидно, под Сталинградом не понадобятся.

Возвращаясь из последнего на этом фронте рейса, на той же переправе у Черного Яра, Волгу пришлось переплывать на барже вместе с несколькими сотнями военнопленных румын, среди которых было и некоторое количество немцев. Конвоировали это «войско», напоминавшее своими бараньими шапками мирную толпу мужиков из Прикарпатья, трое наших раненых бойцов во главе с младшим лейтенантом. Было видно, что румыны искренне довольны пленом. Многие из них пытались выразить свою лояльность на ломаном украинском языке, а то и просто всем понятным: «Антонеску — капут, Гитлер — капут».

Баржа медленно тянулась за буксиром. С неба сыпала крупа, по реке плыло «сало». Над переправой уже не висели самолеты противника, и непривычная тишина действовала успокаивающе. Не будь этой многоплеменной толпы, могло бы казаться, что война ушла куда-то далеко.

Вдруг в толпе пленных началось оживление. Местами возникали короткие рукопашные схватки. Затем десятки фигур в серых шинелях полетели за борт. Многие немедленно шли ко дну. Другие в течение нескольких минут пытались плыть в ледяной воде, но неизменно скрывались в волнах. Через десяток минут все вновь смолкло, и какой-то сублокотинент (младший лейтенант) доложил: «Мы расправились с немецкими фашистами».

На мой упрек старшему конвоя, почему он не попытался пресечь самоуправство, тот не без резона ответил: «Нас здесь 4 человека, а их 800, и мне не хотелось в этой свалке очутиться случайно за бортом. А кроме этого, если свои дерутся, чужому лучше не ввязываться». Война сделала не по годам мудрым этого парня, ранее, очевидно, мирно работавшего где-либо в колхозе или на производстве и жалевшего, вероятно, даже утопающего котенка. При всех обстоятельствах румынская демонстрация лояльности за счет пленных немцев, бывших друзей и союзников, мне не понравилась.

30.11.42 года группа оперативных работников РО Сталинградского фронта в соответствии с приказом выехала в Москву, как раз в тот момент, когда войска фронта доколачивали окруженную группировку Паулюса. Было радостно и грустно одновременно. Радостно от гордости за свою великую Родину, которая выходила с честью из столь тяжелого испытания, от чувства новой значительной победы над врагом. Эта победа была уже реальностью. Грустно от сознания невыполненного долга, необходимости покидать фронт в наиболее радостное для солдата время, в период наступления. Впереди нас ожидали новые задачи. ■

А. А. ИГНАТЬЕВ

ИНОСТРАННЫЕ ВОЕННЫЕ АГЕНТЫ

▲ Маньчжурия

На вас возлагается ответственное поручение. Вы должны организовать прием иностранных военных агентов, назначенных состоять при нашей армии, — объявил мне однажды, в конце марта, генерал Сахаров, неожиданно вызвав меня в свой вагон.— Их двадцать семь человек! Надо их встретить, устроить для них помещение, довольствие, достать лошадей, седла. Словом, обдумайте все это и действуйте. Командующий армией требует, чтобы вы отвечали за иностранцев во всех отношениях. Получите в полевом казначействе аванс в сто тысяч рублей, но будьте экономны.

Отправляясь на войну, я не мог предвидеть, что она надолго предопределит мою дальнейшую судьбу и составит первый этап моей многолетней военно-дипломатической работы. Связь с военными агентами дала мне возможность изучить нравы и обычаи представителей иностранных армий, и притом не в великосветских и дипломатических салонах, не на маневрах, зачастую похожих на пикники, а на войне, где каждое их донесение приобретает особенно важное значение.

Военные агенты, или, как их называют теперь у нас по примеру заграницы, военные атташе, впервые появились на дипломатическом горизонте в наполеоновскую эпоху. Наиболее ярким их прообразом был тогда русский полковник флигель-адъютант Чернышев, представитель Александра I при Наполеоне, посылавший свои донесения непосредственно императору, минуя посла. Он вел в Париже, казалось, беспечную великосветскую жизнь, пользовался большим успехом у женщин и, отвлекая всем этим от себя внимание французской полиции, умудрялся иметь почти ежедневные тайные свидания с офицерами и чиновниками французского военного министерства, подкупил некоторых из них и, в результате, успел вывезти из Парижа в конце февраля 1812 года, то есть за несколько недель до начала Отечественной войны, толстый портфель, содержавший подробные планы развертывания великой армии Наполеона.

ИГНАТЬЕВ Алексей Алексеевич (1877-1954), русский военный дипломат и писатель, генерал-лейтенант (1943). В Красной Армии с 1937 г. В белом зарубежье именовался «Красный граф». Окончил Киевский кадетский корпус (1894), Пажеский корпус (1896), Академию Генштаба (1902), Офицерскую кавалерийскую школу (1903). Участник русско-японской войны 1904-1905 гг. В 1908-1912 гг. военный атташе в Дании, Швеции и Норвегии, в 1912-1917 гг. — во Франции, одновременно представитель русской армии при французской главной квартире. После Октябрьской 1917 г. революции стал на сторону Советской власти и помог сохранить для СССР денежные средства, принадлежавшие России и вложенные на его имя во французские банки. Работал в советском торгпредстве в Париже. С 1937 г. был инспектором и старшим инспектором по иностранным языкам Управления военно-учебных заведений РККА, начальником кафедры иностранных языков Военно-морской академии. С октября 1942 г. старший редактор военно-исторической литературы Военного издательства НКО. Находясь с 1947 г. в отставке, занимался литературной деятельностью. Оставил воспоминания, которые содержат сведения о жизни русской и иностранных армий, деятельности военно-дипломатических кругов России в конце XIX — начале XX веков, а также о русско-японской и I мировой войнах.

С легкой руки Чернышева военные атташе в течение всего XIX века играли большую роль в дипломатической работе. После франко-прусской войны 1870 года их положение было узаконено официальным включением в состав каждого посольства специального военного, а впоследствии еще и морского атташе.

Донесениям военных агентов стали придавать все большее значение, и их прогнозы зачастую оказывались более реальными, чем предсказания заправских дипломатов.

Иностранные военные агенты в Маньчжурии дали мне несколько ценных уроков.

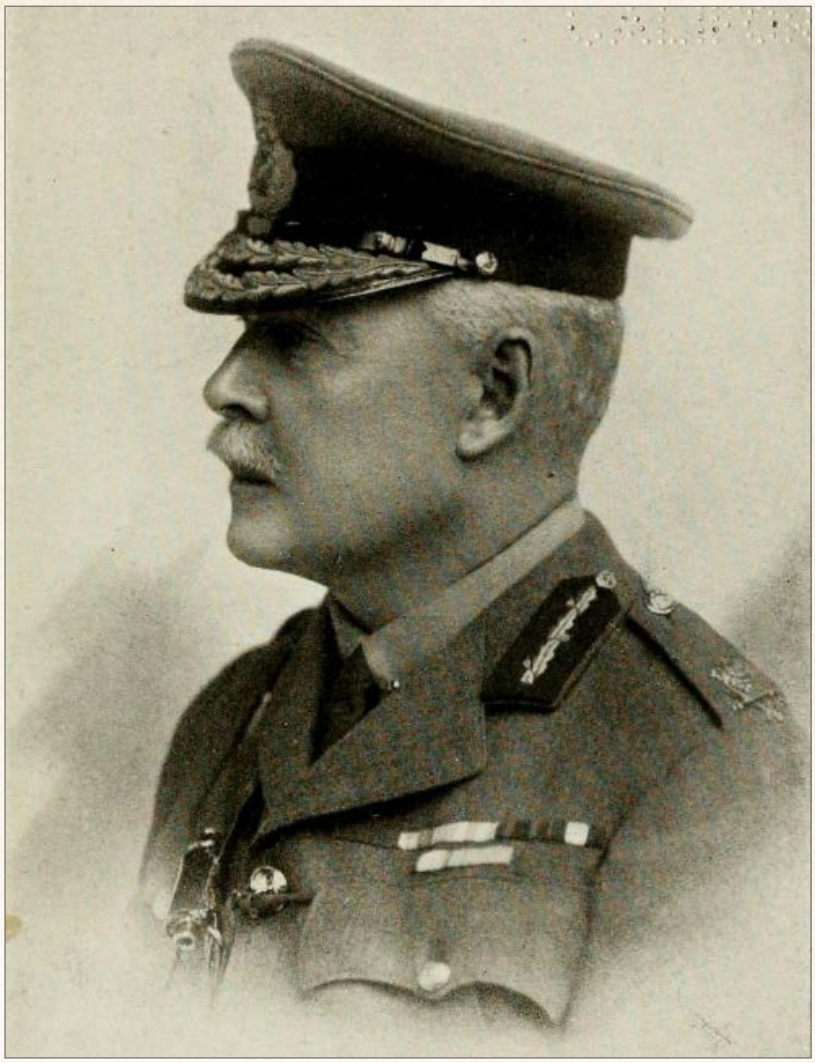
Дуайеном, то есть старшим в чине, оказался английский генерал-лейтенант Джеральд — сухой седой джентльмен, знаменитый охотник на тигров. Рассказывали, что он убил на своем веку сто семьдесят «королевских» тигров. Его назначение к нам объяснялось тем, что, в бытность свою командующим войсками в Индии, он организовал охоту для Николая II во время путешествия последнего еще как наследника российского престола.

Положение Джеральда при нашей армии было особенно щекотливым, так как Англия была тогда военным союзником Японии. Роль старшины, то есть лица, ответственного за сохранение всеми остальными военными агентами правил дипломатического этикета, усугубляла трудность его положения. Но Джеральд недаром был характерным представителем Британской империи. Англичане, привыкнув чувствовать себя хозяевами на всем земном шаре, легко приспособляются к любой обстановке и всегда сохраняют традиционное хладнокровие, доходящее до невозмутимости, усердие «по разуму» и умение больше слушать, чем говорить. Джеральд никогда ни о чем меня не просил, ни на что не жаловался, а когда я в награду за его столь хорошее поведение предложил ему проехаться на моем сером Ваське, восторгу его, казалось, не было границ. Он всем доказывал, что конь из иркутской казачьей сотни — лучшая лошадь из всех, на которых ему приходилось сидеть.

При Джеральде состоял бывший военный атташе в Петербурге, еще более сухой, молчаливый полковник Уотерс. Никто, конечно, так никогда и не узнал, что таил в себе и что думал Уотерс, а знать он должен был много, так как в случае необходимости мог отлично объясняться на русском языке.

Вскоре появился и третий англичанин — молодой краснощекий майор Хьюм, командированный прямо из Индии и приехавший к нам через Китай. В отличие от двух своих замкнутых коллег, Хьюм оказался веселым, разбитным малым и поставил себя сразу запанибрата с молодыми представителями других стран, да и со мной обращался запросто.

Я не находил в этом ничего предосудительного. Мне уже тогда объяснили резкую разницу в воспитании офицеров метрополии и колоний.

▲ Генерал Джеральд

Для обращения с туземцами-рабами воспитания не требовалось, и колониальные офицеры, занимая привилегированное положение среди населения, привыкали считать, что им-де все дозволено.

Недолго видели мы этого майора. Джеральд попросил меня как-то зайти к себе и, плотно прикрыв дверь, спросил, не разделяю ли я его мнения о недостаточно почтительном ко мне отношении майора Хьюма. Как я ни старался заступиться за бедного малого, Джеральд, видимо, остался при своем решении, и на следующий вечер Хьюм исчез так же быстро, как и появился.

Англичане, между прочим, выделялись среди других военных агентов своими удобными френчами цвета хаки и походным снаряжением, принятым в настоящее время всеми армиями мира. Уроки англо-бурской войны не прошли для них даром. Японцы также ими воспользовались, по-новому одев свою армию.

Резко отличался от Джеральда глава французской миссии генерал Сильвестр, в черной венгерке с черными «бранденбургами» и ярко-красными штанами. Роскошная золотая вышивка на красном кепи не в силах была осветить его желтое желчное лицо с торчащими черными усиками, придававшими всей его фигуре вызывающий вид. Сильвестру всего хуже удавалось любезное обращение, так как слащавая улыбка, разливавшаяся при этом по его лицу, никого обмануть не могла, а вкрадчивый тон только подчеркивал неискренность.

В связи с франко-русским военным союзом Сильвестр, вероятно еще в Париже, получил соответствующие директивы. Прибыв в Ляоян, он пожелал занять место официального советника при Куропаткине и, соответственно этому, привилегированное положение среди других военных агентов. Для него было большим и неприятным сюрпризом оказаться моложе чином английского представителя, а после каждой неудачной попытки получить отдельную аудиенцию у командующего армией желчь разливалась у него еще сильней. Я же со своей стороны считал, что французы должны сами понимать, насколько нам неудобно подчеркивать перед другими иностранцами, а в особенности перед немцами, наш военный союз, направленный тогда против Германии. Нам необходимо было улучшить, насколько возможно, отношения с нашей западной соседкой и обеспечить мир на Западном фронте. Но Сильвестр не был способен это понять. Он, конечно, не мог догадываться, что император Вильгельм подарит Николаю II картину, висящую и по сей день в ванной комнате бывшего Ливадийского дворца и изображающую грядущую «желтую» опасность. Сильвестр, вероятно, и до конца войны не знал про письмо того же Вильгельма, в котором кайзер, со свойственной ему страстью рисоваться, предлагал снять с нашей западной границы всю артиллерию. «Я сам беру на себя охрану нашей общей границы»,— писал он Николаю II. И мы действительно с развитием военных действий перебросили в Маньчжурию почти все наши полевые орудия.

Сильвестру тем более было трудно примириться с созданным для него у нас положением, что назначением своим в Маньчжурию он был обязан исключительно тому полупридворному посту, который он занимал ранее, как начальник военного кабинета президента французской республики. Назначение на этот пост было неразрывно связано со всеми политическими интригами Третьей республики, и генерал, ухитривший-

▲ Генерал Сильвестр

ся получить его, был вправе считать себя достаточно влиятельным лицом в государственном аппарате.

Генерал Сильвестр, не говоривший ни слова по-русски, ни на шаг не отпускал от себя своего офицера-ординарца, лихого альпийского стрелка в синем берете набекрень — капитана Буссе. Этим, кстати, он лишал себя прекрасного осведомителя, ибо Буссе свободно говорил по-русски и мог бы знать все что угодно. Буссе был настолько симпатичен, что на этом впоследствии и сломал свою служебную карьеру — его у нас попросту споили.

Третьим офицером французской миссии был тяжеловатый и угрюмый на вид артиллерист майор Шеминон. Он был женат на русской, любил нашу страну, как свою собственную, и потому глубоко переживал все наши маньчжурские неудачи. Ему удалось вскоре по приезде вырваться из рук деспотичного Сильвестра и при моем содействии прикомандироваться к славным войскам 1-го Сибирского корпуса. Однако природная скромность не позволила этому серьезному работнику выступить после войны в защиту новых тактических приемов, рожденных на маньчжурских полях. Можно с уверенностью сказать, что неподготовленность французской армии уже к первой мировой войне в большей степени объяснялась неправильной оценкой уроков русско-японской кампании.

Итальянцы попросту дали распоряжение своему морскому агенту в Китае капитану Камперио прибыть в Ляоян, и он явился в сопровождении двух китайских мальчиков — «боев», с которыми, к великому ужасу английского генерала, разместился в одной палатке. Красавец итальянец с длинной традиционной бородой моряка успел потерять на Дальнем Востоке весь лоск европейского дипломата, шутил над русскими генералами и резал правду-матку кому угодно. Его талантливость и острый южный ум заставляли прощать ему его выходки. Серьезным он стал лишь с минуты выхода из Кронштадта эскадры Рожественского. Встретив меня как-то раз уже на фронте, Камперио пожал мне руку и тоном, не допускавшим возражений, сказал:

— Если вам удастся дойти хотя бы до Сингапура, то вы можете записать имя адмирала Рожественского на одну доску с Нельсоном!

Полную противоположность Камперио являл испанский полковник маркиз де Мендигориа. Придворно-дипломатический этикет заполнял всю его жизнь, а пребывание на войне являлось лишь атрибутом его дворянской гордости.

В первый же вечер он взял меня под руку и почти силком заставил, выслушать во всех подробностях его роман. Это нужно было ему только для того, чтобы объяснить мне необходимость для него посылать ежедневно письма своему кумиру в поэтическую Испанию. Бедный маркиз! По возвращении с войны он кончил самоубийством из-за того же предмета своей страсти!

Его ужасал своей солдатской грубостью его собственный помощник капитан де ла Сэрра, не менявший за всю войну грязного светло-голубого гусарского доломана и не расстававшийся с громадной саблей, похожей на сабли наполеоновских гусар. После всех наших разгромов и отступлений де ла Сэрра продолжал твердить: Nous marrchons toujourrs verrs la gloirre! (Мы идем всегда к славе!)

Молчаливо и сосредоточенно взирал на своих коллег белокурый великан швед капитан Эдлунд, гордившийся своим прекрасным знанием русского языка. В громадной фетровой шляпе с широкими полями он приводил на память времена Густава-Адольфа. Совсем на него непохожий, маленький, нервный, некрасивый, экспансивный норвежец Ньюквист тоже старался объясняться со всеми по-русски, но говорил на таком ломаном языке, что вызывал невольную улыбку.

Скромно и малозаметно держали себя два румынских капитана и серьезный болгарский полковник Протопопов. Показательно было, что уже тогда болгары послали нам не кого-нибудь из многих офицеров, окончивших нашу академию генерального штаба, а предпочли, вероятно, для обеспечения беспристрастности суждения послать воспитанника итальянской академии.

Отдельно держались американцы. Никто не мог различить их чинов по полуспортивным курткам цвета хаки; никто не понимал, зачем эти полуштатские люди приехали к нам, а они упорно отказывались понимать какой-либо другой язык, кроме английского.

Военные агенты возмущались тем, что при каждом нашем отступлении кто-нибудь из американцев покидал нас и уходил к японцам.

Лучше всех других знали нашу армию немцы и австрийцы.

Глава германской миссии генерального штаба полковник Лауэнштейн, будущий командующий одной из армий в мировую войну и бывший военный атташе в Петербурге, был старым служакой, видавшим виды на своем веку. В синем сюртуке, в каске с шишаком, в высоких до колен сапогах и с тяжелым стальным палашом, Лауэнштейн воскрешал в памяти старую прусскую армию, победительницу 1870—1871 годов. Его воинственная внешность не могла скрыть тонкого дипломата старой школы, ловкую лису, приверженца испытанной политической европейской формулы «драйкайзербунда» (союза «Трех императоров — русского, германского и австрийского»). Он еще считался с англичанами, но уже на французов и особенно на представителей малых держав смотрел с высоты бисмарковского мировоззрения.

С первых же дней он нашел предлог закрепить свой «кайзербунд», пригласив меня и австрийского полковника Чичерича отведать полученных им из Берлина гостинцев. Поздно ночью, когда все остальные коллеги уже спали крепким сном, представители трех великих империй распивали бутылки старого душистого рейнвейна и, забыв на время действительность, делились историческими воспоминаниями о поражениях и победах их предков под стенами Вены, Парижа и Москвы.

Спокойствие Лауэнштейна нарушал только его суетливый помощник майор Тетау. Толстенький белобрысый майор со вздернутыми по-прусски усиками не оставлял действительно никого в покое и своими бесконечными и подчас бестактными вопросами являл тот тип германского генштабиста, который считал себя вправе знать даже то, что другим иностранцам ведать не надлежит. Тетау так хорошо говорил по-русски, что мог держать себя запросто не только с офицерами,

▲ Лауэнштейн Отто

▲ Кайзер Вильгельм

но и с любым солдатом, к которому он обращался по-русски, повторяя постоянно слово «братец». Он глубоко изучил истинные причины наших поражений и напечатал после войны свой отчет, воздав в нем должное мужеству наших солдат. Стремясь привить в германской армии необходимые реформы, Тетау навсегда сломал на этом свою военную карьеру: за применение в своем батальоне не предусмотренных уставом тактических приемов барон Тетау был лишен командования.

Запомнился мне курьезный случай с одним из офицеров германского генерального штаба, переусердствовавшим в своем стремлении отличиться во что бы то ни стало.

Император Вильгельм в знак своей «традиционной дружбы» командировал к нам специального офицера с приказом состоять при Выборгском пехотном полке, в котором числился почетным шефом. (Приезжая в Россию, Вильгельм всегда носил форму этого полка. Присутствуя однажды на маневрах в Красном Селе, он вынул свою шашку и, командуя на русском языке, лично повел перед Николаем II «свой полк» в атаку. Рассказывали, что однажды он спросил полкового горниста, за что даны полку серебряные рожки. — За взятие Берлина в 1760 году, ваше величество! — отрубил горнист.) Штаб корпуса, в состав которого входил Выборгский полк, предпочел держать майора, на всякий случай, при себе. Но немецкий генштабист воспользовался этим с целью ознакомиться с работой самого штаба. Для этого он повадился опаздывать к обеду, заходил по дороге в штабную фанзу и посвящал несколько минут перлюстрации штабных бумаг. Наши штабные офицеры, заметив это, продырявили однажды в задней стене фанзы дырочки и оставили на столе написанную крупным почерком по-русски записку: «Такой, значит, и сякой! Имей в виду, что в эту минуту смотрит на тебя десяток русских глаз». Вечером злосчастный майор примчался на двуколке к нам, в штаб армии, где получил свой приговор от Лауэнштейна. Никто его больше не видел.

Подобным офицерам следовало бы взять несколько уроков в манере себя держать у их союзников — австрийцев, издавна славившихся тонким военным воспитанием и корректностью.

В Ляояне австро-венгерская армия была представлена двумя стройными офицерами, затянутыми в зеленые старомодные мундиры.

И без того рослые, они казались великанами из-за своих высоких киверов. Старший, полковник Чичерич де Бачан, венгр по национальности, считался одним из выдающихся офицеров генерального штаба своей армии и впоследствии, в мировую войну, занимал ответственный пост. Он говорил исключительно хорошо по-русски, изучив наши нравы, язык и обычаи в доме какой-то купчихи в Казани. В этот город с разрешения русского правительства направлялись иностранные офицеры, командированные на два-три года для усовершенствования в русском языке. Они, конечно, времени не теряли и знали Россию не по книгам, не из окон посольских дворцов, а такой, какой она была в действительности.

В память о своем пребывании в Казани Чичерич всегда пил чай, пользуясь подстаканником, подаренным ему купчихой.

Помощником его состоял генерального штаба капитан граф Шептицкий, всю войну не покидавший передового отряда Ренненкампфа.

С первых же дней центром общих сборов всей этой разношерстной публики явился вокзал. В вокзальном буфете пришлось организовать и питание. Ляоянский буфет похож на все русские вокзальные буфеты: был он достаточно грязен, и в сере-

дине зала возвышалась стойка с водкой и закусками, у которой с самого утра и до позднего вечера толпились офицеры всех чинов и чиновники всех рангов. Пахло спиртом и щами, все было окутано серым туманом табачного дыма. Стоял гомон трезвых и пьяных голосов, вечно споривших и что-то старавшихся друг другу доказать. Вот сюда-то четыре раза в день приходилось мне водить своих «питомцев» и, садясь спиной к водочной стойке, как бы заслонять от военных агентов неприглядную картину нашего пьяного тыла.

Неприятно было также видеть, с каким бестактным любопытством наши офицеры рассматривали иностранцев.

По окончании каждого незатейливого обеда надо было под тем или иным предлогом удалить иностранцев с вокзала, попросту, чтобы не дать им войти в непосредственное общение с моими словоохотливыми соотечественниками. Вокзал с первых же дней войны стал центром, куда стекались новости не только от прибывающих из России, но и самые свежие и достоверные вести с фронта. Главными поставщиками их в начале войны являлись офицеры военной охраны Китайско-Восточной железной дороги. Среди них встречалось много забубенных головушек, нашедших в высоких окладах, которые установил Витте для этих войск, главный стимул своего военного рвения. Вокзал представлял для некоторых из них прекрасную аудиторию. Здесь ловилось каждое их слово, и можно было сойти если не за героя, то, во всяком случае, за видавшего виды матерого маньчжурского волка.

Вскоре среди этой праздной толпы стали появляться и более опасные элементы в виде военных корреспондентов. Им-то уже никто не мог запретить заносить в свои блокноты вокзальные новости. К тому же это, по преимуществу, были иностранцы. Я вздохнул спокойнее, когда получил наконец в свое распоряжение вагон-ресторан.

Первый завтрак за маленькими столиками вызвал непредвиденное затруднение. Я предполагал ежедневно менять свое место за обедом, с тем чтобы поочередно оказывать любезность всем иностранным представителям, невзирая на их чины. Но в дипломатическом мире местничество сохранялось в полной силе. Когда я в первый раз вошел в вагон, военные атташе еще только размещались, но мое место было ими уже наперед точно определено: а именно — рядом с дуайеном — генералом Джеральдом, за столиком которого уже выбрали себе места старшие представители германской и австрийской армии — Лауэнштейн и Чичерич. Рассевшиеся за соседним столиком, отдельно от других, три наших союзника — француза — тоже оставили для меня четвертое место, но немец и австриец, используя старшинство Джеральда, отказывались сесть за стол без меня. Пришлось подчиниться, хотя этот сам по себе незначительный факт окончательно испортил мои отношения с главой французской делегации Сильвестром.

▲ Командование 1-й Маньчжурской армией, 1904–1905 гг.

Разница в военном образовании и воспитании командного состава различных армий особенно ярко сказывалась в их корреспонденциях, которые проходили ежедневно через мою цензуру. Англичане были лаконичны, но смотрели в корень, указывая на трудности положения нашей армии в связи с малой провозоспособностью сибирской магистрали и затруднениями в постройке Кругобайкальской железной дороги. Немцы подробно разбирали будущий театр военных действий и, видимо, тщательно изучали двухверстную карту, заранее намечая наши будущие линии обороны. Французы были еще более пессимистичны, чем немцы, и выражали удивление по поводу недостатка у нас артиллерии.

Но все же представители великих держав были довольно корректны. Наоборот, итальянец Камперио, со свойственной южанам экспансивностью, горячо протестовал против сделанного мною замечания по поводу описания строившихся ляоянских полевых укреплений. Он искренно считал, что в этом нет секрета. Испанский полковник рассказывал в своих письмах о воскресных завтраках в поезде командующего армией, на которые приглашались только старшие иностранные представители, а американцы описывали китайские нравы, лавки и товары.

Но с течением времени я стал замечать, что некоторые представители мало-помалу перестали передавать мне для цензуры свою корреспонденцию. После ряда напоминаний о ненадежности отправки писем через китайскую почту мне пришлось принять меры против нарушителей заведенного порядка. Конечно, никакой репрессии я применить не мог, да и не хотел, и потому пошел на хитрость.

Китайское почтовое отделение помещалось в самом городе.

— Послушайте,— сказал я, обращаясь через переводчика к директору почтового отделения, китайцу с длинной косой,— вот конверты с адресами. Вы должны откладывать в сторону все письма, которые будут написаны тем же почерком. Их надо сохранять и передавать мне.

— Шен-хоу, шен-хоу (Очень хорошо, очень хорошо),— лепетал напуганный китаец, отвешивая низкие поклоны.

Маневр удался на славу. Через несколько дней я появился к завтраку, держа в руке целую кипу писем, отправленных моими питомцами помимо меня. Вся эта корреспонденция имела уже длинный стаж.

— Я же говорил! Какие подлецы китайцы! — воскликнул я с деланным возмущением.— Разве можно на них полагаться? Вот они держали у себя эти письма, не зная, как их отправить, а теперь прислали мне с просьбой найти отправителей. Вот это ваши

▲ Куропаткин

▲ Стенбок-Фермор

письма, полковник! А это ваши, майор!..

Раздавая письма, я глядел на смущенные лица своих собеседников. Мне не довелось только слышать, как они, вероятно, ругались после завтрака.

* * *

Однажды поздно ночью, сидя в своей комнатке за разбором очередного бесконечного послания испанского полковника, я был поражен появлением на пороге худенького блондина, обросшего той нелепой бородкой, которая отличала фронтовых офицеров, в течение многих дней не имевших времени побриться. Потертая золотая портупея шашки и кавалерийской лядунки, несвежий вид серого пальто свидетельствовали, что передо мной стоит офицер, прибывший прямо «оттуда».

— Честь имею явиться! Приморского драгунского полка поручик граф Стенбок-Фермор. По приказанию генерал-квартирмейстера штаба армии передаю в ваше распоряжение захваченного моим разъездом японского шпиона.

— Сашка, да как же ты к нам попал?— спрашиваю я, узнав в дисциплинированном молодом мальчике корнета лейб-гвардии гусарского полка Сашу Стенбок. Еще так недавно я видел его камер-пажом царя и фельдфебелем Пажеского корпуса, потом лихим спортсменом в гусарском полку.

Саша держит себя как-то загадочно, чего-то не договаривает и производит впечатление человека, чем-то подавленного. Я объясняю это переутомлением от службы в передовом отряде и предлагаю ему остаться временно при мне, так как давно нуждаюсь в помощнике, хорошо знающем европейские языки. Саша благодарит, но уже на второй день он просит отпустить его в полк, чтобы забрать оставленное в обозе белье. Я исполняю его просьбу, взяв с него слово, что он вернется. Генерал Харкевич также настаивает на его прикомандировании к штабу армии. Однако больше я Саши не видел и считал его убитым.

▲ Харкевич В. И.

Недели через две меня встретил протоиерей Голубев, состоявший при Куропаткине в качестве руководителя всего военного духовенства (штаты военного времени даже и это предусмотрели). Дородный, благообразный, в богатейшей шелковой рясе, с тяжелым золотым наперсным крестом, Голубев являл собой тип утонченного духовного дипломата.

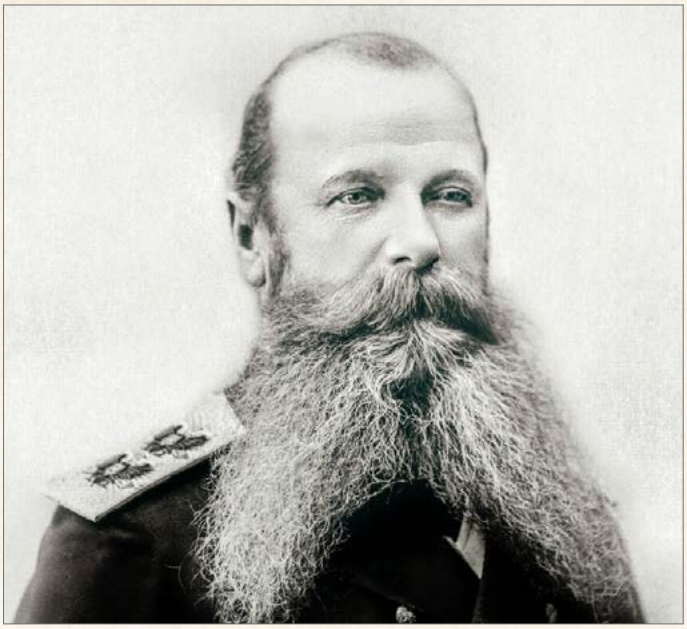
— Неладное случилось, — сказал мне Голубев.— Вы отпустили в полк графа Стенбока-Фермора, а вот он и наделал хлопот. Теперь дело идет о спасении чести невинного полкового священника тридцать пятого стрелкового Восточно-Сибирского полка молодого отца Шавельского. Я могу ручаться за его честность, а на него полетел жандармский донос, обвиняющий его в крупной взятке, полученной им якобы от Стенбока за то, что он согласился обвенчать его в походной церкви в Инкоу с девицей Носиковой!

— С какой Носиковой?!— восклицаю я.— Уж не с той ли дамой полусвета, что мы все знавали в Петербурге?

— С той самой.

— Но позвольте, при чем же тут я?

— Неужели же вы не знаете? — продолжал почти шепотом Голубев.— Графу Стенбоку принадлежит чуть ли не половина Урала. Он круглый сирота и только недавно, достигнув совершеннолетия, мог начать распоряжаться своим состоянием, не считаясь с опекунами, графом Воронцовым-Дашковым, министром двора, и генерал-адъютантом бароном Мейндорфом. Воспользовавшись романом с Носиковой, эти опекуны добились от царя наложения на графа опеки. Мало

▲ Адмирал С.О. Макаров

▲ Генерал Сахаров

того: они, помимо его воли, перевели молодого человека в Приморский драгунский полк и в сопровождении переодетого жандарма доставили его в Маньчжурию. Так-то ведь легче прикарманивать его миллионы! А девица-то, не будь дура, провела жандармов, перекрасилась в брюнетку, раздобыла чужой паспорт и, сбежав из России через румынскую границу, добралась на океанском пароходе через Китай в Маньчжурию, где и встретилась со своим милым! Пришла эта парочка к Шавельскому, объяснила ему свою взаимную любовь и желание перед военной опасностью получить брачное благословение. А Шавельский, ничего не подозревая, взял да и повенчал их! Опекуны — люди всесильные, они Шавельского сотрут в порошок, да и мне будет неприятно! Разве только ваш отец заступится через высшего начальника военного духовенства — протопресвитера Желобовского.

Я, конечно, написал отцу, и все уладилось.

Носикову же Саша Стенбок впоследствии бросил, а самого его я встретил уже только в Париже — после революции. Он еще до войны покинул Россию и после новых и столь же сильных романических похождений на старости лет сделался весьма популярным лицом среди парижских шоферов. Его знание автомобильного дела и поражающая французов неподкупность помогли ему сделаться чиновником по выдаче разрешений на право управления легковыми машинами в Париже.

Но кто же был тот таинственный шпион, которого привез тогда Стенбок ко мне в Ляоян? Харкевич предписал мне прежде всего принять все меры к предотвращению побега, так как из письма, полученного от командира Приморского полка, следовало, что шпион, пользуясь повязкой военного корреспондента, уже дважды пытался бежать. Распорядившись приставить к нему надежный караул и обеспечить в то же время хороший стол и ночлег, я, признаться, заранее рассчитывал использовать незнакомца как собственного нашего осведомителя.

Первую встречу с ним я устроил в своей комнате, незаметно поставив снаружи, на всякий случай, часового с приказом задержать человека, который мог бы выпрыгнуть из окна.

Положив около себя заряженный револьвер, я решил, что все меры предосторожности приняты, и потому, отпустив конвой, сопровождавший арестованного, остался с ним наедине, любезно поздоровался и предложил присесть. Заложив ногу на ногу, собеседник мой сразу принял непринужденную позу, а я, как новичок в этом деле, только удивлялся, что ни арест, ни все перипетии его доставки с завязанными в течение трех дней глазами не произвели на него никакого впечатления. Он, видимо, привык к подобным переделкам. Одет он был в легкий френч и брюки галифе защитного цвета, на ногах были обмотки, а на рукаве алела красная повязка с нашитыми на ней белыми иероглифами. Он объяснил мне, что подобная повязка, выдаваемая военным корреспондентам японской армии, дает им право доступа на передовые линии. Труднее всего было определить его национальность, так как на английском языке он говорил без американского акцента. Внешним своим видом, темно-смуглым лицом, несколько раскосыми глазами и черными, как смоль, волосами он напоминал если не японца, то обитателя южно-американских стран. Он, однако, твердо уверял меня, что может объясняться только по-английски и что является корреспондентом какой-то английской шанхайской газеты.

Из сбивчивых и подчас проти-

воречивых объяснений мне стало все же ясно, что звание корреспондента является только прикрытием настоящего его ремесла — шпионажа. Вытянув от него не без труда сведения о японском десанте, я предложил отпустить его обратно в японские линии с тем, что он за хорошее денежное вознаграждение вернется к нам и доставит интересующие нас дополнительные сведения о неприятеле. Он согласился, но настойчиво просил дать ему хотя бы некоторые сведения о нашей армии, чтобы не прийти к японцам с пустыми руками.

Однако в этом вопросе я встретил самое сильное сопротивление со стороны Харкевича. Помню, что единственными более или менее точными сведениями, которые я предлагал дать шпиону, являлась нумерация тех двух полков 30-й пехотной дивизии, которые еще до войны были присланы в Маньчжурию из России. Долго спорил я со своим бывшим профессором, доказывая, насколько было безобидно посоветовать агенту рассказать о встреченных им солдатах с синими и красными околышами и тем прикрыть нарочито неверные сведения, которые мы бы хотели передать в японский генеральный штаб. Поставив в конце концов на своем, я потратил еще много времени, чтобы убедить штаб сделать перевод в английских фунтах из Синментина, находившегося вне района военных действий, на Шанхайский банк. При последнем свидании незнакомец просил называть его Гидисом и открыть ему также мою собственную точную фамилию, так как в порученном ему деликатном деле он хотел иметь сношения только с одним определенным лицом.

Гидис сдержал свое обещание и не дальше как через три-четыре недели вернулся в наши линии, доставив ценные сведения о правом фланге армии Оку, наступавшей с юга, и вновь получил от меня задания. Но больше мне его видеть не пришлось.

Уже зимой следующего года я получил через штаб письмо, посланное японским штабом и доставленное по китайской почте в Мукден. Это было предсмертное послание Гидиса, написанное в ночь перед казнью.

«Уважаемый капитан, — писал мне Гидис по-английски,— я сохранил о Вас добрые воспоминания и хотел перед смертью рассказать Вам кратко, что со мной случилось. Я родом португалец, родителей своих никогда не знал, ни братьев, ни сестер не имел. Мальчишкой я устроился юнгой на английский торговый пароход, отходивший из моей страны на Кубу во время испано-американской войны. Я понравился испанскому командованию и был послан агентом в американские линии. Американцы в свою очередь обрадовались моему хорошему знанию английского языка, дали мне поручение в испанские линии, и вот таким образом я ознакомился с моим новым ремеслом и полюбил его. К сожалению, в последний раз, когда я был в вашем штабе, Вас заменил другой русский офицер, который дал мне новые и довольно подробные сведения о вашей армии. Они казались, на первый взгляд, очень интересными, но японское командование сразу открыло их полное несоответствие с действительностью, арестовало меня и, обвинив в шпионаже в вашу пользу, приговорило к смерти».

Я сохранил это письмо...

Эпизод этот не нарушил, однако, постепенно налаженного мирного порядка дня. Каждый вечер я должен был делать устные доклады военным атташе о положении на театре военных действий. Они всегда ждали этих докладов с нетерпением в расчете на проверку правильности «вокзальной» информации. Все они, за исключением американцев, владели в той или иной степени французским языком, но для американцев приходилось повторять доклад на английском. Не все, однако, иностранцы относились к нам одинаково, и потому кроме необходимого соблюдения военной тайны приходилось еще представлять события, смягчая, насколько возможно, характер наших первых неудач. Самым же трудным было высасывать из пальца сведения о противнике. Ко дню приезда к нам военных агентов, то есть к 1 апреля, у нас не было даже определенного мнения о месте вероятной высадки японцев на побережье, а сведения были самые разноречивые.

Первые свои доклады я посвятил описанию и стратегической оценке театра военных действий, намекая на несоответствие имевшихся тогда в нашем распоряжении сил (восемьдесят батальонов при двухстах орудиях) с общим протяжением фронта в шестьсот верст.

В первые три месяца войны мы могли получать в среднем только по одной роте в день. Недаром всем казалось, что мы попросту не получаем ни одного солдата из России. Действительность мало-помалу начинала вырисовываться.

Первой тяжелой вестью, которой мне пришлось поделиться с иностранцами, была потеря броненосца «Петропавловск». Он взорвался на мине. На нем погиб лучший из наших адмиралов — Макаров, на которого возлагались большие надежды.

Не успело улечься это волнение, как 18 апреля долетели до нас первые недобрые вести о разгроме восточного авангарда генерала Засулича на Ялу, под Тюренченом.

Происшедшая ночью после боя паника в обозах была представлена как паническое бегство всего отряда. Скрыть это от иностранцев было невозможно, так как на вокзале на следующий день появились уже первые паникеры, прискакавшие чуть ли не от Фын-Хуанчена, отстоящего от Ляояна больше чем на сто верст. Но объяснить эту неудачу мне было тем труднее, что даже в штабе никто не мог себе представить, каким образом японцам удалось не только безнаказанно переправиться через широчайшую реку, не только сбить наш авангард, но и захватить несколько орудий. По своему моральному значению орудия являлись для

▲ Рейд казаков Мищенко. Русско-японская война

нас тогда тем же, что и полковые знамена. Отдать орудия считалось величайшим бесчестьем.

Пятикратное превосходство японских сил нам в ту пору известно не было, и в конце концов единственной реальной причиной поражения стали считать плохое управление войсками и даже личную трусость генерала Засулича. Он один был виноват во всем! Никому не приходило в голову попытаться изучить этот кошмарный бой во всех подробностях, чтобы использовать тяжелый урок для коренной перестройки наших тактических принципов. Войскам, побывавшим в боях, или, как называли, обстрелянным, самим приходилось изменять боевые приемы, а необстрелянным — учиться на собственном кровавом опыте, дорого расплачиваясь за подобные уроки. Куропаткин так и выражался: при неудаче — «не сдали урока» или, наоборот,— «хорошо сдали урок».

Чего они стоили, эти «уроки», мы узнали через несколько дней, когда увидели наших страдальцев, раненных под Тюренченом, столпившимися у Ляоянского вокзала в ожидании санитарного поезда. После тяжелой тряски на двуколках и носилках они выглядели вконец измученными. Многие оставались не перевязанными в течение пяти дней, и кровь, запекшаяся на широких марлевых повязках, свидетельствовала об их героизме.

«За что?» — прочел я на их лицах.

Они были угрюмы и молчаливы, эти без вины виноватые люди.

Настроение в моем вагоне-ресторане заметно упало. Я уже имел неприятную стычку с генералом Сильвестром, позволившим себе как-то во всеуслышание заявить, что сведения мои неточны и что, по его данным, японцы дошли до такой-то линии, а не до той, какую я указывал. Пришлось, скрывая внутреннее возмущение, обратить это в шутку.

В моих вечерних докладах Харкевичу я все настойчивее убеждал его в необходимости отправить военных агентов подальше от растлевающего влияния вокзала и получил, наконец, одобрение составленному мною плану откомандирования их по различным корпусам и отрядам. При своей главной квартире Куропаткин пожелал оставить только четырех старших представителей четырех великих держав: Англии, Франции, Германии и Австро-Венгрии.

Связанное с этим мое личное освобождение не порвало еще, однако, моей связи с военными агентами. Лишь через год, уже в Мукдене, все тот же генерал Сильвестр дал мне повод окончательно освободиться от этих обязанностей. Он проведал, что ночью будут выгружены тяжелые орудия, и высказал пожелание осмотреть их. Отказать в этом я не мог. Но Харкевич предложил мне скрыть этот факт от иностранных представителей. Когда на следующий день утром Сильвестр пошел искать орудия, их уже не было. Взбешенный, он бросился жаловаться на меня Харкевичу, а последний объяснил, что все, мол, зависит от капитана Игнатьева. Мне оставалось только просить начальство заменить меня другим офицером.

Но желчного Сильвестра и это не удовлетворило, и он, как рассказывали мне впоследствии французы, поклялся, что я никогда не буду награжден орденом французского Почетного легиона.

Судьба, однако, устроила иначе. Не далее как через год по окончании войны мне довелось временно исполнять должность военного агента во Франции и состоять в свите президента республики на параде в день праздника 14 июля (взятие Бастилии).

К великому моему удивлению, на фланге одной из дивизий я узнал в лице ее начальника своего старого маньчжурского знакомого. Генерал Сильвестр, вероятно, был еще более изумлен, увидев своего бывшего недоброжелателя на столь высоком посту, да еще в его собственной стране. Обычную слащавую улыбку генерал Сильвестр сопровождал на этот раз салютом палашом с тем особенным шиком, унаследованным от рыцарских времен, который сохранился, кажется, только у французов. А вечером того же дня я получил от Сильвестра по пневматической почте городское письмо, в котором он просил меня «сделать ему честь» — позавтракать в кругу старых маньчжурских друзей, чтобы отпраздновать полученный мною на параде орден Почетного легиона.

Еще позже, когда я, уже в чине полковника, состоял русским военным агентом, я нашел в газете «Тан» краткую заметку о смерти «бывшего военного представителя французской армии в японскую войну, дивизионного генерала Сильвестра».

Непопулярным оказался этот генерал и среди своих коллег. Лишь немногие представители французской армии собрались в церковь отдать последний долг умершему, и не без удивления увидели они русского полковника в полной парадной форме, возложившего на фоб громадный венок с русскими национальными лентами и надписью: «От старых маньчжурских русских соратников...»

Одним из заключительных эпизодов пребывания агентов в Ляояне явился неожиданный и серьезный инцидент со швейцарцами.

Представителем их был полковник Одеу, профессор военной академии, болезненный и мрачный человек, а помощником его — веселый капитан, надевший военный мундир лишь по случаю нашей войны, так как в мирное время он был часовщиком в Варшаве. Оба они были неразлучны и держались в стороне от других иностранцев, как бы подчеркивая свою традиционную нейтральность.

Из окон вагона-ресторана видны были только железнодорожные пути, и иностранцы во время обеда, естественно, внимательно разглядывали редкие поезда, подходившие с севера. Но, к своему разочарованию, они ни солдат, ни орудий не видали.

Не надо при этом забывать, что военные дипломаты отличаются от штатских тем, что для них уже сам военный мундир представляет собой символ некой международной военной солидарности. Если эта солидарность ощущается на обычных маневрах, то тем сильнее она давала себя знать на войне, носившей характер колониальной. Полуштатским швейцарцам эти чувства, конечно, были непонятны. Невольным виновником инцидента явился обычно столь сдержанный австрийский полковник Чичерич.

— Смотрите, смотрите! — воскликнул он во время завтрака.— Наконец мы видим орудия на железнодорожных платформах.

Все бросились к окнам, но мрачный полковник Одеу заметил:

— Чему вы радуетесь? Ведь русские получают пушки лишь для того, чтобы скорее передать их японцам!

Генерал Джеральд побагровел. Румыны подали сигнал, встали из-за стола и, поклонившись мне, вышли из вагона-ресторана; швейцарцам пришлось последовать за ними.

Немедленно состоялось совещание старших представителей. Они единогласно сочли невозможным оставление в своей среде полковника Одеу. Они объявили мне об этом с принесением извинений за своего случайного коллегу и просили доложить об этом командующему армией. По телеграмме Куропаткина в Петербург швейцарские представители были в тот же день отозваны.

Через несколько недель среди вороха вырезок из заграничных газет, доставлявшихся в штаб армии, я прочитал мало для меня лестные отзывы в швейцарской прессе: «Какой-то мальчишка капитан дозволил себе оскорбить нашего уважаемого профессора и великого военного эксперта полковника Одеу. Неужели русское командование не нашло кого-нибудь потактичнее капитана Игнатьева?»

С этого началась заграничная оценка моей скромной личности. Так же, но в других и более сильных выражениях, она и окончилась тридцать лет спустя. Не только белогвардейская эмигрантская пресса, но и часть французской не скупилась на крепкие слова, чтобы хорошенько потрепать мое имя только за то, что при всех обстоятельствах я не переставал себя считать на службе своей родины. ■

И. С. ИСАКОВ

ВОЕННЫЕ ФЛОТИЛИИ

▲ Волга

Грандиозные масштабы и напряженность отечественной войны, опасность, угрожавшая Советскому Союзу, и проникновение врага в глубь территории нашей родины вызвали к жизни формирование морских, озерных и речных флотилий там, где их не было в мирное время, а также вынудили усилить те флотилии, которые существовали до войны, но не отвечали по своему составу новой, необычной обстановке.

Эта большая организационная работа потребовала дополнительного напряжения тех флотов, из которых пришлось выделять кадры, и центральных органов Наркомата Военно-Морского Флота, на которые легла забота о формировании, организации, подготовке и снабжении флотилий всем необходимым для ведения современной войны.

Боевая деятельность флотилий, естественно, была и остается полностью связанной с операциями Красной Армии на соответствующих направлениях.

Охрана больших водных районов от подводных лодок противника, предохранение от мин и защита от немецких самолетов одиночных транспортов и конвоев являются основным содержанием боевой деятельности беломорцев. Кроме того, Беломорская флотилия осуществляла и обеспечивала большие войсковые переброски по внутренним морским коммуникациям, когда это требовалось обстановкой.

Если Северный флот пользуется преимуществами круглогодового плавания на чистой воде, то деятельность Беломорской флотилий затрудняется сезонными осложнениями ледовой обстановки. Последняя не только замедляет темп движения проводки конвоев и ставит их в зависимость от числа и мощности ледоколов, но и делает исключительно трудной борьбу с минами и авиацией. Только подводные лодки не могут действовать в условиях сплошного льда; они обычно подстерегают наши караваны на кромке ледяных полей.

Противник, изыскивая слабые места в системе нашей морской обороны, настойчиво действовал подводными лодками, авиацией и минами в самых отдаленных полярных районах в которые он мог проникать. Поэтому работа Беломорской флотилии была очень напряженной.

Кроме того, на этом театре имели место отдельные попытки проникновения германских надводных

ИСАКОВ Иван Степанович (1894-1967), советский флотоводец, Адмирал Флота Советского Союза (1955), Герой Советского Союза (1965), член-корреспондент АН СССР (1958). В ВМФ с 1918 г. Участник Гражданской войны, был помощником командира «Изяслава» во время Ледового похода Балтийского флота 1918 г. С июля 1919 г. старший помощник командира сторожевого корабля «Кобчик», принимавшего участие в отражении нападения английских торпедных катеров и авиации на корабли в Кронштадте. Участвовал в боях на Каспийском море против белогвардейцев и английских интервентов. С июня 1920 г. на Балтийском флоте. С 1926 г. помощник начальника штаба, начальник оперативного отдела, заместитель начальника штаба морских сил Черного моря. В 1930-1936 гг. помощник начальника отдела оперативного управления Генштаба, старший преподаватель Военно-морской академии, начальник штаба Балтийского флота. В 1937 г. — начальник штаба, в августе командующий Балтийским флотом. С января 1938 заместитель, с апреля 1939 по апрель 1946 гг. 1-й заместитель наркома ВМФ (одновременно по совместительству с июня 1938 по август 1939 гг. начальник Военно-морской академии). С начала 1941 по 1943 гг. начальник Главного морского штаба. С началом Великой Отечественной войны координировал боевые действия Балтийского флота, Ладожской и Чудской флотилий с сухопутными войсками при обороне Ленинграда. С октября 1941 г. вместе командованием Черноморского флота готовил десантную операцию на Керченский полуостров. С апреля 1942 г. на Северо-Кавказском направлении. Координировал действия Черноморского флота и сухопутных войск. Получил тяжелое ранение, на излечении с октября 1942 по 1945 гг. В 1946-1947 гг. начальник Главного штаба ВМФ, в 1947-1950 гг. заместитель главкома ВМФ. Много сил и энергии отдал дальнейшему повышению боевой мощи ВМФ, развитию его оперативного искусства и тактики, изучению и обобщению опыта Великой Отечественной войны. Автор ряда научных работ. Лауреат Сталинской премии (1951). Награжден 6 орденами Ленина. 4 орденами Красного Знамени, 2 орденами Ушакова 1-й степени, орденами Отечественной войны, Красной Звезды боевыми медалями и иностранными орденами.

рейдеров в зону действия Беломорской флотилии. Все они, однако, оказались совершенно безуспешными. И наконец, в отличие от остальных флотилий (кроме Каспийской), Беломорская флотилия не сумела показать степень своей подготовленности к тактическому взаимодействию с частями фронта, ибо на суше противнику, несмотря на все потуги, так и не удалось пробиться к Белому морю, и в частности на Кандалакшском направлении

На ограниченном водном театре Ладожского озера шла, правда, в малом масштабе, современная морская война, прерываемая только ледоставом. Неоднократно высаживались десанты, велась борьба на коммуникациях и напряженная минная война, проводилась блокада и борьба с ней, предпринимались атаки баз, имели место даже отрядные бои артиллерийских кораблей. Все эти операции обязательно сочетались с ожесточенной борьбой в воздухе. Противодесантная операция у о. Сухо явилась примером, свидетельствующим об оперативной и тактической зрелости флотилии.

Из ряда значительных операций, проведенных силами флотилии, можно, например, отметить следующую.

В начальный период войны в результате внезапного вторжения противника в Карелию одно из соединений Красной Армии было отрезано от остальных частей фронта и прижато к шхерному берегу Ладожского озера в районе Сердоболя. В исключительно трудных условиях флотилия блестяще выполнила операцию по прикрытию отхода, посадке войсковых частей с техникой и тылами на корабли и последующей переброске их в расположение нашего фронта. Катера-охотники, канонер-

ские лодки, тральщики и вспомогательные суда в течение нескольких суток вели: бон с артиллерией и частями противника и высаживали тактические десанты моряков, которые своими контратаками обеспечивали удержание плацдарма эмбаркации (посадки), проявляя большой героизм и прекрасную морскую выучку. Задача была полностью выполнена, моряки получили благодарность от армейского командования, а переброшенные части укрепили и стабилизировали фронт на Карельском перешейке.

Однако главная заслуга Ладожской военной флотилии состоит в успешном осуществлении операций, связанных с обеспечением коммуникаций осажденного Ленинграда, которую выразительно называли «дорогой жизни». Непрерывно в течение двух лет, вплоть до полного разблокирования города, немцы и финны прилагали самые настойчивые усилия и применяли разнообразные методы для того, чтобы парализовать перевозки боезапаса, продовольствия и пополнений, а также эвакуацию раненых. Поэтому, с озера и с воздуха наносились непрерывные удары по местам посадки и выгрузки, по тоннажу и по кораблям прикрытия, а с суши (со стороны Шлиссельбурга и Свири) делались попытки захватить последние базы флотилии. В зимнее время, когда тяжелый лед уже не позволял; пробиваться судам и устанавливалась ледовая автодорога, действия кораблей противника прекращались но зато усиливалась деятельность его авиации. Однако всевозможные ухищрения врага, трудности и частичные потери не сломили воли ладожских моряков; они до конца стояли на страже «дороги жизни» любимого Ленинграда и с честью выполняли свой долг.

Этот относительно небольшой водный плацдарм имеет большое стратегическое значение, так как находится на стыке трех важнейших внутренних водных систем. На юг, от Вытегры идет шлюзованная часть Мариинской системы, выводящей на Волгу; на запад — по реке Свирь и через Ладожское озеро идет путь на Ленинград, т. е. в Балтийское море и, наконец, на севере — от Повенца — начинается Беломорско-Балтийский канал им. Сталина, выводящий; в Белое море

Врагу удалось в первые месяцы войны пробиться к западному берегу Онежского озера, но дальше, почти за три года он двинуться не смог. Отчаянные усилия противника разбивались о стойкое сопротивление частей Красной Армии. В этих боях Онежская военная флотилия, имея главным противником германскую и финскую авиацию и вооруженные катера, настойчиво и упорно вела шхерную войну, успешно выполняя все задачи, возлагаемые на нее общевойсковым командованием. Поэтому, как и на других театрах, противник так и не отважился ни разу на высадку десантов во фланг наших частей или на восточный берег озера.

▲ Дунайская флотилия

ДУНАЙСКАЯ И ДНЕПРОВСКАЯ ФЛОТИЛИИ

Как пограничные эти флотилии бок о бок с передовыми частями Красной Армии приняли на себя первый удар предательски вторгшегося врага и героически защищали западные границы Советского Союза.

В 4 часа утра 22 июня 1941 г. румыны внезапно открыли огонь по базе Дунайской флотилии — Измаилу, после чего началась ожесточенная борьба за наши берега, за разгром вражеских переправ и береговых батарей, которая продолжалась почти полный месяц, пока противник не пробился к Кишиневу и фланг армии, чтобы не быть отрезанным, начал отходить к Одессе.

После упорных боев за соответствующие водные рубежи, во время которых личный состав флотилий с честью выполнил свой долг, корабли Дунайской и Днепровской флотилий частью вынуждены были отойти в Черное море или на другие речные бассейны, частью же (где по условиям обстановки не представлялось возможным спасти их от противника) были потоплены своими экипажами. Некоторые корабли погибли в ходе упорных боев, но ни один корабль или катер не достался в руки врага.

Некоторые речные корабли, как, например, монитор «Железняков», имеют редкий «послужной список»: бои на Дунае, бои на Буге за Николаев, бои в Азовском море, на Дону, на Кубани, прорыв через Керченский пролив в Новороссийск. «Железняков» выдержал до 200 воздушных

▲ Днепровская флотилия

налетов, и многократные обстрелы береговой артиллерии.

В течение почти полугода выбирались из окружения и возвращались одиночным порядком или группами офицеры и команды Днепровской и Дунайской флотилий из числа тех, кто уходили последними, взорвав корабли и минировав фарватеры в тылу противника. Все они, как один, высказывали стереотипную просьбу — послать их опять в бой и по возможности вместе. Часть моряков ушла к партизанам. Связанные пережитыми тяжелыми испытаниями, видевшие своими глазами, какие злодеяния творит озверевший враг в оккупированных районах, сохранившие горькую память о затоплении родных кораблей, все они горели священной ненавистью к врагу и в дальнейшем показали себя неистовыми мстителями и наиболее отважными бойцами в составе других флотилий, особенно при высадке десантов. Они верили, что «будет и на нашей улице праздник», и знали, что придет день, когда, вернувшись в родные места на Днепре и Дунае, они будут громить врага и рассчитываться с насильниками и убийцами.

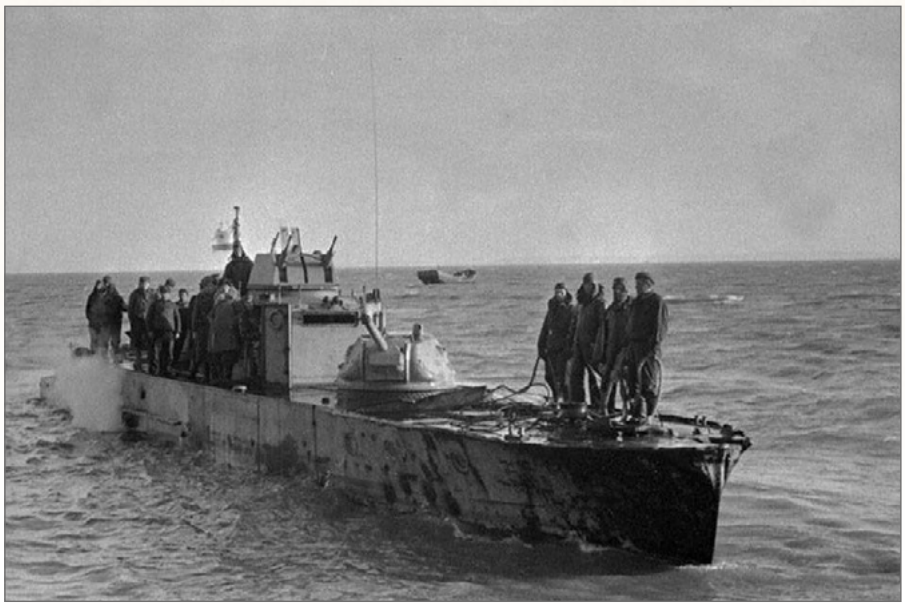
Днепровцы уже дождались этого часа и в настоящий момент в составе соответствующих армий выполняют задачи по дальнейшему обеспечению великого сталинского наступления.

Недалеко время, когда и моряки Дунайской флотилии выйдут снова к юго-западным границам нашей родины о тем, чтобы совместно с Красной Армией раз и навсегда отвадить неумного и чванливого соседа, отбить у него всякую охоту повторить предательство, подобное совершенному в июне 1941 г.

АЗОВСКАЯ ВОЕННАЯ ФЛОТИЛИЯ

Эту флотилию пришлось формировать в то время, когда германские части начали выходить через Нижний Днепр в Северную Таврию к берегам Азовского моря. Ожесточенная «москитная» и воздушная война развернулась на тех самых плесах, где революционным черноморцам уже приходилось драться во время гражданской войны, решая те же задачи обеспечения приморского фланга армии под Мариуполем, Таганрогом и на подходах к Ростову. Но на этот раз враг оказался сильнее, а обстановка сложнее, так как без авиации уже нельзя было выполнить ни одной задачи. Противник перебросил по железной дороге через Геническ (а позже через Мариуполь) большое чисто секций двухкорпусных самоходных понтонов, использование которых вполне отвечало условиям этого района театра (мелководье, небольшие расстояния). Кроме того, на Азовском море в широких масштабах развернулась воздушная н минная война с применением самых современных магнитно-акустических мин.

Действуя смело и активно, Азовская флотилия все время держала инициативу на море в своих руках.

▲ Азовская флотилия

▲ Днепровская флотилия

Был период (летом 1942 г.), когда немцы перебросили из Германии в Мариуполь флотские команды общей численностью до 6000 чел. Спустив на воду десантные катера и сконцентрировав самоходные понтоны, противник начал подготовку большой десантной операции в направлении на Ейск и Ахтари с тем, чтобы кратчайшим путем выйти на Кубань в тыл нашим армиям, защищавшим Ростов и Таманский полуостров. Но своевременным мощным ударом с воздуха авиации Черноморского флота и Северо-Кавказского фронта и действиями флотилии с моря этот план противника был сорван.

Азовцы показали себя мастерами тактических и диверсионных десантов и набеговых операций, благодаря чему фланг и тыл противника, а также его части, прикрывавшие Азовское побережье, держались в постоянном напряжении.

Особенно отличились моряки Азовской военной флотилии в те дни, когда Красная Армия погнала противника на запад, и в первую очередь при захвате войсками Южного фронта таких важнейших районов Приазовья, как Таганрог, Осипенко и крупный центр металлургической промышленности город и порт Мариуполь. В приказе Верховного Главнокомандующего от 10 сентября 1943 г. были особо отмечены действия моряков контр-адмирала Горшкова при взятии Мариуполя. Успешные действия десантов азовцев под Темрюком, также отмечены в приказе Верховного Главнокомандующего от 9 октября 1943 г. в связи с полным очищением от немецко-фашистских захватчиков Таманского полуострова.

Если бы старый адмирал, воспитанный на классических традициях линейного флота, увидел это сложное соединение самых разнообразных кораблей и судов — от монитора специальной постройки, бронекатера и охотника до рыбачьих мотоботов и сейнеров, вооруженных мелкокалиберной артиллерией и пулеметами, — он, наверное, скептически улыбнулся бы, недоумевая, как можно воевать на подобного рода «композитной» эскадре. Однако азовцы воевали, и воевали неплохо, именно на этих судах, лишь бы выполнить боевые задачи, поставленные командованием лишь бы наносить ущерб и поражение ненавистному врагу. Эти маленькие корабли делали большое дело.

В своеобразных условиях Азовского моря некоторые типы импровизированных боевых судов оказывались более подходящими для использования, чем любые корабли флота. Вот почему краснофлотец, всю службу, проплававший на современном крейсере, но переведенный на азовскую канонерскую лодку, по миновании надобности не без сожаления передавал ее старым владельцам — местным рыбакам — и с гордостью возвращался на свой крейсер, зная, что обогнал и своих товарищей в отношении «числа дней пребывания в море» и, «числа случаев пребывания в бою».

Были для азовцев и тяжелые дни, когда пришлось отойти на Дон и Кубань и временно уйти в Черное море из-за потери баз, захваченных противником с суши.

Завершающей операцией Азовской военной флотилии была высадка десанта Отдельной Приморской армии на Керченский полуостров, сопровождавшаяся несколькими тактическими десантами моряков во фланг противника, и последующая переброска всей армии и ее тылов в Крым.

В настоящее время Азовское море окончательно очищено от вражеских кораблей, частью потопленных, частью удравших через Керченский пролив, а частью доставшихся нам в виде трофеев. И это море, «открытое» для России Петром I, опять стало внутренним морем Советского Союза, на котором рыбники и торговые моряки, возвращаясь к нормальной жизни, восстанавливают порты и суда, поврежденные врагом.

ВОЛЖСКАЯ ВОЕННАЯ ФЛОТИЛИЯ

На величайшей русской реке — Волге — в мирное время и в первый период войны, конечно, не было никакой военной флотилии или каких-либо учреждений флота. Волжский район был тем самым советским тылом, промышленным, колхозным и транспортным, благодаря патриотизму и трудовому напряжению которого Красная Армия и флот могли оказывать стойкое сопротивление вторгающемуся врагу и успешно наносить ему контрудары.

Единственно что было (вернее, осталось) военно-морского на Волге, это память о героических делах революционных матросов, успешно дравшихся совместно с Красной Армией на Каме, на Средней Волге, под Царицыном и Астраханью с врагами родины — интервентами и белогвардейцами — в 1918 и 1919 гг.

Ряд крупнейших заводов и оборонных предприятий, расположенных на берегу Волги, и громадные сельскохозяйственные районы, прилегающие к ней, сами по себе были для врага ценными объектами, но со стратегической точки зрения более крупное значение Волга имела как важнейшая водно-транспортная магистраль. Еще в мирное время эта река играла большую роль в народнохозяйственном плане советского государства, частично разгружая железнодорожный транспорт и осуществляя обменный грузооборот бакинской и эмбинской нефти, пшеницы Поволжья, лесоматериалов северных районов и продукции приволжских заводов-гигантов, расположенных в Сталинграде, Саратове, Куйбышеве, Ярославле, Казани, Горьком, Сормове. Благодаря таким судоходным притокам, как Кама и Ока, и наличию каналов, как Волга — Москва и Мариинская система, транспортное значение Волги в военное время возросло во много раз.

Немецкое командование это отлично знало. Вот почему, как только основные аэродромы германской авиации достаточно подвинулись на восток, над Волгой появились первые вражеские самолеты. Но здесь их уже ждали.

Немцы знали военную географию, но не знали еще советского народа, несмотря на то, что шел второй год войны.

Помимо мероприятий по своевременному развертыванию средств ПВО, проведенных Народным Комиссариатом Обороны, на Волгу были предусмотрительно переброшены боевые корабли с некоторых флотов и сформированы соответствующие соединения с необходимыми обеспечивающими органами и средствами ведения современной войны.

Боевые действия флотилии открылись здесь задолго до того, как немецким частям удалось пробиться к Волге. При этом главным противником для объектов на берегу и караванов судов с нефтью и бензином была германская бомбардировочная авиация. Обстановка значительно осложнилась, когда немцы начали по ночам минировать волжские фарватеры, сбрасывая магнитные и магнитно-акустические мины с, самолетов в различных районах от Астрахани до Саратова, т. е. на протяжении свыше 900 км.

Это потребовало большого напряжения от тральщиков флотилии, так как наиболее ответственные участки приходилось тралить систематически, а особо ответственные караваны, кроме того, непосредственно конвоировать как тральщиками, так и канонерскими лодками, и бронекатерами для целей ПВО.

Как всегда, в тех случаях, когда минные постановки производятся скрытно и в различных районах, затруднение представляют не столько сами мины, т. е. их траление и уничтожение, сколько трудность их нахождения. В целях профилактики нужно протраливать все подозрительные участки реки. Пришлось ввести твердый режим плавания, специальную навигационную обстановку, военно-лоцманскую службу и организовать сеть наблюдательных постов и систему оповещения. Эти мероприятия не только свели потерн до минимума, но и позволили сократить простои и замедление в обороте тоннажа настолько, что, несмотря на все, затруднения, чинимые противником, волжские речники перевыполнили план годовых перевозок по главнейшим грузам военного значения.

На всякие новые ухищрения врага Волжская военная флотилия отвечала соответствующими контрмерами.

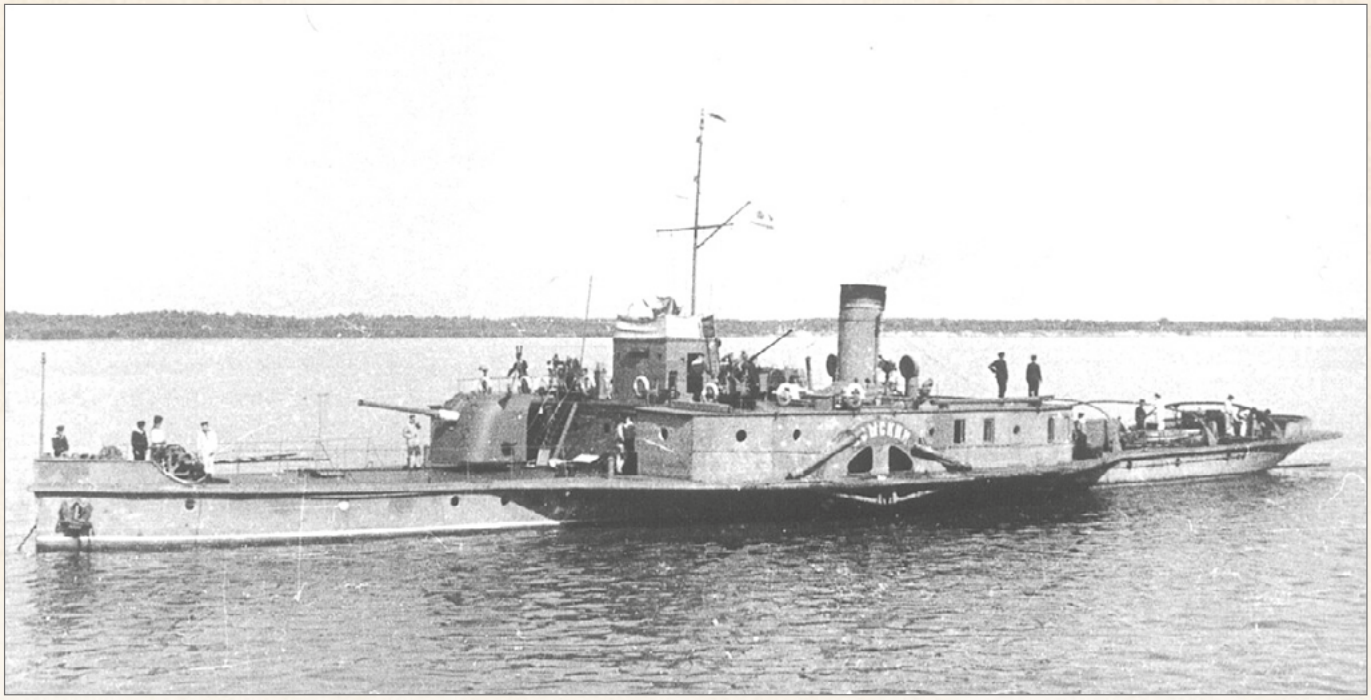
К кощу лета 1942 г., когда в районе Волги появилась более серьезная угроза в виде германских бронетанковых частей, пробивающихся к Сталинграду, флотилия уже была хорошо сколоченным боевым организмом с опытными кадрами, сработавшимися с соответствующими частями и штабами Красной Армии.

Бои за Сталинград поставили перед военными моряками флотилии ряд новых задач, из которых главнейшими были:

1) артиллерийское содействие армии, обороняющей подступы к городу и позже — его отдельные кварталы и берег Волги;

▲ Волжская флотилия

▲ Волжская флотилия

2) высадка тактических десантов на участках берега, где противнику удавалось прорваться к реке;

3) обеспечение переправы войск и боевой техники, подвоза боепитания и продовольствия;

4) эвакуация раненых.

Все эти задачи пришлось решать при самой ожесточенной. Активности артиллерии и особенно авиации противника, очень энергично действовавшими по средствам переправы.

Надо также отметить, что в разгаре боев положение флотилии значительно осложнилось тем, что Волга начала замерзать; это ставило под серьезную угрозу корабли, лишившиеся маневра.

Канонерские лодки и плавучие батареи, замаскированные под берегом и использующие маскирующие дымзавесы, непрерывно получали заявки на огонь от соответствующих армейских начальников, и в результате выполнения этих заявок через короткий промежуток времени замолкали мешавшие нашим войскам германские батареи или минометы. При этом артиллерийские наблюдатели — корректировочные посты с кораблей — всегда находились в передовых линиях армейских частей и передвигались вместе с ними. Бывали случаи использования прямого огня кораблей по вражеским танкам. Когда однажды командующий фронтом лично поставил задачу одной из канонерских лодок и она с первых залпов накрыла заданную цель, лаконичное: «Спасибо, Волга», переданное по телефону на корабль, было в этот момент лучшей наградой для моряков.

Непрерывно, ночами, тральщики и катера Волжской военной флотилии курсировали под огнем между городом и фланговыми частями, между городом и левым берегом, осуществляя переброски наших частей и боеприпасов или высадки частных десантов. Значительное число команд флотилии и морской пехоты принимало непосредственное участие в уличных боях бок о бок с красноармейцами.

Успех грандиозной операции, длившейся шесть с половиной месяцев и кончившейся полным разгромом и пленением остатков германской группировки, принадлежит к победным делам нашей славной Красной Армии; моряки Волжской военной флотилии сыграли в этой операции свою скромную по масштабу роль и решили поставленную им задачу, тем самым способствуя общему успеху. Несмотря на всю сложность и напряженность обстановки ожесточенных боев, волжские военные моряки оказались на высоте и с честью выполнили долг в этой решающей битве Великой отечественной войны. Два корабля Волжской военной флотилии — канонерские лодки «Усыскин» и «Чапаев» — с гордостью носят краснознаменный флаг, а многие моряки кораблей и морской пехоты — медали за оборону Сталинграда.

Второй раз после Октябрьской революции приходили военные моряки вместе с Красной Армией на защиту родной Волги и ее берегов, и второй раз матросская слава оказалась достойной славы исторического города Сталина.

КАСПИЙСКАЯ ВОЕННАЯ ФЛОТИЛИЯ

Старейшая из наших флотилий — Каспийская — решала ту же задачу, что и Волжская, ибо германское командование, стремясь парализовать основную водную магистраль, пыталось воздействовать и на ее морской участок.

▲ Каспийская флотилия

Вражеские самолеты-бомбардировщики и постановщики мин доходили не только до Астрахани, но появлялись и над Каспийским морем, стараясь особенно энергично воздействовать на стык морского и речного участков главной коммуникации на этом театре. По всем данным, германское командование рассчитывало прервать поток нефти и бензина, идущий на север из Баку, но расчеты эти, как и многие другие, оказались несостоятельными.

Совместными действиями ПВО армии и флотилии и энергичной работой тральщиков операции врага были очень скоро полностью нейтрализованы, и поток.грузов между устьем Волги и портами Каспийского моря беспрепятственно продолжал двигаться как на север, так и на юг. При этом надо учитывать, что война потребовала значительного увеличения грузооборота по сравнению с мирным временем.

Благодаря стойкости войск Закавказского фронта армиям противника так и не удалось пробиться к берегу Каспийского моря, хотя немцы доходили до Элисты и действовали из нее подвижными отрядами в сторону железной дороги Кизляр-Астрахань. Главные силы южной группировки немцев, несмотря на все усилия и ожесточенность боев, не смогли пробиться восточнее Эльхотово и Моздока и выйти к городу и порту Махач-Кала. Получив затем сокрушительный удар Закавказского фронта, немцы покатились на запад с тем, чтобы уже никогда не возвращаться к Кавказу.

Поэтому Каспийской флотилии не пришлось ввести в действие свои артиллерийские корабли, и она главным образом обеспечивала Красную Армию переброскими морем больших войсковых частей и многообразной тяжелой техники.

Южная часть морской коммуникации СССР с дружественным Ираном также находилась под контролем Каспийской военной флотилии. С этими задачами флотилия справилась хорошо. Помимо того, Каспийская военная флотилия продолжала быть морским учебным центром, в котором обучались и тренировались краснофлотцы, курсанты и офицеры всех специальностей, вливавшиеся затем в состав других боевых флотов.

АМУРСКАЯ ВОЕННАЯ ФЛОТИЛИЯ

1) Формирование русского ВМФ на реке Амур. В 1900 г. была создана как временная флотилия из вооруженных коммерческих судов. В русско-японской войне 1904-1905 гг. она перебрасывала войска и грузы в Маньчжурию. Официально Амур-

▲ Амурская флотилия

▲ Амурская флотилия

ская военная флотилия создана в июле 1906 г. с целью обороны пограничной линии амурского бассейна и обеспечения сообщений по реке Амур.

2) Формирование советских ВМФ, созданное в декабре 1917 г. Принимала активное участие в борьбе с японскими интервентами и белогвардейцами. В начале 1920 г. после освобождения ряда районов Дальнего Востока в Осиновском затоне (у Хабаровска) был сформирован береговой отряд флотилии для борьбы с японцами. С мая 1920 г. началось восстановление флотилии. С сентября 1926 г. стала называться Дальневосточной флотилией. В 1929 г. в ходе боевых действий против китайских милитаристов флотилия успешно высадила ряд тактических десантов, огнем кораблей подавляла оборону врага, уничтожила белокитайскую Сунгарийскую флотилию. 27 января 1931 г. переименована в Амурскую Краснознаменную военную флотилию. В годы Великой Отечественной войны подразделения и бригада морской пехоты, сформированные из моряков флотилии, сражались на многих фронтах. Во время войны с Японией в 1945 г. Амурская военная флотилия обеспечивала оперативные перевозки, высадку десантов, форсирование Амура, Уссури и Сунгари, вместе с частями 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов участвовала в освобождении городов Сахалян, Айгунь, Фугдин, Цзямусы, Харбин.

ОНЕЖСКАЯ ВОЕННАЯ ФЛОТИЛИЯ

Формирование советского ВМФ, созданное в июне 1918 г. во время Гражданской войны. В ходе боевых действий, взаимодействуя с сухопутными частями, высаживала десанты, оказывая содействие сухопутным войскам. После завершения военных действий расформирована.

В апреле 1942 г. на Онежском озере был сформирован отдельный Онежский отряд кораблей, преобразованный в декабре в Онежскую военную флотилию. Корабли отряда, а затем флотилии летом 1942 и 1943 гг. вели напряженную боевую деятельность, прикрывая и поддерживая войска приозерных флангов. В Свирско-Петрозаводской операции 1944 флотилия оказывала помощь армейским частям при форсировании реки Свирь, высаживала тактические десанты. При содействии десантов 29 июля Петрозаводск был освобожден войсками 7-й и 32-й армий. С 21 по 28 июня кораблями и судами флотилии было перевезено свыше 48 тыс. человек, 212 танков, 446 орудий и много другой техники и различных грузов.

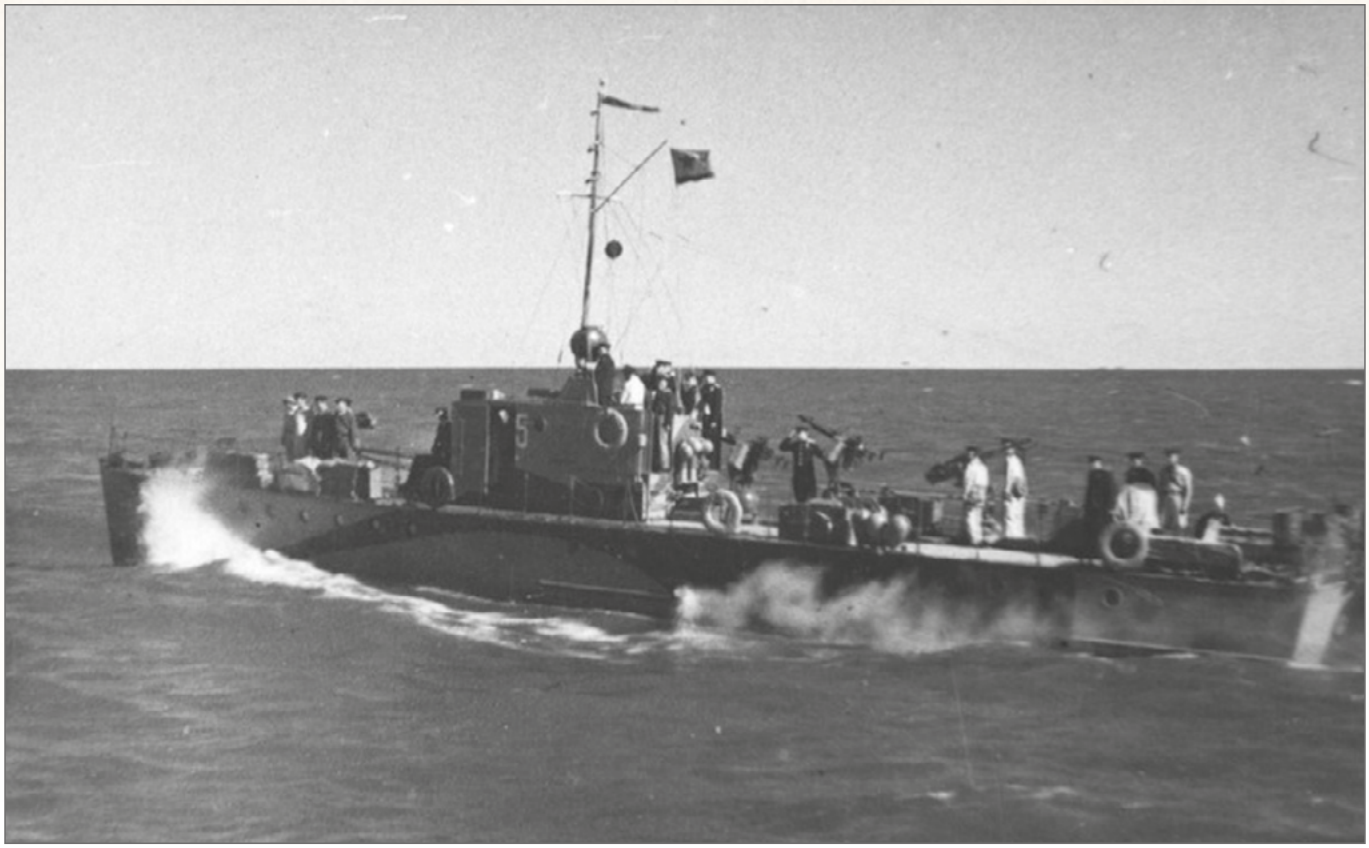
ЛАДОЖСКАЯ ВОЕННАЯ ФЛОТИЛИЯ

Формирование советского Военно-Морского Флота, созданное в октябре 1939 г. на Ладожском озере для обороны побережья и прикрытия приозерных флангов советских войск. В советско-финляндскую войну корабли флотилии оказывали огневую поддержку войскам 7-й,

затем 13-й армий. В ноябре 1940 г. переформирована в учебный отряд. Восстановлена в начале Великой Отечественной войны -25 июня 1941 г. для содействия советским войскам и обеспечения озерных коммуникаций. В 1942-1943 гг. флотилия пополнилась подводными лодками, торпедными катерами, транспортными судами, батареями береговой артиллерии. В июле — сентябре 1941 г. артиллерийским огнем поддерживала действия 23, 7 и 57-й армий. Высаживала десанты на острова, эвакуировала войска с северо-западного побережья озера, перевозила воинские части и грузы для Ленинградского фронта, эвакуировала гражданское население и оборудование промышленных предприятий из Ленинграда. В период блокады Ленинграда обеспечивала воинские и и народно-хозяйственные перевозки через озеро для осажденного города, Ленинградского фронта и Балтийского флота. Корабли флотилии содействовали сухопутным войскам в Синявинских операциях 1941, 1942 гг. Специальные части флотилии принимали участие в прокладке по льду озера автомобильной дороги и прикрытия ее от воздействий противника. В январе 1943 г. участвовала в прорыве блокады Ленинграда. За время блокады Ленинграда корабли флотилии доставили в город 311, 8 тыс. человек (войска) и 1 105,6 тыс. т грузов, вывезли из города 1 071 тыс. человек (население) и 308,7 тыс. т грузов. В июне-августе 1944 г. флотилия участвовала в Свирско-Петрозаводской операции 1944. Ее корабли прикрывали приозерные фланги 7-й армии, оказывали ей огневую поддержку, обеспечивали форсирование рек, перевозили войска, высаживали десанты в тыл противника. Флотилия провела важную для развития наступления Карельского фронта Тулоксинскую десантную операцию 1944 в ходе которой в тылу противника (в 35 км за линией фронта) был захвачен плацдарм и перерезаны железная и шоссейная дороги.

БЕЛОМОРСКАЯ ВОЕННАЯ ФЛОТИЛИЯ

Формирование советского ВМФ. Первый раз создана в марте 1920 г. на базе Северо-Двинской флотилии для защиты северных морских рубежей Советского государства. В апреле 1920 г. преобразована в Морские силы Северного моря. Вторично была образована в составе Северного флота в начале августа 1941 г. с целью защиты коммуникаций в Белом море, восточной части Баренцева моря и Арктике. Главная база — Архангельск. В беломорскую военную флотилию входили дивизион эсминцев и сторожевых кораблей, дивизион минных заградителей, бригада траления, Беломорский сектор береговой обороны, Иокангская военно-морская база. Для обороны проливов Карские ворота, Югорский Шар, портов и полярных станций в составе флотилии в конце августа был создан Северный отряд (базы — Амдерма, остров Диксон),

▲ Ладожская флотилия

▲ Беломорская флотилия

в который наряду со сторожевыми кораблями и береговыми батареями входили авиагруппа и отряд ледоколов (из ледоколов Главсевморпути). Впоследствии в связи с расширением операционной базы в составе флотилии были сформированы Новоземельская (в губе Белушья, 1942 г) и Карская (на острове Диксон, 1944 г.) военно-морские базы. За время войны Беломорская военная флотилия обеспечила проводку более 2 500 транспортов.

ЧУДСКАЯ ВОЕННАЯ ФЛОТИЛИЯ

1) Формирование русского военно-морского флота в 1915-1917 гг. на Чудском озере, предназначавшееся для поддержки сухопутных войск Северо-Западного фронта и прикрытия дальних подступов к Петрограду.

2) Формирование советского ВМФ, созданное в апреле 1918 г. на Чудском озере для обороны подступов к Петрограду, содействия 7-й армии в борьбе за прибрежные опорные пункты и обеспечение воинских перевозок. Флотилия принимала участие в отражении наступления войск Юденича на Петроград в 1919 г.

Вновь сформирована в начале Великой Отечественной войны (3 июля 1941 г.) для содействия советским войскам и обеспечения озерных коммуникаций на ленинградском направлении. Главной базой флотилии был Гдов. Чудская военная флотилия совместно с частями 11-го стрелкового корпуса с середины июля 1941 г. обороняли Гдовский боевой участок от подошедших к Чудскому озеру немецко-фашистских войск. Для борьбы против Чудской военной флотилии фашистское командование вынуждено было выделить часть своей авиации и отряд вооруженных катеров. В связи с отходом советских войск к Ленинграду корабли Чудской военной флотилии по приказу командования 13 августа были затоплены, а экипажи с боями пробились в район города Нарва. ■

▲ Чудская флотилия

В.И. ПЕРЕВЕРЗЕВ

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЦЕЛЬ — УНИЧТОЖЕНИЕ СССР

Период от окончания II мировой войны и до начала XXI века по праву можно назвать эпохой глобальных исторических сдвигов на мировой арене, обусловленных принципиальными изменениями в политических, экономических и военно-стратегических процессах, охватившими практически все регионы мира.

Окончание II мировой войны завершилось колоссальными разрушениями и жертвами в Советском Союзе, а также в ряде стран Европы и Азии.

Война обошла стороной территорию Соединенных Штатов, страна вышла из войны мощной экономической и военной мировой державой с монопольным обладанием новым оружием огромной разрушительной силы — атомной бомбой. «Хотим мы этого или не хотим, — заявил президент США Г. Трумэн 19 декабря 1945 года, — мы обязаны признать, что одержанная нами победа возложила на американский народ бремя ответственности за дальнейшее руководство миром».

Правящие круги Соединенных Штатов избрали стратегический военно-политический курс, направленный на слом соотношения сил, сложившихся в результате II мировой войны, на «оттеснение Советского Союза от решения сложных международных проблем и установление лидерства США.

В военном строительстве вооруженных сил главным направлением стало активное наращивание военной мощи за счет форсированного производства ядерного оружия и средств его доставки до объектов противника, разработки планов ядерной войны против Советского Союза. Дипломатия Соединенных Штатов была направлена на сколачивание военно-политических блоков против СССР на западном, южном и восточном стратегических направлениях непосредственно у границ Советского Союза.

В идеологическом плане политика США по отношению к СССР преследовала цель усиления американского давления на внутренние процессы и таким путем оказывания «содействия тенденциям, которые в конечном итоге приведут либо к распаду, либо

ПЕРЕВЕРЗЕВ Валентин Игнатьевич (1926-2011), генерал-лейтенант авиации, участник Великой Отечественной войны. После войны служил в частях военно-морской авиации Балтийского флота, в дальнейшем — на руководящих должностях в Главном управлении Генерального штаба. Военно-воздушный атташе при посольстве СССР в Вашингтоне в начале 70-х годов XX в. Автор, не один десяток лет по долгу своей службы в системе Генерального штаба Вооруженных Сил СССР занимался проблемой центрального элемента внешнеполитического курса США — Стратегии национальной безопасности, начиная с завершения II мировой войны и заканчивая современностью.

к постепенному размягчению советской мощи». Позднее Г. Киссинджер признал, что американская стратегия «сдерживания» состояла в том, чтобы создать внутреннюю трансформацию в Советском Союзе.

Шли годы, менялись президенты в Соединенных Штатах. Обнародовались ими основные цели в их Стратегиях национальной безопасности, в том числе и в военно-политической и собственно оборонной политике, в основе которой неизменно оставались следующие приоритеты:

- лидерство США на мировой арене;
- непревзойденная военная мощь с опорой на качественно превосходящие стратегические наступательные ракетно-ядерные силы (СНС);
- главный противник — Советский Союз;
- решение сложных мировых проблем в сочетании «дипломатия и военная сила», а в критических ситуациях — угроза применения ядерного оружия;
- главные союзники: на Западе — Североатлантический блок НАТО на Востоке — Япония;
- сохранение и дальнейшее развитие американских военных баз и наличие группировок ВС США на территории иностранных государств, расположенных по периметру границ Советского Союза в составе сформированных США военно-политических блоков.

По мере непрерывного качественного развития американских СНС (межконтинентальных баллистических ракет (МБР), атомных ракетных подводных лодок (ПЛАРБ) с баллистическими ракетами и самолетов стратегической авиации) сменявшиеся в Белом доме американские администрации уточняли и совершенствовали стратегии ведения возможной ядерной войны против Советского Союза. Эти стратегии под названиями:

- «Сдерживания коммунизма» — президент Г. Трумэн;
- «Массированного возмездия» — президент Д. Эйзенхауэр;
- «Гибкого реагирования» — президент Дж. Кеннеди (в начале 60-х годов была принята и в НАТО в качестве официальной);
- «Реалистического устрашения» — президент Р. Никсон;
- «Прямого противоборства» — президент Р. Рейган.

Указанные стратегии предназначались для противодействия Советскому Союзу и достижения полного и неоспоримого превосходства США в решении международных проблем, а в случае войны — победы над СССР. Так, например, стратегия «Прямого противоборства», —

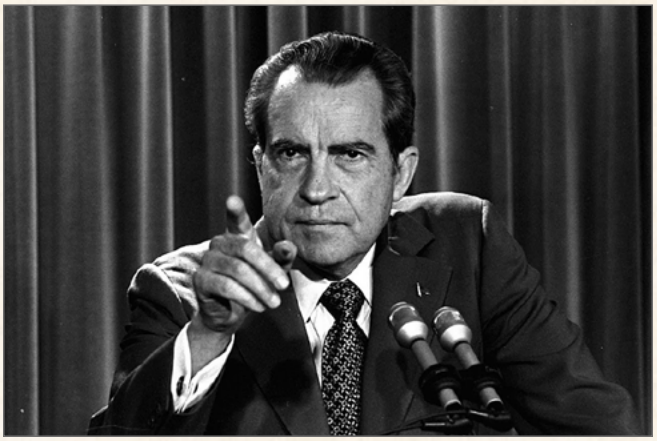
▲ Трумэн

▲ Эйзенхауэр

▲ Кеннеди

▲ Никсон

по заявлению министра обороны Каспара Уайнбергера, — предусматривает применение военной силы гибко и в достаточном количестве с тем, чтобы ни один район «жизненно важных интересов» США не был потерян из-за недостаточных усилий.

Президенты США, вступая в должность, детально изучают действующий «План США на чрезвычайный период», разработанный Объединенным комитетом начальников штабов Вооруженных сил.

Практическая деятельность президента по руководству страной и вооруженными силами. А также по принятию им решений в ходе ведения войны, в том числе и начало ядерной войны, нарабатывается путем участия в командно-штабных учениях ВС США глобального масштаба, а также на специальных учениях стратегических наступательных сил.

Шестидесятые годы XX века обозначили кризис американо-натовской политики «холодной войны». В ноябре 1969 года начались советско-американские переговоры об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ), которые в мае 1972 года завершились подписанием Договора об ограничении систем противоракетной обороны и Временного соглашения в области ограничения стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1). В июле 1979 года был подписан Договор ОСВ-2.

Во второй половине 80-х годов президент Р. Рейган перечеркнул советско-американский договор по ПРО, объявив о начале разработки в Соединенных Штатах системы ПРО космического базирования. Это решение привело к срыву комплексных договоренностей между США и СССР в области ограничения и сокращения СНС и систем ПРО.

На рубеже XX и XXI столетий президент Клинтон, а затем и президент Дж. Буш-младший одобрили идею создания системы ПРО против оперативно-тактических ракет для борьбы с потенциальной ядерно-ракетной угрозой европейским союзникам США по НАТО со стороны Ирана, а на Востоке со стороны КНДР. Американский конгресс утвердил многомиллионные ассигнования на развертывание в Европе американской системы ПРО. Администрация Дж. Буша заключила соответствующие соглашения с Чехией — о строительстве на ее территории радиолокационной станции ПРО, а на территории Польши — развертывание подразделений американских противоракет.

Развал Советского Союза в 1991 году послужил причиной, по утверждению президента Дж. Буша, считать необязательным для США соблюдать Договоры и Соглашения по СНС и ПРО, подписанные исчезнувшем с мировой арены Советским Союзом, если они не соответствуют интересам Соединенных Штатов.

***

18 августа 1948 г. Совет национальной безопасности США принял секретную директиву 20/1 «Цели США в войне против России». Впервые эта Директива была опубликована в США в 1978 г. в сборнике «Содержание. Документы об американской политике и стратегии 1945-1950 гг.». Дату принятия этого документа можно считать отправной точкой глобального противостояния США и СССР.

ДИРЕКТИВА СОВЕТА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ США NSC № 20/1 ОТ 18 августа 1948 года

I. Введение

Очевидно, что Россия, и как самостоятельная сила, и как центр мирового коммунистического движения, стала в последнее время основной проблемой международной политики США и что в стране отмечается глубокое недовольство и озабоченность целями и методами советских лидеров. Поэтому политика нашего Правительства определяется в значительной мере нашим желанием изменить советскую политику и изменить международное положение, к которому последняя уже привела.

Однако до сих пор еще не было четкой формулировки основных целей США в отношении России.

▲ Рейган

И особенно важно, с точки зрения повышенного внимания нашего правительства к делам России, чтобы эти цели были сформулированы и приняты для рабочих целей всеми подразделениями нашего правительства, работающими с проблемами России и коммунизма. В противном случае есть возможность серьезного распыления усилий в работе над проблемой чрезвычайной международной важности.

II. Предварительные пояснения

Есть две концепции отношения национальных целей к факторам войны и мира.

Первая предполагает, что национальные цели являются постоянными и что на них не могут оказывать влияние перемены в положении в стране, как то: переход от войны у миру; что их следует выполнять постоянно, как невоенными, так и военными средствами, в зависимости от случая. Эту концепцию лучше всего выразил Клаузевиц, который писал, что «война есть продолжение политики, смешанное с другими средствами».

Противоположная концепция предполагает, что национальные цели во время войны и во время мира главным образом не связаны. Согласно этой концепции существование военного положения создает свои собственные политические цели, которые по преимуществу вытесняют обычные цели мирного времени. Именно эта концепция в основном превалировала в нашей стране. Главным образом эта концепция преобладала и в прошедшей войне, когда победа в войне как таковая, как военная операция, была главной задачей политики США, а все остальные соображения подчинялись ей.

В случае с американскими целями в отношении России ясно, что ни одна из этих концепций не может полностью превалировать.

Прежде всего наше правительство было вынуждено, ради задач развивающейся ныне политической войны, рассматривать более определенные и милитаристские цели в отношении России даже сейчас, в мирное время, чем те, что были сформулированы в отношении Германии или Японии в преддверии реальных военных действий с этими странами.

Во-вторых, опыт прошедшей войны научил нас желательности подчинения наших военных действий четкой и реалистичной концепции долгосрочных политических задач, которые мы хотим достигнуть. Это было бы особенно важно в случае войны с Советским Союзом. Вряд ли мы можем ожидать, что завершим эту войну с тем же военным и политическим исходом, как в случае с прошедшей войной против Германии и Японии. Поэтому, пока всем не станет очевидно, что наши цели не заключаются в военной победе ради нее как таковой, американской общественности будет трудно осознать, что на самом деле будет желательным исходом конфликта. Общественность может ожидать от военного исхода гораздо большего, чем это необходимо, или даже желательно, с точки зрения действительного достижения наших целей. Если люди будут думать, что нашими целями являются безоговорочная капитуляция, полная оккупация и военное правительство, по образцу Германии и Японии, то они, естественно, будут ощущать, что все иное, кроме этих достижений, вовсе не является настоящей победой, и не смогут оценить действительно оригинальное и конструктивное урегулирование.

Наконец, мы должны признать, что цели Советов сами по себе практически постоянны. Переходы от войны к миру практически не оказывали на них влияния. К примеру, советские территориальные цели в отношении Восточной Европы, ставшие очевидными в ходе войны, имеют сильное сходство с программой, которую советское правительство стремилось реализовать невоенными средствами в 1939 и 1940 годах, и, по сути, с некоторыми стратегическими и политическими концепциями, лежавшими в основе царской политики накануне I мировой войны. Чтобы противостоять такой постоянной политике, столь упорно проводящейся во время и войны, и мира, нам необходимо противопоставить ей задачи не менее постоянные и долгосрочные. В общем говоря, это обусловлено самой природой отношений между Советским Союзом и внешним миром, заключающихся в постоянном антагонизме и конфликте, которые имеют место как в рамках формаль-

ного мира, так и в правовых рамках войны.

С другой стороны, очевидно, что демократия не может добиться, как это иногда делает тоталитарное государство, полной идентификации своих целей в мирное и в военное время. Ее отвращение к войне как к методу внешней политики настолько сильно, что она неизбежно будет изменять свои цели в мирное время в надежде, что их можно будет достичь, не прибегая к оружию. Когда этой надежде и этой сдержанности кладет конец начало войны, в результате провокации или иных причин, раздраженная демократическая общественность обычно требует либо формулировки дальнейших целей, часто — карательного свойства, которые она не стала бы поддерживать в мирное время, либо немедленной реализации целей, которых в других обстоятельствах она бы добилась терпеливо, постепенно, на протяжении десятилетий. Поэтому было бы нереалистично полагать, что правительство Соединенных Штатов могло бы надеяться продолжать действовать в военное время на базе точно того же набора целей, или по крайней мере с теми же графиками реализации целей, что и в мирное время.

В то же время следует признать, что чем меньше разрыв между целями мирного и военного времени, тем больше вероятность, что успешные военные действия будут также и политически успешными. Если цели действительно здравые с точки зрения национальных интересов, то они заслуживают сознательной формулировки и достижения как в войну, так и в мирное время. Цели, которые рождаются в результате эмоционального подъема военного времени, не способны отразить сбалансированную концепцию долгосрочных национальных интересов. По этой причине любое действие, планируемое теперь правительством, в преддверии любых военных действий, должно определять наши нынешние мирные цели и наши гипотетические цели в военное время в отношении России, а также сократить, насколько возможно, разрыв между ними.

▲ Буш младший

▲ Клинтон

III. Основные цели

Наших основных целей в отношении России в действительности только две:

a) Сократить силу и влиятельность Москвы до тех пределов, когда они уже не представляют угрозы для мира и стабильности международного сообщества; и b) Осуществить базовые изменения в теории и практики международных отношений действующего правительства России.

Если эти две цели будут достигнуты, то проблема, с которой сталкивается наша страна в своих отношениях с Россией, будет сокращена до размеров, которые можно считать нормальными.

Прежде чем обсудить способы осуществления этих целей в мирное и военное время соответственно, давайте сначала изучим их более подробно.

▲ Киссинджер

1. Географическое сокращение силы и влиятельности России

Существует две сферы, в которых сила и влиятельность Москвы распространяется за пределы границ Советского Союза так, что это угрожает миру и стабильности международного сообщества.

Первую из этих сфер можно определить, как спутниковую зону — то есть зону, где Кремль оказывает определяющее политическое влияние. Следует отметить, что в этой зоне, которая в целом географически прилегает к Советскому Союзу, присутствие, или близость, советских вооруженных сил стало решающим фактором в установлении и поддержании советской гегемонии.

Вторая из этих сфер охватывает отношения между властным центром, контролирующим Советский Союз, с одной стороны и группами или партиями в зарубежных странах, находящихся за пределами спутниковой зоны, которые видят в России источник политического вдохновения и, сознательно или иначе, демонстрируют общую лояльность к ней, — с другой.

В обеих этих сферах проецированию силы России за ее законные рамки должен быть положен конец, если достижение первой из перечисленных выше целей осуществляется эффективно. Странам в спутниковой зоне должна быть дана возможность фундаментально освободиться от доминирования России и от чрезмерного русского идеологического вдохновения. Миф, заставляющий миллионы людей в странах, удаленных от советских границ, видеть в Москве выдающийся источник надежды на улучшение человечества, должен быть основательно подорван, а его наработки — уничтожены.

Следует отметить, что в обоих случаях цели вполне можно достичь, не поднимая вопросов, затрагивающих престиж советского государства как таковой.

Во второй из этих двух сфер полного удаления чрезмерной русской силы можно достичь без обязательного затрагивания наиболее жизненных интересов русского государства; ибо в этой сфере власть Москвы подрывается по тщательно скрываемым каналам, существование которых сама Москва отрицает. Следовательно, схождение на нет властной структуры, известной прежде как Третий Интернационал и пережившей изъятие из употребления этого названия, не требует никаких формальных унижений московского правительства и никаких формальных уступок со стороны Советского государства.

То же самое по большей части справедливо для первой из этих двух сфер, но не полностью. В спутниковой зоне, безусловно. Москва так же отрицает формальное советское доминирование и старается скрыть его механизмы. Как показали инциденты с Тито, уничтожение контроля Москвы не обязательно является событием, влияющие на соответствующие государства как таковые. В данном случае оно рассматривается как частное дело обеих сторон; и особо подчеркивается, что престиж государств не затронут никоим образом. То же самое предположительно может случиться где-нибудь еще в пределах спутниковой зоны — не затрагивая формального достоинства советского государства.

Однако мы видим более трудную проблему в действительных размерах границ Советского Союза после 1939 года. Ни в коем случае нельзя сказать, что эти размеры угрожают международному миру и стабильности; а в определенных случаях, вероятно, следует считать, с точки зрения наших целей, что их следует полностью признать ради сохранения мира. В других случаях, особенно в случае балтийских стран, вопрос более труден. Мы не можем действительно проявлять безразличие к дальнейшей судьбе прибалтийских народов. Это нашло отражение в нашей нынешней политике признания в отношении этих стран. И вряд ли мы можем полагать, что угроза международному миру и стабильности действительно уменьшилась, пока Европа стоит перед фактом, что для Москвы возможно сокрушить эти три маленьких страны, которые не виноваты ни в какой реальной провокации и продемонстрировали свою способность прогрессивно управлять своими делами, не угрожая интересам своих соседей. Поэтому было бы логично считать частью целей США помочь этим странам вернуться по меньшей мере к приличному состоянию свободы и независимости.

Однако ясно, что их полная независимость потребует реальных территориальных уступок со стороны советского правительства. Что, в свою

очередь, непосредственно затронет достоинство и жизненные интересы советского государства как таковые. Напрасно воображать, что этого можно добиться невоенными средствами. Поэтому, если мы считаем, что указанные выше цели действительны как в мирное, так и в военное время, то логически следует, что вряд ли мы заставим Москву разрешить вернуться в соответствующие балтийские страны всем насильственно изгнанным оттуда их гражданам и установить в этих странах автономные режимы, отвечающие в общем культурным запросам и национальным чаяниям данных народов. В случае войны мы могли бы, если это будет необходимо, пойти дальше. Но ответ на этот вопрос зависит от характера русского режима, который бы установился в этой зоне после очередной войны; а нам нет необходимости пытаться решить это заранее.

Следовательно, говоря, что нам следует сохранить силу и влиятельность Кремля до пределов, когда они больше не представляют угрозы для мира и стабильности международного сообщества, мы имеем право полагать, что эту цель мы можем преследовать не только в случае войны, но также и в мирное время мирными средствами и что в последнем случае это вовсе не обязательно затронет вопросы престижа советского правительства, что автоматически сделало бы войну неизбежной.

2. Изменения в теории и практике международных отношений Москвы

Наши трудности в отношениях с нынешним советским правительством заключаются главным образом в том, что его лидеры воодушевлены концепциями теории и практики международных отношений, которые не только радикально противоположны нашим, но и отчетливо несовместимы с любым мирным и взаимовыгодным изменением в отношениях между этим правительством и другими членами международного сообщества, как индивидуально, так и коллективно.

Самые примечательные из этих концепций следующие:

a) Что мирное сосуществование и взаимное сотрудничество суверенных независимых правительств, рассматривающих друг друга как равных, иллюзорны и невозможны;

b) Что конфликт является основой международной жизни повсеместно, подобно тому, как в случае между Советским Союзом и капиталистическими странами, одна страна не признает превосходство другой;

c) Что режимы, не признающие авторитета и идеологического превосходства Москвы, безнравственны и вредны для прогресса человечества и что долгом здравомыслящих людей во всех странах является добиваться свержения или ослабления подобных режимов любыми средствами, доказавшими тактическую пригодность;

d) Что в долгосрочной перспективе взаимное сотрудничество не принесет никакой пользы интересам коммунистического и некоммунистического мира, ибо эти интересы в основе своей несовместимы и противоречивы; и e) Что спонтанное общение между отдельными людьми в управляемом коммунистами мире и отдельными людьми вне этого мира вредно и не может способствовать прогрессу человечества.

Ясно, что недостаточно добиться прекращения доминирования этих

концепций в советской, или русской, теории и практике международных отношений. Необходимо также заменить их чем-то противоположным.

Этими противоположными концепциями могут быть:

a) Что для суверенных и равных стран возможно мирно существовать бок о бок и сотрудничать друг с другом, без всякой мысли или попытки доминирования одной над другой;

b) Что конфликт вовсе не обязательно является основой международной жизни и что люди могут иметь общие цели, не разделяя общей идеологической платформы и не подчиняясь единым авторитетам;

c) Что люди в других странах имеют законное право добиться национальных целей, расходящихся с коммунистической идеологией, и что догом здравомыслящего человечества является проявлять терпимость к идеалам другим, щепетильно соблюдать невмешательство в чужие внутренние дела на основе взаимности и использовать только приличные и достойные методы в международных отношениях;

d) Что международное сотрудничество может и должно приносить пользу интересам обеих сторон несмотря на различие в идеологической базе двух сторон; и c) Что общение отдельных людей за пределами международных границ желательно и должно поощряться как процесс, способствующий общему прогрессу человечества.

Тут же возникает вопрос, является ли принятие подобных концепций Москвой целью, к которой мы можем серьезно стремиться и надеяться достичь, не прибегая к войне и к свержению советского правительства. Мы должны признать тот факт, что советское правительство, как мы его знаем сегодня, является и будет продолжать являться постоянной угрозой для спокойствия нашей нации и всего мира.

Совершенно очевидно, что настоящие руководители Советского Союза сами никогда не станут рассматривать концепции, подобные перечисленным выше, как по определению здравые и желательные. Равным образом очевидно, что для того чтобы подобные концепции стали доминировать в русском коммунистическом движении, потребовалась бы, учитывая нынешние обстоятельства, интеллектуальная революция внутри этого движения, что было бы равнозначно изменению его политической индивидуальности и отказу от его базовой цели — существования как отдельной и жизненно важной силы посреди идео-

▲ Базы США

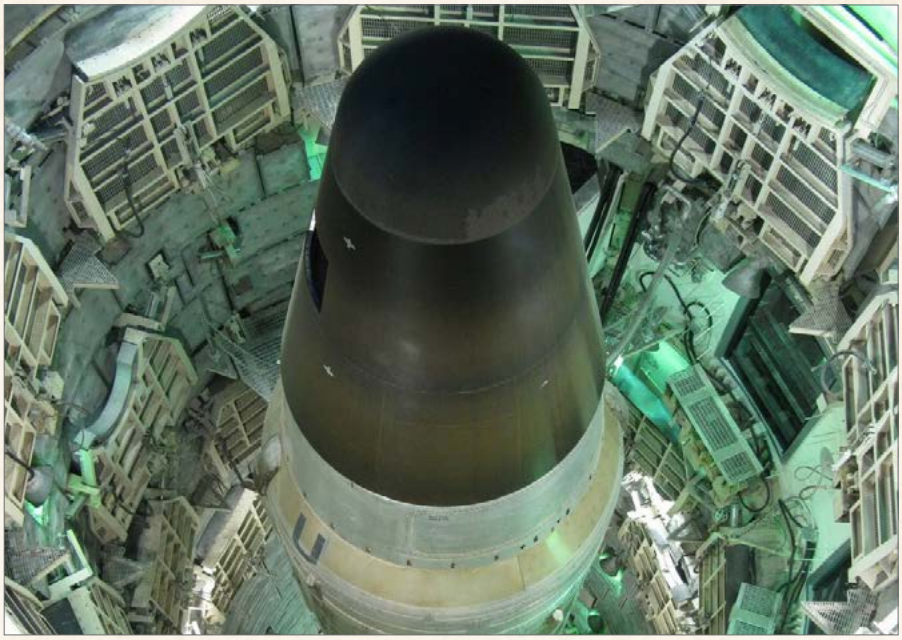
логических потоков мира в целом. Такие концепции могли бы стать доминирующими в русском коммунистическом движении, только если, в результате длительного процесса перемен и разрушений, это движение переживет те толчки, которые дали ему жизнь и жизненную силу, и приобретет совершенно иное значение в мире, чем то, которое оно имеет сегодня.

Следовательно, можно заключить (и московские теологи наверняка быстро примут такое толкование), что говорить, что мы стремимся к принятию этих концепций Москвой. Равнозначно тому, что нашей целью является свержение советской власти. Отталкиваясь от этого положения, можно доказать, что оно, в свою очередь, является целью, не достижимой невоенными средствами, и что мы тем самым признаем, что нашей целью в отношении Советского Союза является конечная война и насильственное свержение советской власти.

Было бы опасной ошибкой придерживаться такого хода размышлений.

Прежде всего, не существует временных границ достижения наших целей в мирных условиях. Здесь мы сталкиваемся с отсутствием установленной периодичности войны и мира, что не позволяет нам заключить, что мы должны достичь наших мирных целей к определенной дате. Цели национальной политики в мирное время никогда не следует рассматривать в статических рамках. Поскольку они являются основными и ценными целями, их нельзя достичь полностью и в четких пределах, подобно конкретным военным задачам в ходе войны. Цели национальной политики в мирное время следует рассматривать скорее, как направления действия, а не как физические цели.

Во-вторых, мы полностью правы и не должны испытывать чувство вины, добиваясь разрушения концепций, несовместимых с миром и стабильностью в мире, и замены их концепциями терпимости и международного сотрудничества. Мы не обязаны просчитывать внутренние перемены, у которым может

привести принятие подобных концепций в другой стране, равно как не должны чувствовать ответственности за эти перемены. Если советские руководители решат, что растущее преобладание более прогрессивной концепции международных отношений несовместимо с существованием их внутренней власти в России, то это их ответственность, а не наша. Это дело их собственной совести и совести людей Советского Союза. Мы имеем не только моральное право, но и моральную обязанность трудиться над повсеместным принятием достойных и дающих надежды концепций международной жизни. При этом мы имеем право не стесняться в средствах с точки зрения внутренних улучшений.

Мы не знаем наверняка, что успешное осуществление нами рассматриваемых целей приведет к распадению советской власти; ибо здесь нам не известен временной фактор. Совершенно возможно. Что под давлением времени и обстоятельств некоторые из первоначальных концепций коммунистического движения могут в России постепенно измениться, как это было в нашей стране с рядом первоначальных концепций американской революции.

Следовательно, мы имеем право полагать и публично заявлять, что нашей целью является предоставить русскому народу и правительству более прогрессивную концепцию международных отношений с помощью всех имеющихся в нашем распоряжении средств и что при этом мы как правительство не занимаем никакой позиции в отношении к внутреннему положению в России.

В случае войны, очевидно, не возникнет вопросов такого характера. Если между нашей страной и Советским Союзом возникнет состояние войны, наше правительство вольно осуществлять свои основные цели любыми средствами по своему усмотрению и при любых условиях, которые оно может пожелать предъявить русской власти или русским властям в случае успешного осуществления военных операций. Будут ли эти условия включать свержение советской власти — это лишь вопрос целесообразности, который будет обсуждаться ниже.

Почему эта вторая из двух основных целей равным образом приемлема для осуществления как в мирное. Так и в военное время. Эту цель, как и первую, соответственно можно принять за основополагающую, на которой будет строиться наша политика как в мирное, так и в военное время.

Обсуждая интерпретацию этих основных целей в мирное или в военное время соответственно, мы стал-

киваемся с проблемой терминологии. Если мы продолжим говорить о конкретных линиях ориентации нашей политики в военное или мирное время как о «целях», то мы можем впасть в семантическую путаницу. Поэтому, исключительно ради ясности, мы сделаем произвольное различие. Мы будем говорить о целях исключительно в смысле указанных выше основных целей, являющихся общими как для войны, так и для мира. Когда же мы ссылаемся на наши направляющиеся цели, применимые конкретно для нашей военной или мирной политики соответственно, мы будем говорить не о «целях», а о «намерениях».

Каковы же тогда намерения национальной политики США в отношении России в мирное время?

Они вытекают логически из рассмотренных выше двух основных целей.

1. Сокращение силы и влиятельности России

Давайте сначала рассмотрим сокращение чрезмерной силы и влиятельности России. Мы уже видели, что этот вопрос разделяется на проблему спутниковой зоны и проблему коммунистической деятельности и советской пропаганды в более далеких странах.

Что касается спутниковой зоны, то намерением политики США в мирное время является создание максимально возможного напряжения в структуре отношений, благодаря которым в этой зоне поддерживается советское доминирование, и постепенно, с помощью естественных и законных сил Европы, лишить русских их положения первенства и дать соответствующим правительствам возможность получить независимость действий. Есть много способов, с помощью которых эта цель может быть достигнута и достигается. Наиболее решительным шагом в этом направлении стало предложение о Европейско-российской программе, высказанное в речи госсекретаря Маршалла в Гарварде 5 июня 1947 года. Принуждая русских либо дозволить странам-сателлитам войти в отношения экономического сотрудничества с Западной Европой, что неизбежно укрепило бы связи между Востоком и Западом и ослабило исключительную ориентацию этих стран на Россию. Либо остаться вне этой структуры сотрудничества за счет тяжелых экономических жертв, мы создали серьезное напряжение в отношениях между Москвой и странами –сателлитами и, несомненно, поставили исключительный авторитет Москвы в столицах стран-сателлитов в неловкое и затруднительное положение. По сути, все, что помогает сорвать покрывало, которым Москва скрывает свою силу, все, что заставит русских обнажить грубые и безобразные контуры их власти над правительствами стран-сателлитов, помогает дискредитировать правительства стран-сателлитов в глазах их народов, усилить недовольство этих народов и их желание свободного сотрудничества с другими нациями.

Нелояльность Тито, которой несомненно в некоторой степени способствовало напряжение, вызванное проблемой ЕПР, отчетливо показало, что напряжение в отношениях между Советским Союзом и сателлитами вполне может привести к реальному ослаблению и подрыву русского доминирования.

Следовательно, наше намерение — продолжать делать все, что в наших силах, чтобы усилить эти

напряжения и в то же время сделать возможным для правительств стран-сателлитов постепенно освободиться из-под русского контроля и найти, если они того пожелают, приемлемые формы сотрудничества с западными правительствами. Этого можно добиться путем умелого использования нашей экономической мощи, прямой или косвенной информационной деятельности, созданием максимально возможного напряжения в существовании железного занавеса, укрепления западной Европы, с тем чтобы она стала максимально привлекательной для народов Востока, и другими средствами, которых слишком много, чтобы все их перечислять.

Конечно, мы не можем полагать, что русские будут сидеть сложа руки и позволять таким образом сателлитам освободиться от русского контроля. Мы не можем быть уверены, что в какой-то момент этого процесса русские не обратятся к насилию какого-либо рода — то есть к формам военной оккупации или, возможно, даже к крупной войне, чтобы не дать этому процессу завершиться.

Мы вовсе не желаем, чтобы они это сделали; и, со своей стороны, мы должны делать все возможное, чтобы сохранить ситуацию гибкой и сделать возможным освобождение стран-сателлитов такими способами, которые не создадут никакого вызова советскому престижу. Но даже при величайшей осторожности мы не можем быть уверены, что они не прибегнут к оружию. Мы не должны полагать, что сможем автоматически повлиять на их политику или получить гарантированные результаты.

То. Что мы обращаемся к политике, которая может привести к этим результатам, вовсе не означает, что мы берем курс на войну; и нам следует быть чрезвычайно предусмотрительными, чтобы сделать это очевидным при любых обстоятельствах и избежать обвинений подобного характера. Учитывая отношения антагонизма, которые по-прежнему являются базовыми для всех отношений между советским правительством и некоммунистическими странами в наше время, война остается постоянно присутствующей возможностью, и никакой курс, избранный нашим правительством, не может заметно уменьшить эту опасность. Обращение к политике, противоположной изложенной выше, — а именно признать советское доминирование в спутниковых странах и ничего не противопоставлять ему, — никоим образом не уменьшит опасность войны. Напротив, можно с изрядной долей логики утверждать, что долгосрочная опасность войны неизбежно будет выше, если Европа останется расколотой по нынешним линиям, чем если бы власть русских была бы уничтожена мирным путем в благоприятное время и в европейском сообществе восстановился бы естественный баланс.

Соответственно, можно утверждать, что наше первое намерение в отношении России в мирное время — поощрять и способствовать невоенными средствами постепенному сокращению чрезмерной русской силы и влиятельности в нынешней спутниковой зоне и появлению соответствующих восточноевропейских стран как независимых факторов на международной сцене.

Однако, как мы уже видели, наше обсуждение этой проблемы бу-

дет неполным, если мы не примем во внимание вопрос территорий, находящихся ныне за советской границей. Хотим ли мы сделать нашей целью добиться невоенными средствами какого-либо изменения границ Советского Союза? Мы уже видели в Главе III ответ на этот вопрос.

Мы должны способствовать любыми имеющимися в нашем распоряжении средствами развитию в Советском Союзе институтов федерализма, которые позволили бы возродить национальную жизнь балтийских народов.

Можно спросить: почему мы ограничиваем эту цель балтийскими народами? Почему мы не включаем другие национальные меньшинства Советского Союза? Ответ состоит в том, что балтийские народы — единственные, чья традиционная территория и население теперь полностью включены в состав Советского Союза и которые продемонстрировали способность успешно справляться с государственными делами. Более того, мы по-прежнему официально отрицаем законность их насильственного включения в состав Советского Союза, и потому они имеют особый статус в наших глазах.

Зачем мы имеем проблему развенчания мифа, с помощью которого люди из Москвы поддерживают свое чрезмерное влияние и реальную дисциплинарную власть над миллионами людей в странах за пределами спутниковой зоны. Сначала — несколько слов о природе этой проблемы.

До революции 1918 года русский национализм был исключительно русским. За исключением нескольких эксцентричных европейских интеллектуалов XIX века, исповедовавших мистическую веру в способность России избавить цивилизацию от ее пороков, русский национализм не привлекал людей за пределами России. Напротив, относительно мягкий деспотизм правителей России XIX века, возможно, был хорошо известен в западных странах, и о нем повсеместно сожалели, чаще, чем в случае с гораздо более жестокими деяниями советского режима.

После революции лидерам большевиков удалось посредством умной и систематической пропаганды укоренить среди большой части мировой общественности определенные концепции, чрезвычайно благоприятные для достижения их целей, включая следующие: что Октябрьская революция была народной революцией; что советский режим был первым по-настоящему рабочим правительством; что советская власть была определенным образом связана с идеалами либерализма, свободы и экономического благополучия; и что он предполагал многообещающую альтернативу национальным режимам. Под которыми жили другие народы. Таким образом в сознании многих людей была установлена связь между русским коммунизмом и общим беспокойством во внешнем мире, вызванным воздействиями урбанизации и индустриализации, а также колониальными волнениями.

Поэтому доктрина Москвы стала в некоторой степени внутренней проблемой для каждой нации в мире. В лице советской власти западные политики сталкиваются с чем-то большим, чем с еще одной проблемой во внешних отношениях. Они сталкиваются также со внутренним врагом в своих собственных странах — врагом, посвятившим себя подрыву и конечному разрушению своего национального сообщества.

Разрушение мифа международного коммунизма — это двойная

задача. Она требует двух сторон, между которыми нужно установить взаимодействие, как то, что существует между Кремлем, с одной стороны, и недовольными интеллектуалами в других странах (ибо именно интеллектуалы, а не «рабочие», составляют костяк коммунизма вне СССР) — с другой. Чтобы справиться с этой проблемой, недостаточно поставить себе целью заставить замолчать пропагандиста. Гораздо более важно вооружить слушателя против такого рода атаки. Есть определенная причина, по которой к московской пропаганде так жадно прислушиваются, а этот миф так охотно принимается многими людьми далеко за пределами России. Если бы эти люди не прислушивались к Москве, они слушали бы что-либо еще, в равной степени ошибочное и в равной степени экстремальное, хотя, возможно, менее опасное. Так что задача разрушения мифа, на котором покоится международный коммунизм, имеет отношение не только к руководителям Советского Союза. Она также имеет отношение и к несоветскому миру, и прежде всего — к конкретному обществу, частью которого является каждый из нас. Если мы сумеем рассеять смятение и неправильные представления, благодаря которым процветают эти доктрины, — то есть если мы сумеем уничтожить источники ожесточенности, которые подталкивают людей к иррациональным и утопическим идеям такого рода, — мы преуспеем в разрушении идеологического влияния Москвы в зарубежных странах.

С другой стороны, мы должны признать, что только часть международного коммунизма вне России есть результат внешнего влияния и подлежит соответствующему исправлению. Другая часть представляет собой что-то вроде естественной мутации видов. Она происходит из сходного по духу движения пятых колонн, к которому принадлежит определенный небольшой процент населения в каждом обществе и которое отличается негативным отношением к родному обществу и готовностью следовать за любой внешней силой, противостоящей ему. Этот элемент всегда будет присутствовать в любом обществе, представляя почву для работы недобросовестных чужаков; и единственная защита от его опасного воздействия — отсутствие желания со стороны сильных режимов эксплуатировать эту несчастливую сторону человеческой натуры.

К счастью, Кремль сделал гораздо больше, чем смогли бы мы сами, чтобы развенчать самый миф, которым он действует. Югославский инцидент, возможно, самый яркий случай такого рода; но история Коммунистического Интернационала полна других случаев затруднений, с которыми сталкиваются отдельные люди и группы вне России, пытающиеся быть последователями московских доктрин. Кремлевские лидеры настолько неосмотрительны, настолько безжалостны, настолько властны и настолько циничны в дисциплине, которую они налагают на своих последователей, что лишь немногое могут признавать их авторитет слишком долго.

Ленинско-сталинская система основывается главным образом на власти, которую меньшинство отчаянных заговорщиков всегда может получить, по крайней мере временно. Над пассивным и неорганизованным большинством. По этой причине кремлевские лидеры в прошлом почти не беспокоились о том, что их движение оставляет за собой прочный шлейф разочаровавшихся бывших последователей. Их целью было не сделать коммунизм массовым движением, а работать через небольшую группу безукоризненно дисциплинированных и используемых до конца последователей. Они всегда были рады освободиться от тех людей, которые не могли вынести такой дисциплины.

Долгое время это работало достаточно хорошо. Новобранцев было легко заполучить; а партия переживала устойчивый процесс естественного отбора, оставлявшего в ее рядах только наиболее фанатично преданные, самых лишенные воображения и наиболее тупые и беспринципные натуры.

Теперь же югославский случай поставил большой знак вопроса над тем. Как хорошо эта система будет работать в будущем. До этого с ересью легко было справиться полицейскими репрессиями в пределах советской власти или проверенным путем отлучения и личного террора за этими пределами. Тито показал, что в случае с лидерами государств-спутников эти методы совсем не обязательно эффективны. Отлучение коммунистических лидеров, не подчиняющихся советской власти и имеющих свою собственную территорию, полицию, армию и дисциплинированных последователей, может расколоть коммунистическое движение, как ничто другое, и нанести наиболее сильный удар по мифу о всеведении и всемогуществе Сталина.

Следовательно, с нашей стороны необходима концентрация усилий для создания благоприятных условий, чтобы воспользоваться преимуществом советских ошибок и появившихся трещин, а также способствование стойкому ухудшению структуры морального влияния, которое кремлевские власти оказывали на людей, находящихся вне досягаемости советской полиции.

Поэтому мы можем сказать, что наше второе намерение в отношении России в мирное время — подрывать с помощью информационной активности и любых других имеющихся в нашем распоряжении средств миф, который держит людей, удаленных от русского военного влияния, в положении подчиненности Москве, и заставить мир в целом увидеть и понять Советский Союз в истинном свете и занять логичное и реалистичное отношение к нему.

2. Изменение русских концепций международных отношений

Теперь мы переходим к толкованию, в условиях политики мирного времени. Нашей второй важной цели — а именно: осуществление изменения концепций международных отношений, превалирующих в московских правящих кругах.

Как мы уже видели, в разумной перспективе мы не сможем изменить базовую политическую психологию людей, находящихся ныне у власти в Советском Союзе. Недоброжелательный характер их взглядов на внешний мир, их отрицание возможности постоянного мирного сотрудничества, их вера в неизбежность конечного разрушения одного мира другим — все это останется, хотя бы по той простой причине, что советские лидеры убеждены в том, что их система не выдержит сравнения с западной цивилизацией и потому спокойствия не будет до тех пор, пока пример процветающей и могущественной западной цивилизации не будет физически вычеркнут, а память о нем — дискредитирована. Это уже не говоря о том, что эти люди чрезвычайно сильно преданы теории неизбежного конфликта между двумя мирами — во имя этой теории они подвергли смертной казни или тяжелейшим страданиям миллионы людей.

С другой стороны. Советские лидеры умеют признавать если не аргументы, то ситуации. Поэтому. Если создать ситуации, когда акцент на элементах конфликта в их отношениях со внешним миром не принесет их власти никакого преимущества, то их действия, и даже тон их пропаганды среди их собственного народа, могут измениться. Это стало очевидным в ходе прошедшей войны, когда их военное союзничество с западными державами имело только что описанный эффект. В этом случае изменение их политики имело относительно краткую продолжительность; ибо с завершением военных действий они увидели возможность достижения своих важных целей независимо от чувств и взглядов Запада. А это означало, что ситуации, которая заставила их изменить свою политику, больше не существовало.

Поэтому, если аналогичные ситуации возможно будет снова создать в будущем и советские лидеры будут вынуждены признать их реальность, и если эти ситуации будут

▲ НАТО

поддерживаться длительное время, т. е. период, охватывающий значительную часть органичного процесса роста и перемен в советской политической жизни, то они могут оказывать постоянный изменяющий эффект на взгляды и привычки советской власти. Даже относительно недолгая, и в основном на словах, возможность сотрудничества между основными союзниками в ходе прошедшей войны оставила глубокий след в сознании русской общественности и, несомненно, создала серьезные трудности для режима в его попытках по окончании войны вернуться к старой политике враждебности и ниспровержения западного мира. И все же это все происходило в период, когда не было абсолютно никакого сколько-нибудь значимого изменения в советском руководстве и никакой естественной эволюции внутренней политической жизни в Советском Союзе. Если бы советское правительство было вынуждено соблюдать политику осмотрительности и сдержанности в отношении Запада столь долго, чтобы нынешние лидеры сменились другими, и если бы происходила какая-либо естественная эволюция советской политической жизни перед лицом этой необходимости, то в конечном счете можно было достичь реальных перемен в советских взглядах и поведении.

Из этого обсуждения вытекает, что коль скоро мы не в силах изменить базовую политическую психологию нынешних советских руководителей, то мы можем создать ситуации, которые, при достаточно долгом их существовании, могут заставить их смягчить свое опасное и неправильное отношение к Западу и соблюдать некоторую степень сдержанности и осмотрительности в своих отношениях с западными странами. В таком случае мы действительно могли бы сказать, что начали добиваться успехов в постепенном изменении опасных концепций, которые ныне лежат в основе поведения Советов.

Опять-таки, как в случае ослабления советской власти, так и в случае любой прочной программы сопротивления советским попыткам разрушения западной цивилизации, мы должны признать, что советские лидеры могут увидеть письмена на стене и предпочтут прибегнуть к насилию, чем дать этим вещам произойти. Повторим еще раз: такой риск возможен в любой здравой

политике в отношении Советского Союза. Он заложен в самой природе нынешнего советского правительства; и что бы мы ни делали, мы тут ничего не изменим. Это не новая проблема для международных отношений Соединенных Штатов. В «Записках федералиста» Александр Гамильтон заявлял:

«Давайте не забывать, что мир или война не всегда оставляются нам на выбор; и сколь бы сдержанными и нечестолюбивыми мы ни были, мы не можем рассчитывать на сдержанность и надеяться смирить честолюбие других».

Следовательно, ставя целью изменить концепции, которыми ныне руководствуется советское правительство в международных делах, мы должны опять-таки допускать, что ответ на вопрос, можно ли достичь этой цели мирными средствами, зависит не только от нас. Но это не должно нам мешать в наших попытках.

Поэтому мы должны сказать, что третьим нашим намерением в отношении России в мирное время является создание ситуаций, которые заставят советское правительство признать практическую нежелательность действий на основе его нынешних концепций и необходимость действовать, по крайней мере внешне, так, будто концепции, противоположные упомянутым, истинны.

Конечно, это прежде всего вопрос поддержания политической, военной и психологической слабости Советского Союза в сравнении с международными силами за пределами его контроля и поддержания среди некоммунистических стран высокой степени настойчивости в деле соблюдения Россией элементарных международных приличий.

3. Конкретные намерения

Все перечисленные выше намерения — общие по характеру. Попытка сделать их конкретными завела бы нас в бесконечный лабиринт попыток вербальной классификации и скорее внесла бы сумятицу, нежели ясность. По этой причине не следует делать попыток озвучивать возможные формы конкретного осуществления этих намерений. Многие из этих форм с легкостью увидит всякий, кто думал о трактовке этих основных намерений на языке практической политики и действия. К примеру, очевидно, что важнейшим фактором в достижении всех этих намерений без исключения будет та степень, в которой мы преуспеваем в проникновении за железный занавес или в его разрушении.

Однако вопрос конкретного толкования можно существенно прояснить кратким указанием на негативную сторону картины — иными словами, указав, что же не является нашими намерениями.

Прежде всего, нашим первостепенным намерением в мирное время не является подготовка сцены для войны, которая рассматривается как неизбежная. Мы не рассматриваем войну как неизбежную. Мы не отрицаем, что наши основные намерения в отношении России возможно успешно осуществить не прибегая к войне. Мы должны признавать возможность войны как вытекающую логически и во все времена из нынешней позиции советского руководства; и мы должны быть под-

▲ Страны НАТО в 2005 г.

готовлены к этой возможности.

Не было бы неправильным полагать, что наша политика основывается на положении неизбежности войны и ограничивается приготовлениями к вооруженному конфликту. Это не так. Наша задача, автоматически определяемая в настоящее время, в отсутствие состояния войны, действиями других, — отыскать средства успешного осуществления наших целей, не прибегая к войне самим. Она включает приготовления к возможной войне, но мы рассматриваем их лишь как вспомогательные и как меры предосторожности, а не как первоначальный элемент политики. Мы по-прежнему надеемся и стремимся достичь наших целей в рамках мира. А если мы когда-либо придем к заключению (что не исключается), что это действительно невозможно и что отношения между коммунистическим и некоммунистическим мирами невозможны без конечного вооруженного конфликта, то весь фундамент этого документа должен быть пересмотрен, а изложенные здесь наши намерения в мирное время — радикально изменены.

Во-вторых, нашим намерением в мирное время не является свержение советского правительства. По общему признанию, мы стремимся к созданию обстоятельств и ситуаций, с которыми было бы трудно справиться нынешним советским руководителям и которые были бы им не по душе. Возможно, что им не удастся, перед лицом этих ситуаций, удержать свою власть в России. Но повторим еще раз: это их дело, а не наше. В данном документе не рассматривается вопрос, возможно ли для советского правительства действовать с относительной пристойностью и сдержанностью и при этом сохранить свою внутреннюю власть в России. Если ситуации, на которые направлены наши намерения в мирное время, действительно возникнут и окажутся несовместимы с существованием внутренней советской власти и заставят советское правительство сойти со сцены, мы будем наблюдать за этими переменами без сожаления; но мы не должны чувствовать себя ответственными за их поиск или их осуществление.

IV. Достижение наших основных целей в военное время

В этой главе рассматриваются наши цели в отношении России в случае, если между Соединенным Штатами и СССР возникнет состояние войны. Рассматриваются также варианты благоприятного исхода наших военных операций, к которым мы должны стремиться.

1. Невыполнимые задачи

Прежде чем начать обсуждение, чего мы должны стремиться достичь в войне с Россией, давайте сначала проясним, чего мы не должны надеяться достигнуть.

Прежде всего, мы должны признать, что для нас не будет выгодно или практически выполнимо оккупировать и взять под своё военное администрирование всю территорию Советского Союза. Этому препятствуют размер данной территории, количество жителей, различия в языке и обычаях между местными жителями и нами и невозможность найти адекватный аппарат местной

власти, через который мы могли бы работать.

Во-вторых, и вследствие первого допущения, мы должны признать, что вряд ли советские лидеры безоговорочно сдадутся нам. Возможно, что советская власть разрушится под воздействием неудачной войны, как то случилось с царским режимом во время I мировой войны. Но даже это не наверняка. А если такого разрушения не произойдет, мы не можем быть уверенны, что мы сможем уничтожить советскую власть какими-либо средствами, кроме сумасбродных военных действий, направленных на подчинение всей России нашему контролю. У нас есть опыт с нацистами как пример упорства и стойкости, с которыми безжалостный диктаторский режим может цепляться за свою внутреннюю власть даже на территории, постоянно сокращающейся вследствие военных операций. Советские лидеры могут, если будут вынуждены, заключить компромиссный мир, даже крайне неблагоприятный для их интересов. Но вряд ли они предпримут что-либо вроде безоговорочной капитуляции, что полностью подчинит их враждебной власти. Скорее они скроются в самой далекой деревне в Сибири и в конце концов погибнут, как Гитлер, под натиском врага.

Существует сильная вероятность, что если мы проявим крайнюю заботливость, насколько это возможно в военное время, и не будем вызывать у советских людей враждебности из-за неумеренно жестокого обращения военной полиции, то последует повсеместное разрушение советской власти в ходе войны, что с нашей точки зрения можно считать ее благополучным исходом. Мы будем полностью правы, способствуя такому разрушению всеми имеющимися у нас средствами. Но это не значит, что мы можем быть уверены в полном свержении советского режима, то есть в устранении его власти на всей нынешней территории Советского Союза.

Независимо от того, сохранится ли советская власть на какой-либо части нынешней советской территории, мы не можем быть уверены, что отыщем среди русских какую-либо другую группу политических лидеров, которые будут полностью «демократичными» в нашем понимании этого слова.

Хотя в России были моменты либерализма, концепции демократии не знакомы подавляющей массе русского населения, и особенно тем, кто по характеру склонен к государственной деятельности. В настоящее время существует ряд интересных и сильных русских политических группировок среди русских изгнанников; все они на словах исповедуют принципы либерализма, в той или иной степени, а некоторые из них, возможно, были бы с нашей точки зрения предпочтительнее советского правительства в роли правителей России. Но, сколь бы либеральны ни были эти группировки, никто не знает, не станут ли они, получив власть, поддерживать ее методами полицейского террора и репрессий. Действия людей, находящихся у власти, гораздо сильнее определяются обстоятельствами, в которых они вынуждены осуществлять свою власть, чем идеями и принципами, которые воодушевляли их, когда они находились в оппозиции. Передавая бразды правления какой-либо русской группе, никогда нельзя быть уверенным, что они будут управлять такими методами, которые были бы одобрены нашим народом. Поэтому, делая такой выбор, мы всегда рискуем и берем на себя ответственность, не будучи уверенными, что справимся с нею похвальным образом.

Наконец, мы не можем надеяться за короткий промежуток времени привить наши концепции демократии какой-либо группе русских лидеров. В конце концов, политическая психология любого режима, в какой-то степени отвечающего воле людей, должна быть такой же, как у самих этих людей. На наш опыт в Германии и Японии отчетливо показал, что психологию и взгляды широких масс нельзя изменить за короткий промежуток времени одними лишь предписаниями или наставлениями иностранных властей, даже при полном разгроме и подчинении. Такое изменение может вытечь лишь из органичного политического опыта данного народа. Максимум, что может сделать одна страна для достижения подобной перемены в другой стране, — это изменить окружающие влияния, которым подвергается данный народ, предоставив ему реагировать на эти влияния по своему усмотрению.

Все это говорит о том, что мы не можем ожидать, после успешных военных действий в России, создания там правительства, полностью подчиненного нашей воле или полностью выражающего наши политические идеалы. Мы должны учитывать сильную вероятность того, что нам придется в той или иной степени сотрудничать с русскими властями, которых мы не одобряем полностью, чьи цели отличаются от наших и чьи взгляды и недостатки нам придется принимать во внимание, нравятся они нам или нет. Другими словами, мы не можем надеяться добиться полного утверждения нашей воли на российской территории, как мы пытались это сделать в Германии и Японии. Мы должны признать, что какого бы урегулирования мы в конечном счете ни достигли, это должно быть аполитичное урегулирование, политически обговоренное.

Вот что касается невыполнимых задач. Теперь — каковы же наши возможные и желательные цели в случае войны. С Россией? Они. Как и цели мирного времени, логически вытекают из основных целей. Изложенных в Главе III.

2. Сокращение советской мощи

Первой из наших военных целей, естественно, должно быть разрушение русского военного влияния и доминирования в зонах, прилегающих, но находящихся вне границ любого русского государства.

Очевидно, что успешное ведение войны с нашей стороны автоматически приведет к достижению этого результата на большей части — если не во всей — спутниковой зоны. Последовательные военные поражения

советских сил, возможно, настолько подорвут авторитет коммунистических режимов в восточноевропейских странах, что большинство из них будет свергнуто. Могут остаться очаги в виде политического «титоизма», т. е. остаточных коммунистических режимов чисто национального и локального характера. Их мы можем не принимать во внимание. Без поддержки в виде мощи и авторитета России они наверняка либо исчезнут со временем, либо разовьются в нормальные национальные режимы с большей или меньшей степенью шовинизма и экстремизма, свойственных сильных национальным правительствам в этой зоне. Конечно, нам следует добиваться уничтожения любых формальных следов сверхъестественного влияния России в этой зоне, таких как союзнические договоры и т. д.

Но в связи с этим перед нами снова встает проблема желательной для нас степени изменения советских границ в результате успешных военных действий с нашей стороны. Мы должны честно признать, что в данное время мы не можем ответить на этот вопрос. Ответ почти повсеместно зависит от того, какой тип режима установится вследствие военных действий в конкретной рассматриваемой зоне. Если этот режим будет представлять по крайней мере достаточно благоприятные перспективы соблюдения принципов либерализма во внутренних делах и сдержанности во внешней политике, то возможно будет оставить под его властью большую часть, если не все, территории, полученной Советским Союзом в ходе прошедшей войны. Если же, что более вероятно, послевоенные русские власти наложат небольшие ограничения на либерализм и сдержанность, может стать необходимым изменить эти границы в гораздо большей степени. Об этом нужно говорить просто как об одном из вопросов, которые следует оставить открытыми до тех пор, пока развитие военных и политических событий в России не покажет нам полностью характер послевоенных рамок, в которых нам предстоит действовать.

Затем встает вопрос советского мифа и идеологического авторитета, которым советское правительство сейчас пользуется среди людей за пределами нынешней спутниковой зоны. Конечно же, в первую очередь этот вопрос будет зависеть от того, сохранит ли нынешняя Всесоюзная коммунистическая партия авторитет над какой-либо частью нынешней советской территории после следующей войны. Мы уже видели, что не можем исключить эту возможность. Если авторитет коммунистов исчезнет, этот вопрос автоматически разрешится. Однако следует предположить, что в любом случае сам неудачный исход войны с советской точки зрения вероятно нанесет решительный удар по этой форме проецирования советской власти и влияния.

Как бы то ни было, мы не должны ничего представлять воле случая; и. естественно, следует считать, что одной из наших основных военных целей в отношении России должно быть основательное разрушение структуры отношений, посредством которых лидеры Всесоюзной коммунистической партии имеют моральную и дисциплинарную власть над отдельными гражданами или группами граждан в странах, находящихся под коммунистическим контролем.

3. Изменение русских концепций международных отношений

Наша следующая проблема снова касается концепций, которые будет определять русскую политику после войны. Насколько мы можем быть уверены, что впредь русская политика будет вестись по направлениям, максимально близким к тем, что были признаны нами выше желательными? Вот суть проблемы наших

военных целей в отношении России; и ее нельзя недооценивать.

В первую очередь, это проблема будущего советской власти, то есть власти коммунистической партии в Советском Союзе. Это чрезвычайно затруднительный вопрос. На него нет простого ответа. Мы видели, что, если мы будем приветствовать, и даже стремиться к полному разрушению и исчезновению советской власти, мы не можем быть полностью уверены, что достигнем этого. Следовательно, мы можем рассматривать это как задачу-максимум, а не минимум. Тогда, если предположить, что на части советской территории может оказаться целесообразным существование советской власти по завершении военных действий, каково будет наше отношение к ней? Согласимся ли мы вообще поддерживать с ней отношения? А если да, то какие условия нам следует установить?

Прежде всего, мы должны признать, как заранее принятое решение то, что нам не следует заключать полномасштабное мирное соглашение и/или устанавливать регулярные дипломатические отношения с любым режимом в России, возглавляемым кем-либо из нынешних советских лидеров или людей, разделяющих их образ мыслей. За последние пятнадцать лет мы уже имели печальный опыт попыток действовать так, будто с таким режимом возможны нормальные отношения; и, если мы будем вынуждены прибегнуть к войне, чтобы защититься от последствий их политики и действий, наша общественность вряд ли простит советских лидеров за подобное развитие событий или возобновит попытки нормального сотрудничества.

С другой стороны. Если по завершении военных действий на части советской территории сохранится коммунистический режим, мы вряд ли сможем полностью его игнорировать. Он не может не представлять, в границах наших возможностей, потенциальной угрозы миру и стабильности в самой России и в мире. Самое меньшее, что нам следует сделать — быть уверенными, что его возможности зловредных деяний настолько ограничены, что не могут принести серьезного вреда, и что мы сами, или дружественные нам силы, держат все под контролем.

Для этого потребуются две вещи. Во-первых, будет нужно реальное физическое ограничение мощи такого остаточного режима, с тем чтобы он не мог развязать войну либо угрожать и запугивать другие нации или другие русские режимы. Если бы военные действия привели к решительному сокращению территории, находящейся под влиянием коммунистов, особенно если бы такое сокращение лишило бы их ключевых факторов в нынешней военно-промышленной структуре Советского Союза, то это физическое ограничение последовало бы автоматически. Если же находящаяся под их контролем территория значительно не уменьшится, того же результата можно будет достичь интенсивным разрушением важных индустриальных и экономических объектов с воздуха. Возможно, потребуются оба этих средства. Но, как бы то ни было, мы можем определенно заключить, что мы не можем считать наши военные действия успешными, если после них сохранился контроль коммунистического режима над долей нынешнего военно-промышленного потенциала, достаточной для того, чтобы на аналогичных условиях вести войну с любым соседствующим государством или с любой соперничающей властью, которая может установиться на традиционной русской территории.

Второе, что нам потребуется, — в случае, если советская власть в целом сохранится на традиционных русских территориях, — это некие условия, определяющие по крайней мере ее военные отношения с нами и с властями окружающих стран. Иными словами, нам может потребоваться определенный вид отношений с подобным режимом. Сейчас это может звучать неприятно для нас, но вполне может оказаться, что наши интересы будут лучше защищены такого рода отношениями, чем широкомасштабными военными действиями, необходимыми для полного подавления советской власти.

Можно с уверенностью сказать, что подобные условия будут жесткими и откровенно унизительными для коммунистического режима. Они могут чем-то напоминать условия Брест-Литовского мирного соглашения 1918 года, которое в этой связи заслуживает внимательного изучения. Тот факт, что немцы подписали это соглашение, не означал, что они действительно признали превосходство советского режима. Они считали, что соглашение сделает советский режим на некоторое время безопасным для них и поставит его перед проблемами выживания. Русские поняли, что в этом и был замысел немцев. Они пошли на соглашение с величайшей нерешительностью и пытались нарушить его при всяком удобном случае. Но превосходство немцев в силе было реальным. А расчеты немцев — реалистичными. Если бы Германия не потерпела поражение на Западе вскоре после заключения Брест-Литовского мира, вряд ли советское правительство смогло бы серьезно препятствовать достижению немцами их целей в отношении России. Именно в таком ключе наше правительство могло бы обходиться с советским режимом в последних стадиях вооруженного конфликта.

Невозможно предсказать, каков будет характер таких условий. Чем меньшая территория останется в распоряжении такого режима, тем легче будет задача выдвижения условий, удовлетворяющих наши интересы. В наихудшем случае, то есть при сохранении советской власти на всей или почти всей нынешней советской территории, мы должны требовать:

a) непосредственных военных условий (сдачи вооружений, эвакуации ключевых зон и т. д.), предназначенных обеспечить военную беспомощность на долгое время;

b) условий, призванных создать серьезную экономическую зависимость от внешнего мира;

c) условий, призванных предоставить необходимую свободу, или федеральный статус, национальным меньшинствам (нам следует по мень-

шей мере настаивать на полном освобождении балтийских государств и гарантировании некоторого федерального статуса Украине, который позволил бы украинской местной власти получить большую степень автономии); и d) условий, призванных разрушить железный занавес и обеспечить свободный приток идей извне и установление многочисленных контактов между людьми в зоне советской власти и людьми вне ее.

Таковы наши цели в отношении любой остаточной советской власти. Остается вопрос, каковы наши цели в отношении любой некоммунистической власти, которая может установиться на части или на всей русской территории впоследствии военных действий.

Прежде всего, необходимо сказать, что независимо от идеологической базы любой такой некоммунистической власти и независимо от степени, в которой она будет высказывать приверженность идеалам демократии и либерализма. Нам следует тем или иным способом обеспечить выполнение базовых задач, вытекающих из перечисленных выше требований. Иными словами, мы должны автоматически соблюдать меры предосторожности, дабы гарантировать. Что даже такой некоммунистический и номинально дружественный нам режим:

a) не имеет мощных вооруженных сил;

b) в значительной степени экономически зависит от внешнего мира;

c) не имеет слишком большой власти над основными национальными меньшинствами; и d) не создает чего-либо, напоминающего железный занавес, в отношениях со внешним миром.

В случае подобного режима, исповедующего враждебность к коммунистам и дружбу к нам, мы, несомненно, быть осмотрительны и выдвигать эти условия так, чтобы это не было оскорбительно или унизительно. Но нам следует проследить, чтобы эти условия тем или иным образом были выдвинуты, если мы хотим защитить наши интересы и интересы мира во всем мире.

Поэтому мы можем смело сказать, что наша цель в случае войны с Советским Союзом, — следить за тем, чтобы по завершении войны ни одному режиму на русской территории не дозволялось:

a) создавать военные силы в масштабе, который может угрожать любому соседствующему государству;

b) создавать экономическую самостоятельность в такой степени, которая позволяла бы создание экономической базы вооруженных сил без помощи западного мира;

c) отказывать в автономии и самоуправлении основным национальным меньшинствам, или

d) сохранять какое-либо подобие железного занавеса.

Если выполнение этих условий обеспечено, то мы можем адаптироваться к любой политической ситуации, могущей вытечь в результате войны. Тогда мы будем в безопасности независимо от того, сохранится ли советская власть на всей русской территории, только на небольшой ее части или исчезнет вовсе. И мы будем в безопасности, даже если первоначальный демократический энтузиазм нового режима окажется недолговечным и постепенно уступит место антиобщественным конфекциям международных отношений, в которых воспитывалось нынешнее поколение советских людей.

Вышесказанное следует считать адекватным выражением наших военных целей и в случае, если благодаря войне политические процессы в России пойдут своим собственным курсом и мы не будем обязаны брать на себя серьезную ответственность за политическое будущее страны. Но остаются вопросы, на которые придется отвечать в случае, если советская власть разрушится так быстро и так радикально, что страна останется повергнутой в хаос, делая затруднительным для нас как победителей совершать политический выбор и принимать решения, формирующие политическое будущее страны. При такой возможности нам предстоит столкнуться с тремя основными вопросами.

4. Разделение, национальная безопасность

Прежде всего, что для нас было бы желательно в таком случае: чтобы нынешние территории Советского Союза остались под единым режимом или чтобы они были разделены? А если они останутся объединенными, по крайней мере в значительной степени, то какая степень федерализма должна соблюдаться в будущем русском правительстве? И как быть с основными национальными меньшинствами, в особенности с Украиной?

Мы уже упоминали о проблеме балтийских государств. Балтийские государства не должны быть вынуждены оставаться под какой-либо коммунистической властью после следующей войны. Если территория, примыкающая к балтийским государствам, будет управляться русскими властями иначе, чем коммунистическими властями, то мы должны руководствоваться пожеланиями балтийских народов и степенью сдержанности, которую русские власти склонны проявить в отношении к ним.

В случае с Украиной мы имеем другую проблему. Украинцы — наиболее передовой из народов, которые в настоящее время подчиняются России. Они в основном обижены русским доминированием, а их националистические организации активны и известны за рубежом. Поэтому легко можно подойти к заключению, что их в конце концов следует освободить от русского владычества и позволить им самостоятельно устраиваться как независимому государству.

Мы должны остерегаться такого заключения. Сама его простота делает его негодным в условиях реалий Восточной Европы.

Действительно, украинцы страдают под русской властью и нужно что-то сделать. Чтобы защитить их положение в будущем. Но есть определенные базовые факторы, которые не следует упускать из виду. Хотя украинцы и были важным и специфическим элементом в Российской империи, они никак не показали себя «нацией», способной успешно решать вопросы независимости вопреки серьезному русскому противостоянию. Украина не является четко определенным этническим или географическим понятием. Население Украины, первоначально в значительной мере состоявшее из людей, бежавших от русского или польского деспотизма, незаметно превратилось в русских или поляков. Между Россией и Украиной нет четкой разделительной линии, и вряд ли ее можно будет установить. Города на украинской территории были по преимуществу русскими и европейскими. Истинная основа «украинскости» — это чувство «отличия», вызываемое специфическим крестьянским диалектом и незначительными различиями в фольклоре и обычаях в сельских районах. А поверхностные политические волнения — это в основном работа немногочисленных романтически настроенных интеллектуалов, которые почти не имеют представления о государственном устройстве.

Экономика Украины неразрывно связана с экономикой России в целом. Никакой экономической самостоятельности не было с тех пор, когда эта территория была завоевана кочевниками татарами и затем стала служить целям оседлого населения. Попытка вырвать ее из русской экономики и сделать чем-то самостоятельным была бы искусственной и разрушительной, подобно попытке выделить Кукурузный пояс, включая промышленную зону Великих озер, из экономики Соединенных Штатов.

Более того, люди, говорящие на украинском диалекте, разделены, как и те, кто говорит на белорусском диалекте, по признаку, который в Восточной Европе всегда считался истинным показателем национальности — а именно, по религии. Если на Украине можно будет провести какую-нибудь настоящую границу, то логически это будет граница между зонами, традиционно приверженными восточной церкви, и теми. Кто предан римской церкви.

Наконец, мы не можем быть безразличными к чувствам самих великороссов. Они были самым сильным элементом российской империи, каким являются теперь в Советском Союзе. Они и останутся самым сильным национальным элементом на этой территории, под любым статусом. Любая долгосрочная политика США должна основываться на их признании и на сотрудничестве с ними. Украинская территория является их национальным наследием в той же степени, как Ближний Восток — для нас, и они осознают этот факт. Решение, имеющее целью полностью отделить Украину от остальной России, непременно вызовет их обиду и сопротивление и, при конечном анализе, может проводиться лишь силой. Вполне возможно, что великороссы будут вынуждены признать возрожденную независимость балтийских государств. В прошлом они уже долгое время смирялись со свободой этих территорий от русского правления; и они признают, подсознательно или иначе, что данные народы способны к независимости. В отношении украинцев все обстоит иначе. Они слишком близки к русским, чтобы суметь выступать как что-то совершенно отличное. Хорошо это или плохо, но им придется определять свою судьбу в особых отношениях с великорусским народом.

Кажется очевидным, что в оптимальном варианте эти отношения должны быть федеральными, когда Украина будет обладать значительной степенью политической и культурной автономии, но не будет экономически или военно независимой. Такие отношения полностью бы отвечали и требованиям самих великороссов. Поэтому может показаться, что в этих рамках должны заключаться и цели США в отношении Украины.

Следует отметить, что этот вопрос — гораздо большее, чем вопрос далекого будущего. Украинские и великорусские элементы среди русских эмиграционных оппозиционных групп уже яростно соперничают за поддержку США. То, как мы отнесемся к их конкурирующим требованиям, может оказать важное влияние на ход и успех движения за политическую свободу среди рус-

ских. Поэтому важно, чтобы мы приняли наше решение сейчас и стойко его придерживались. А данное решение должно быть не пророссийским, не проукраинским. Но таким, которое признает историческую и экономическую реальность и отводит украинцам достойное и приемлемое место в семье традиционной Российской империи, неотъемлемой частью которой они являются.

Надо добавить, что хотя, как говорилось выше, мы не должны безрассудно поддерживать украинский сепаратизм, но тем не менее, если на территории Украины без нашего участия установится независимый режим, мы не должны открыто противостоять ему. Делать так значило бы взять на себя нежелательную ответственность за внутренние перемены в России. В конечном счете такой режим должен оспариваться со стороны русских. Если он успешно продержится, то это докажет, что приведенный выше анализ ошибочен и что Украина действительно обладает способностью и моральным правом на независимый статус. Нашей политикой в первую очередь должно быть соблюдение внешнего нейтралитета, пока не задеты непосредственно наши собственные интересы — военные или иные. И только если становится ясно, что развивается нежелательный застой, мы должны начать поддерживать элементы различия в рамках допустимого федерализма. То же самое относится и к любым другим попыткам достижения независимого статуса со стороны других русских меньшинств. Маловероятно, что какое-нибудь из других меньшинств сможет сколько-нибудь долго успешно сохранять действительную независимость. Однако если они предпримут такую попытку (а вполне возможно, что кавказские народы смогут это сделать), то наше отношение должно быть таким же, как и в случае с Украиной. Нам следует быть осторожным, чтобы не поставить себя в положение открытого противостояния таким попыткам, что привело бы нас к утрате навсегда сочувствия данного меньшинства. С другой стороны, мы не должны поддерживать их в тех действиях, которые в конце концов могли бы осуществляться только с нашей военной помощью.

5. Выбор новой правящей группы

В случае разрушения советской власти мы наверняка столкнемся с требованиями поддержки со стороны различных соперничающих политических элементов среди нынешних русских оппозиционных групп. Для нас будет практически невозможным избежать поддержки той или иной из этих групп в ущерб ее соперникам. Но довольно многое будет зависеть от нас самих и от нашего представления о том, чего мы стремимся добиться.

Мы уже видели, что среди существующих и потенциальных оппозиционных групп нет ни одной, которую мы хотели бы поддержать полностью и за чьи действия, в случае ее прихода к власти в России, мы хотели бы нести ответственность.

С другой стороны, мы должны ожидать, что различные группы будут предпринимать энергичные попытки заставить нас вмешаться во внутренние дела России и принять меры, означавшие бы действительную ответственность с нашей стороны и сделавшие бы возможным для политических групп в России продол-

жать требовать нашей поддержки. В свете этих фактов очевидно, что мы должны прилагать определенные усилия, чтобы избежать принятия ответственности за решение, кто будет управлять Россией после разрушения советского режима. Наилучший вариант для нас — позволить всем эмигрантам вернуться в Россию как можно быстрее и проследить, насколько это зависит от нас, чтобы им всем были предоставлены примерно равные возможности высказать свои претензии на власть. Наша базовая позиция должна заключаться в том, что в конечном счете русский народ должен сделать свой собственный выбор и что мы не намерены влиять на этот выбор. Следовательно, мы не должны иметь протеже, и нам следует проследить, чтобы все из соперничающих групп получили возможность изложить свои доводы русскому народу через средства массовой информации. Вероятно, что в своем соперничестве эти группы прибегнут к насилию. Даже в этом случае нам не следует вмешиваться, пока не затронуты наши военные интересы или пока не последует попытки со стороны какой-либо из групп установить свою власть путем крупномасштабных и диких репрессий в тоталитарном духе, затрагивающих не только оппозиционных лидеров, но и само население.

6. Проблема «декоммунизации»

На любой территории, освобожденной от советского правления, мы будем сталкиваться с проблемой остатков советского аппарата власти.

Вероятно, что в случае полного вывода советских вооруженных сил с нынешней советской территории местный аппарат коммунистической партии уйдет в подполье, как это делалось в зонах, захваченных немцами, в прошедшей войне. Возможно, он даже частично всплывет на свет в виде партизанских отрядов. В этом смысле проблема обхождения с ним будет достаточно простой; ибо нам потребуется только предоставить необходимое оружие и военную поддержку любым некоммунистическим русским властям, которые могут контролировать местность, и дозволить этим властям обходиться с коммунистическими бандами традиционно основательными методами русской гражданской войны.

Более трудную проблему будут представлять второстепенные члены коммунистической партии или чиновники, которые могут быть раскрыты и арестованы либо могут представить себя милосердию наших вооруженных сил или каких-либо русских властей, существующих на данной территории.

Здесь, опять же, нам не следует брать на себя ответственность распоряжения судьбой этих людей или же отдавать прямые приказы местным властям о том, как это сделать. Мы имеем моральное право настаивать, чтобы они были разоружены и чтобы они не занимали ведущих позиций в правительстве, пока они не представят ясное свидетельство искренних душевных перемен. Но в основном это должно оставаться проблемой русских властей, которые могут занять место коммунистического режима. Мы можем быть уверены, что такая власть сможет гораздо успешнее, чем мы сами, оценить опасность, которую бывшие коммунисты представляют для нового режима, и распорядиться ими так, чтобы они не смогли причинить вреда в будущем. Нашей главной заботой будет следить за тем, чтобы ни один коммунистический режим как таковой не установился заново в зонах, которые мы уже освободили и которые, согласно нашему решению, должны остаться свободными от коммунистического контроля. Кроме того, нам следует быть осторожными, чтобы не дать втянуть себя в проблему «декоммунизации».

Основная причина этого в том, что политические процессы в России протекают странно и непредсказуемо. В них нет ничего простого, и ничего нельзя принять за данность. И очень редко — если когда-либо вообще — цвет бывает просто черным или белым. Нынешний коммунистический аппарат власти, вероятно, изрядной частью состоит из людей, подготовленных и имеющих склонность к участию в процессах управления. И любой новый режим наверняка будет вынужден воспользоваться услугами многих из этих людей, чтобы быть способным управлять вообще. Более того, мы не способны в каждом отдельном случае выявить мотивы, которые подтолкнули отдельных граждан России на сотрудничество с коммунистическим движением. Мы также не способны оценить степень, в которой такое сотрудничество ретроспективно окажется дискредитирующим или криминально опасным для других русских. Для нас было бы опасно в таких вопросах действовать на основе каких-либо установленных допущений. Мы всегда должны помнить о том, что преследование со стороны иностранного правительства неизбежно сделает местных мучеников из тех любей, которые в иных обстоятельствах были бы просто объектами насмешек.

Поэтому в случае территорий, освобожденных от коммунистического контроля, мы должны быть мудрее и ограничиваться наблюдением за тем, чтобы отдельные бывшие коммунисты не имели возможности реорганизоваться как вооруженные группы с претензиями на политическую власть и чтобы местным некоммунистическим властям было предоставлено достаточно оружия и оказана помощь в любых количествах, которые они пожелают получить.

Следовательно, мы можем сказать, что мы не должны делать нашей целью осуществить своими собственными силами на территории, освобожденной от коммунистических властей, какую-либо крупномасштабную программу декоммунизации и что в основном мы должны оставлять эту проблему местной власти, которая может вытеснить советское правление. ■

Н.Т. ФЕДОРЕНКО

НОЧНЫЕ БЕСЕДЫ ПЕРЕГОВОРЫ О СОВЕТСКО-КИТАЙСКОМ ДОГОВОРЕ

▲ Сталин и Мао

Встречи и беседы Сталина и Мао Цзэдуна проходили обычно на подмосковной даче в Кунцеве. Время всегда было ночное. За длинным столом, в самом начале которого сидел Сталин, как правило, располагались члены Политбюро ЦК ВКП(б). Мао Цзэдун занимал место рядом с хозяином, если не считать переводчика, который находился между ними. Китайские товарищи занимали места по соседству со своим лидером.

Стол всегда был сервирован: у каждого места — обеденный прибор, бокалы, рюмки, минеральная вода, несколько бутылок грузинского сухого вина. Водка не подавалась. На столе также стояли блюда с парниковыми овощами и зеленью.

В конце большого стола находился сервировочный столик. Каждый брал себе еду по собственному вкусу. Иногда Сталин вставал из-за стола, подходил к столику и выбирал себе то, что нравилось. Он имел обыкновение рекомендовать некоторые блюда — харчо, борщок, шашлык. Приготовлений было немного, но сделаны с хорошим вкусом. Прислуги в комнате не бывало. Приходила лишь одна официантка, которая приносила какое-либо горячее блюдо, показывала его хозяину и затем относила на сервировочный столик. Вино каждый наливал себе, но пили очень экономно, большинство скорее делало вид, что выпивает. Все, кажется, предпочитали лишь пригубить.

ФЕДОРЕНКО НИКОЛАЙ ТРОФИМОВИЧ (1912-2000), советский дипломат, имел ранг чрезвычайного и полномочного посла. Сын плотника. В 1933 г. окончил авиационный техникум в Таганроге, работал на авиационном заводе в Москве. В 1937 г. окончил китайское отделение Московского института востоковедения. На дипломатической работе с 1939 г. В 1946-1948 гг. советник посольства СССР в Китае, в 1948-1949 гг. заведующий 1-м Дальневосточным отделом МИД СССР. В 1949-1952 гг. советник посольства СССР в КНР. 1952-1955 гг. на ответственной работе в центральном аппарате МИД, 1954-1955 гг. — член Коллегии МИД, 1955-1958 гг. заместитель министра иностранных дел. В 1958-1962 гг. посол СССР в Японии, 1962-1968 гг. постоянный представитель СССР при ООН и представитель СССР в Совете Безопасности. В ООН имел прозвище «советский Чарли Чаплин» (вместо галстука носил бабочку). В течение двенадцати лет пребывания в Китае занимался китайской филологией. Доктор филологических наук (1943), профессор, член-корреспондент Академии Наук СССР. Уйдя с дипломатической службы, — на литературном поприще. Главный редактор журнала «Иностранная литература» (1970-1988), с 1971 г. секретарь правления Союза писателей СССР. В конце 1980-х годов женился на гражданке Болгарии Л. Тодоровой, переехал к ней в Болгарию

Графин с коньяком, стоявший в центре стола, приводился в движение — шел по кругу, когда подходило время произнести тост в честь Сталина. Эту роль играл Берия, сидевший напротив хозяина. Он ударял ладонью и хрустальным стаканом по столу, чтобы сильным звуком возвестить о наступлении самого торжественного момента. Мгновенно окидывал всех хищным своим взглядом, чтобы убедиться, все ли наполнили свои рюмки коньяком, и, стоя, произносил сокровенный свой спич из нескольких фраз. Предполагалось, что все осушали бокалы.

Сталин обычно отпивал один-два глотка сухого вина из своего хрустального бокала на ножке, смешивая красное и белое из двух бутылок, которые возвышались по его правую руку и которыми пользовался только он один.

Темы собеседований были самые различные. Строгой повестки дня не существовало. Разговор практически происходил между Сталиным и Мао Цзэдуном. Остальные молчали. Однако в ходе непринужденного разговора собеседники обменивались суждениями по военным, политическим, экономическим и идеологическим вопросам. Именно так были согласованы принципиальные положения Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой. Конкретные переговоры по содержанию статей договора велись также между делегациями — советской во главе с А.И. Микояном и китайской, возглавлявшейся Чжоу Эньлаем. Договор, как известно, был подписан 14 февраля 1950 года министрами иностранных дел СССР и КНР — А.Я. Вышинским и Чжоу Эньлаем. При подписании договора присутствовали Сталин и Мао Цзэдун, а также члены Политбюро ЦК ВКП(б) и ЦК КПК.

Не могу, между прочим, не отметить здесь одну несуразность, отображенную в фильме «Риск», недавно показанном по программе московского телевидения. Дело в том, что на опубликованном 15 февраля 1950 года в нашей печати снимке Сталин и Мао Цзэдун стоят рядом. За несколько минут до фотографирования мне пришлось переводить их веселый разговор в связи с успешным подписанием договора.

Комментатор же фильма по поводу этого снимка совершенно произвольно заявляет, что вид и позы Сталина и Мао Цзэдуна говорят сами за себя: здесь запечатлено неудовольствие тем, что китайский лидер возвращается домой с пустыми руками. Ему не удалось получить в Москве ядерное оружие.

Должен сказать, что это чистая фантазия авторов фильма. Мао Цзэдун во время переговоров со Сталиным не поднимал вопроса о ядерном оружии. Об этом речь зашла значительно позже, не в 1950-м, а в 1958 году.

Договор являлся кульминацией московских встреч и переговоров лидеров двух великих держав. Историческое это событие было встречено с чувством большого удовлетворения не только в Советском Союзе и Китае. Огромен был резонанс в самых отдаленных землях Востока и Запада. Свершилось то, что задолго предви-

дел ленинский гений, о чем мечтал китайский революционер Сунь Ятсен.

Лишь в стане наших недругов подписание договора вызвало враждебное злопыхательство, было расценено как зловещий сговор международного коммунизма. Подобную реакцию, разумеется, следовало предвидеть. И потому она не явилась чем-то неожиданным. Напротив, это было естественное развитие обстановки.

Как-то Мао Цзэдун, вспоминая нелегкие дни былых сражений против гоминьдановской армии, рассказал, как войсковое соединение коммунистов оказалось в окружении сил противника. Создалась крайне опасная ситуация. Шло ожесточенное кровопролитие. Но блокаду прорвать не удавалось. И тогда командующий обратился к своим бойцам с призывом: «Не взирать на трудности, не страшиться испытаний, смотреть на смерть как на возвращение».

Афористическое это выражение понять на слух было трудно. И я попросил Мао Цзэдуна написать эту фразу на листе бумаги иероглифическими знаками. Взяв бумагу и перо, он быстро изобразил своими характерными, острыми штрихами восемь иероглифов. Мы и ранее нередко прибегали к «беседе кистью». Во-первых, не всегда легко воспринимать на слух цитаты из древних сочинений, написанных на архаичном языке — гувэнь или вэньянь, предназначенном для глаза, а не для уха. Во-вторых, Мао Цзэдун говорил на своем родном провинциальном диалекте — «фуланьском» (хунаньском), который значительно отличается от северного, пекинского языка. И это требовало от переводчика особого внимания к артикуляции и произношению собеседника.

Все знаки, каждый в отдельности, мне были хорошо знакомы. Но уловить смысл просто не удавалось из-за последнего иероглифа — «гуй» — «возвращаться». Пришлось вновь просить Мао Цзэдуна объяснить значение этого иероглифа и дать свое толкование афоризму в данном контексте.

— Вы еще долго будете заниматься здесь конспирацией? — неожиданно для меня раздался повелительный голос Сталина.

Можете себе представить мое самочувствие в этот самый момент. Словно электрический разряд пронзил меня... О невыдержанности этого человека и раньше мне было известно по рассказам бывалых людей.

— Дело в том, — начал я виноватым тоном, — что у меня возникло затруднение с пониманием...

— Не слишком ли растянулось ваше затруднение?! — произнес он, будто предварительное обвинение. По крайней мере, именно так я это воспринял.

— Тут один иероглиф... — снова попробовал было я.

— Уж не хотите ли вы вовлечь нас в дебри иероглифической мудрости? — не унимался он.

— В сущности, дело лишь в одном иероглифе, — торопливо сказал я, — но его значение в буквальном переводе...

— Потрудитесь перевести этот знак и всю фразу буквально! — велел он.

▲ Приезд Мао в Москву

▲ В Кремле

Я это сделал. Сталин, который в моих глазах был изощренным словесным искусником, задумался. Затем после непродолжительной паузы спросил:

— А какова же интерпретация товарища Мао Цзэдуна? — несколько примирительно спросил он.

— Именно этим я поинтересовался, но Мао Цзэдун еще не успел ничего сказать.

— Ну, что ж, продолжайте секретничать! — сказал Сталин, не поворачивая головы в мою сторону. Зато голова Берии с его пронзительными, как у коршуна, глазами в пенсне, казалось, была повернута только в мою сторону. Я чувствовал его взгляд.

Снова к Мао Цзэдуну — за разъяснением. Он сказал, что выражение это принадлежит знаменитому полководцу Древнего Китая Ио Фэю, жившему в XII веке, прославившемуся своими боевыми походами против нашествия чжурчжэней. В городе Ханчжоу сохранилась характерная для эпохи Сун могила героя сопротивления чжурчжэням, известная коленопреклоненными фигурами изменников, погубивших Ио Фэя.

— Иероглиф «гуй», — продолжал Мао Цзэдун, — выступает здесь не в обычном смысле — «возвращаться», «снова приходить». В историческом контексте изречение «гуй» означает «возвращение в первосостояние». И хотя имя Ио Фэя известно многим в Китае, но далеко не всякий китаец знает подлинный смысл этих крылатых слов. Таким образом, выражение это следует понимать так: «Презреть все трудности и мучения, смотреть на смерть как на свое возвращение в первосостояние».

Терпеливо выслушав перевод объяснения Мао Цзэдуна и поразмыслив, Сталин тихо произнес:

— Талантливый, видно, был этот полководец... Бесстрашием отмечен... и мудростью.

И я физически ощутил, как от моей головы отодвинулся нож гильотины. Казалось, все прояснилось, и один из признаков конспирации будто бы отступил в небытие. Но, вернувшись домой лишь к утру, я, прежде всего, бросился к толковому словарю китайской фразеологии и вновь проверил себя, правильно ли я понимаю изречение Ио Фэя.

Часто возвращался я мысленно к устрашающей, поучительной этой истории с афоризмом Ио Фэя. Должен, однако, сказать, что зла ни на кого не таю, кроме как на самого себя. Разумеется, знать все в китайском языке невозможно. Но моя увлеченность, видимо, представлялась вызывающей. Нужно было объясниться с самого начала: столкнулся с трудностями, уточняю у собеседника. Сам я дал повод для «выяснения отношений».

Вообще же Сталин во время бесед с Мао Цзэдуном был всегда спокоен, выдержан, внимателен к гостю. Он никогда не отвлекался ни на что другое. Был всецело сосредоточен на содержании беседы.

Следил за точностью выражений, строением фразы, отбором слов при переводе. Он был предельно взыскателен к изложению мысли, формулировкам, речевой нюансировке.

Можно сказать, что все это было внешним проявлением. Сталин искусно носил маску, за которой скрывалось нечто непостижимое. Тем более что он обладал мягкостью жестов, тонкостью интонаций.

Но невозможно, однако, отрицать, что Сталин обладал какой-то гипнотической силой, грозностью, демонической державностью. Весь его облик, манера держаться, беседовать как бы говорили окружающим, что власть должна быть таинственной, ибо сила власти — ее неразгаданность. Отсюда и культ его личности окружен загадочностью, секретностью, окутан великой таинственностью. Я говорю о личных своих ощущениях, которые, быть может, не всегда объективны.

Само место собеседований, как я его воспринимал, напоминало поле ночных демонических сил. Достаточно было Сталину появиться в комнате, как все вокруг будто переставали дышать, замирали. Вместе с ним приходила опасность. Возникала атмосфера страха.

Вспоминается один эпизод, о котором мне как-то рассказал известный партийный деятель, бывший тогда главным редактором газеты «Правда».

— Сидел поздно ночью, — вспоминал он, — над версткой очередного номера. Вдруг звонок по кремлевскому телефону. Не отрываясь от газетной полосы, я снял трубку и небрежно ответил.

— Это говорит Сталин, — раздался голос в трубке.

— Какой еще Сталин? — вырвалось у меня.

— Тот самый... — услышал я в ответ и, поняв всю нелепость ситуации, попытался было оправдаться... С тех пор у меня, видите, — нервный тик... на всю жизнь.

Когда же Сталина не было в комнате, возникал иногда стихийный разговор сидевших за столом людей, облеченных фактически ничем не ограниченной властью, немыслимыми правами. Высший элитарный симбиоз демонстрировал в отсутствие хозяина беззаветную ему преданность. Они, казалось, все знают, но все знают неверно. Они редко держатся естественно, словно боятся, что человек в них окажется ниже занимаемого кресла. В общении с людьми они, увы, оказываются, куда как менее значительными, чем в кремлевских их кабинетах за огромными казенными столами, в неподвижных дубовых креслах. Беспристрастно и непредвзято наблюдал я эти персонажи высшей номенклатуры, всматривался в них вблизи и с дистанции. На сеансе, который длился не один год. Словом, люди эти в моих глазах являли собой образцы противоречивости и последовательности человеческих существ. Достаточно было уже одного того, что выступали они, как правило, с бумажкой, читая чужие писания, притом не без труда, нередко игнорируя всякие правила грамматики и знаки препинания. Они привыкли нарушать все правила, включая дорожное движение в своих многометровых лимузинах.

Поначалу приходилось удивляться, что многие из них почти ничего не читали. Отечественной литературы не знали. О писателях судили порой по сплетням о них и всякого рода скабрезным слухам. Об иностранных авторах не имели ни малейшего представления. Но невежество не способно примириться с тем, что оно чего-то не постигает. Ограниченность инстинктивно презирает предмет своего непонимания, рисуя его врагом. Стыдно было каждый раз, когда в беседе с иностранными дру-

▲ На торжественном заседании в Большом театре

зьями некоторые из номенклатурной элиты проявляли такое невежество, которое переводить было просто позорно. Нет, не знали они, кажется, как велика бывает польза от чтения книг и мемуаров.

Невольно возникает вопрос: понимал ли все это Сталин, знал ли ближайшее свое окружение? Вне всякого сомнения. Сталин был человеком незаурядным, волевым, прекрасно информированным.

Разве не возникает вопрос: как власть — большая или малая — оказывается у людей, не имеющих на то морального права? По каким качествам они выдвигались? Кто их выдвигал и почему? Сталин, конечно же, тонко разбирался в окружавших его людях. С дистанции минувших лет стало еще яснее. Стоявшие тесным кольцом вокруг вождя лица едва ли ему угрожали. Они для него не были соперниками, ибо во всех отношениях стояли ниже него.

Как-то в одной из встреч, как всегда на подмосковной даче, Мао Цзэдун, с которым мне пришлось сидеть рядом, шепотом спросил меня, почему Сталин смешивает красное и белое вино, а остальные товарищи этого не делают. Я ответил ему, что затрудняюсь объяснить, лучше спросить об этом Сталина. Но Мао Цзэдун решительно возразил, заметив, что это было бы бестактным.

— Что у вас там за нелегальные перешептывания, от кого утаиваете? — раздался голос Сталина у меня за плечом. Каким-то суеверным ужасом отозвались во мне его слова. Вздрогнув от неожиданности, я повернулся к нему лицом, но поймал на себе хищные глаза человека в пенсне.

— Дело в том, что... — начал я.

— Да, именно дело... — бросил Сталин.

— Товарищ Мао Цзэдун интересуется, почему вы смешиваете разные вина, а другие этого не делают, — выпалил я.

— А почему же вы не спрашиваете меня? — старался он пригвоздить меня.

Я давно уже заметил, что он подозревает меня в чем-то, не доверяет.

▲ Подписание договора, Мао

— Извините, но Мао Цзэдун настаивал этого не делать, считая такое обращение к вам нарушением приличий...

— А вы кого предпочитаете здесь слушать? — не без лукавства спросил меня Сталин, и, улыбнувшись из-под своих усов, хозяин стал объяснять гостю, почему он смешивает вина:

— Это, видите ли, моя давняя привычка. Каждое вино, грузинское в особенности, обладает своим вкусом и ароматом. Соединением красного с белым я как бы обогащаю вкус, а главное — создаю букет, как из пахучих степных цветов.

— Какое же, товарищ Сталин, вино вы предпочитаете, красное или белое? — спросил Мао Цзэдун, для которого виноградное вино было культурой чуждой.

В Китае в последнее время стали производить виноградное вино, да и то лишь на северном полуострове, в городе Циндао, где в свое время обосновалась немецкая колония. Немцы и начали это делать.

— Чаще пользуюсь белым виноградным, но верю в красное, которым как-то, давно это было, во время болезни тифом в ссылке один добрый врач в тюремном госпитале тайком отходил меня малыми дозами красного вина, кажется, испанского. Спас меня от верной смерти. По крайней мере, я в это верю. С тех пор я как-то проникся сознанием его целебности, — задумчиво сказал Сталин.

...И снова особенно остро я почувствовал, что переводчик — это для некоторых сановных лиц автомат, машина, компьютер. Никогда он не должен забывать своей роли. Ему ни на миг не положено отвлекаться или увлекаться доискиваниями истины, ибо он неотвратимо создает ложное о себе представление в глазах самоуверенных фанфаронов, дает повод дурно о нем думать.

А между тем развитие наших отношений с Китаем немыслимо без специалистов, китаеведов, людей, знающих историю и современность великого нашего соседа, духовную жизнь китайского народа. Уместно, думается мне, напомнить, что отечественная наша синология искони славилась не только у себя на родине, но далеко за ее пределами. Дос-

тойно сожаления, что в силу конъюнктурных обстоятельств подготовка кадров синологов в нашей стране отнюдь не отвечает нынешним требованиям. Избытка образованных китаистов у нас, увы, не наблюдается. И не только потому, что это связано с огромным трудом и усердием, которые необходимы, в частности, для овладения китайской письменностью — «китайской грамотой». Куда как легче и проще овладеть каким-либо европейским языком и сделать себе служебную карьеру. Причина еще в том, что необходимо государственное отношение к выращиванию китаеведов, людей, хорошо знающих прошлое и настоящее Китая, традиции и обычаи народа, владеющих иероглифической письменностью и живым разговорным языком. Здесь требуются радикальные изменения, такие структурные преобразования, которые бы соответствовали революционной перестройке всей нашей действительности.

Позволю себе привести здесь один из эпизодов, участником которого мне пришлось быть.

Во время пребывания Мао Цзэдуна в Москве в феврале 1950 года наше культурное ведомство решило поближе ознакомить китайских друзей с духовной жизнью столицы. Сочли, что нужно начать с гордости советского балета — «Красного мака» — в Большом театре. Сюжет балета, как известно, связан с жизнью Китая, по крайней мере в этом убеждены авторы и постановщики балета. Для полноты впечатления на спектакль был приглашен сам Глиэр, автор музыки «Красного мака».

По каким-то обстоятельствам — думаю, вовсе не случайным — Мао Цзэдун не смог посетить Большой театр, хотя всем этого хотелось.

Группу китайских друзей возглавил известный идеолог Чэнь Бода. Сидя в ложе для почетных гостей, китайские товарищи проявили повышенный интерес к постановке и постоянно обращались ко мне с различными вопросами, порой довольно деликатными.

— Скажите, а что это за чудище? — внезапно спросил меня Чэнь Бода, когда появился исполнитель роли сутенера в шанхайском ночном заведении.

Я объяснил, как мог, но он не унимался.

— Неужели это страшилище — китаец? И остальные тоже китайцы? Это вы так их себе представляете, такими нас изображаете? И вы, кажется, испытываете радость?

Мне пришлось сказать ему, что у каждого свое зрение, свое видение. И что иностранцам очень трудно исполнять роль китайцев. Приходится гримироваться...

— Разве дело только в гриме? Посмотрите, как он вообще выглядит, как он ведет себя. Это же чудовищно... — не успокаивался Чэнь Бода.

И чем далее развивался сюжет балета, тем больше возникало вопросов и недоумений у профессора Чэнь Бода, который примерно на середине спектакля «в сердцах» выразил желание покинуть Большой театр.

Не буду подробно описывать наших трудов, чтобы удержать китайских гостей, как говорят дипломаты, от скандального демарша.

По окончании представления нас пригласили в кабинет директора Большого театра, где, как полагается, было сервировано угощение для дорогих китайских гостей.

Дальнейшее развитие сценария лишь усугубило и без того печальное положение дел. Великолепная мебель — позолоченные столы и бархатные кресла, предусмотрительное обхождение прислуги, внимание и гостеприимство, казалось, нисколько не интересовали Чэнь Бода и его сопровождение. Воцарилось странное молчание вместо живого обмена впечатлениями о балете.

Хозяева, разумеется, ждали комплиментов и похвалы из уст благодарных китайцев, для которых специально устроен показ «Красного мака». Но они загадочно молчали. И тогда я по праву сопровождающего попросил Чэнь Бода сказать что-нибудь о его впечатлении.

— Прошу меня извинить, — начал Чэнь Бода, — но само название балета «Красный мак» нас несколько обескураживает. Дело в том, что растение маканнами китайцами воспринимается как олицетворение опиума. Быть может, вы не знаете, но опиум — злейший наш враг, потому что он веками губил наш народ... Извините, я не хотел вас обидеть...

Мы покинули Большой театр, чтобы больше уже не возвращаться туда. Наши китайские друзья не пожелали более знакомиться с шедеврами театрального искусства в Москве.

Посещение Большого театра китайскими друзьями закончилось тем, что балет «Красный мак» был временно снят с репертуара. Но после изменения названия спектакля на «Красный цветок» балет продолжался. А в остальном... без перемен.

Не хотелось бы мне здесь заниматься нравоучением, но «Красный мак» оказался развесистой клюквой. История эта — свидетельство, если хотите, невежества. Пренебрежительное отношение к жизни и реалиям других, в данном случае ближайших наших соседей, увлечение экзотикой обернулось последствиями, которые способны отравить не только настроение людей, но и узы дружбы и добрососедства.

Не берусь измерять ущерб, который наносят подобные явления нашим духовным связям с зарубежными странами. Но убежден, что проблемы культуры и сотрудничества в духовной сфере нам следует ставить не на самый последний, а на первый план. Ведь практически именно с культуры начинаются отношения, духовное общение людей и народов, взаимное узнавание, сближение, понимание и сотрудничество между людьми. Лишь после этого развиваются торговые, экономические и другие отношения. Это тем более существенно для такой страны, как Советский Союз, создающей мир высших духовных ценностей.

Каждая встреча Сталина с Мао Цзэдуном приносила нечто неожиданное, непредсказуемое. Содержание бесед всецело определялось хозяином, который, однако, никогда заранее не раскрывал темы разговора. Обычно беседа начиналась,

▲ Подписание договора Чжоу Эньлаем

скажем так, с отвлеченных сюжетов. То ли гость проявлял интерес к чему-либо, то ли хозяин по своей инициативе затрагивал какой-нибудь вопрос.

Так, в процессе собеседований обсуждалась программа языка и мышления. Сталин вообще высказывался в духе известной своей работы по языкознанию. Основная идея состояла в том, что язык как средство сознательного выражения мысли нечувствителен к классовой принадлежности людей. Любой человек может говорить на любом языке, в том числе и на языке Пушкина, Толстого, Достоевского и так далее. Все здесь определяется образованием и личными интересами.

Примечательно, что Мао Цзэдун в свою очередь развивал мысль о том, что китайская иероглифика и язык, при всей сложности овладения, в действительности открыты всем, каждому человеку, если есть желание их постигать и совершенствоваться в них, независимо от социального положения, классовой принадлежности. Другое дело, не всякий китаец мог получить необходимое образование и овладеть иероглификой.

— Товарищ Федоренко, — обратился ко мне Сталин, — подойдите ко мне с вашей тарелкой.

Когда я приблизился к нему, он, как обычно, не глядя в мою сторону, сказал:

— Возьмите это кушанье. Редкое это блюдо. Возможно, вы отведаете его первый раз в жизни... Первый и последний, как говорится.

Разумеется, я поблагодарил за угощение, но тревожная мысль сверлила мое сознание. Не могло не настораживать то, что официантка, показывая блюда хозяину, о чем-то с ним шепталась, а потом, вместо того чтобы отнести это блюдо и поставить на сервировочный стол, поставила блюдо около Сталина.

— Так как же, товарищ Федоренко, понравилось вам блюдо? — вскоре спросил он меня.

— Извините, товарищ Сталин, замешкался я тут, — вымолвил я кое-как. — Очень деликатное...

— Что же вы молчали? — добавил он почти одобрительно. Блюдо это действительно оказалось вкусным — печень индейки, приготовленная с перцем и солью. Кавказский деликатес.

Все обошлось. Опасения мои не оправдались. Апофеоз недоброжелательности и зла не состоялся. Мы ценим людей за добро, которое они делают. И презираем их за вред, который они нам приносят. Люди не должны разочаровывать друг друга, вводить в заблуждение, создавать причины для подозрительности.

Эпизод этот воскресил в моей памяти другой случай, связанный с пребыванием Мао Цзэдуна в Москве.

Тревожный звонок по правительственному телефону заставил меня без промедления направиться в Кремль, где проживал в это время Мао Цзэдун. Встретил меня шеф спецохраны в высоком чине и с нескрываемым волнением сказал:

— Тут личный китайский повар Мао Цзэдуна устроил нам полускандал, заявив, что рыбу, которую мы привезли, он отказывается принимать и готовить.

— Какую, собственно, рыбу? — спросил я полковника спецслужбы.

— Карпа, которого мы обычно привозили для гостя, — сказал он мне.

— Так в чем же дело?

— Повар только размахивает перед нами руками, отказываясь принять рыбу, ведь это же скандал...

Естественно, мне пришлось обратиться к китайскому повару, чтобы выяснить его претензии.

— Рыба эта уже уснула. Неизвестно когда. А у меня строжайшее указание Мао Цзэдуна готовить ему исключительно живую рыбу, — выпалил шеф-повар на хорошем пекинском диалекте.

Простое это недоразумение вызвало настоящий переполох в недрах нашей особой службы.

— Да что вы? Неужели в этом все дело? — воскликнул полковник. — Да мы сейчас же эту рыбу живьем за жабры...

Никогда не поздно посадить дерево, гласит народная мудрость, хотя плоды его, быть может, достанутся другим. Но радость жизни останется с тобой.

Шло время. Давно канул в прошлое декабрь 1949 года. Минул январь 1950 года. Приближалась февральская дата — день подписания Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между Советским Союзом и Китаем.

— Нам хотелось бы, товарищ Сталин, устроить небольшой прием после подписания договора, — обратился Мао Цзэдун с этой просьбой во время очередной встречи.

— Естественно, — сказал хозяин.

— Но не в Кремле, где меня разместили, а в другом месте, например, в «Метрополе».

— А почему не в Кремле?

— Видите ли, товарищ Сталин, Кремль — это место государственных приемов Советского правительства. Не совсем это подходяще для нашей страны — суверенного государства...

— Да, но я никогда не посещаю приемов в ресторанах или в иностранных посольствах. Никогда...

— Наш прием без вас, товарищ Сталин... Нет, нет, просто немыслимо. Мы вас просим, очень просим, пожалуйста, согласитесь, — настаивал Мао Цзэдун.

Наступила пауза, с ответом Сталин не спешил. Он как бы сосредоточивался. Мао Цзэдун исповедально ждал согласия хозяина, не сводя с него глаз.

— Хорошо, товарищ Мао Цзэдун, я приду, если вы этого так хотите, — произнес Сталин наконец и заговорил на другую тему.

Так был нарушен собственный обет, который Сталин неукоснительно соблюдал весь свой век.

14 февраля в назначенный день и час китайские хозяева и гости собрались в банкетном зале «Метрополя». И хотя здесь должна была царить торжественная атмосфера, лица многих выражали некоторую озабоченность и даже тревогу: сдержит ли свое обещание, удостоит ли своим присутствием. Немало оракулов с видом самоуверенных фанфаронов предсказывало мрачные прогнозы. Другие же, напротив, были настроены оптимистически. На чем зиждились эти предсказания? На том, как всегда, на чем основываются кулуарные разговоры. Все нетерпеливо поглядывали на входную дверь. И мне вспомнился другой эпизод, о котором рассказывал один из московских всезнаек. Вот эта история.

Как-то Сталин решил посетить один столичный драматический театр, но негласно, тайком, чтобы не было излишнего шума и ажиотажа. Незаметно пришел в ложу и погрузился в атмосферу спектакля. Но бдительное око директора театра тотчас увидело гостя и приняло экстренные меры: моментально был водружен бюст Сталина в фойе, через которое он инкогнито проследовал.

По окончании сценического представления Сталин хотел так же незримо удалиться из театра. Пройдя через фойе, он увидел бюст и удивленно спросил:

— А этот как сюда пришел?

...Когда атмосфера в банкетном зале «Метрополя», как мне казалось, предельно накалилась, ко мне подошел компетентный товарищ в штатском и доверительным тоном прошептал:

— Вам следует встретить хозяина в вестибюле и провести его сюда...

— Позвольте, разве это моя прерогатива? Не лучше ли это проделать вам, как обычно? — ответил я полковнику, который уже мне примелькался.

— Насчет прерогатив лучше воздержимся. Поговорим в другой раз, а сейчас вас, как специалиста по китайскому, просят, неужели вы не понимаете?! — повелительно произнес мой собеседник.

Я воздержался от дальнейшего диалога, но мне было не совсем понятно, неужто мне придется объясняться со Сталиным по-китайски.

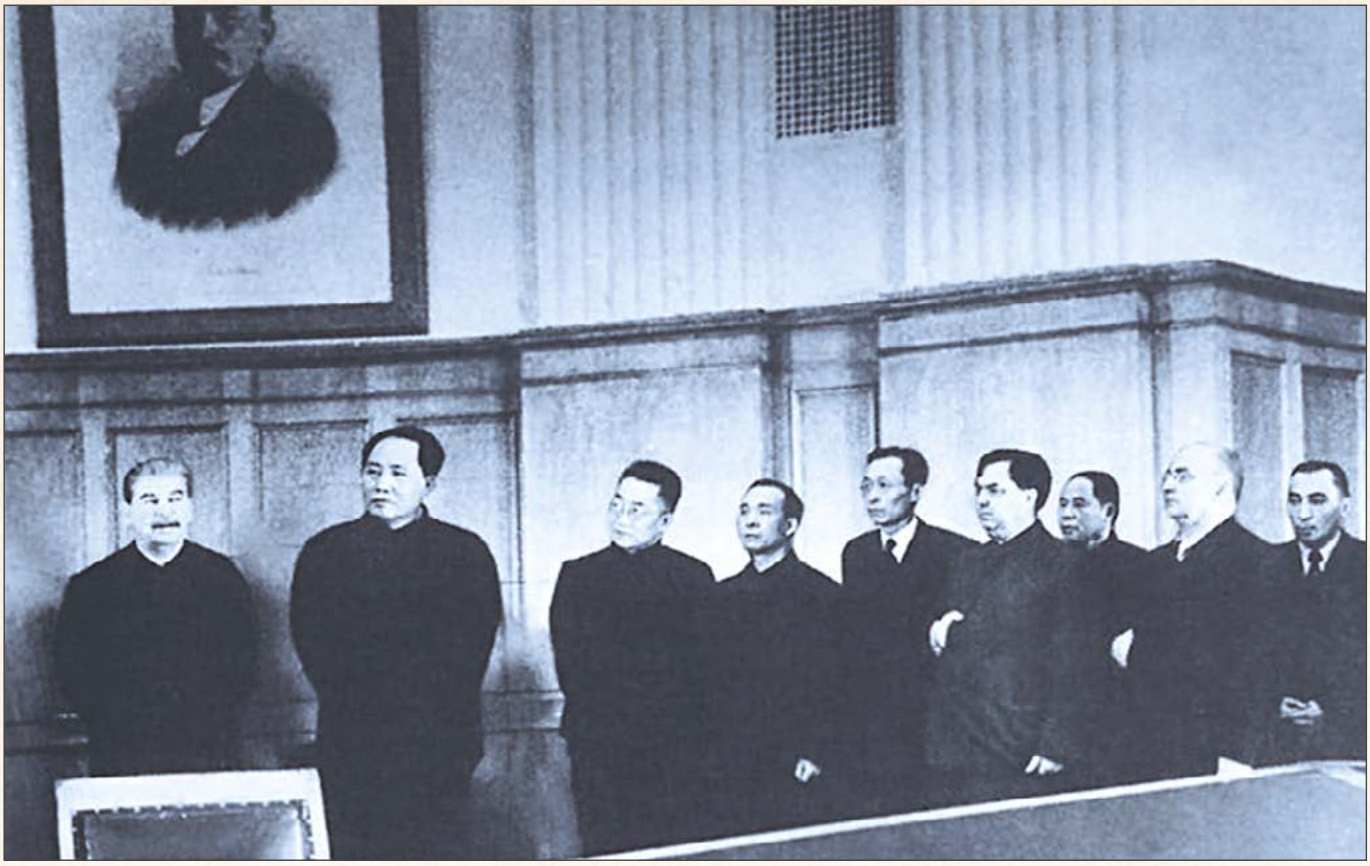
И взяв меня под руку, он провел в вестибюль, показал место, где я должен был стоять и «очей своих не сводить с входной двери». Вокруг было безлюдно. Лишь гардеробщик занимал свое служебное место у вешалки.

Вскоре открылась парадная дверь, и на пороге, как в раме на портрете во весь рост, стоял Сталин. Быстрым взглядом он обвел вестибюль и, заметив меня, не спеша направился в мою сторону как на знакомый ориентир.

Приблизившись к гардеробу, он начал расстегивать шинель, как вдруг услужливый гардеробщик будто на пружине подскочил к нему и подобострастно произнес:

— Разрешите, Иосиф Виссарионович, подсобить...

Сталин, взглянув на него, вежливо с ним поздоровался и с легкой иронией произнес:

▲ Китайская делегация в Кремле

— Благодарю, но это, кажется, даже я умею... — И бросил дружеский взгляд в мою сторону.

Сняв шинель, он подошел к вешалке, повесил ее, положил на полку свою фуражку, посмотрел в зеркало, поправил волосы и обратился ко мне:

— Как тут дела, все ли в сборе?

— Да, товарищ Мао Цзэдун и другие китайские друзья уже давно на месте, ожидают вас.

— В таком случае — ведите меня, — сказал он и прикоснулся рукой к моему плечу.

И я повел Сталина... в банкетный зал, где его встретили громкими рукоплесканиями и шумными возгласами восторга. Это было всеобщее ликование — и мрачных пессимистов, и очень осторожных оптимистов.

На какой-то миг Сталин остановился, окинул взглядом собравшихся. Он попросил меня провести его к Мао Цзэдуну, который стоял за длинным столом «президиума». Они поздоровались, пожали друг другу руки и обменялись общими фразами относительно здоровья и дел. Затем китайские товарищи во главе с Чжоу Эньлаем начали подходить к Сталину, чтобы поздороваться и обменяться Рукопожатиями. Настроение у всех было приподнятое. На некотором отдалении стояла когорта: Берия, Маленков, Хрущев, Ворошилов, Микоян, Шверник, Суслов, Булганин.

Начались тосты. Слышались громкие здравицы. Один за другим провозглашались спичи. Все ораторы, и не только они, не сводили глаз с двух фигур, стоявших рядом и время от времени вступавших в разговор. Это были различные реплики, в основном из уст Сталина.

Наконец, Сталин, видимо, утомился от нескончаемых оваций восторженной аудитории, стал как бы взывать глазами — не пора ли остановиться. Но тщетно. Ничего похожего. В ответ лишь новые волны оваций.

Все с нетерпением ждали самого главного — слова Сталина. Именно он должен и может сказать нечто сокровенное, что выразит истину момента, глубокий смысл исторического события. И это мгновение наступило. Прикоснувшись к бокалу с вином, Сталин сделал жест рукой — внимание, мой час.

Он провозгласил тост за Мао Цзэдуна, за успехи Китайской Народной Республики.

И все дружно осушили до дна. Снова раздался взрыв аплодисментов, восторженных возгласов и общего ликования. ■

А. Г. ЗВЕРЕВ

РАСХОДЫ НА ВОЙНУ. ПРЕИМУЩЕСТВА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОЯ

В предвоенные годы партия непрестанно наращивала капиталовложения в народное хозяйство. Напомню, что в 1928 году они составляли 0,37 миллиарда рублей, а в 1940 году — 4,3 миллиарда рублей, то есть почти в 12 раз больше. Напомним, что валовая продукция промышленности возросла за то же время в 6,5 раза, а розничный товарооборот— в 15 раз, достигнув суммы в 17,5 миллиарда рублей. Соответственно, доходы госбюджета, в 1928 году равнявшиеся 0,8 миллиарда рублей, к 1940 году достигли 18 миллиардов при расходах в 17,4 миллиарда рублей. Сюда не входят значительные затраты из бюджета на образование государственных материальных резервов, в том числе на увеличение запасов золота и других благородных металлов.

За каждой из этих цифр — упорный и беззаветный труд миллионов советских граждан, их напряженная созидательная деятельность. В любой наш рубль были вложены труд, дерзания и помыслы слесаря и хлебороба, врача и бухгалтера, пастуха и летчика, ткача и секретаря райкома.

Деньги, заработанные всем народом, шли в том числе и на укрепление обороноспособности страны. Удельный вес оборонных расходов в общих бюджетных затратах в то время непрерывно увеличивался: мы не забывали об угрозе войны.

В 1938 году по смете Наркомата обороны ассигнования достигли 2,7 миллиарда рублей (21,3 процента всех расходов), в 1939 году— 4,1 миллиарда (26,3 процента расходной части бюджета), в 1940 году— 5,7 миллиарда рублей (32,2 процента).

Бюджет на 1941 год рассматривался и утверждался еще в мирное

▲ Зверев А.Г.

время. Тем не менее военные расходы были предусмотрены в размере 7,1 миллиарда рублей (33,8 процента). Выступления депутатов на последней предвоенной сессии Верховного Совета СССР (февраль 1941 года) наглядно свидетельствовали, что каждый из выступавших мыслил по- государственному и отчетливо понимал, что повлечет за собой малейшее промедление в столь важном деле. На сессии не только единодушно утвердили сумму, намеченную правительством, но и увеличили ее на 200 миллионов, доведя фактически до 7,3 миллиарда рублей.

Резко возросла и численность наших Вооруженных Сил, особенно после принятия 1 сентября 1939 года закона «О всеобщей воинской обязанности». Средства, создававшиеся напряженным трудом советских людей, распределялись с учетом международной обстановки: в 63 сухопутных училищах, многих военно-морских, а также 32 летных и летно-технических школах, на шести спецфакультетах гражданских вузов и в 14 военных академиях получали образование десятки генералов и тысячи офицеров.

Разрабатывались и постепенно внедрялись в производство новые типы самолетов, танков, артиллерийского вооружения. У пехоты появилось автоматическое оружие и минометы. В 1940 году армия была численно больше, чем в 1937 году, в 5 раз. А в первой половине 1941 года в Вооруженных Силах служило уже 4,207 миллиона человек.

Основой обороноспособности СССР оставались успехи в развитии промышленности, прежде всего тяжелой. За 1938–1940 годы продукция индустрии в целом увеличилась почти в 1,5 раза, производство средств производства — более чем в 1,5 раза, а рост машиностроения составил 76 процентов. Каждые 10 часов (в среднем) у нас вступало в строй новое промышленное предприятие.

Важнейшую роль в дальнейшем прогрессе социалистической индустрии сыграла XVIII партийная конференция (февраль 1941 года), наметившая систему неотложных мер по новому подъему отечественной экономики. Предвоенной весной развернулась разработка 15-летнего перспективного народнохозяйственного плана. Вся страна должна была принять участие в его обсуждении. Повсюду кипел величественный созидательный труд...

Но выполнение наших планов были прервано войной. Следует сказать, что всякий раз, когда существенно меняется историческая обстановка, соответственно меняются методы использования и применения финансов. Когда грянула Великая Отечественная война, перед финансовой системой были поставлены исключительно ответственные задачи. Требовалось мобилизовать крупные денежные средства, направив их на обеспечение нужд хозяйства, работавшего под лозунгом: «Все для фронта, все для победы!». Следовало немедленно сосредоточить в руках государства максимум финансовых ресурсов.

Опыт царской России в этом отношении был печальным. Так, Крымская война потребовала от страны расходов в 797 миллионов рублей, а русско-турецкая война 1877–1878 гг. — 1075 миллионов рублей. Эти расходы больно ударили по всей экономике России. Еще тяжелее отразилась на хозяйстве Первая мировая война, к концу которой финансы были совершенно расстроены, а страна находилась на грани экономической катастрофы. Покупательная способность рубля снизилась до уровня довоенных 6 — 7 копеек. Во многом это определялось зависимостью от зарубежных монополий. Почти 55 процентов иностранных капиталовложений было размещено к концу войны в горной и металлургической промышленности. Но еще в 1914 году удельный вес таких капи-

таловложений в общей сумме акционерных капиталов России составлял 47 процентов.

Дефицит госбюджета составлял в 1914 году 39,1 процента; в 1915 году — 74,1; в 1916 году — 76; в 1917 году — 81,7 процента. Царское правительство было вынуждено стать на путь широкой эмиссии денежных знаков и прибегнуть к инфляции как источнику дополнительных средств, выкачиваемых из трудящихся. Грабя народ, царизм пытался обеспечить финансирование затрат на империалистическую войну и получение капиталистами прибылей. На русских кредитных билетах было напечатано, что они беспрепятственно обмениваются на золото. Но уже в начале войны был издан закон о прекращении такого обмена. Подобным способом попытались предотвратить утечку золота из казны и не допустить тезаврации (накопления сокровищ населением на дому) либо утечки за границу. Меры оказались безрезультатными. Уже в первые месяцы войны золото исчезло из обращения. Соответственно изменился и характер эмиссии денежных знаков. Она не являлась более источником кредитования материальных ценностей, сильно сокращавшихся в условиях войны, а направлялась на необоснованное увеличение суммы денег, находившихся в обращении. Лишь за первые полгода войны эта сумма возросла на 180 процентов, составив 2950 миллионов рублей; на 1 января 1916 года — 5617 миллионов; на 1 января 1917 года — свыше 9 миллиардов рублей.

Цены на товары резко росли. Рубль обесценивался. Так появилась потребность в новых займах, внутренних и внешних. Царизм получил за годы войны от союзников до 4 миллиардов рублей в иностранной валюте. Всю эту сумму использовали на оплату военных заказов, размещенных в других странах, оплату процентов по займам и частично на оплату закупавшегося вооружения. В результате и без того кабальная зависимость России от зарубежных держав еще более усилилась. Кредитные средства расходовались так, как хотелось англичанам. Англия стала не только банкиром, но и прямым указчиком при распределении русских военных заказов. Недаром В. И. Ленин подчеркивал, что русский капитал есть не что иное, как отделение всемирной «фирмы», ворочающей сотнями миллиардов рублей и носящей название «Англия и Франция».

К концу 1916 года российская экономика пришла в такое состояние, что на 1917 год вообще не удалось утвердить бюджет. Разразился, наряду с экономическим кризисом, кризис финансовый. Чтобы преодолеть катастрофу, большевистская партия потребовала, в частности, национализации банков, аннулирования кабальных займов, прекращения эмиссии бумажных денег, революционной перестройки налоговой системы, развития безналичных расчетов (то есть без непосредственного участия денег). Однако осуществить эти мероприятия сумела только Советская власть после победы социалистической революции.

Советское государство, ликвидируя капиталистическую и помещичью собственность и экспроприируя экспроприаторов, национализировало банки, аннулировало кабальные займы, прекратило выплату прибылей иностранцам, установило госконтроль над всеми видами страхования и потом перешло к государственной страховой монополии. На буржуазию наложили контрибуции, ограничили ее право распоряжаться текущими счетами и вкладами. Одновременно создавались основы советского государственного бюджета.

Иностранная военная интервенция и гражданская война затормозили этот процесс. Но уже с 1921 года партия и правительство берутся за укрепление финансовой системы как за одну из самых неотложных задач. Напомню еще раз, что подробная программа развития и укрепления социалистических финансов была изложена XI съездом РКП(б) в 1922 году. Наши финансы, кредит и денежная система росли и крепли вместе с укреплением социалистического строя. Они сыграли, как мы видели, огромную роль в восстановлении народного хозяйства и его реконструкции, в индустриализации страны, в коллективизации сельского хозяйства, в завершении построения социализма. Выполнили они свою историческую миссию и в годы Великой Отечественной войны — тяжелейшего испытания, выпавшего на долю Советской Родины.

В 1941 году военные расходы составили 8,9 миллиарда рублей. Изыскать столь большие средства, существенно превышавшие то, что было запланировано на 1941 год, оказалось нелегко. Мешали помимо чисто военных причин (отступление, временная потеря территории с ее материальными и людскими ресурсами, эвакуация и т. д.) еще и некоторые диспропорции в развитии хозяйства, сохранявшиеся с довоенного времени. В те годы металлургическая и химическая промышленность не удовлетворяла в полной мере потребностей страны. Не была завершена реконструкция железнодорожного транспорта. Отставало сельское хозяйство. А огромный размах военных действий и необходимость оснащать армию современной техникой требовали очень крупных затрат материальных и денежных средств. С 1 июля 1941 года до 1 января 1946 года расходы, связанные с запросами только наркоматов обороны и военно-морского флота, составили 55,1 миллиарда рублей — около 52,2 процента всех расходов госбюджета за этот период (данные приведены по курсу рубля, установленному с 1 января 1961 года). Сюда не входят суммы, пошедшие на многое другое.

Еще в начале Великой Отечественной войны Центральный Комитет партии, Государственный Комитет Обороны, Госплан СССР и Наркомат финансов начали заниматься изысканием средств для помощи семьям погибших на фронте воинов и инвалидам войны. В результате были назначены многочисленные пенсии и пособия, организованы специальные республиканские и местные органы по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих. За четыре с половиной года на оплату таких пенсий и пособий только за счет госбюджета было израсходовано более 5 миллиардов рублей. ЦК ВКП(б) постоянно интересовался, как Наркомат финансов решает задачу изыскания средств на перестройку отраслей народного хозяйства, на эвакуацию предприятий и кадров из угрожаемых зон, организацию их работы в восточных районах, на срочное расширение военной промышленности и самих Вооруженных Сил. Эти три задачи были главными на весь военный период.

Когда мы обсуждали, за счет чего можно их решить, пришли к выводу, что главный упор следует сделать на госбюджет — это могучее средство организации экономики, ее мобилизации, перестройки и контроля в полной мере. Еще раз раскрылись преимущества социалистического строя. В результате 57–58 % национального дохода, 65–68 % промышленной и около 25 процентов сельскохозяйственной продукции удалось использовать непосредственно на военные нужды. ГКО разрешил нам охватить распределительной функцией финансов и государственные резервы (в мирное время они не подлежали нашему прямому контролю). Это помогло легче оперировать материальными и финансовыми ресурсами, устанавливая хозяйственные пропорции, удовлетворявшие нужды военного времени.

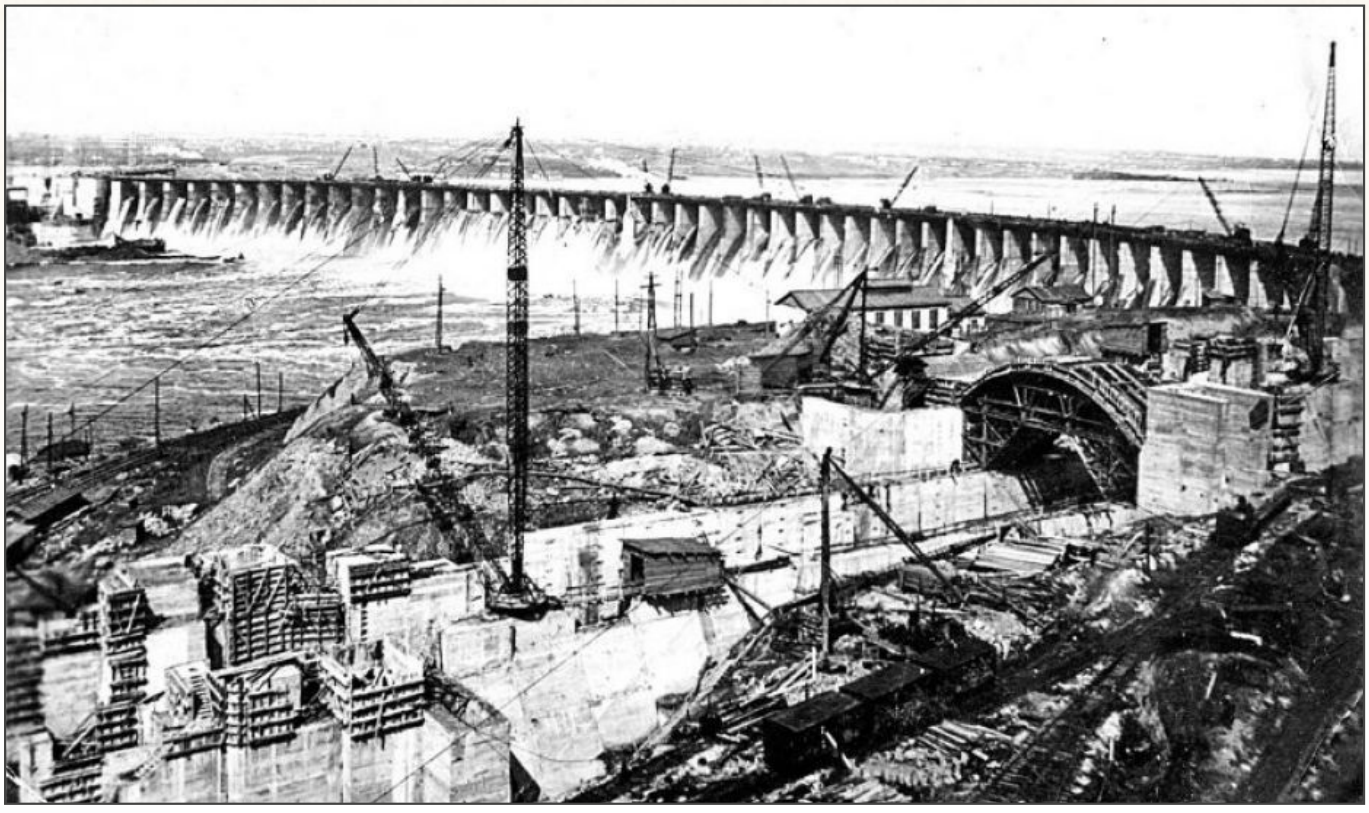
Вместе с тем мы должны были сохранить прочность государственной денежной системы, чтобы не повторились печальные явления Первой мировой войны; добиться сохранения твердых цен на продукты для населения и оптовых цен в промышленности. Тут снова сказались преимущества социалистического планового хозяйства. Наша победа в войне закономерно явилась победой не только социалистической экономики, а всего социалистического общественного строя.

Перестраивая финансы в военных целях, мы решили в основном ориентироваться на изменение соотношений в распределении национального дохода по фондам накопления, потребления и военных расходов. Пришлось уменьшить затраты на расширенное воспроизводство и сократить долю национального дохода, шедшую на личное потребление у гражданского населения. Иначе стали строиться в материальной сфере отношения между государством и предприятиями, хозяйственными организациями, кооперацией и населением. В силу военной необходимости уменьшились затраты на социально-культурные цели. Увеличились поступления в бюджет от населения в виде налогов, а также добровольных взносов и займов. Во второй половине 1941 года расходы на финансирование народного хозяйства сократились на 2,2 миллиарда рублей. А после того как Красная Армия начала изгонять захватчиков с нашей территории, часть средств стала использоваться для восстановления разоренного врагом народного хозяйства освобождаемых районов.

Особую роль сыграло здесь постановление партии и правительства «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» (август 1943 года). Политбюро ЦК ВКП(б) требовало от Наркомата финансов обеспечить ресурсами восстановительные работы так, чтобы значительную их часть удалось провести еще во время войны. Срочно восстанавливали угольную промышленность Донбасса, металлургию, энергетические мощности. Уже в годы войны страна сумела восстановить в районах, подвергшихся временной оккупации, около 30 процентов разрушенных основных фондов. Затраты на эти цели еще в 1942 году достигли 3,2 миллиарда рублей, а в 1945 году — 7,4 миллиарда. (Всего же за четыре с половиной года на финансирование народного хозяйства ушло 21,6 миллиарда рублей, то есть свыше 20 процентов ресурсов государственного бюджета.)

Очень большое внимание в годы войны уделялось финансированию затрат на обучение молодых рабочих, заменивших ушедших на фронт отцов и старших братьев. Крупные суммы были израсходованы на училища трудовых резервов, а также, невзирая на военные тяготы, в достаточно больших размерах на просвещение, науку, здравоохранение, социальное обеспечение. Своевременный отпуск средств позволил ремесленным училищам и школам фабрично-заводского обучения выпустить и передать народному хозяйству в период войны около 500 тысяч квалифицированных рабочих. Вузы и техникумы выпустили за годы войны около 300 тысяч специалистов с высшим и более 275 тысяч со средним образованием. Расходы на социально-культурные мероприятия в 1941 году сократились с 4,8 миллиарда рублей до 3,1 миллиарда. Но уже в 1944 году они выросли до 5,1 миллиарда, а в 1945 году — до 6,3 миллиарда рублей. В целом расходная часть бюджета за четыре с половиной военных года составила 110 миллиардов рублей, то есть в 2 раза больше, чем объем бюджета за первую и вторую пятилетки, вместе взятые. А ведь государственные доходы резко уменьшились: то, что раньше шло в торговую сеть, теперь в основном отправлялось на фронт. Я не упоминаю к тому же о страшном ущербе, причиненном стране врагом. И тем не менее наши финансы выполнили стоявшие перед нами задачи. Тут сказались и проведенная Коммунистической партией большая организаторская работа, и возможности, открываемые социалистической системой хозяйства, и самоотверженный труд советских людей. Благодаря их усилиям себестоимость продукции государственных предприятий снизилась за 1942–1944 годы в сравнимых ценах на 5 миллиардов рублей (17,2 процента). В результате были снижены более чем вдвое отпускные цены на вооружение, боеприпасы и военное снаряжение. Так советский рубль помогал фронту ковать победу.

Была введена также «коммерческая» торговля с повышенными ценами на некоторые товары. Но и тогда цены на товары, отпускаемые по карточкам, остались неизменными. С введением «коммерческой» торговли государство могло воздействовать на уровень рыночных цен.

Затем коммерческие цены постепенно снижались. Колхозный рынок вынужден был реагировать на это. Государство же за 1944–1945 годы получило от «коммерческой» торговли 1,6 миллиарда рублей дополнительных доходов. Все они были отнесены на текущий счет Вооруженных Сил.

Еще одним источником пополнения военного бюджета явилась мобилизация так называемых свободных финансовых ресурсов промышленности, торговли и банков долгосрочных вложений. Это дало свыше 2 миллиардов рублей. В целом за четыре с половиной военных года (до конца 1945 года) поступления от государственных предприятий только по двум основным каналам (отчисления от прибылей и налог с оборота) составили 47,3 миллиарда рублей, то есть около 45 процентов всех доходов госбюджета.

Прибавим сюда остальные доходы (подоходный налог с кооперации в городе и деревне, поступления из сберегательных касс и органов государственного страхования, средства социального страхования, таможенные доходы, доходы местных бюджетов СССР и местных Советов). Все это составило общий доход от социалистического хозяйства, который за годы войны равнялся 70 процентам всех государственных доходов.

Положительную роль сыграло установление новых правил взимания налогов. В июле 1941 года утвердили временную надбавку к подоходному налогу. В январе 1942 года эту надбавку заменили специальным военным налогом. Поступления от него за 1942–1945 годы составили 7,2 миллиарда рублей. В ноябре 1941 года был введен налог на холостяков, одиноких и бездетных граждан, давший до конца 1945 года 0,8 миллиарда рублей. Всего за четыре с половиной года налоговые поступления от населения составили 13,3 миллиарда рублей, то есть 13 процентов доходов госбюджета. Очень большой вклад в финансы дали государственные займы. Среди трудящихся было распространено займов на сумму в 9 миллиардов рублей, то есть почти вдвое больше, чем за весь довоенный период.

Советские труженики помогали Родине чем только могли. По их инициативе был образован Фонд обороны. Лишь до конца 1943 года в этот фонд поступило 1,2 миллиарда рублей, не считая натуральных взносов в виде продуктов, вещей, драгоценностей и т. д. Колхозник Ф. П. Головатый (Саратовская область) в 1942 году пожертвовал 10 тысяч рублей (напоминаю еще раз, что здесь исчисление ведется по курсу рубля после 1 января 1961 года), а через два года — еще 10 тысяч рублей. Колхозник И. П. Ботин (Чкаловская область) сдал в Фонд обороны 12 тысяч, Амир Кара-оглы Сулейманов (Азербайджан) — 25 тысяч, Кулам Баймагамбетов (Казахстан) — 32,5 тысячи, Оразбай Букенбаев (Казахстан) — 30 тысяч рублей.

Общая сумма поступлений по налогам и добровольным взносам в период войны составила 27 миллиардов рублей, то есть более 26,4 процента доходов госбюджета.

Что касается дара Ферапонта Петровича Головатого, пчеловода хутора Степной колхоза «Стахановец» Новопокровского района Саратовской области, то об этом стоит рассказать поподробнее. Осенью 1942 года он привез в Саратовский обком партии мешок с пачками денег и сказал, что

отдаст их в Фонд обороны, на покупку самолета. Вопрос о том, кому вручить «персональный» боевой самолет, построенный на дар Ферапонта Головатого, решили в обкоме быстро, избрав кандидатуру командира авиационного истребительного полка, саратовца майора Б. Н. Еремина. Отважный летчик вместе с колхозником приехал на заводской аэродром. Там Головатый выбрал один из понравившихся ему истребителей. На нем сделали дарственную надпись, и Еремин улетел под Сталинград. Самолет оказался отличным. Головатый подарил затем Красной Армии еще один истребитель. На нем Еремин сражался вплоть до победы, совершив 342 боевых вылета и сбив 23 фашистских самолета (первый самолет— он отлетал два срока — был отправлен в Саратовский музей).

А разве можно забыть, как в 1942–1943 годах колхозники ряда местностей в рекордно короткие сроки собирали средства на танковые колонны? За две недели тамбовцы внесли 40 миллионов рублей. Вслед за ними это патриотическое движение охватило других: ивановские крестьяне собрали 136 миллионов, московские —209 миллионов, ярославские — 131 миллион, горьковские— 204 миллиона, свердловские— 195 миллионов, разоренные войной калининские—160 миллионов. Узбекистан дал 365 миллионов, Азербайджан — 175 миллионов, Грузия — 276 миллионов, Казахстан — 470 миллионов рублей...

Как уже говорилось, когда создавался Фонд обороны, инициатива целиком исходила от трудящихся. Естественно поэтому, что никаких указаний в этой связи из наркомата местным финансовым органам не давалось. В казну поступили очень крупные суммы. Это не могло не повлиять и на экономику в целом. Следовательно, наркомат обязан был учесть изменения, чтобы государственные мероприятия не захлестнула стихия, хотя бы и благоприятная. Помню, звонит мне В. М. Молотов:

— Сколько за истекшие сутки поступило в Фонд обороны?

— Наркомат, — отвечаю, — таких сведений пока не собирает.

— Допускаете ошибку! А как будете регулировать потом сумму денег, находящуюся в обращении? Ведь средства идут сплошным потоком.

— Да мы просто не рассчитывали, что это произойдет так быстро.

— Набирайте темпы и срочно включайтесь в происходящее, хотя бы как регистраторы.

— Упущение исправим. С завтрашнего же дня будут представляться полные данные.

В дальнейшем на протяжении всей войны наркомат аккуратно и оперативно вел счет всем поступлениям — и денежным, и натуральным. Мы могли исходя из имеющегося опыта заранее готовиться к новой очередной волне взносов, ибо, когда наши войска освобождали временно оккупированные врагом районы СССР, поступления сразу заметно усиливались. Однако все указания в местные финансовые органы об учете пожертвований делались очень осторожно, чтобы не дать даже малейшего повода к разговорам об «искусственно организуемой кампании». Увы, неумные работники всегда могут найтись. Так получилось в Горьковском облфинотделе. Его заведующий пришел в обком партии и, показав мое служебное письмо, заявил:

— Пора разворачивать кампанию!

— Но ведь из письма, — возражают ему в обкоме, — этого не видно.

— А тут нечего видеть. Нужно понимать, что к чему.

Из обкома позвонили в ЦК ВКП(б). Мы объяснили в ЦК, что Горьковский облфинотдел неверно истолковал текст нашего письма. Одновременно я направил И. В. Сталину, без всяких комментариев, сводку с обобщенными результатами денежно-материальных поступлений. На совещании, созванном по этому поводу, Сталин взял в руки эту мою сводку и спросил, верны ли приведенные в ней цифры? Услышав положительный ответ, Председатель Совета Народных Комиссаров произнес следующее (воспроизвожу по своей записи): «Мы, руководители, должны внимательно разбираться в происходящем и четко представлять себе, в каких случаях следует критиковать работников, а в каких — поощрять. Товарищ Зверев критикуется за то, что он, руководя финансовой системой, заботится о поступлении денежных средств государству. Нужно было в этом случае не критиковать, а помогать ему в организации дела. Для того он и поставлен на пост на-

ркома финансов, чтобы обеспечивать потребности страны в денежных средствах. Тем более сейчас, когда мы переживаем сложное время. Предлагаю вопрос с обсуждения снять, а товарищу Звереву порекомендовать побольше заботиться о государственных финансах и покрепче держать горловину государственного мешка».

Никто не возражал. Так была исчерпана возникшая внезапно для меня проблема...

Еще одной формой участия населения в военных расходах страны были денежно-вещевые лотереи. В 1941–1944 годы провели четыре такие лотереи, давшие 1,2 миллиарда рублей. Значительные средства составила денежная компенсация за отпуска, перечисленная в спецвклады. Общая сумма ее равнялась 1,1 миллиарда рублей. Все это имело исключительное значение для денежного баланса Госбанка СССР. Дело в том, что возврат денежной наличности в банк происходит в основном через товарооборот в системе торговли. Так, до и после войны выручка от продажи товаров равнялась примерно 100–108 процентам от суммы выданной трудящимся заработной платы. А во время войны выручка упала до 55 процентов. Необходимый прирост денежных средств в кассах Госбанка обеспечивался в значительной мере

путем налоговых платежей и добровольных взносов населения.

Наркомат финансов, перестраивая свою работу в соответствии с военными условиями, разрабатывал проекты мероприятий по срочному изысканию денежных средств для обеспечения фронта и тыла, связывался с различными наркоматами, готовил соответствующие предложения, а когда ЦК ВКП(б) и СНК СССР принимали необходимые решения, тотчас брался за их реализацию.

Особенно много хлопот доставил выпуск денег в обращение (в первые годы войны) в размерах, превышающих потребности товарооборота. В результате к концу 1947 года (после чего была проведена денежная реформа) количество денег, находившихся в обращении, превышало довоенное в два с половиной раза. Правда, накануне войны денег, бывших в обращении, явно не хватало, и Наркомат финансов занимался изучением этой проблемы, с тем чтобы разрешить ее во второй половине 1941 года. Требовалось либо серьезно увеличить денежные доходы населения, либо существенно снизить цены на продукты и товары народного потребления. Но война помешала осуществить это...

В качестве примера того, как действовали местные тыловые финорганы в то время, расскажу об Иркутском облфо и горфо. Городские работники так организовали дело, что еще до конца 1941 года перевыполнили годовой план по сбору налогов и страховых платежей. А в начале следующего года, при размещении среди населения денежно-вещевой лотереи, намеченную государством ориентировочную цифру в 4,3 миллиона рублей превысили за пять дней, и подписка дала 6,976 миллиона. С энтузиазмом трудились областные сотрудники.

Многие финансовые работники проявили себя подлинными героями. После оккупации врагом Верейского

района Московской области заведующая райфинотделом О. Д. Чубарова ушла в партизанский отряд и храбро сражалась там. Так же поступил заведующий Новопетровским райфо Г. А. Поликарпов. Оба они после изгнания фашистов стали председателями райисполкомов. Четко и организованно трудились многие другие товарищи. Из угрожаемых районов Московской области пришлось эвакуировать 24 райсберкассы. Без паники и суеты, уже под вражеским огнем, сотрудники 19 из них сумели вывезти и сохранить все лицевые счета вкладчиков. А к 15 февраля 1942 года в 18 только что освобожденных районах области сберкассы уже возобновили работу...

В отличие от гражданской войны, когда силою вещей и естественного хода событий роль денег часто сводилась к нулю, в период Великой Отечественной войны могучей социалистической державе удалось сохранить за деньгами их роль в гораздо большей мере. Поэтому закон стоимости, хотя и в ограниченной степени (о чем я расскажу ниже), действовал. А поэтому и финансовая служба должна была так же четко и незыблемо, как и прежде, делать свое дело, обеспечивая военные и иные нужды страны. Возросла, по сравнению с мирными днями, общегосударственная ответственность финансовых работников. Каждый серьезный промах грозил нанести ущерб усилиям Красной Армии и советского тыла. Каждая пущенная на ветер копейка могла при случае обернуться гибелью сражавшегося на фронте воина. Максимальная организованность и дисциплина, целеустремленность, необходимость бить все время в главную точку — вот чего требовала партия от Наркомата финансов.

Например, в первый же день войны решением ЦК ВКП(б) и СНК СССР было введено регулирование выдач вкладов из сберегательных касс и ограничение продажи свободно обращающегося займа. Ведь чрезмерное изъятие вкладов могло резко увеличить сумму денег, находившихся в обращении. В апреле 1942 года был введен в действие новый метод взимания местных налогов. Теперь, при максимально возможной централизации (общее во время войны явление), была резко ослаблена громоздкость системы. Например, по земельной ренте ранее имелось 80 различных ставок. Столь сильная и в принципе уже ненужная дифференциация была уменьшена. Налог со строений ранее дробно варьировал от 0,5 процента до 2 процентов их стоимости; новый же равнялся одному проценту, а с жилого фонда — 0,5 процента. Все местные налоги и сборы (разовый сбор на колхозных рынках, сборы с владельцев скота и транспортных средств, земельная рента, налог со строений) были упорядочены и точно оформлены с учетом изменившихся условий жизни.

Тогда же было проведено изменение постановления от 1933 года, тоже устаревшего, ввели в силу модифицированный текст положения о государственной пошлине, которая приобрела тем самым более высокое финансовое значение. Был расширен перечень действий и документов, оплачиваемых пошлиной, а ставки за них несколько повышены. Предварительно наркомат специально разработал подробный перечень, установив, что пошлина взимается при производстве дел в судебных учреждениях, в органах Госарбитража, в нотариальных конторах; при выдаче заграничных паспортов, разрешений на въезд в СССР и выезд из него, видов на жительство; при приеме и выходе из советского гражданства, прописке паспортов, регистрации актов гражданского состояния; при выдаче регистрационных удостоверений на кустарные и ремесленные промыслы и разрешений на право охоты и т. д.

В июне 1943 года были внесены изменения в сельскохозяйственный налог: разрешили устанавливать нормы доходности с колебанием до 30 процентов от среднего показателя, чтобы облегчить положение разоренных фашистами районов. На 20 процентов повысили налог с неколхозников. Однако и тут была дифференциация — налог не повышали трудящихся западных областей Украины, Белоруссии и других районов, где перед войной не успели осуществить сплошную коллективизацию. В 1944 году Наркомат финансов составил для них особую таблицу исчисления сельскохозяйственного налога.

Война потребовала упорядочить и инструкцию 1941 года о налоге с нетоварных операций. Намечавшиеся изменения были оформлены в 1945 году новым постановлением.

Крупный экономический эффект был достигнут благодаря сокращению сроков подписки на заем. Постепенные вложения в хозяйство ряда небольших сумм, хотя бы и достаточно значительных в совокупности, не шли ни в какое сравнение с той огромной помощью делу обороны, которую оказали советские люди, подписавшись в 1942 году на 10-миллиардный военный заем за два дня.

Однако нельзя думать, что наркомат, изыскивая доходы для бюджета, был простым наблюдателем и бесстрастным счетоводом. Поиск новых источников доходов велся постоянно и активно. Некоторые дополнительные средства мы, как было показано, получали, пересматривая уже сложившиеся порядки. Иные же обретали, находя не использовавшиеся ранее ресурсы. Одни текли не-

прерывной струей, хотя и не всегда густой. Другие открывались неожиданно, но могли сразу дать ощутимый прирост накоплений. Так было с эксплуатацией месторождений драгоценных металлов. Чтобы государство не потерпело здесь ущерба, за делом строго следил пробирный надзор.

В период войны в торговый оборот попал ряд художественных изделий, в том числе из драгоценных металлов. Приходилось различать простые ремесленные поделки и вещи, обладавшие исторической либо художественной ценностью. Мы привлекали для консультации специалистов. Если попадались изделия, не соответствовавшие по содержанию в них драгоценных металлов даже самой низкой пробе, но характеризовавшиеся как значительные произведения искусства, их ставили на отдельный учет и клеймили особым клеймом с изображением молотка.

Иногда внезапно возникала ситуация, когда срочно требовалось пополнить казну крупной денежной суммой, а взять ее было неоткуда. Тут на помощь приходила продажа по «коммерческим» ценам товаров, пользовавшихся спросом.

Не раз и не два проводили мы пополнение бюджета таким образом совместно и с другими наркомами. Слова «на нужды фронта» были в те дни волшебными.

Огромные средства понадобились, когда началось восстановление хозяйства в варварски опустошенных врагом областях. По мере продвижения линии фронта далее на Запад требовалось точно оценить народное достояние, стоимость обнаруженного у гитлеровцев награбленного имущества. Общий порядок расчетов, практиковавшихся в военное время, нашел свое завершение в специальной инструкции наркомата (июль 1945 года) о возвращаемых в СССР товаро-материальных ценностях. Наконец, следовало исчислить ущерб, причиненный нашей Родине немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками. С этой целью почти во всех конкретных случаях применялись особые ценники. Сотрудники наркомата помогали составлять их...

Ни финансы в целом, ни денежно-кредитная система СССР, как уже отмечалось выше, не претерпели в годы Великой Отечественной войны принципиальных изменений. Однако огромное напряжение сил страны и требования новой обстановки внесли свои коррективы в обычное функционирование денег и в кредитные расчеты. За первые два года войны наметилось существенное превышение расходов над доходами. Бюджетный дефицит породил дополнительную денежную эмиссию. К концу войны общее количество выпущенных в обращение денег возросло у нас довольно сильно. Цифра могла бы стать еще большей, если бы не целенаправленные действия Госбанка СССР, который мобилизовал средства народного хозяйства, сумев резко ускорить их оборачиваемость.

Если предприятия, организации и отдельные граждане подолгу держат какие-то суммы, деньги медленно перемещаются от одного владельца к другому. Государство в силу необходимости поневоле выпускает новые порции дензнаков. При быстром же переходе денег со счета на счет и от одного лица к другому процесс обращения ускоряется, дополнительная эмиссия уже не нужна. Конечно, государству легче поставить здесь под контроль предприятия и организации, нежели частных лиц. В мирное время вкладные операции совершали сберегательные кассы. В годы войны этим занимался и Госбанк. Это дало определенный эффект. Заодно Госбанк помогал Наркомату финансов осуществлять контроль за своевременным пере-

числением налогов, взносов на государственное социальное страхование и по подписке на займы.

Война породила новые пропорции в хозяйстве. Например, в оборонной промышленности выросла заработная плата. Выросли рыночные цены на сельскохозяйственные продукты. Повысились денежное содержание военнослужащих, пособия их семьям и пенсии инвалидам. А у государства, переставившего почти всю промышленность на военные рельсы, не было достаточно товаров. И горожане тратили дополнительные средства на покупку их на рынке.

В этих нелегких условиях удавалось все же наращивать товарные фонды таким путем, как расширение производства местных товаров. Но для этого были нужны особые накопления, которыми местная промышленность не располагала. Поэтому Госбанк стимулировал ее деятельность специальными кредитами. Для сокращения пути этих товаров к покупателю банки строго контролировали выполнение кассовых планов; следили за розничным товарооборотом и по отдельным системам, и по районам; боролись за устранение всяких задержек в оптовых базах, на складах и в розничной сети. Однако добиться быстрейшей продажи еще мало. Она не даст результата, если полученные деньги осядут и не дойдут быстро до казны. Поэтому перемещение полученных от населения денег в государственную кассу (инкассация) приобретало важное значение. Нам не хватало как инкассаторов, так и особых видов транспорта для перевозки денег. И все-таки за первые четыре года войны удалось поднять уровень инкассации торговой выручки. Прямо на рынках создавались специальные кассы. Они привлекали в банк выручку, только что полученную колхозами от продажи продуктов. А на селе деньги принимались почтово-телеграфными учреждениями.

Если правая рука в хозяйстве не ведает, что творит левая, проку не будет. Если при умелой инкассации рубли одновременно уплывают через другой канал, экономика станет дырявой. Поэтому банк усилил контроль за бережным расходованием наличных денег. Заметно снизил нормы остатков оборотных средств у всех предприятий и организаций. Выдачу наличных на административные расходы и командировки сократил.

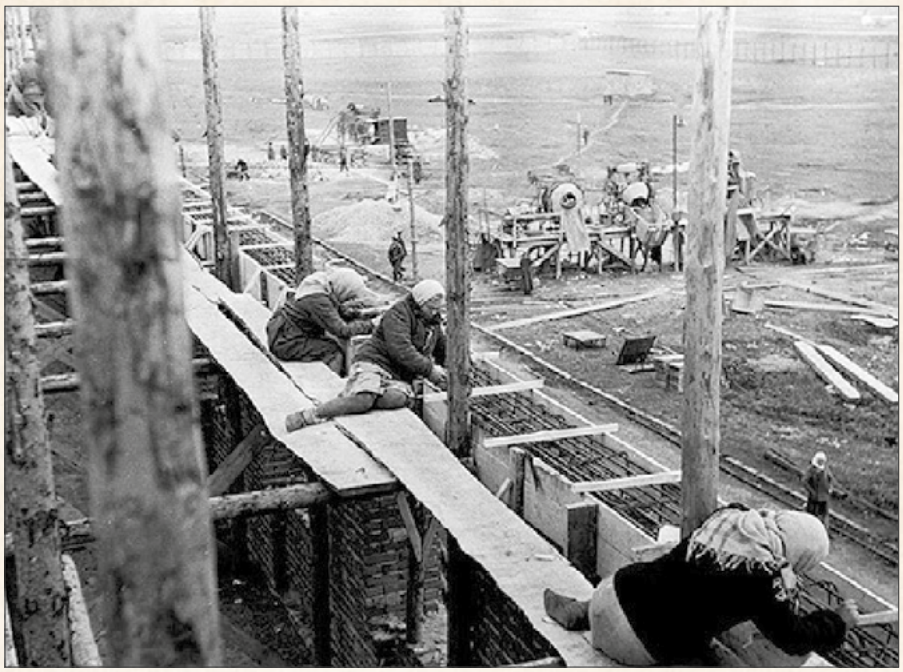
Жестко контролировалась кассовая дисциплина. Наконец, поддерживались характерные для социалистической экономики основные принципы кредитования. В частности, прямой банковский кредит выдержал все военные испытания. В 1941 году вложения Госбанка составили 5,5 миллиарда рублей; в самом тяжелом 1942 году — столько же; в переломном 1943 году, когда кредиты еще «не пришли в себя», — 4,8 миллиарда; в решающем 1944 году— 5,1 миллиарда; в завершающем 1945 году— 6,1 миллиарда рублей (причем уже в начале этого года кредитные вложения превысили довоенный уровень).

Удельный вес кредитов не изменился, но структура вложений по отраслям перестроилась в пользу тяжелой промышленности. Переход на карточное снабжение населения и сокращение ассортимента товаров ширпотреба заставили Госбанк с конца 1943 года предоставлять кредиты на сроки, которые не дифференцировались по разным видам продукции, как раньше, а устанавливались в среднем, исходя из плановых норм. Что касается внешней торговли, то здесь дело обстояло несколько иначе. Экспорт и импорт временно утратили былую надежность. Разве можно было, например, точно сказать, когда будет вывезено намеченное согласно договору, допустим, в Афганистан? А когда придут корабли союзников в Мурманск или Архангельск с партией грузов? Тоже неясно. Выросли накладные расходы и ставки по морскому фрахту. И в результате внешнеторговые организации обросли долгами. К концу 1945 года за ними числилось долгов свыше чем на 1,33 миллиарда рублей.

С освобождением занятых врагом территорий широким потоком хлынули за армией штатские люди и организации. Среди других занимали прежнее место и кредитные учреждения. Уже к 1 апреля 1945 года их сеть была полностью восстановлена. В освобожденных районах предприятия получили трехмесячные кредитные льготы, а торговля — месячные.

Например, им предоставляли ссуды без долевого участия их собственных оборотных средств. Льготами пользовались также ОРСы (отделы рабочего снабжения) и подсобные хозяйства. Восстановительные же работы вначале финансировались по фактическим затратам. Серьезная задача возникла в связи с вопросом о том, как быть со ссудами, выданны-

ми до фашистской оккупации. Необеспеченную задолженность в конце концов погасили за счет госбюджета.

Развивая вкладные операции, Госбанк ввел единую сберкнижку, по которой каждый военнослужащий мог получить свои деньги в любом месте, где имелось банковское учреждение. Это причиняло некоторые неудобства, зато с одобрением было встречено вкладчиками. Сложнее было с расчетами за товары, отгруженные либо еще до войны, либо из тыловой зоны в район боевых действий и наоборот. Некоторые предприятия получали товары без платежных документов.

Материальные ценности эвакуировались сплошь и рядом без выписки из расчетных документов, ибо заниматься этим подчас было некогда. По дороге грузы порой переадресовывались: то, что ехало в Челябинск, попадало в Вологду; предназначенное для Перми оказывалось в Ташкенте и т. п. На складах Саратова и Горького скопились товары, по которым не были известны ни поставщики, ни покупатели. А как поступить с выручкой за продукцию, предназначавшуюся, допустим, Криворожскому комбинату, если линия фронта сместилась с Украины к Сталинграду? Такие финансовые средства зачислялись на особые счета и передавались в распоряжение соответствующих наркоматов или кооперативных центров.

А вот один из эпизодов, характеризующий обстановку первого периода войны. 16 октября 1941 года в 14 часов состоялось заседание Совнаркома СССР, длившееся недолго. Была дана директива до 19 часов того же дня всем наркоматам выехать из столицы и начать нормальную работу в других городах. Мы тотчас разошлись выполнять указание.

Филиал Наркомфина СССР с июля 1941 года действовал в Казани. Там находилось более половины сотрудников нашего центрального аппарата.

Теперь встал вопрос об эвакуации остальных лиц, а также огромного архива. Тот же вопрос стоял перед другими наркоматами. Решено было все ненужные бумаги сжечь. И над Москвой поднялись в разных местах пепел и густой дым. Необходимая документация вывозилась по месту назначения. В Москве остались два моих заместителя: один — для связи, другой — для окончательной ликвидации бросового имущества и документов. Сев в легковую автомашину, я решил перед отъездом в Казань заехать в котельную одной из фабрик, где сжигались наши бумаги. Хорошо, что я это сделал. Первым же человеком, на которого я там наткнулся, был начальник одного из отделов наркомата, а рядом с ним лежал запломбированный пакет с некоторыми секретными и очень нужными документами. Помощь, можно сказать, подоспела вовремя...

В конце 1942 года была ликвидирована так называемая взаимная задолженность предприятий. Им зачли обоюдные претензии, подытожив сальдо задолженности. Структура платежного оборота изменилась. В 1940 году в постоянно действующий зачет было внесено 5,8 миллиарда рублей, а в 1945 году — 8,5 миллиарда. В те же годы чековые расчеты составили соответственно 2,1 миллиарда и 3 миллиарда рублей. Цифры аккредитивов или особых счетов, наоборот, упали с 4,2 миллиарда до 2,3 миллиарда; акцептных расчетов — с 43,2 миллиарда до 42,3 миллиарда. Быстро росли бюро взаимных расчетов. До войны их было чуть более шестидесяти, а к концу войны их число перевалило за полторы сотни. Дважды в год приходилось проводить разовые отраслевые зачеты, особенно внимательно — в тяжелой промышленности. До 1943 года сохранялась масса просроченных платежей. А ведь объем финансирования не стоял на месте. Так, Промбанк в 1942 году мобилизовал внутренних ресурсов на капитальные вложения в сумме свыше 1,5 миллиарда рублей, а в 1944 году — уже более 2,5 миллиарда рублей. Сеть учреждений по долгосрочным вложениям заметно расширилась.

Определенные сложности испытывали мы в связи с частичной эвакуацией Монетного двора. Как известно, перед войной в СССР стало 16 союзных республик. Но на монете чекана 1937 года и позднее число витков ленты на колосьях Государственного герба СССР, обозначавших республики, вместе с нижней перевязью оставалось вплоть до 1946 года одиннадцать, так как в период войны не было подходящих условий для обновления штемпеля. Иногда вообще не удавалось осуществить чеканку.

Так, совсем нет бронзовой монеты за 1942 и 1944 годы, чрезвычайно мало никелевой монеты 1942 года. В Совнаркоме СССР не раз поднимался в то время вопрос о несоответствии монетного образца административно-политическому делению страны. Однако дальше разговоров дело не шло. Как-то в разгар войны состоялся обмен мнениями по этому поводу у И. В. Сталина. Отвечая на предложение изменить штемпель, В. М. Молотов сказал, что нет смысла; только после войны будет окончательно ясно, сколько у нас союзных республик. Кто-то негодующе воскликнул:

— Вы полагаете, что мы можем их частично потерять?

Сталин, вмешавшись, заметил с улыбкой:

— Давайте не будем сейчас гадать, жизнь сама покажет, какой образец понадобится.

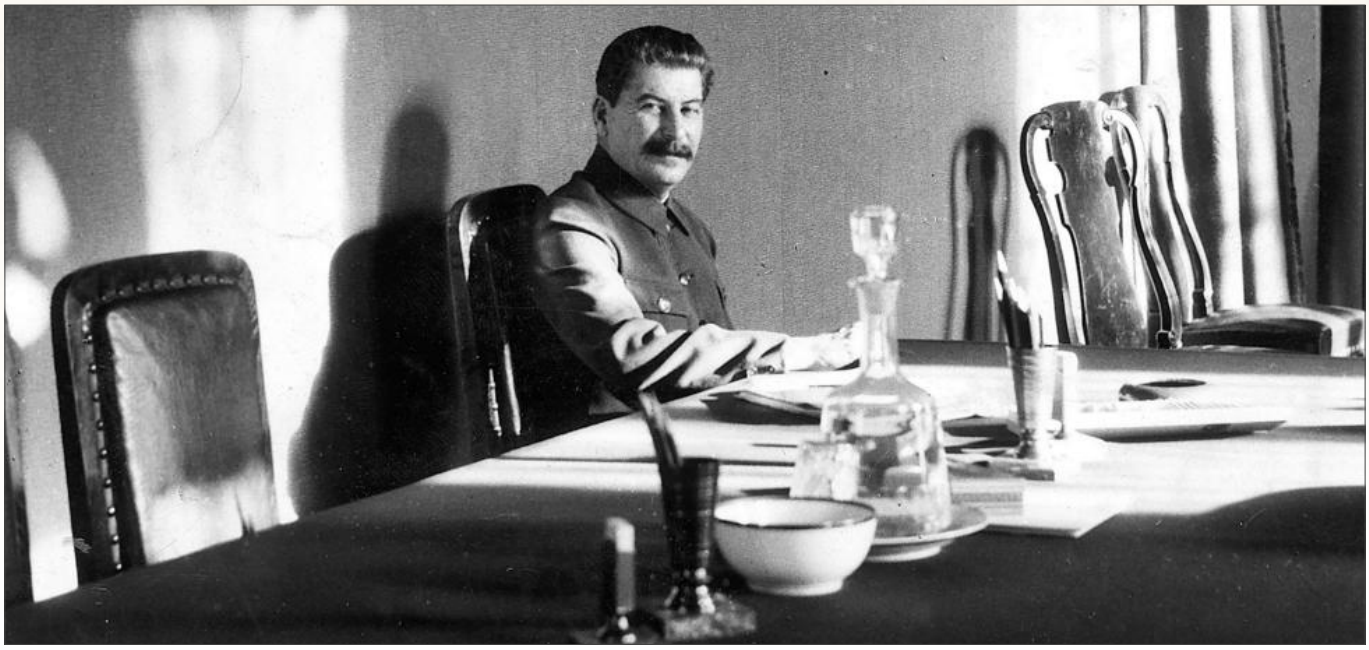
Действительно, в 1948 году мы отчеканили монеты с 16-ленточными витками. Что касается денежной реформы 1947 года, о которой я расскажу ниже, то монета, датированная этим годом, не была выпущена в обращение.

Но все эти перипетии были мелкими по сравнению с теми хлопотами, которые мы испытали в связи с выпуском фашистами на оккупированной ими территории фальшивых советских денег.

Трудно удержаться, чтобы не провести параллель с положением капиталистических военных финансов. Война существенно влияет на капиталистическое хозяйство. Вот, например, Соединенные Штаты Америки. Их правительство и во время войны, и после нее, наученное горьким опытом, постоянно старалось использовать методы «государственного регулирования» экономики. Этот способ «изобрел» один из столпов современной буржуазной политэкономии — Джон Мейнард Кейнс.

США не остались в стороне от влияния кейнсианства и тоже постарались существенно увеличить «денежную массу». Однако отсюда лишь шаг до инфляции. Доллар медленно, но неуклонно начал терять былую международную ценность и испытывать шатание. Расходная часть бюджетов все время превышала доходную. Можно, конечно, повысить банковскую учетную ставку. Быстро выяснилось, что это палка о двух концах. Рост процентов под кредиты вызывает спад деловой активности. А другого тормоза против инфляции найти не удалось. Дефицит американского бюджета год от года становился все более устрашающим. Рынок ценных бумаг непрерывно слабел. Некоторые результаты мог бы принести отказ от курса на агрессивную политику. Между тем США интенсивно участвовали во все новых и новых военных авантюрах и организовывали их.

Далее совершается научно-техническая революция. Производительные силы растут невиданными темпами. Самое производство приобретает в этих условиях все более общественный характер. Получаемые же от него доходы реинвестируются в буржуазных странах преимущественно не на расширенное воспроизводство во имя справедливого и рационального распределения продукции, а на получение прибылей. Противоречие между производством и потреблением, о котором писал еще К. Маркс, возрастает до ни с чем не сравнимых размеров. Попытки путем реформ избавиться от внутренних, коренных противоречий капиталистического строя — обреченная затея. И как раз Вторая мировая война наглядно показала это. ■

▲ Сталин И.В.

ОКТЯБРЬСКИЙ 1957 г. ПЛЕНУМ ЦК КПСС ВЫСТУПЛЕНИЕ К. К. РОКОССОВСКОГО

▲ Октябрьский Пленум 1957 г., Жуков Г. К.

28–29 октября 1957 года в Москве состоялся Пленум Центрального Комитета КПСС. На Пленуме ставился один вопрос — «Об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Флоте». С докладом выступил член Президиума ЦК КПСС Суслов М. А. Для участия в прениях по докладу М. А. Суслова записалось 80 человек, выступило 27. Активное участие в обсуждении доклада приняли руководящие деятели партии и государства, Маршалы Советского Союза.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЛЕНУМА ЦК КПСС «ОБ УЛУЧШЕНИИ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В СОВЕТСКОЙ АРМИИ И ФЛОТЕ»

Секретно

29 октября 1957 г.

Вооруженные Силы Советского Союза, одержав всемирно-историческую победу в Великой Отечественной войне, оказались на высоте своих задач и с честью оправдали любовь и доверие народов СССР.

В послевоенные годы благодаря заботам Коммунистической партии и Советского Правительства, на основе общего подъема народного хозяйства нашей страны, крупных успехов в развитии тяжелой промышленности, науки и техники, Вооруженные Силы СССР поднялись на новую более высокую ступень в своем развитии, они оснащены всеми видами современной боевой техники и вооружения, в том числе атомным и термоядерным оружием и ракетной техникой. Политико-моральное состояние войск находится на высоком уровне. Командные и политические кадры Армии и Флота беспредельно преданы своему народу, Советской Родине и Коммунистической партии.

Сложная международная обстановка, гонка вооружений в основных капиталистических странах, интересы защиты нашей Родины требуют от командиров, политорганов и партийных организаций и впредь неустанно совершенствовать боевую готовность войск, укреплять воинскую дисциплину среди личного состава, воспитывать его в духе преданности Родине, Коммунистической партии, заботиться об удовлетворении духовных и материальных потребностей воинов.

Пленум ЦК КПСС считает, что в решении этих задач приобретает особо важное значение дальнейшее улучшение партийно-политической работы в Советской Армии и на Флоте, призванной укреплять боевую мощь наших Вооруженных Сил, сплачивать личный состав вокруг Коммунистической партии и Советского Правительства, воспитывать военнослужащих в духе беззаветной преданности Советской Родине, в духе дружбы народов СССР и пролетарского интернационализма. Между тем в практике партийно-политической работы имеются еще серьезные недостатки, а иногда проявляется и прямая недооценка ее.

Главный источник могущества нашей Армии и Флота состоит в том, что их организатором, руководителем и воспитателем является Коммунистическая партия — руководящая и направляющая сила Советского общества. Следует всегда помнить указание В. И. Ленина о том; что «политика военного ведомства, как и всех других ведомств и учреждений, ведется на точном основании общих директив, даваемых партией в лице ее Центрального Комитета и под его непосредственным контролем».

Пленум ЦК КПСС полностью одобряет постановление Президиума ЦК КПСС «Об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Флоте» от 19 октября 1957 г.

Пленум ЦК КПСС отмечает, что за последнее время бывший Министр обороны т. Жуков Г. К. нарушал ленинские, партийные принципы руководства Вооруженными Силами, проводил линию на свертывание работы партийных организаций, политорганов и Военных Советов, на ликвидацию руководства и контроля над Армией и Военно-Морским Флотом со стороны партии, ее ЦК и Правительства.

Именно в этих целях т. Жуков предлагал ликвидировать Высший Военный Совет при Совете обороны страны, в составе которого находятся члены и кандидаты в члены Президиума ЦК КПСС. Он настойчиво добивался также преобразования Военных Советов округов и флотов в совещательные бесправные органы при командующих, не считаясь с тем, что в состав Военных Советов входят секретари обкомов, крайкомов партии и ЦК компартий союзных республик.

Он предлагал состав Военных Советов утверждать не решением ЦК КПСС, а приказами Министра обороны. Тов. Жуков, игнорируя Устав партии, фактически запретил коммунистам Советской Армии обращаться в ЦК КПСС.

В приказах Министра обороны, в документах, представленных на рассмотрение в ЦК КПСС — в проекте Инструкции организациям КПСС в армии и флоте, в проекте Положения о политорганах — по существу отрицалась руководящая роль партии. Партийные организации и политорганы отстранялись от активного участия в решении задач боевой подготовки войск и укрепления воинской дисциплины. Вопреки решениям партии, насаждалось администрирование в руководстве работой партийных организаций. Во вред делу ликвидировались политические органы в ряде частей и соединений, приказами запрещалась критика и самокритика в работе партийных организаций. Роль партийных организаций и политорганов в армии сводилась т. Жуковым к отвлеченному просветительству.

Воспитание сознательного, дисциплинированного воина, глубоко понимающего свой воинский долг, нередко подменялось только административными мерами, что противоречит природе нашей армии, как армии социалистического государства. Вскрыты также многочисленные факты запугивания офицеров, грубостей к подчиненным, унижения человеческого достоинства, чем создавалась в армии и флоте атмосфера неуверенности у офицерского состава.

Таким образом дело велось к тому, чтобы оторвать руководство армией от партии и установить единоличное диктаторство в Вооруженных Силах.

Пленум ЦК установил, что при личном участии т. Жукова Г. К. в Советской Армии стал насаждаться культ его личности. При содействии угодников и подхалимов его начали превозносить в лекциях и докладах, в статьях, кинофильмах, брошюрах, непомерно возвеличивая его персону и его роль в Великой Отечественной войне. Тем самым в угоду т. Жукову Г. К. искажалась подлинная история войны, извращалось фактическое положение дел, умалялись гигантские усилия Советского народа, героизм всех наших Вооруженных Сил, роль командиров и политработников, военное искусство командующих фронтами, армиями, флотами, руководящая и вдохновляющая роль Коммунистической партии Советского Союза.

Партия и Правительство высоко оценили заслуги т. Жукова Г. К., присвоив ему звание Маршала Советского Союза, удостоив звания четырежды Героя Советского Союза, наградив многими орденами Ему было оказано большое политическое доверие: на XX съезде партии он был избран членом ЦК КПСС. ЦК КПСС избрал его кандидатом в члены Президиума ЦК, а позднее — членом Президиума ЦК КПСС. Но т. Жуков Г. К., в результате недостаточной партийности, неправильно поняв эту высокую оценку его заслуг, потерял партийную скромность, которой учил нас В. И. Ленин, возомнил, что он является единственным героем всех побед, достигнутых нашим народом и его Вооруженными Силами под руководством Коммунистической партии,

грубо нарушал ленинские партийные принципы руководства Вооруженными Силами, и встал на путь отрыва Советской Армии и Флота от Партии и Правительства.

Таким образом т. Жуков Г.К. не оправдал оказанного ему партией доверия. Он оказался политически несостоятельным деятелем, склонным к авантюризму как в понимании важнейших задач внешней политики Советского Союза, так и в руководстве Министерством обороны.

Пленум ЦК КПСС постановляет:

1. Одобрить постановление Президиума ЦК КПСС об освобождении т. Жукова Г.К, от обязанностей министра обороны СССР и о назначении министром обороны СССР члена ЦК КПСС т. Малиновского Р.Я.

Поручить Секретариату ЦК КПСС предоставить т. Жукову другую работу.

2. Вывести т. Жукова Г.К. из состава членов Президиума ЦК КПСС и членов ЦК КПСС.

3. Поручить Президиуму ЦК КПСС направить Закрытое письмо ЦК КПСС ко всем партийным организациям Советской Армии и Флота, к партийным организациям предприятий, колхозов, совхозов и учреждений.

Принято 29 октября 1957 г. единогласно всеми членами Центрального Комитета, кандидатами в члены Центрального Комитета, членами Центральной Ревизионной Комиссии и одобрено всеми присутствующими на Пленуме ЦК военными работниками и ответственными партийными и советскими работниками.

Выступление К.К. Рокоссовского на Пленуме ЦК 29 октября 1957 г.

«Товарищи члены Центрального Комитета! Мне второй раз уже приходится присутствовать при разборе дела, касающегося тов. Жукова: первый раз — после окончания войны, еще при жизни Сталина, и сейчас второй раз. Первый раз мы выступали все, в том числе и я, давая совершенно объективную оценку тов. Жукову, указывая его и положительные и отрицательные стороны, — выступали тт. Конев, Соколовский и многие другие. Тов. Жукову было дано соответствующее взыскание. Его выступление тогда было несколько лучше, чем сейчас, оно было короче, но он тогда прямо признал, что да, действительно, за мной были такие ошибки, я зазнался, у меня есть известная доля тщеславия и честолюбия, и дал слово, что исправит эти ошибки. После соответствующего наказания он командовал Одесским, Уральским округами. Казалось бы,

▲ Белоруссия, 1941 г.

что достаточно сильный был урок для того, чтобы тов. Жуков понял, что шутить такими вопросами, ставить себя выше партии, — нельзя.

Он является таким же членом партии, как и мы, которые должны выполнять все решения партии. Сейчас мы столкнулись опять с таким же вопросом. Причем я должен оговориться, что основным недостатком тов. Жукова во время войны (у него были и положительные качества) была грубость, грубость, заключающаяся не только в том, что он мог оскорбить человека, нанести ему оскорбление, унизить. Управление Западного фронта в то время иначе и не называли, как матерным управлением. Вместо того, чтобы старший начальник в разговоре с подчиненными спокойным, уверенным голосом подбодрил, поддержал, мы слышали сплошной мат и ругань с угрозой расстрела.

Такой эпизод был под Москвой, когда я находился непосредственно на фронте, где свистели пули и рвались снаряды. В это время вызвал меня к ВЧ Жуков и начал ругать самой отборной бранью, почему войска отошли на один километр, угрожал мне расстрелом. Я ответил, что нахожусь непосредственно на фронте, свистят пули, рвутся снаряды, смерти не боюсь, может быть через час я буду убит, поэтому я прошу разобраться объективно. Совершенно иной разговор у меня был с товарищем Сталиным. Тяжелый момент под Москвой, меня вызвали к ВЧ для разговора со Сталиным. Я предполагал, что меня, как командующего 16 армией, будут ругать и считал, что со стороны Сталина будет такая же брань, немедленно снимут с работы и расстреляют. Но до сих пор у меня сохранилось теплое, хорошее воспоминание об этом разговоре. Товарищ Сталин спокойно, не торопясь просил доложить обстановку. Я начал рассказывать детально, но он меня оборвал и сказал — не нужно, вы командующий фронтом (армией, ред.), и я вам верю. Тяжело вам, мы поможем. Это был разговор полководца, человека, который сам учитывает обстановку, в которой мы находились.

▲ Польша, 1944 г.

Товарищи, я семь лет был оторван от Советской Армии, правда, я старался следить за жизнью Советской Армии, но непосредственного участия в работе Советской Армии не принимал. Волей партии я был послан в Польшу, выполняя указания и директивы партии. Вернувшись оттуда, мне казалось, что обстановка в армии изменилась. Если были ошибки примерно до 1949 года, то мне казалось, что с 1949 года до 1956 года, конечно, армия выросла, отношения значительно изменились. Но какую картину я встретил в армии?

Прежде всего, я должен сказать о том, что решение партии, решение Президиума Центрального Комитета в отношении тов. Жукова и решение об оживлении работы партийных организаций в армии являются абсолютно правильными. Я полностью к этому присоединяюсь.

Я прошу извинить меня: я оратор не особенно хороший, очень волнуюсь, когда выступаю, тем более в такой аудитории, где мне приходится первый раз выступать.

Говоря о правильности решения в отношении человека, который не выполнил волю партии, нарушил указания партии, подвел по сути дела партию и нас, я скажу, что я также считаю себя в известной степени виновным. И многие из нас, находящиеся на руководящих постах, должны чувствовать за собой эту вину. Тов. Жуков проводил неправильную линию, грубо нарушил директивы, указания партии, не во время поставил в известность об этом Центральный Комитет. Я краснею, мне стыдно и больно, что в этом принял участие и я. Мне казалось, что сейчас наши армейские кадры, офицерские, генеральские, маршальские, политработники должны обладать присущим каждому большевику мужеством, которые, видя те или иные неправильности, особенно грубые нарушения воли партии, директив партии, обязаны немедленно бороться с тем человеком, который делает нарушения. Если это не помогает, надо ставить вопрос перед Центральным Комитетом. Часть вины я беру на себя. Правда, я слишком короткое время нахожусь в армии. В роли главного инспектора Министерства обороны пятый месяц. Мне удалось за это время побывать во многих местах, беседовать с командным составом, старшим, средним и младшим.

Как воспитывался наш командный состав за это время, особенно за последние годы? Я не видел волевого командира, не видел командира, способного отстоять свою гордость, свою самостоятельность, командира, который мог бы доказать и пробовал доказать, что он прав, заставил бы

▲ Рокоссовский К.К.

выслушать его. В большинстве случаев все сводилось к тому, что даже на крупных тактических учениях, на занятиях командиры (многие, не говорю, что все) занимали позицию угодничества.

Я был на крупном оперативном учении, где командиры, командующие армией смотрели в глаза старшему начальнику и старались угадать его мысли, чтобы не ошибиться. Стоит только почувствовать, что не в тон сказал, что мнение вышестоящего расходится с его мнением, немедленно становится во фронт: так точно, я именно так и думал, немедленно исправлю и т. д.

Это о чем говорит? Это говорит о том, что неправильно воспитываем, неправильно подходим к воспитанию нашего командного состава. А ведь мы говорим о будущей войне — войне атомной, войне термоядерной, говорим, что полнокровным командиром может быть тот, который способен в трудную минуту проявить должную инициативу, волю. Разве таким методом воспитаем такого командира? Нет.

Все это идет дальше, начинается с головы и идет дальше, такие методы воспитания командного состава. Я имел возможность провести беседу с большой группой командиров полков, командиров дивизий, корпусов, будучи весной в Закавказском военном округе. Бросилось в глаза это то, что исчез настоящий наш командир, который, соблюдая субординацию, умеет доложить свое решение, умеет обосновать его и умеет отстоять в пределах существующих рамок в войсках, если это решение правильное, и заставить выслушать подчиненных. Мне командиры заявляли, что они настолько опекаются вышестоящими начальниками, что потеряли свое значение, потеряли свою роль в армии. Я беру командиров полков, и большинство из них заявляло, что они только доносят, но мер не принимают. Почему? Сами в творческий труд не включаются в данном случае потому, что после того, как доносят, если какие-нибудь приняли меры, распоряжение будет немедленно отменено, мероприятие будет отменено вышестоящим, будет признан либерализм, да еще получат за это наказание.

Невольно хочется остановиться на таком вопросе, как злополучное ЧП. Это страшные две буквы. Я хочу коротко привести один такой отрицательный пример старой царской армии под названием «медь». Приехал генерал старый, престарелый, пора в отставку. Он, проходя вдоль фронта полка, не обращая внимание на подготовку и выправку солдат, думал о чем-то своем и невольно махнув рукой и произнес такое слово «медь». Уехал генерал, начался переполох. Командиры полков собрали командиров батальонов, потом командиры батальонов, — командиров рот, искали «медь». Искали и во всю шли в ход бранные слова. Когда дошло дело до командиров рот и унтер-офицеров, стали лететь зубы, все искали «медь». В течение года искали «медь», но так и не нашли.

Это слово ЧП похоже на слово «медь». ЧП боятся. Верно, мы сознаем, что ненормальное явление. ЧП вырастают или падают, но все же в армии существуют, но это совершенно другое дело. Как с ними бороться? Каждому из командиров предусмотрены определенные функции, определенная ответственность, которую он может взять на себя.

Так вот такого разделения, за какое чрезвычайное происшествие отвечает командир роты, которое

он может ликвидировать при своих обязанностях, не донося выше, у нас нет. Командир батальона имеет право сам, как хозяин, так как партия ему эту должность поручила, он отвечает за нее головой, он должен ликвидировать это чрезвычайное происшествие, не донося выше. Конечно, есть такие чрезвычайные происшествия, которые влекут за собой жертвы, бунты, то о них должен знать министр, ибо это слишком большое происшествие. Но такого разделения у нас в армии не существует и это приводит к тому, что все дрожат и сидят на этом чрезвычайном происшествии.

А какие наказания? Наказания обычно такие: снизить, разжаловать, уволить из армии, тем более пользуясь тем, что в связи с реорганизацией шире можно было бы использовать один из видов увольнения.

Увольняются сплошь и рядом офицеры по пункту «е»126, где он даже на пенсию не заслуживает. Это обидно, человека выбрасывают из армии, и он влачит жалкое существование.

На том же совещании в беседе с командирами полков один из высших начальников пытался доложить, что у него не так. Он выступил и набрался смелости сказать, что мы беседуем как товарищи, коммунисты, так давайте будемте откровенны. Так из сорока с лишним человек нашелся один человек, который в моем присутствии заявил, что, товарищ маршал, у нас был не один случай, а их было сотни, когда были происшествия в полку, когда мы выезжали, расследовали, несмотря на то, что происшествия были пустяковые. Мы разговаривали с живыми людьми, беседовали с ними и приняли решение. Спустя несколько дней, получаем приказ из округа, где говорится: отменить приказ, подошли либерально, снизить командира дивизии, снизить командира полка, такого-то отдать под суд, такого-то уволить. Вот, пожалуйста, товарищ маршал.

Это первый пример. Это является одним из факторов, который тяготеет над всей армией. Я считаю, что нужно этот вопрос упорядочить.

Я вижу, что время мое истекает, но я хотел бы остановиться на грубости, унижающей человеческое достоинство, насколько у нас опорочено слово товарищ. Слово товарищ принято у нас в армии при обращении командира к солдату, или солдата к командиру, или генерала, или маршала и т. д. Все мы являемся участниками гражданской войны и после этой гражданской войны мы понимаем, что это слово объединяет нас, это слово обозначает, что наше общество, наша семья объединены общими идеями, общими целями, общими задачами. Если я обращаюсь к солдату: товарищ солдат, или товарищ сержант, то в этом слове он должен чувствовать, что он является равноправным членом нашей великой советской семьи. Разве у нас это так? Нет. Сплошь и рядом это слово предусмотрено Уставом и наши офицеры, и высшие начальники не применяют это слово, а обращаются на ты или по фамилиям. Если вдуматься в это слово, если его применять полностью в жизни, то совершенно иначе изменится обстановка. Мы забываем об этом, что каждый из нас, на какую бы должность его партия ни назначила, он несет такую же ответственность, как командующий округом в своих пределах, как командующий корпусом в своих пределах, как командир дивизии и рядовой солдат.

▲ Парад Победы — Рокоссковский и Жуков

Ему тоже партия доверила этот пост солдата — защитника нашей Родины, который в любое время, в любую минуту должен с винтовкой в руках выйти на защиту своей Родины. Это выхолощено, и я считаю это совершенно неправильным.

Основной причиной этого является то, что роль наших партийных организаций в армии и флоте, роль наших политических органов сведена просто, я даже не могу сказать к чему она сведена, просто никакой роли не играют. Вхождение нашего Главного Политического управления в состав Министерства обороны я считаю неправильным. Мы всегда привыкли к тому, что во главе Главного Политуправления Красной Армии, а сейчас Советской Армии, находится человек политически подготовленный, партийный, к которому относились бы с глубоким уважением, который своим прошлым, своей преданностью, своей работой должен уже выдвигаться. Я вспоминаю слова товарища Сталина, который говорил следующее. Если партия принимала решение о назначении кого-то командующим, то он всегда задавал вопрос, а как его армия примет.

Начальник Политуправления должен быть таким человеком, которого знала бы армия, знала бы партия. Во-вторых, он, безусловно, должен быть член Центрального Комитета. Это поднимет его роль и даст большую самостоятельность, более тесную связь с нашим ЦК и Президиумом Центрального Комитета.

Товарищи, время мое истекает, я должен доложить, что это решение нашего Президиума Центрального Комитета является абсолютно правильным и своевременным. Наша задача заключается в том, чтобы мы вовремя, решительными мерами провели все то, что сказано в письме Центрального Комитета, в принятых решениях и о чем здесь говорилось. ■

▲ Поздравление воина с наградой

НА ЗЛОБУ ДНЯ

▲ Жуков Г. К. и Тимошенко С. К.

Наши историки в долгу перед народом, поскольку до сих пор не дали должную принципиальную оценку двум негативным явлениям в советском прошлом — фактов массового доносительства в 30-х годах и фактов изменничества — в начале 40-х.

Явление доносительства было отмечено в известном, долго замалчивавшемся постановлении январского (1938 г) Пленума ЦК ВКП(б). В нем, в частности, указывалось, «*...что многие наши парторганизации и их руководители до сих пор не сумели разглядеть и разоблачить искусно замаскированного врага, старающегося криками о бдительности замаскировать свою враждебность и сохраниться в рядах партии — это во-первых — и, во-вторых, стремящегося путем проведения мер репрессий — перебить наши большевистские кадры, посеять неуверенность и излишнюю подозрительность в наших рядах*».

Кто, к примеру, побуждал упомянутую в документе заведующую отделом Ростовского обкома Шестову инспирировать исключение из партии 30 безвинных коммунистов пединститута? Какая сила заставила секретаря Киевского обкома Кудрявцева провоцировать половину городской парторганизации подать политически компрометирующие заявления на другую ее половину? «Демократическая» журналистка вылепила в частности, из Михаила Кольцова и Всеволода Мейерхольда — фигур, по-настоящему крупных и заслуженно популярных — кумиры святых великомучеников. Но у всего этого выпячивается и другая сторона. Кольцов, уличенный руководителем интербригад Андре Марти в связях с испанскими троцкистами, после второго допроса и месячной паузы стал давать показания на (назовем только известные имена) подругу Маяковского Лили Брик, ее мужа Осипа и сестру (жену Арагона) Эльзу Триоле, на пушкиниста Зильберштейна, Бабеля, Евгения Петрова, Кирсанова и Алексея Толстого, на кинорежиссера Кармена, артистов Сац, Берсенева и Гиацинтову, дипломатов Литвинова, Майского и Потемкина, на ряд военных, даже на свою жену Марию Остен.

Похоже вел себя Мейерхольд. На допросах он говорил о своем «антисоветском влиянии» и о якобы близких настроениях Эйзенштейна, Охлопкова, Дикого, Гарина, Олеши, Пастернака, Шостаковича, Шебалина, Сейфуллиной, Кирсанова, Всеволода Иванова, Федина, Эренбурга и др. Правда, потом Всеволод Эмильевич от этих наветов отказался, они не помешали перечисленным деятелям внести свой вклад в золотой фонд советской культуры. Но как вела себя прочая доносительская мошкара (имя ей — легион), мы и поныне

почти не знаем. Без тщательного социологического изучения ее следов в архивах — этой стихийной отрыжки классовой борьбы и буржуазно-обывательской психологии — нам не уяснить всех причинно-следственных связей того, что столько лет приписывается «культу личности».

В. М. Молотов в декабре 1977 г. (шел ему 88 год) в беседе писателем Р. И. Косолаповым, по-прежнему искренне считал предвоенную кадровую чистку правильной в целом мерой, предотвратившей образование в стране «пятой колонны». «Иначе мы потерпели бы поражение, — сказал он. Подобное мнение в предсмертном интервью с горечью выразил со своей стороны Гитлер. Повторяли его и наши союзники по антигитлеровской коалиции. Если и при этих условиях, по некоторым сведениям, на германских фашистов работало до 1,5 миллиона предателей Родины, можно представить себе, какой опасности мы избежали, к примеру, в маленькой оккупированной фашистами Элисте были сформированы немецкой полицией два фронтовых эскадрона преимущественно из дезертиров кавалерийской дивизии полковника Хомутникова. Полтора десятилетия «перестройки» и «реформ», во многом мотивированных жупелом сталинизма, привели нас, дав соответствующий фактический материал, к необходимости новых выводов и обобщений. Самое важное из них состоит в том, что результатом хрущевско-горбачевских переворотов явилось не затухание или же прекращение, а, напротив, усиление и обострение классовой борьбы. Перевод ее на качественно новую ступень с реставрацией социального антагонизма в его наиболее вульгарном и контрастном виде, когда преступной плутократии объективно противостоит коварно ограбленная и психологически зачумленная масса пролетаризуемого населения.

Старое марксистское положение о трех основных формах классовой борьбы — экономической, политической и идеологической. Это положение Ленин конкретизировал определением пяти новых специфических

▲ Сталин, Молотов, Ворошилов

форм классовой борьбы в эпоху диктатуры пролетариата. Таковыми являлись а) подавление сопротивления эксплуататоров, б) гражданская война, в) нейтрализация мелкой буржуазии, первоначально крестьянства, г) использование на службе пролетариату профессионалов из буржуазии, д) воспитание новой дисциплины. В начале 80-х годов в литературе считалось — воспитание новой дисциплины, да и то правящая партноменклатура всякий раз поеживалась при упоминании о ее классовой сущности.

Всплеск классовой борьбы во второй половине 80-х, заставший наши кадры врасплох, связан с тем, что теоретическая работа на тему ее дальнейшей модификации фактически оказалась на нуле, а вместе с ней и трезвое понимание происходящего.

Еще в ноябрьском (1938 г.) постановлении Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», подписанном Молотовым и Сталиным, вскрывались факты безответственного отношения к следственному производству и грубого нарушения установленных законом процессуальных правил. В нем указывалось на подрывную деятельность в органах НКВД и Прокуратуры чужеродных элементов, которые «сознательно извращали советские законы, совершали подлоги, фальсифицировали следственные документы, привлекая к уголовной ответственности и подвергая аресту по пустяковым основаниям и даже вовсе без всяких оснований, создавали с провокационной целью «дела» против невинных людей, а в то же время принимали меры к тому, чтобы укрыть и спасти от разгрома своих соучастников по преступной антисоветской деятельности».

Как и в январском постановлении ЦК, в этом документе сталинское руководство приближалось к пониманию двойственности известных карательных мер и к видению новых зигзагов классового противостояния. Однако Сталин и его соратники еще не вывели из всего этого тезис о чужеродном (белонационалистическом и оппортунистическом)

проникновении в правоохранительные структуры как еще одной, развившейся уже после Ленина, форме классовой борьбы. Между тем, для них не были тайной идущие извне директивы о внедрении со стороны как белогвардейской эмиграции (в частности РОВС), так и троцкистских центров. Финал нам известен. Это — навешивание на Сталина и партию всех жертв войн, эпидемий и социальных конфликтов (в том числе погибших в схватке с фашизмом); это — «реабилитация» подчас заведомых негодяев и недругов трудящихся; это — рассеянный склероз и морально-политический паралич ЦК и КГБ в 1991 году.

Другой формой классовой борьбы, не отмеченной ранее, нельзя не признать чужеродное проникновение в мозговые структуры партии и государства, особенно Академии наук, со второй половины 50-х годов. Мало того, что после смерти Сталина партию ни разу не возглавил сопоставимый деятель, совмещающий способности дальновидного теоретика с широким кругозором и крупнейшего организатора производства и общественной жизни. Грамотные обществоведы вообще перестали фигурировать в высшем руководстве КПСС.

На последнем присталинском (XIX) съезде в Президиум ЦК было избрано пятеро таковых (О. В. Куусинен, И. В. Сталин, М. А. Суслов, Д. И. Чесноков, П. Ф. Юдин), однако в марте 1953 года они все (почивший Сталин не в счет) были оттуда удалены. Возвращение в этот орган Суслова (1956), а потом и Куусинена (1961) в сущности ничего не добавило. Суслов, умерший в январе 1982 года, не отличался новаторским типом мышления. Куусинен же, видимо, вспомнив свою социал-демократическую молодость, «отличился» умозрительным упразднением диктатуры пролетариата, что тяжко потом сказалось на судьбах советской системы.

▲ Куусинен

В 1972 году кандидатом в члены Политбюро (переименованный Президиум) был избран историк Б. Н. Пономарев, но он не улучшил погоду. Спустя полтора десятилетия, в 1987 году в этом качестве там появился могильщик большевизма А. Н. Яковлев, что символизировало «начало конца». Почти сорок лет высшее руководство КПСС, отказавшись от самостоятельного стратегического анализа и планирования, довольствовалось популяризаторскими поделками референтов, консультантов и помощников, выдаваемыми за коллективную мудрость партии, и попирало свою обязанность вести страну согласно предписаниям достоверной передовой теории. Надо ли удивляться, что почти вся эта «умственная челядь», выброшенная со Старой площади в августе-91, стала искать себе убежище не в протестующем «простонародье», а в комфортабельном Фонде Горбачева?

В 1954 году Мао Цзэдун высказал мрачную пророческую мысль. «К власти в СССР после 1953 года пришли националисты и карьеристы, взяточники, покрываемые из Кремля. Когда придет время, они сбросят маски, выбросят партийные билеты и будут в открытую править своими уездами как феодалы и крепостники».

В качестве третьей из новейших форм классовой борьбы следует назвать целеустремленное отщепление партии от рабочего класса, противопоставление рабочего класса партии, его дробление и разобщение вплоть до утраты им адекватного самосознания и своего общественного лица. Шахтерские забастовки 1989 года и поведение профсоюзов в дальнейшем — наглядный тому пример.

Рассмотрение сегодня решений XX-XXII съездов о «культе личности» окрашивается мрачными тонами буржуазно-бюрократической контрреволюции рубежа XX-XXI веков. Догадывались ли, знали ли мы о ее возможности задолго до того, как она на нас обрушилась? Несомненно, «Мы не знаем, — писал Ленин 6 октября 1917 года, то есть в канун успешного восстания, — победим ли мы завтра, или немного позже... Мы не знаем, как скоро после нашей победы придет революция на Западе. Мы не знаем, не будет ли еще временных периодов реакции и победы контрреволюции после нашей победы, — невозможного в этом ничего нет, — и потому мы построим, когда победим, «тройную линию окопов» против такой возможности. Такой «тройной линии окопов» у партии, которая не пересмотрела поспешные хрущевские заявления об «окончательной победе социализма (XXI съезд) и об отмене диктатуры пролетариата (XXII съезд) увы, не оказалось.

В июне 1925 года слушатели Свердловского университета спросили Сталина о возможности нашего перерождения в условиях временной стабилизации мировой капиталистической системы. Сталин ответил на этот вопрос утвердительно и указал на три опасности, существующие и вне связи со стабилизацией:

«а) опасность потери социалистической перспективы в деле строительства нашей страны и связанное с этим ликвидаторство;

б) опасность потери международной революционной перспективы и связанный с этим национализм;

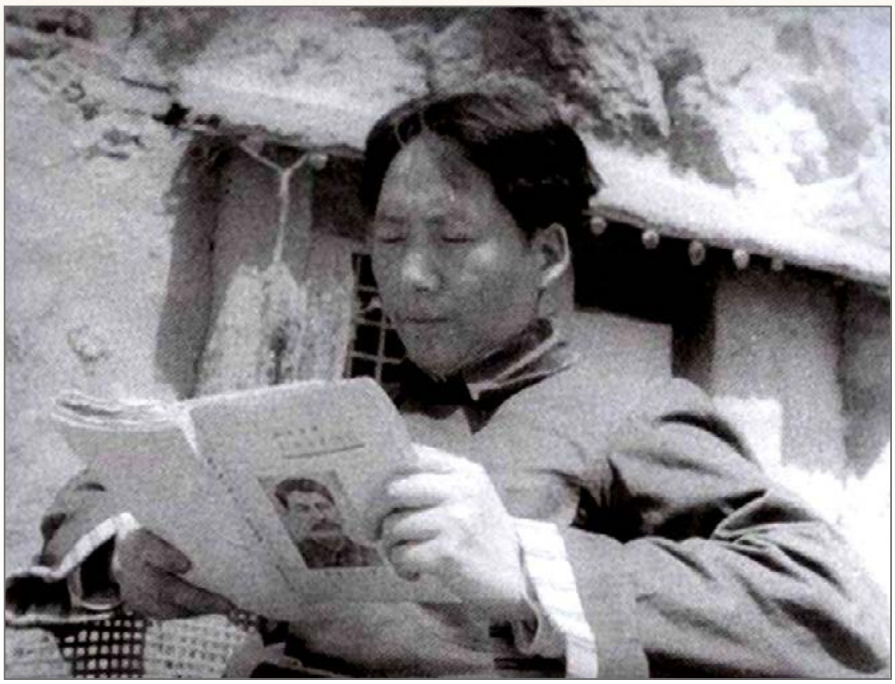
в) опасность падения партийного руководства и связанная с этим возможность превращения партии в придаток государственного аппарата».

Следует отметить, что все эти опасности были реализованы в 1985-1991 годах.

О деятельности и действиях Сталина в начале Великой Отечественной войны: — знал ли Сталин о неизбежности и времени фашистского нападения на СССР? Да, знал. Верил ли он Гитлеру? Нет, не верил.

Принимал ли необходимые меры по укреплению обороноспособности страны? Да, принимал. 5 мая 1941 года на встрече с выпускниками военных академий Сталин по сути прямым текстом предупредил, что советским воинам надлежит похоронить миф о «непобедимости» германской армии. Вместе с тем он считал, что Красная Армия в материально-техническом отношении будет в состоянии нанести поражение врагу только через полтора года. Это, кстати, поразительно подтвердилось на примере Сталинградской операции. 7 ноября 1941 года в осажденной Москве Сталин обещает решающий поворот через «несколько месяцев, еще полгода, может быть, годик», а через год, 19 ноября 1942-го началась Сталинградская стратегическая наступательная операция.

Веет притворством за версту от попыток взвалить на Сталина вину за взлом фашистами нашей линии обороны на рассвете 22 июня 1941 года. Дело в том, что Сталин в рамках своей компетенции «не занимался непосредственно оперативно-тактическими вопросами вооруженных сил, никогда не инспектировал войска, не проверял их боеготовность, полностью полагаясь в этом деле на наркомат обороны...» Не его вина, что НКО (С. К. Тимошенко) не контролировал должным образом исполнение ускоренных мероприятий по повышению боеспособности войск на западной границе, в том числе распоряжения генерального штаба (Г. К. Жуков) от 18-го и соответственно приказа от 19 июня о приведении войск в боевую готовность. По мнению Адмирала Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова, поведение которого в момент агрессии явилось образцовым, «И. В. Сталин представлял боевую готовность на-

▲ Мао Цзэдун

ших вооруженных сил более высокой, чем она была на самом деле. Совершенно точно зная количество новейших самолетов, дислоцированных по его приказу на пограничных аэродромах, он считал, что в любую минуту по сигналу боевой тревоги они могут взлететь в воздух и дать надежный отпор врагу. И был просто ошеломлен известием, что наши самолеты не успели подняться в воздух, а погибли прямо на аэродромах. Преступной халатностью (изменой) тогда прославился командующий Западным особым военным округом Д. Г. Павлов».

Хрущев оболгал Сталина, приписав ему пораженческое настроение после первых тяжелых неудач на фронтах. Имеются свидетельства, что, будучи больным острой формой ангины, Сталин, согласно журнала записи лиц, принятых им, 21-го у него побывало 11, 22-го 15 лиц (некоторые из них по 2-3 раза). Работал на своем рабочем месте, там, где и должен быть глава государства.

Высказывалось мнение, что не Молотов, а Сталин должен был выступить по радио в первый день войны. Сталин выступил по радио 3 июля, на двенадцатый день войны, потому что необходимо было получить картину происходящего на фронте, ведь информация поступала разрозненная, зачастую недостоверная.

Разразившаяся катастрофа, выразившаяся в ударе немецко-фашистских войск по неподготовленной обороне, сплошь и рядом невооруженным нашим частям, повлекла за собой не только полную потерю управления войсками, но и незнание хотя бы приблизительного положения на фронте нашим руководством. Это была настоящая трагедия, когда на чаше весов лежало само дальнейшее существование нашего государства.

К 3 июля ситуация стала довольно ясной. К этому времени вся полнота власти в СССР сосредоточилась в Государственном Комитете Обороны, и Сталин обращался к народу как его председатель ГКО.

▲ Н. Г. Кузнецов

Выступление Сталина сыграло важную роль: оно помогло мобилизовать население, оно выразило реакцию советского народа на фронте в начале войны с фашистской Германией и в то же время направило ее в конструктивное русло. Обозначенные меры борьбы с врагом давали людям уверенность, что не произошло катастрофы, что правительство управляет ситуацией и в конечном итоге враг будет побежден.

Выступление Сталина отражало дух времени, надежды, тревоги и ожидания миллионов советских людей.

Не разобравшись в поставленных вопросах, мы не сумеем как следует понимать друг друга, объясняться и достигать взаимопонимания с более молодыми, иначе говоря, уверенно тропить тропу в будущее. Сталин и сегодня наше оружие, и его не допустимо доверять дуракам, невеждам и подлецам. Со Сталиным и надо обращаться, как с оружием, эффективным и опасным, обоюдоострым, требующим знания, честности и умения. ■

А.В. ШИШОВ, военный историк, писатель

СОСЕДСТВО ДВУХ ИМПЕРИЙ

▲ Япония, 19 век

На протяжении многих столетий геополитически Русское царство, а затем и Российская империя стремились на Восток. Именно там шло приращение обширнейших территорий с крайне редким населением, но богатых пушниной — драгоценной «мягкой рухлядью» (соболями, речными бобрами, куницами, песцами...), которая была главным русским товаром из числа тех, что вывозились за границу на протяжении многих столетий. Два государства — Россия и Япония — на протяжении XVI — XIX веков постепенно, но неуклонно сближали свои границы.

Русские землепроходцы — промысловые люди, вольные казаки, царские воеводы, шагнув за Урал, через сибирские просторы, вдоль берегов Северного Ледовитого океана уходили все дальше и дальше на восход солнца, на Восток. Идя за пушниной, русский народ открывал все новые и новые территории. Пионерами в расширении границ Руси на Восток и начала освоения сибирских просторов были колоссы Земли Русской — казачий атаман Ермак Тимофеевич и знаменитый род купцов и промышленников Строгановых.

После овладения Сибирским царством (ханством) продвижение русских землепроходцев на Восток, освоение новых земель и строительство

▲ И.Ю. Москвитин

на открытых территориях городов-острогов и поселений шло невиданно быстрыми темпами. Если, например, в 1586 году был основан первый русский город в Сибири — Тюмень, то буквально через 10—15 лет границы Русского государства достигли берегов могучего Енисея, еще через 30 лет — берегов великой реки Лены.

В 1647 году уже был основан на берегу Тихого океана портовый город Охотск. А уже через год отважный мореход Семен Дежнев обогнул Чукотский полуостров и открыл пролив между Азией и Америкой, первым совершив плавание из Северного Ледовитого океана в Тихий. В середине XVII столетия Россия прочно стояла на берегах самого Великого океана Земли. За такой короткий исторический срок русские землепроходцы прошли свыше 7000 километров — от Уральских гор до берегов Тихого океана, открыв земли, до того неведомые.

Последнего русского царя и первого всероссийского императора Петра I Алексеевича Романова Великого очень интересовал Восток, который открывал перед Россией перспективы будущего развития. Он хотел, чтобы русские мореходы с берегов Тихого океана доплыли до тех мест, где есть города европейских владений. В целях развития внешней торговли великого по заслугам государя также интересовали кратчайшие морские пути от восточных границ Российской империи в Индию и Китай, Америку и Японию.

Решению этих проблем были посвящены две экспедиции — Первая (1725-1730) и Вторая (1733-1743) Камчатские экспедиции, возглавляемые капитаном 1-го ранга Витусом Берингом. Первая экспедиция была организована лично по инициативе Петра Великого. Вторая Камчатская экспедиция готовилась по повелению императрицы Анны Иоанновны. О значении, важности и масштабности Второй экспедиции говорит тот факт, что разработкой проекта Программы экспедиции занимались Правительствующий Сенат с привлечением Адмиралтейств-коллегии и Санкт-Петербургской академии наук.

Вторая Камчатская экспедиция состояла из нескольких морских и сухопутных отрядов общей численностью около одной тысячи человек. Основными задачами этой экспедиции были: исследование северного побережья европейской и азиатской территорий страны — от Белого моря до Берингова пролива; исследование берегов Камчатки и акватории Охотского моря; исследование внутренней материковой территории Сибири и Дальнего Востока; исследование северо-западного побережья Северной Америки и открытие новых морских путей в Америку и Японию. Все задачи, поставленные перед Второй Камчатской экспедицией, были выполнены.

В результате проведения двух Камчатских экспедиций окончательно было установлено наличие пролива между Азией и Америкой. Открыты и нанесены на географические карты северо-западное побережье Северной Америки (Русской Америки, ставшей затем Аляской), некоторые острова Алеутской гряды, Курильские острова. Были получены новые сведения о стране на Японских островах.

Нельзя не сказать еще об одном выдающемся результате, которого многие столетия ждал весь цивилизованный мир, — о целостности и единстве мирового океанического пространства. Открыв и пройдя Северным морским путем вдоль берегов Ледовитого океана, через

пролив, разделяющий два великих материка — Азию и Америку, и выйдя в воды Тихого океана, Россия тем самым замкнула и объединила в единую мировую трансокеаническую систему морские пути всех океанов планеты. Теперь стало возможным прибыть морскими путями в любую часть света, что имело огромное практическое значение для развития мировой торговли. Мировой океан стал единой мировой транспортно-торговой системой.

Так Российское государство в стремлении решить стоявшие перед ним геополитические задачи поступательно приближалось к берегам Амура, Охотского моря, Аляски. Навстречу ему двигалась и Япония, которая с острова Кюсю перебралась на более северный Хоккайдо, от него еще дальше на север шла длинная гряда вулканических островов, получивших русское название — Курилы.

Русские ранние экспедиции к берегам Тихого океана следовали одна за другой. Так, в середине XVII столетия первопроходец Иван Москвитин совершает поход к островам «Гиляцкой орды». В 1639—1641 годах он обследует побережье Охотского моря вблизи устья реки Улья. Затем следуют походы С. Полякова в 1652 году, О. Кузнеца, П. Бекетова и Ф. Пущина в 1655—1656 годах к устью Амура, которые первыми стали принимать в российское подданство коренных жителей этих земель — нивхов (гиляков). Нивхи заселяли и северную часть Сахалина.

Тогда же появляются первые сведения о Камчатке. Первым вплотную подошел к ней в 1651 году М. Стадухин, который для постройки двух своих кочей использовал камчатский лес. Это он сообщил о существовании между реками Анадырь и Пенжина большого неизведанного «носа». Данные об этом крае были впервые «изложены» на росписи к чертежу 1667 года воеводы П. Годунова. Русским землепроходцам было ясно, что впереди их ждет много неизведанных земель, и они продолжали с великим упорством торить новые пути на Восток.

▲ Владимир Атласов

Отряды казаков и промышленников поспешили «изведать» Камчатский «нос». Далеко не все подобные экспедиции заканчивались успешно. Наиболее удачливым из них стал поход Луки Семенова Мороски Старицына в 1695—1696 годах. Во время плавания он побывал в северной части Камчатки и дал о ней ценные сведения.

В 1700 году сибирский казак-первопроходец Владимир Атласов (по некоторым документам — Отласов) во главе отряда из таких же вольных землепроходцев, как и он, появляется на Камчатке. На почти неизведанной до того земле, богатой соболями и населенной воинственными камчадалами, казачий пятидесятник Атласов с товарищами основывает Верхне-Камчатский острог и начинает приводить в подданство русскому царю местных жителей, собирая с них дань (ясак).

На Камчатке в том же 1700 году состоялась первая встреча русских с японцами: на берег выбросило потерпевшего где-то в штормовом Охотском море кораблекрушение человека, который был «сухощав, ус невелик, волос черен...». Новые встречи состоялись, когда русские мореходы и промысловики стали обследовать Курильские острова и южное побережье Сахалина.

В 1701 году В. В. Атласов был награжден за свои «тяжкие» труды чином казачьего головы. Он представил царскому воеводе в Якутске свои «скаски» — первое описание земли Камчатки и близлежащих к ней островов Курильской гряды. В атласовских «скасках» оказались первые описания некоторых Курильских островов и неизвестной в Русском государстве страны — Японии.

В результате полученных Атласовым сведений о Камчатке ее стали

наносить на географические карты в виде полуострова, исправив первых исследователей, принимавших Камчатку за остров. Однако продолжить ее исследование, равно как и близлежащих к югу островов, казачьему голове Атласову не довелось — он был убит во время бунта «служилых людей». За выдающиеся заслуги в исследовании тихоокеанской окраины государства Российского А.С. Пушкин назвал Владимира Атласова «камчатским Ермаком».

В 1711—1713 годах экспедиция якутского казака И.П. Козыревского побывала на островах Курильской гряды Шумшу и Парамушир, а также на острове-скале Авось. Козыревским были собраны сведения о подавляющем большинстве Курильских островов, включая Итуруп, Кунашир и даже Двадцать Второй (позже он назывался Матмай, ныне самый северный японский остров Хоккайдо).

На этих островных землях проживали айны. Они заявили тогда русскому исследователю, что не японцы держали их в подчинении, а, наоборот, сами были зависимы от местного населения, которое жило «самовластно... и не в подданстве». Айны с островов Шумшу и Парамушир, в том числе один уроженец Итурупа, были приняты казаком Козыревским в российское подданство.

Результаты сделанных географических открытий Козыревский изложил на «Чертеже Камчадского носа и морских островов». Его отчет явился первым, наиболее полным и документированным свидетельством посещения россиянами Курил и описанием их географического положения. В последующем козыревский «Чертеж» послужил хорошим подспорьем для морских экспедиций.

Экспедиция якутского казака Ивана Козыревского «вычертила» дорогу на Курильские острова, которые своей южной оконечностью упирались в теплые моря. В 1721 году на Курилах побывали с научными целями геодезисты И. Евреинов и Ф. Лужин. Они были посланы «в Сибирь» первым всероссийским императором Петром I Алексеевичем Великим с заданием: «...до Камчатки и далее, куды вам указано...» Геодезисты составили карту 16 островов гряды и попутно приняли в российское подданство часть жителей шести северных островов.

В 1726 году большая часть жителей четырех северных Курильских островов была принята в подданство России отрядом Д. Павлуцкого. Уже с конца 30-х годов XVIII столетия русские мореходы-промышленники начали регулярно посещать южную часть Курил, прибывая сюда или из Охотска, или с соседней Камчатки.

Началось соприкосновение с территорией современной Японии. В 1739 и 1741—1742 годах у берегов острова Сахалин и Курил, острова Матмая (Хоккайдо) совершили плавание Мартын Шпанберг, В. Вальтон и А. Шельтинг. В ходе кропотливых исследовательских работ на карту были занесены все Курильские острова. Шпанберг нарисовал на карте их гораздо больше, чем имелось в «наличии», поскольку острова с низменными перешейками посчитал за два острова.

В 1739 году участники экспедиции Шпанберга и Вальтона высаживались на островах Хоккайдо, Кунашир и Шикотан, подходили к северо-восточному побережью острова Хонсю. Однако высадиться на японской земле они не решились. (В том же 1739 году сегунат выпустил новую инструкцию местным властям о применении насильственных мер в отношении иностранных кораблей.) Русские моряки завязали дружественные отношения с местными жителями — айнами. На многих морских картах того времени Шикотан носил название острова Шпанберга.

Российское правительство стало проявлять все большую заинтересованность в отношении земель, расположенных в северной части Тихого океана. Так, в 1729 году для изучения северного сахалинского побережья и берегов Курильской гряды был послан И. Шестаков на боте «Гавриил». Во второй половине XVIII столетия русские поселения существовали на островах Парамушир, Шумшу, Симушир, Уруп и Итуруп.

В 1780-х годах в северо-западной части залива Терпения на Южном Сахалине поселилась группа русских мореходов из 6 человек. В дальнейшем они перешли на западный берег острова. Русские землепроходцы неоднократно посещали в те годы остров, а в 1783 году группа русских после кораблекрушения осталась здесь на поселении (в 1789 году они составили карту западной части Сахалина).

Что же касается первых официальных посещений острова Карафуто (Сахалина) — «Острова китайских людей» японской стороной, то впервые государственные люди Страны восходящего солнца в лице чиновников во главе с Т. Ямагути появились на южной оконечности Сахалина только в 1786 году. Попытки исследования островов Южно-Курильской гряды со стороны Японии относятся к значительно более позднему периоду.

Японцы в то время появлялись на Курильских островах лишь эпизодически (в отличие от многочисленных специально организованных морских экспедиций русских людей). Известно, что в 1786 году японский географ и исследователь Могами Токунай первым среди своих соотечественников достиг островов Итуруп и Уруп. В конце XVIII — начале XIX века, высаживаясь на Курильских островах, японцы ломали пограничные знаки (чаще всего деревянные кресты), вытесняли русских поселенцев, применяя угрозы и военную силу.

Со второй половины XVIII столетия начинается «серьезное» хозяйственное освоение русскими промышленниками Курил. На островах велась охота на «морского зверя», в курильских бухтах находили пристанище во время штормовой погоды русские суда. В 1755 году Н. Сторожев сообщил в камчатский острог Большерецк о том, что значительная часть айнов на Кунашире приняла подданство России.

Начались первые попытки создания на Курильских островах русских поселений. В 1766 году экспедиция Н. Чикина основала первое зимовье на острове Уруп. При этом большинство местных жителей, равно как и соседнего Итурупа, стали под-

данными России. Вступление в российское подданство, как и прежде, носило добровольный характер.

В том же году здесь побывал с отрядом отважных мореходов казачий сотник Иван Черный, который составил подробное географическое описание острова Итуруп и других Курильских островов. Черный провел на островах две зимы, а два лета отплавал между островами. Местные айны-курильцы приводились в российское подданство.

собранная богатая этнографическая коллекция была подарена Российской академии наук.

Экспедиция казачьего сотника Ивана Черного и полученные в ходе ее научные результаты получили известность в Европе. Это дало основание современному американскому историку японского происхождения Еси Куно заявить, что «в 1766 г. Россия распространила свою власть на Итуруп — самый большой из Курильских островов».

В 1778 году мореплаватели сибиряк Иван Антипин, служивший у купца Лебедева-Ласточкина, и иркутянин Дмитрий Шабалин из отряда А. Очередина зимовали на острове Уруп. Там уже существовало русское поселение Курилороссия, жители которого занимались даже хлебопашеством. Судно Антипина — бригантина «Наталия» во время плавания вдоль островов потерпела кораблекрушение. В этом году и в последующем в российское подданство вступило много жителей-айнов с Южных Курил, в том числе и с острова Хоккайдо. После установления с ними дружественных отношений они освобождались от уплаты государственных податей.

Великая правительница Российского государства, много потрудившаяся для расширения его пределов, императрица Екатерина II издала высочайший «курильский» указ. В нем, среди прочего, говорилось:

«Приведенных в подданство на дальних островах мохнатых курильцев оставить свободными; и никакого збора с них не требовать; да и впредь обитающих там народов к тому не принуждать, но стараться дружелюбным обхождением и ласковостью для чаемой пользы в промыслах и торговле продолжать заведенное уже с ними знакомство».

▲ Екатерина II Великая

Освоение Курил продолжалось. В 1785—1786 годах русские проживали и на острове Итуруп. В российское подданство принимаются все новые группы жителей Курильской гряды. Вскоре происходит законодательное закрепление этих земель за Россией. Именным указом от 22 декабря 1786 года императрицы Екатерины II Великой все Курильские острова, Аляска (Русская Америка), Алеутские, Лисьи и некоторые другие острова в северной части Тихого океана были присоединены к Российской империи.

Так Российское государство, законодательным актом утвердив свое присутствие на всей Курильской гряде, входило в соседство со Страной восходящего солнца. Отношения России с империей на Японских островах складывались непросто и по времени очень долго.

Японцы тоже стремились утвердиться на островах Курильской гряды, прежде всего на южных, ближайших к Хоккайдо. Богатый рыбой остров Кунашир превращается в базу для набегов на русские поселения на южных островах Курил. Местное айнское население облагается налогами, сбор которых проводился японцами с особой жестокостью, что не раз приводило к столкновениям с применением оружия.

В 1789 году на острове Кунашир вспыхнуло восстание айнов и было убито более 70 японцев. Сегунским чиновникам удалось подавить восстание лишь благодаря военной помощи феодального княжества Мацумаэ, правитель которого отправил на Кунашир военный флот из 30 судов с солдатами. Возмущение кунаширских айнов было подавлено с большой жестокостью.

Соседские отношения — торговые, дипломатические и государственные — между Россией и Японией складывались крайне трудно. Причина крылась прежде всего в том, что при императорах Иэясу и Иэмицу Токугава (30—50-е годы XVII века) Страна восходящего солнца, расположенная на островах Хонсю, Кюсю и Сикоку, встала на путь самоизоляции.

Под угрозой смертной казни японцам с 1636 года запрещалось покидать отечество и строить большие корабли, которые могли использоваться для дальнего плавания, а иностранцам — высаживаться где-либо на берегах Японии. Подобное предписание, относящееся к 1825 году, требовало обстреливать иностранные суда в случае их приближения к японским берегам.

Только в 1842 году местные власти получили указ, разрешающий снабжать (за плату) прибывающие в японские порты иностранные суда водой и продовольствием. И лишь потом японские чиновники могли требовать их ухода от берегов империи.

В порядке исключения лишь голландским судам разрешалось находиться только в одном порту на острове Десима (Дэдзима), в бухте Нагасаки. Поводом для такого исключения из законодательного правила было следующее. В 1637 году в Симабара, близ города Нагасаки, произошло сильное крестьянское восстание под христианскими лозунгами. Повстанцы были вооружены огнестрельным оружием, полученным от европейских миссионеров, которое помогло им добиться ряда успехов. Восстание быстро охватило значительный район острова Кюсю.

▲ Витус Беринг

Сегунская армия в течение нескольких месяцев не могла подавить крестьянское антифеодальное выступление. Только помощь голландских кораблей, бомбардировавших с моря замок Хара, где сосредоточилась 30-тысячная армия повстанцев, позволила войскам сегуна из рода Токугава взять его штурмом и учинить кровавую расправу над восставшими. Залпы голландских корабельных орудий оказались победными.

Помощь сегунату в подавлении симабарского восстания поставила голландцев в исключительное положение в закрытой стране. Так они на долгое время монополизировали все контакты Японии с внешним миром. В единственный порт в стране — Нагасаки — два раза в год был разрешен заход голландских, а также корейских и китайских кораблей. Но голландцы содержались на острове Десима в обстановке, «более похожей на тюрьму, чем на факторию» европейцев в азиатской стране. Иностранцам строго запрещалось заниматься миссионерской деятельностью.

Жестокая система самоизоляции Японии, которая просуществовала

▲ Крузенштерн

до 1867 года, привела к тому, что люди из экспедиции капитан-командора Витуса Беринга в 1739 году были первыми и более чем на сто последующих лет последними русскими, беспрепятственно и на самое непродолжительное время сошедшими на землю Японии.

Правящий в ней сегунат в 1804 году занял жесткую позицию в отношении экспедиции выдающегося мореплавателя России И. Ф. Крузенштерна на шлюпе «Надежда», совершавшем первое русское кругосветное плавание, а в 1811 году — откровенно враждебную по отношению к экспедиции капитан-лейтенанта В. М. Головнина. Последнему, вероломно захваченному в плен вместе со своими спутниками на южнокурильском острове Кунашир, пришлось провести два года, по сути дела, в заточении у японцев.

Недоброжелательность японских властей по отношению к иностранцам, в том числе и к россиянам, обернулась неизбежными при этом вооруженными столкновениями. Япония упорно отказывалась от контактов с Европой, в том числе и с Российской империей, которая становилась ее соседом. Так, неудачей закончились переговоры, которые вел зимой 1804—1805 годов Н. Резанов.

Осенью 1806 года в заливе Анива, на южной оконечности Сахалина, происходило первое вооруженное столкновение сторон. С русской стороны в нем участвовал экипаж небольшого фрегата «Юнона» под командованием лейтенанта Н. А. Хвостова. Весной следующего года Хвостов вновь появился у сахалинских берегов вместе с мичманом Г. И. Давыдовым, командиром шлюпа (тендера) «Авось». Дело вновь доходит до перестрелки с японцами, и русские моряки в бою «истребили» два японских селения.

По возвращении в порт Охотск командиры кораблей за свои своевольные действия против японских поселений были арестованы. Давыдов бежит из-под ареста в Якутск. Вскоре обоих морских офицеров доставляют в Санкт-Петербург, где суд оправдал их действия. Они отличились в Русско-шведской войне 1808—1809 годов и были представлены к награждению боевыми орденами. Но представления были отклонены «в наказание за своевольства против японцев». Два флотских товарища утонули в Неве в результате несчастного случая. Памятью о них осталось «Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова» в 2 томах.

▲ Головнин В.М.

Второе по времени вооруженное столкновение русских с японцами произошло летом 1811 года, когда в плен на острове Кунашир был захвачен со своими спутниками капитан-лейтенант В. М. Головнин, выдающийся русский мореплаватель. Он возглавлял исследовательскую экспедицию, которая на шлюпе «Диана» отправилась из Русской Америки (Аляски) для более точного географического описания берегов южной части Курильской гряды и Шантарских островов.

Шлюп «Диана», построенный на отечественных верфях, был средним между фрегатом и корветом. «Диана» несла 14 медных пушек, 4 карронады для стрельбы с короткой дистанции и 4 небольших чугунных фальконета. Экипаж составлял 60 человек. В далекое, почти кругосветное плавание «Диана» уходила из Кронштадта в июле 1807 года на восток вокруг южной оконечности Американского континента, через пролив Дрейка. Главная цель экспедиции была исследовательская:

«Опись малоизвестных земель, лежащих на Восточном (Тихом. — А. Ш.) океане и сопредельных российским владениям в восточном крае Азии и на северо-западном берегу Америки».

В мае 1811 года Головнин, только что произведенный в капитан-лейтенанты и награжденный за исследовательские труды орденом святого Владимира 4-й степени, решил начать географическое описание берегов Курильских островов. Вскоре шлюп «Диана» подошел к острову Кунашир, название которого в переводе с айнского означает «Черный остров». Действительно, черный вулканический пепел покрывал здесь всю землю даже в лесах.

В одной из кунаширских бухт оказались селение и небольшая крепость с японским гарнизоном и чиновником. Японцы избегали пришельцев, хотя меновая торговля началась между ними сразу же. Экипаж близ крепости набрал в бочки питьевую воду. Вскоре было получено приглашение посетить «главного начальника». На берег со шлюпа сошли Головнин, штурман Хлебников, мичман Мур, матросы Семенов, Макаров, Шкаев, Васильев и переводчик Алексей, свободно владевший айнским языком. Офицеры по такому случаю были при шпагах.

В крепости состоялась чайная церемония. Японский чиновник в шелковом халате и с железным жезлом

в руках вел неторопливую беседу, расспрашивая о назначении экспедиции и обо всем, что с ней было связано. Аудиенция заканчивалась в «обстановке взаимопонимания». Далее кунаширские события разворачивались так, как их описал в своих сочинениях В. М. Головнин:

«...Начальник, говоривший дотоле тихо и приятно, вдруг переменил тон: стал говорить громко и с жаром, упоминая часто Резано (Резанов. — А. Ш.), Николая Сандреич (Николай Александрович, так звали лейтенанта Хвостова. — А. Ш, и брался несколько раз за саблю. Таким образом сказал он предлинную речь. Из всей речи побледневший Алексей пересказал нам только следующее: «Начальник говорит, что если хоть одного из нас он выпустит из крепости, то ему самому брюхо разрежут». Ответ был короток и ясен: мы в ту же секунду бросились бежать из крепости, а японцы с чрезвычайным криком вскочили с своих мест, но напасть на нас не смели, а бросали нам под ноги весла и поленья, чтоб мы упали. Когда оке мы вбежали в ворота, они выпалили по нас из нескольких ружей, но никого не убили и не ранили, хотя пули просвистели подле самой головы Хлебникова. Между тем японцы успели схватить Мура, матроса Макарова и Алексея в самой крепости, а мы, выскочив из ворот, побежали к шлюпке.

Тут с ужасом увидел я, что во время наших разговоров в крепости, продолжавшихся почти три часа, морской отлив оставил шлюпку совсем на суше, саженях в пяти от воды. А японцы, приметив, что мы стащить ее на воду не в силах, и высмотрев прежде, что в ней нет никакого оружия, сделались смелы и, выскочив с большими обнаженными саблями, которыми они действуют, держа в обеих руках, с ружьями и копьями, окружили нас у шлюпки...»

Когда на русском шлюпе услышали выстрелы и крики, корабль снялся с якоря и подошел ближе к берегу. Ворота японской крепостицы затворились, и из нее началась пушечная пальба. Оставшийся после В. Головнина старшим на «Диане» лейтенант П. И. Рикорд попытался силой оружия освободить своих товарищей, неожиданно ставших пленниками самурайского военачальника. Однако предпринятая им бомбардировка с моря должного успеха не имела, хотя после 170-го выстрела с «Дианы» пушки японцев замолчали. Шлюпу пришлось уйти через штормовое море в порт Охотск на зимовку.

Капитан-лейтенант Головнин со спутниками был доставлен на остров Хоккайдо, в город Хакодате. С пленными обращались довольно хорошо, но постоянно шли допросы, больше напоминавшие расспросы. У японцев была бумага, подписанная «Российского флота лейтенантом Хвостовым». Документ был выдан командиром «Юноны» старшине одного сахалинского селения как письменное свидетельство принятия его в российское подданство.

Такой шаг русского военного моряка беспокоил японскую сторону больше всего, и они старались на допросах выяснить суть дела.

После первых допросов и 50-дневного пребывания в японской тюрьме пленников отправили в «губернский» город Мацмай (город Фукуяма, на крайнем юго-западе острова Хоккайдо). Здесь пленников заперли в клетках. Сперва их допрашивал губернатор Аррао Тадзимано Кано. Затем началось знакомство с «сыщиком центрального правительства» Мамия Ринзоо, специально присланным в Мацмай сегуном, фактическим правителем Страны восходящего солнца.

Мамия Рензоо, математик и лесовод, считался у японцев открывателем острова Карафуто (Сахалина). В ходе допросов он утверждал, что «японцы имеют основательную причину подозревать русских в дурных против них намерениях и что голландцы, сообщившие им о разных замыслах европейских дворов, не ошибаются». Но все выглядело гораздо проще: голландцы, монополизировавшие торговлю с Японией, не желали иметь конкурентов.

Головнин со своими спутниками задумал совершить дерзкий побег из плена. На него согласились все, кроме мичмана Мура, изучившего к тому времени довольно сносно японский язык и заявившего о своем желании остаться в Японии переводчиком. Штурман А. И. Хлебников из стальных игл, клочка медного листа и нескольких бумажных листов, склеенных рисовым отваром, смастерил компас. Побег был совершен через подкоп под стену тюрьмы. К берегу моря шли по ночам, днем прятались в зарослях бамбука, среди камней. Однако на берегу беглецы были схвачены и вновь оказались в японской тюрьме...

▲ Иэясу — император Японии

Тем временем лейтенант П. И. Рикорд не останавливается в своих попытках освободить из плена участников географической экспедиции. Он совершает две экспедиции — к острову Кунашир в 1812 году и к острову Иезо (Хоккайдо) — в следующем. Теперь он командовал двумя военными кораблями — шлюпом «Диана» и бригом «Зотик». Вблизи кунаширских берегов Рикорд захватил несколько японских судов. Экипажи русских кораблей готовятся к десанту и штурму той крепостицы, где был вероломно захвачен Головнин со своими спутниками.

Вскоре Рикорду удалось захватить крупное торговое судно, и от его судовладельца и капитана Такатай-Кахи было получено известие о том; что Головнин и его спутники живы и находятся на Хоккайдо.

В октябре 1813 года настойчивому Рикорду наконец удается вызволить Головнина со спутниками из японского плена. Будущий начальник Камчатской области, академик Санкт-Петербургской академии наук и адмирал П. И. Рикорд описал плавание к Курилам и японским берегам в мемуарах «Записки флота капитана Рикорда о плавании его к Японским островам в 1812 и 1813 гг. и сношениях с японцами».

В своих записках Рикорд описал торжественную церемонию передачи ему японской стороной русских пленников. Особенно его поразила церемониальная вежливость японских официальных лиц:

«…На другой день состоялась прощальная аудиенция. Губернатор поднял над головой плотный лист бумаги, испещренный иероглифами, торжественно объявил: „Это повеление правительства". Документ извещал, что отныне и навсегда поступки лейтенанта Хвостова признаются «своеволием», а не действиями, согласованными с Петербургом, а посему и прекращается пленение капитана «Дианы».

Затем была прочитана другая бумага. Уже не правительственная, а губернаторская. Теске (переводчик. — А. Ш.) тут же перевел ее. Она гласила:

«С третьего года вы находитесь в пограничном японском месте и в чужом климате, но теперь благополучно возвращаетесь; это мне очень приятно. Вы, г. Головнин, как старший из своих товарищей, имели более заботы, чем и достигли своего радостного предмета, что мне также весьма приятно. Вы законы земли нашей несколько познали, кои запрещают торговлю с иностранцами и повелевают чужие суда удалять от берегов наших пальбою, и потому, по возвращении в ваше отечество, о сем постановлении нашем объявите. В нашей земле желали бы сделать всевозможные учтивости, но, не зная обыкновений ваших, могли бы сделать совсем противное, ибо в каждой земле есть свои обыкновения, много между собою разнящиеся, но прямо добрые дела везде таковыми считаются, о чем также у себя объявите. Желаю вам благополучного пути».

Приближенные правителя Мацмая, со своей стороны, тоже преподнесли освобожденному капитан-лейтенанту Головнину схожую с губернаторской грамоту. В ней, среди прочего, с изысканной японской вежливостью говорилось:

«Время отбытия вашего уже пришло, но, по долговременному вашему здесь пребыванию, мы к вам привыкли и расстаться нам с вами жалко. Берегите себя в пути, о чем и мы молим бога».

В конце прощальной церемонии стороны обменялись подарками. Японцы преподнесли русским морякам ящики с лакированной посудой, мешки с пшеном, бочонки саке, свежую и соленую рыбу. От Головнина и Рикорда в дар японской стороне — атлас Крузенштерна и Лаперуза, портреты русских полководцев, героев только недавно закончившейся Отечественной войны 1812 года М. И. Голенищева-Кутузова и П. И. Багратиона. Портреты были приняты японцами с особой благодарностью.

Два года, два месяца и 26 дней, находились в плену русские моряки. 7 октября 1813 года капитан-лейтенант В. М. Головнин вновь вступил на палубу шлюпа «Диана», который поднял паруса и оставил прибрежные воды японского острова Хоккайдо. Рикорд принял бразды камчатского правления, а Головнин через всю Сибирь из Охотска направился в российскую столицу, где встречен был с большим почетом.

Мичман Мур, решивший «предаться» из российского подданства в японское, так и не дождался такого решения японских властей. Те не захотели взять его к себе на службу, ибо предавший раз, предаст не однажды. Мур был вынужден возвратиться в Россию, где был встречен с позором, и оттого он вскоре покончил жизнь самоубийством. Надпись на его надгробии гласила:

«В Японии оставил его провождавший на пути сей жизни ангел хранитель. Отчаяние ввергло его в жестокие заблуждения. Жестокое раскаяние их загладило, а смерть успокоила несчастного. Чувствительное сердце! Почтите память его слезою…»

Именем вице-адмирала В. М. Головнина, талантливого русского исследователя Дальнего Востока и мореплавателя, впоследствии будут названы один из проливов между Курильскими островами, бухта залива Нортон-Саунд на Аляске (в Русской Америке) и действующий вулкан на острове Кунашир. Будущий вице-адмирал, член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук и генерал-интендант русского флота Головнин не забыл о своих товарищах по японскому плену. Современник тех событий писал:

Головнин *«назначил из собственного незначительного состояния единовременные пособия всем бывшим с ним в плену матросам, а одному из них производил пенсию до конца жизни…»*

Россия пыталась установить отношения со Страной восходящего солнца в 1815, 1816 и 1817 годах. Однако письменные послания российских властей японская сторона оставляла без ответа. Затраты на открытие торговли с Японией оказались напрасными. После этого почти на полвека поиск таких взаимовыгодных контак-

▲ Невельской Г.И.

тов прекратился. Эти попытки возобновились только с назначением главой Восточной Сибири Н.Н. Муравьева, названного за свои заслуги перед государством графом Муравьевым-Амурским.

Россия принимает ряд мер для укрепления своих государственных границ в Приамурье, при этом не участвуя в насильственном «открытии» для европейских держав Китая, произошедшем в ходе «опиумных войн» против Цинской империи. В 1849 году секретная Амурская экспедиция Г.И. Невельского исследует Татарский пролив и впервые устанавливает островной характер Сахалина, описывается его побережье. Одновременно изучаются устье реки Амур и юго-восточные берега Охотского моря. За эти государственные труды Невельской был произведен в контр-адмиралы и пожалован тремя орденами.

В 1850 году в низовьях реки Амур, на берегу удобной для захода парусных кораблей бухты, основывается русский Николаевский военный пост (современный город Николаевск-на-Амуре). Одновременно российское правительство извещает китайскую столицу Пекин, что, охраняя устье Амура и Сахалин, оно приняло меры к обороне Тихоокеанской окраины государства.

В кратком очерке по истории Донского казачьего войска, написанном в 1909 году, о событиях середины XIX столетия на дальней восточной окраине Российской империи говорилось следующее:

«В 1850 году, в царствование императора Николая I Павловича, русские корабли прошли к устью реки Амур, протекающей на далеком Востоке, разведали, что Сахалин — остров, а не полуостров, как думали до той поры, открыли богатый лесной край на деке Уссури и на берегу Великого океана, в удобном для стоянки кораблей месте заложили город, который назвали Владивостоком, т.е. «владей востоком». Когда донесли об этом императору, он сказал: «Где раз поднят русский флаг, он никогда не должен спускаться». Переговорили с китайцами, нашими соседями на Дальнем Востоке, они признали наше приобретение, и новый край стал заселяться...»

Интерес Соединенных Штатов к Японским островам вновь, после урегулирования пограничных отношений России с Китаем, приобретением Приамурья и Уссурийского края, привлек внимание официального Санкт-Петербурга к Дальнему Востоку. Для «открытия Японии» был созван Особый комитет. Он обсуждал возможные действия Российского государства по отношению к своему «закрытому» дальневосточному соседу. Было решено без отлагательства приступить к «миролюбивым в отношении Японии мерам». «Миролюбивые» меры решения геополитических вопросов стали доброй традицией для России с середины XIX века, после окончания Кавказской войны и окончательного присоединения к ней Средней Азии (Туркмении).

В решении Особого комитета говорилось: *«...Хотя морская торговля наша далеко еще не находится в том положении, чтобы доступ в Японию составлял для нас такой же существенный вопрос, как для американцев, но и в таком случае, кроме будущих интересов нашей торговли, которые во всяком случае полезно заранее обеспечить, являются также интересы наших американских колоний и Камчатки, требующих удобнейших способов доставки туда продовольствия и т.п.»*.

В 1852 году на Южном Сахалине русские военные посты учреждаются в Дуэ и Аниве. С тех пор Российская империя и Япония стали близкими соседями. Санкт-Петербург оказался одной из европейских столиц, заинтересованных в ликвидации самоизоляции своего соседа на Дальнем Востоке. Однако эту проблему решили не российские дипломаты, а американский военный флот.

В 1853 году у японских берегов появилась американская эскадра из четырех боевых кораблей под командованием коммодора Мэтью Калбрайта Пирри, которому правительством в Вашингтоне было поручено

демонстрацией силы заставить Японию пойти на заключение торгового договора и на открытие некоторых своих портов для американских товаров. Подобные проблемы Соединенные Штаты, по примеру «владычицы морей» Великобритании, в течение двух последних столетий успешно решали силой оружия и мощью военного флота. Коммодор Пирри успешно справился с задачей взлома «бамбукового занавеса», высадив в ходе переговоров под прикрытием больше сотни корабельных орудий на японский берег 500 вооруженных моряков.

Японское правительство сиогуната (одного из феодальных кланов Японии) было вынуждено пойти на подписание Канагавского договора (заключенного в префектуре Канагава на острове Хонсю) и открыло для свободной торговли, но при посредничестве сиогунских (правительственных) чиновников, американским купцам два порта — гавани Симода (на полуострове Идзу) и Хакодате. Помимо этого, Япония обязывалась оказывать покровительство потерпевшим кораблекрушение американским морякам. Примеру Соединенных Штатов незамедлительно последовали европейские морские державы (прежде всего Англия и Голландия), в их числе, вполне естественно, оказалась и Россия.

После «успешного» визита в Токио коммодора Пирри в порт Нагасаки из балтийского Кронштадта пришла русская эскадра в составе трех кораблей с экипажем численностью 463 человека под командованием вице-адмирала Е. В. Путятина — полномочного представителя России в Японии и Китае. Ему предстояло решить вопросы территориального разграничения и взаимовыгодной торговли. Путятин с эскадрой после трудного плавания прибыл в порт Нагасаки 10 августа 1853 года и был сразу встречен крайне недружелюбно. Объяснялось это просто: перед этим там побывала американская военная эскадра, которая грубо нарушила правила высадки иностранцев на берег.

Японские власти долго уклонялись от ведения дипломатических переговоров с посланником Российской империи и приступили к ним только в январе 1854 года. Русский вице-адмирал Путятин, в отличие от других европейцев уважительно относившийся к местным обычаям и нравам, сумел снискать популярность у местных жителей, оставив после себя добрую память. В деревне Хэда, где происходили переговоры, в 1969 году был основан музей, посвященный русскому адмиралу-дипломату.

Переговоры касались прежде всего установления государственной границы между Россией и Японией. Японская сторона в лице посланников сегуната Токугавы — Масанори Касая и Сеймо Кавадзи хотела провести ее по середине Сахалина и между островами Уруп и Итуруп Курильской гряды. Путятин же отстаивал полную принадлежность России Сахалина и Курил до острова Итуруп включительно.

В письме к Верховному совету — высшему органу японского правительства — от 18 ноября 1853 года российский полномочный посланник вице-адмирал Е. В. Путятин писал:

«Гряда Курильских островов, лежащая к северу от Японии, издавна принадлежала к России и находилась в полном ее заведывании. К этой гряде принадлежит и о. Итуруп, населенный курильцами и отчасти японцами. Но русские промышленники в давние времена имели поселения на этом острове...»

Японская сторона приводила собственные доводы принадлежности ей и острова Карафуто, и Курильской гряды. Ответы на эти доводы она даст сама себе спустя почти столетие. Профессор университета Токай в Токио Нобуо Мурога в середине XX столетия напишет, что точных данных о «первой» японской экспедиции, посланной якобы в 1636 году на Южный Сахалин, не имеется. По свидетельству профессора Хоккайдоского университета Синъи-тиро Танакура, карты приграничных районов Северной Японии (Эдзо) 1644 года, на которую были бы нанесены Курильские острова, не существует.

Среди прочего японская сторона утверждала, что в 1792—1793 годах их путешественник Риндзо Мамия исследовал восточное и западное побережья Карафуто и в одном месте поставил каменный памятник с надписью: «Это японская земля». Такое заявление никак не вязалось с законами «закрывшейся» от внешнего мира Страны восходящего солнца, в которой люди, совершившие подобные путешествия от берегов Японии, карались смертной казнью.

Однако с началом Восточной, или Крымской, войны 1853—1856 годов кораблям эскадры вице-адмирала Путятина пришлось уйти из Японии в Петропавловск-Камчатский, который предстояло защищать от союзной англо-французской эскадры, появившейся в северной части Тихого океана. Переговоры с Японией были на время прерваны.

Однако в 1854 году вице-адмирал Е. В. Путятин на фрегате «Паллада» предпринял вторую попытку завязать переговоры с японской стороной. 26 января 1855 года он заключает с Японией от имени Российского государства в местечке Симода первый русско-японский договор, получивший в истории дипломатии название Симодского. За государственные заслуги и географические открытия на Дальнем Востоке будущий полный адмирал и министр просвещения России Путятин был награжден орденом Белого Орла и произведен в потомственное графское достоинство.

Первый параграф Симодского договора гласил: *«Отныне да будет постоянный мир и искренняя дружба между Россией и Японией. Во владениях обоих государств русские и японцы пользуются покровительством и защитою как относительно личной их безопасности, так и неприкосновенности их собственности»*.

По этому договору граница между двумя странами в Курильской гряде проходила между островами Итуруп и Уруп. Последний остров и северная часть Курил составляли владения России. Остров Сахалин (остров Карафуто или Крафто) оставался во власти двух государств.

Остров Сахалин (Карафуто, Крафто) оставался во власти двух государств, и граница там не устанавливалась: он оставался «не разделенным между Россией и Японией».

Путятин получил из Санкт-Петербурга правительственную инструкцию провести границу на Курилах в соответствии с фактическим положением дел.

Русским судам для захода и доставки товаров открывались три японских порта: Нагасаки, Симода и Хакодате. В одном из них мог находиться русский консул. Японцы открывали для русских для торговли на один порт больше, чем американцам. За приобретенные товары Россия могла расплачиваться своими товарами, а не только золотой и серебряной монетой, как было сказано в американо-японском договоре, заключенном несколько ранее в портовом городе Канагаве (Иокагаме).

Все права наиболее благоприятствуемой нации распространялись на Россию. Русские в Японии и японцы в России, в случае совершения ими преступлений, судились по законам своей страны. Подданные двух договаривающихся соседних государств пользовались в их владениях полной защитой. Она выражалась «как относительно их личной безопасности, так и неприкосновенности их собственности». Русский дипломат в звании вице-адмирала Российского флота добился решения главной задачи своей миссии — заключения со Страной восходящего солнца трактата о дружбе и торговле.

Симодский договор оставлял остров Сахалин в общем владении между двумя государствами. Известный исследователь русско-японских отношений Н. Д. Богуславский писал по этому поводу в 1904 году:

«Такое положение создалось в силу того, что остров, хотя посещался как японскими, так иногда и русскими промышленниками, не имел никаких административных органов, которые доказывали бы принадлежность его той или иной стране. Практической настоятельной необходимости в разграничении еще не было».

О миролюбивой позиции России при заключении с Японией Симодского договора свидетельствует хотя бы такой факт. Чтобы доказать дружественность своего отношения к соседней стране, был снят русский военный пост на юге Сахалина, основанный там Г. И. Невельским, что было воспринято японской стороной с пониманием.

Симодский договор получил свое закрепление и дальнейшее развитие в Иеддской (Эдоской) конвенции 11 декабря 1867 года. Она была заключена в городе Эдо, который в 1869 году получил Новое название — Токио. По ней Россия получала в Японии права по консульскому пребыванию и торговле наравне с другими европейскими державами. Но Иеддская конвенция по своему содержанию оказалась намного шире Симодского договора. Российской торговле открывались новые порты, и во всех из них могли пребывать русские консулы.

Все договоры, которые были заключены Японией с европейскими странами и США в начале второй половины XIX столетия, носили неравноправный характер. Только договор с Россией распространял все льготы, предоставляемые русским в Японии, и на японцев в России. По этому поводу японский историк Х. Вала писал:

«Другого такого примера обоюдного предоставления наибольшего благоприятствования и установления равенства сторон не имеется».

В новом договоре предусматривалась возможность взаимовыгодного обмена половины Курильской гряды на весь остров Сахалин договаривающимися сторонами. Этот пункт Иеддской конвенции имел для России немаловажное значение. Суть его состояла в открытии на Сахалине месторождений каменного угля, которые можно было разрабатывать без больших капиталовложений. Сахалинский уголь намечалось использовать в качестве местного топлива для морского парового флота. В 1856 году на Сахалине были учреждены русские военные посты, и началась эксплуатация угольных копей. Такое обстоятельство делало для России обмен территориями с Японией крайне желательным.

Остров Сахалин продолжал оставаться неразделенным. В соответствии с положением Симодского договора генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев (Муравьев-Амурский) в начале августа 1859 года прибыл во главе эскадры в Эдо для переговоров о разграничении государственной границы в районе Сахалина. Муравьев заявил японской стороне, что Сахалин с давних пор принадлежит России и имеет большое значение для обороны ее дальневосточных земель, и предложил установить русско-японскую границу по проливу Лаперуза, оставив рыболовные промыслы японцев в неприкосновенности.

Делая такие предложения, восточносибирский генерал-губернатор руководствовался прежде всего геополитическими интересами Российского государства. Муравьев писал по этому поводу в Санкт-Петербург канцлеру А. М. Горчакову:

«Принимая в соображение, что права японцев на Сахалин столь же неопределенны, как и наши, что остров этот по обоим названиям своим — Сахалин и Карафуто — ничего японского в себе не заключает (по-японски Карафуто означает буквально «Остров китайских людей». — А. Ш.), я не мог согласиться ни на какое разделение его между Японией и нами, и особенно в тех видах, что по слабости Японии всякое иностранное государство легко может овладеть той частью, которая признана будет японскою, утвердиться в ней и нанести нам с тем существенный вред на все будущие времена, особенно в отношении Лаперузова пролива, который составляет ближайший и единственный выход для наших судов из Татарского пролива в Восточный (Тихий) океан».

▲ Сахалин и Курильские острова

В ходе переговоров Муравьев напомнил японской стороне, что до появления японских рыбаков на Сахалине он считался «китайским островом» (Карафуто — Остров китайских людей), принадлежащим к району реки Амур (по-китайски Сахалян-ула), отошедшему к России по русско-китайскому Айгуньскому договору 1858 года. При этом было сказано, что на самом юге Сахалина, в заливе Анива, в местечке Кусюнкотан, еще в 1853 году был основан русский сторожевой пост Муравьевский.

Японская сторона не согласилась с доводами посла Российской империи. Генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев имел в своей эскадре девять боевых кораблей и мог, как это делали американцы и европейские державы, применить военную силу. Однако он имел строжайшие инструкции решить вопрос мирными средствами. Переговоры о Сахалине были на время прерваны.

В эти же годы решался вопрос о Цусиме — островах в Корейском проливе. На обладание этими островами претендовала Великобритания, которая в крайнем случае желала иметь в цусимском порту Имосаки свое военное присутствие. В таком случае враждебно настроенная к России «владычица морей» закрывала русским кораблям проход через Корейский пролив.

Россия, со своей стороны, была заинтересована в том, чтобы иметь

на Цусиме незамерзающий порт. В 1861 году была предпринята попытка к созданию в Корейском проливе собственной флотской базы. Она была связана с личной инициативой командующего русской эскадрой в Тихом океане капитана 1-го ранга И. В. Лихачева, который хотел иметь для своих боевых кораблей незамерзающую стоянку. Такое предложение он направил главе морского ведомства России великому князю Константину Николаевичу.

Российское правительство не желало ухудшать отношения с Японией и предложило Лихачеву отказаться от такого замысла. Но великий князь Константин Николаевич разрешил своему подчиненному под личную ответственность заключить частную сделку с владельцем островов, князем Цусимы, на аренду участка земли для русской станции (базы). Но при непременном условии, если против этого не будут протестовать правительство Японии и западные державы. При этом учитывалось, что княжество Цусима, в отличие от других феодальных владений южной Японии, находилось в большой зависимости от правительства этой страны.

Лихачев отправил на Цусиму для ремонта корвет «Посадник» под командованием капитан-лейтенанта Н. А. Бирюлева. Тот прибыл 1 марта в бухту Осаки на одном из островов и добился от местных японских чиновников разрешения на выбор места не только для ремонта корвета, но и для сооружения склада для будущей стоянки русских кораблей и лазарета для больных моряков. Началось строительство «военно-морской станции» России на Цусиме.

Однако земля под строительство была отобрана японскими чиновниками у местных крестьян, что вызвало их крайнее недовольство. Обезземеленных крестьян поддержали вооруженные цусимские пограничные стражники. Произошло столкновение, в ходе которого русскими моряками был убит один из нападавших, а несколько стражников попали в плен. Об этом стало известно в столице Японии.

В августе того же года капитан-лейтенант Бирюлев оказал нажим на князя Цусимы и тот выдал письменное согласие сохранить «военно-морскую станцию» России в своих владениях, но при условии, если правительство микадо не будет против. Однако этому воспротивилось не только японское правительство, но и британский консул на Цусиме. Санкт-Петербург решил отозвать русский корабль с островов Цусима, и этим инцидент был исчерпан. Ответственность за него российское правительство возложило на Лихачева, который был заменен на посту командующего русской эскадрой в Тихом океане контр-адмиралом А. А. Поповым.

Однако налаживать добрососедские отношения России с Японией требовало само время. И прежде всего по вопросу о Сахалине. Было одно немаловажное обстоятельство для скорейшего решения сахалинской проблемы: в 1867 году Россия продала Соединенным Штатам Русскую Америку (Аляску) и Алеутские острова. Теперь она стала стремиться закрепить за собой те территории Дальнего Востока, которые еще никому не принадлежали — Приамурье и Уссурийский край, а также остров Сахалин. Иеддская конвенция своим пунктом о возможности обмена островными территориями способствовала решению этой проблемы.

▲ Камчатка, острог

Такой фактический обмен состоялся уже вскоре после заключения Иеддской конвенции — через 8 лет, по Иеддскому договору 10 августа 1875 года. Особую активность здесь проявил японский посол в России Буйо Эно-мото, выполнявший поручение своего правительства; острова Курильской гряды отходили к Японии, а южная часть острова Сахалин переходила в административное подчинение губернатору Приамурского края. Но это было лишь констатацией свершившегося факта: не японцы, а русские вели в те годы хозяйственное освоение Сахалина.

Царское правительство с 1867 года приступило к систематическому заселению отдаленного острова ссыльнокаторжными. Превращение Сахалина в место российской ссылки и каторги привело к сокращению количества свободных поселенцев, что в итоге заметно тормозило экономическое развитие огромного по площади и природным богатствам острова.

Через двадцать лет, в 1894 году, русскому вице-консулу в городе Хакодате пришлось писать своему послу в Токио по поводу такой «курильской» уступки российского правительства следующие строки:

«Обмен части о. Сахалина в 1875 г. на Курильские острова здесь не могут забыть. Мне пришлось видеться с несколькими здешними жителями, которые все безусловно находят, что этот обмен, весьма корректный по форме, совершен в прямой убыток Японии».

В свою очередь, по свидетельству одного японского писателя (1880-е годы), русская сторона была недовольна таким «обменным» соглашением правительств России и Японии. Один из русских дипломатов в частной беседе сказал японцу:

«От обмена Курильских островов на Сахалин Россия не только не получила выгод, но наоборот, попала впросак, потому что, если Япония устроит сильный порт на каком-нибудь из Курильских островов и тем пресечет сообщение Охотского моря с Японским, Россия потеряет выход в Тихий океан и очутится как бы в сетях. Напротив, если бы она продолжала владеть Курильскими островами, Тихий океан был бы для нее всегда открыт».

Заключение Иеддского международного договора стало возможным после победы в Стране восходящего солнца так называемой революции Мэйдзи 1868 года, которая носила буржуазный характер, хотя и реставрировала императорскую власть. «Реформы Мэйдзи» окончательно порывали с длительной самоизоляцией Японии от окружающего ее мира, в том числе и от северного соседа в лице Российского государства.

«Установление» незыблемости императорской власти в сознании японского народа во многом предопределило дальнейшее развитие Страны восходящего солнца. Государство устремилось в XX столетие с именем обожествленного микадо. Оно шло по так называемому настоящему императорскому пути. Не случайно японские политики и ученые говорят и по сей день утверждают, что японская история представляет собой не что иное, как осуществление этого пути. Сохранить этот путь, прославить его — является долгом японского народа как верного подданного Его Величества.

Показательна в этом отношении брошюра военного министра Японии генерала Садао Араки «Задачи Японии в эру Сева». Она была издана в Токио в 1932 году, в ее введении говорилось:

«В результате своей великой экспедиции основатель императорской династии Дзимму построил первый императорский дворец в Кавасибара в районе Ямато (теперь префектура Нара) и торжественно установил основание государства и принцип верховной власти.

С тех пор императорская линия в течение 124 поколений непрерывно продолжалась и основание государства с каждым годом укреплялось. Великое дело японского народа (народа Ямато) с каждым годом процветает под отеческим руководством ряда императоров.

С глубоким чувством и гордостью мы вспоминаем блестящую трехтысячелетнюю историю государства.

Особенно при императоре Мэйдзи, который взял на себя великую задачу руководить народом вновь восстанавливающегося государства, народом, слава которого гремит по всему земному шару, — национальный дух, долгое время находившийся в скрытом состоянии, наконец показал свою действенность и живую энергию.

Императорское государство Япония, как гигантски возвышающаяся над облаками гора Фудзи, является великой фигурой для мира. Стоя перед этой фигурой, мы не можем не почувствовать еще большей гордости и бодрости...»

Насильственные действия японцев против европейцев получали ответную реакцию. Так, в ответ на убийство в 1862 году самураями британца Ричардсона английская эскадра в качестве возмездия провела военную демонстрацию у портового города Кагосимы. Этот город на острове Кюсю, столица княжества Сацума, был подвергнут жестокой бомбардировке с моря.

Затем в начале сентября 1864 года международная военная эскадра (Великобритания, США, Франция и Голландия) огнем своей корабельной артиллерии полностью разрушила береговые батареи японцев, сооруженных и защищаемых местным князем Мори на берегах Симоносекского пролива. Сильной бомбардировке с моря подвергся город Симоносеки (Тесю).

Россия отказалась присоединиться к подобным карательным действиям. Летом 1865 года русская эскадра вообще покинула японские воды. В них остался лишь один корабль — корвет «Варяг» — для нужд консульства России в городе Хакодате. Русскому консулу в нем Е. К. Бюцову в инструкции, утвержденной императором Александром II, предписывалось придерживаться, как и прежде, невмешательства во внутренние дела Японии и в ее инциденты с западными державами.

В 1872 году русский консул в северном портовом городе Хакодате

был назначен посланником России в Эдо (Токио). В инструкции российского правительства Бюцову подчеркивалось:

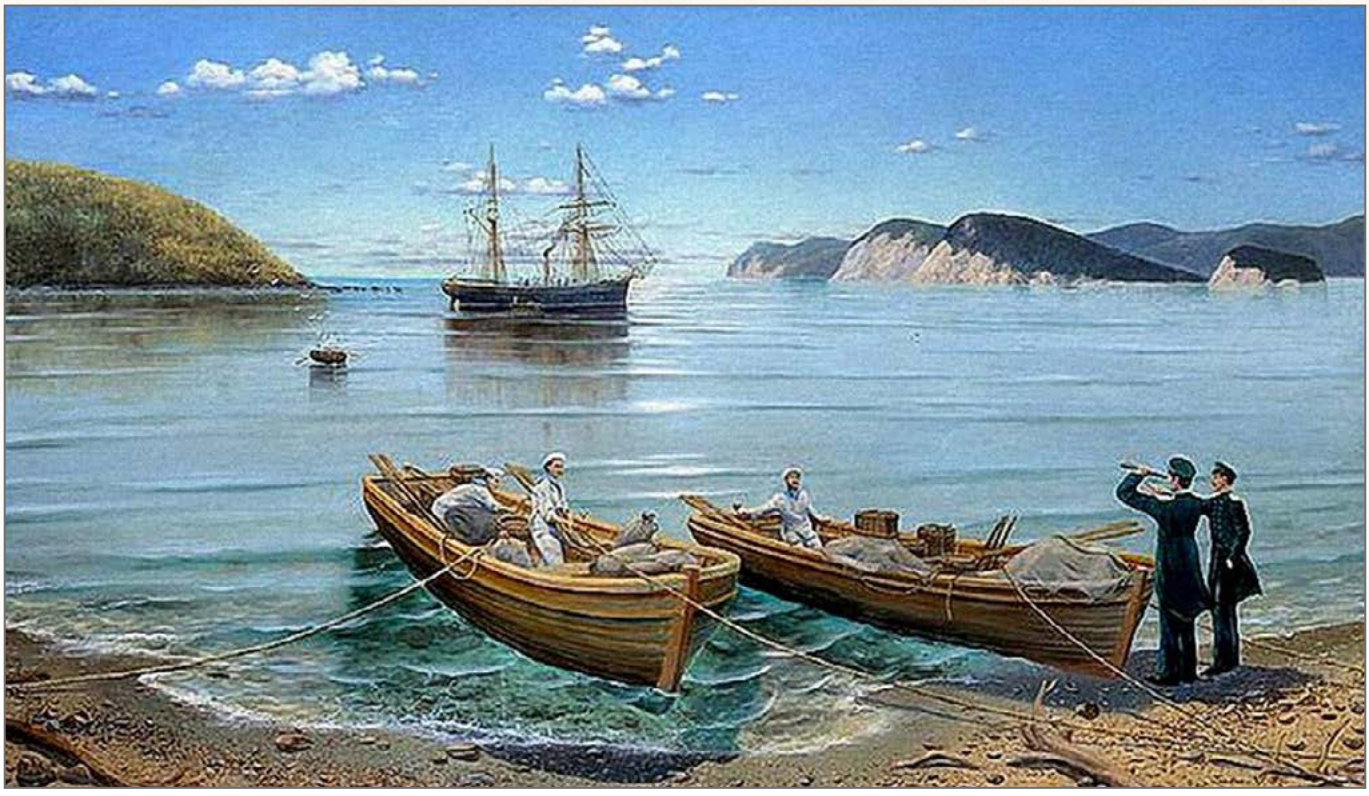
«Мы занимаем в отношении Японии совершенно исключительное положение, отличное от того, в котором находятся другие иностранные государства; оно обусловлено, с одной стороны, близким соседством нашим к Японии, с другой — отсутствием, по крайней мере на некоторое еще время, торговых интересов, привлекающих туда другие нации; наше соседство не позволяет нам оставаться равнодушным ко всему, происходящему в Японии; мы должны зорко следить за ее внутренним развитием, отсутствие же торговых интересов дает нам возможность быть гораздо снисходительнее других держав в наших требованиях и даже оказывать поддержку японскому правительству».

После окончательного подавления самурайского сопротивления центральной власти и стабилизации внутреннего положения в Стране восходящего солнца японцы возобновили заселение Южного Сахалина, образовав там ряд поселков. У местных жителей айнов были захвачены все рыбные ловли. В ответ на это российские власти укрепили старые и основали ряд новых военных постов, в том числе Корсаковский. На остров прибыли новые партии ссыльнокаторжных.

Однако назревавшему конфликту не суждено было быть. В апреле 1875 года в Санкт-Петербурге японский посланник в России Эномото Такзаки подписал договор, по которому Сахалин полностью переходил к России в обмен на принадлежавшие ей 18 островов северной и центральной части Курильской гряды. Японским судам давалось право рыбной ловли в водах Сахалина, Камчатки и Охотского моря. В порту Корсаков учреждалось японское консульство. Японцам, поселившимся на Сахалине, давалась возможность остаться там, но при условии подчинения законам владеющей островом страны.

7 сентября 1875 года в знак утверждения прав Российской державы на весь остров Сахалин в Корсаковском порту в торжественной обстановке был поднят русский флаг. Акт обмена Сахалина на российскую часть Курильской гряды свидетельствовал прежде всего о стремлении России по-добрососедски строить свои отношения с Японией.

В сознании японцев, касты самураев, правящих кругов страны начинает превалировать мысль о том, что задача немедленного изгнания любых иностранцев из пределов Японии становится просто невозможной. Постепенно утверждается противоположный взгляд на собственную историю: чтобы стать действительно сильным государством, хотя бы в нескором будущем, необходимо заимствовать у иностранцев все то, что делало их сильными и уверенными в себе. Так начинал изменяться менталитет целого народа — многочисленного, трудолюбивого, склонного к организованности и самодисциплине и воинственного, как свидетельствует национальная история.

▲ Шхуна «Восток»

▲ Адмирал Того

▲ Микадо Муцухито

В такой внутриполитической ситуации японский император начинает борьбу с феодальным правительством сиогуна за возвращение себе подлинной власти в стране. В апреле 1863 года микадо вызывает сиогуна Токугаву к себе во дворец, в город Киото, для объяснений.

Таким образом, впервые за двухвековой промежуток истории Японии сиогун предстал перед истинным, обожествленным государем Страны восходящего солнца. Среди прочего всесильному до того сиогуну было указано, что международные договоры получают полное и окончательное одобрение не им, а лично микадо.

Враждебное отношение к сиогунату охватывает весь юг и юго-запад Японии — местных владетельных феодалов из кланов Тесу и Сацума, их воинственных самураев, простонародье. Повышение цены на рис вызвало массовые крестьянские восстания. Таким положением воспользовался вступивший в январе 1867 года на японский престол пятнадцатилетний Муцухито. Он приобрел надежных сторонников среди феодалов, стоявших вне влияния сиогуна Токугавы (у власти находился последний сегун из этого феодального рода — Кэйки или Хитоцубаси), и в последних числах декабря этого года обнародовал высочайший указ об упразднении сиогуната и о своем вступлении в фактическое управление делами государства.

Самовластные феодалы и самурайские кланы в лице юного императора Муцухито обрели грозного противника в борьбе за фактическую государственную власть на Японских островах. Микадо, обожествленный всем укладом исторической жизни Страны восходящего солнца, решил обрести свою истинную власть. Не случайно первые страницы в учебниках японской истории для начальных школ начинались словами:

«Предком его величества императора является Аматэ-расу, богиня солнца, добродетели которой ярки и благотворны, как сияющие звезды...»

Японией сначала правил принц Ниничи-но-Микото, внук Аматэрасу. Прежде чем он стал императором Японии, его бабушка сказала ему: «Ты будешь править этой страною, и твоя императорская власть будет столь же долговечна, как долговечны звезды и мир». На основе этих слов и построена японская империя.

Восстановление былой власти микадо, естественно, привело к междоусобной вооруженной борьбе в Японии. Она, в частности, вылилась в «войну Четырех Углов» и «войну Боши» (войну за Реставрацию). Императорским войскам пришлось вести большую и кровопролитную войну против северных феодалов и их самураев, сторонников власти сиогуната, брать штурмом сильные крепости Йедло и Вакамуцу. Сражением при Вено близ Токио было покончено с властью сиогуната феодального клана Токугава. Бывший сегун Кэйки после поражений в сражениях при

Фусими и Тоба в окрестностях Киото в мае 1868 года без боя сдает свою резиденцию — замок Эдо. В стране власть переходит в руки западных феодальных кланов.

Микадо Муцухито особенно трудно далось усмирение стойкого во взглядах и в войне адмирала Еномото (Эномоцо) Такэаки, командовавшего сиогунским флотом. Адмирал со своим флотом отплыл на южное побережье острова Хоккайдо и провозгласил там «дворянскую республику». Он сопротивлялся своему обожествленному императору с огромным упорством и удивительно долго, сдавшись войскам микадо только в середине 1869 года.

Этот год в японской истории считается началом новой эпохи под названием «Мэйдзи» (в буквальном переводе — просвещенное правление, официальное название периода правления императора Муцухито с 1868 по 1912 год). Имя императора теперь тоже стало Мэйдзи. А связанные с этим события вошли в японскую историю под названием «Мэйдзи исин» (Реставрация Мэйдзи).

Затем началась серия самурайских мятежей, направленных против централизации власти в стране. В этих мятежах приняло участие несколько десятков тысяч представителей военной касты Японии — самураев. Больше всего они были недовольны созданием национальной армии на основе всеобщей воинской повинности. Недовольные нововведениями самураи восставали с оружием в руках против центрального правительства, но не против императора Страны восходящего солнца.

В 1877 году императорские войска с большим трудом подавляют восстание клана Сацума на острове Киу-Сиу (Кюсю) под предводительством популярного японского военачальника Сайго Кичиноско. В конце сентября того же года он начал марш на Токио во главе 4-тысячной самурайской армии княжества Сацума; но потерпел полное поражение от правительственных войск и погиб в битве близ города Кумамото. Самурайские войска Сайго Кичиноско были рассеяны и больше воедино не собирались.

Только после всех этих внутренних военных потрясений «реформы Мэйдзи» начали утверждаться во внутренней жизни Японской империи, в которой реальная власть микадо утвердилась раз и навсегда, вплоть до середины XX столетия. Теперь будущее молодой державы Восходящего солнца, отказавшейся от самоизоляции, было обеспечено.

После подавления сопротивления крупных феодалов и недовольства касты самураев централизованной императорской власти «реформы Мэйдзи» последовали одна за другой. В 1871 году окончательно исчезает деление страны на феодальные владения — «ханы». Вместо них образуются «кены», то есть губернии во главе с императорскими чиновниками.

В следующем, 1872 году в Японии начинается организация императорской регулярной армии, комплектование которой шло на основе всеобщей личной воинской повинности. Согласно принятому закону о всеобщей воинской повинности, призыву в армию подлежали лица мужского пола, достигшие 20-летнего возраста и годные для действительной воинской службы. Военная реформа полностью отвечала духу военной касты страны — многочисленному самурайскому сословию. Началось милитаристское воспитание народа, ставка в котором делалась на верноподданнические чувства к божественному микадо, беспрекословное повиновение его воле.

Весь период 80-х годов в Японии знаменовался законодательными преобразованиями и реформами государственного управления. По примеру Западной Европы в стране создаются министерства. В 1889 году были обнародованы статьи новой конституции Японии. Правительство посылает за границу большое число способных молодых людей, которые занимаются повышением своего образования и одновременно перенимают в Европе все лучшее, что можно было применить на японской земле.

Страна восходящего солнца с невиданным ранее в мировой истории упорством стремилась догнать в поступательном развитии цивилизованные государства Европы и Северной Америки. Более того, Япония поставила перед собой задачу войти в эту семью полноправным членом. В 1874 году она присоединяется к Женевской конвенции, в 1878 году — к Всемирному почтовому союзу. В 1890 году добивается подчинения иностранцев местному суду, открыв им взамен этого свободный доступ на всем пространстве островной империи.

Один из исследователей японской истории М. Венюков в своем труде «Обозрение Японского архипелага и современное его состояние», опубликованном в 1871 году в Санкт-Петербурге и Берлине, не без стороннего восторга комментировал результаты «реформ Мэйдзи», которые еще не завершились:

Таким образом, *«целое племя, многочисленное и даровитое, надолго отделенное от остального мира положением своей страны и государственными уставами, примкнуло к торжественному ходу других народов земли. С запасом свежих и бодрых сил, с пламенным рвением юности оно стремилось догнать тех, которые опередили его. Все старое, отжившее, непригодное для новых условий жизни было откинуто; все современное, полное мощи и возбуждающее лучшие силы духа было принято с увлечением...»*

Японии не пришлось уже в ближайшем будущем раскаиваться в резком переходе от старой жизни к новым государственным трудам и заботам. Много лет спустя микадо в одном из своих высочайших рескриптов напишет: «Задача открытия империи общению с чужими странами увенчалась благими последствиями». В таком выражении японский государь констатирует итоги «реформ Мэйдзи», поставивших Страну восходящего солнца в один ряд с наиболее могущественными державами Европы.

Вхождение Японии в систему цивилизованных государств стало зна-

▲ Первооткрывателям Курильских островов

менательным событием. Не случайно Военно-историческая комиссия по описанию Русско-японской войны 1904— 1905 годов в своем аналитическом труде «События на Дальнем Востоке, предшествовавшие русско-японской войне 1891 — 1903 гг.» (он был создан под руководством генерал-майора П. Н. Симанского) констатировала:

«Совершившееся обновление империи, начавшееся развитие торговли и естественных богатств, могучий рост населения сейчас же вызвали и накопление сил, требовавших исхода. Необходимо было найти новые земли для избытка населения, новые рынки для японских товаров, новые успехи для приобщения молодой империи к семье мировых государств. Тут сплелось в одно — простое честолюбие и настоятельная необходимость, денежная выгода и внешнее величие. Приобщаясь к политической жизни остальных государств мира, Япония решила выступить на Дальнем Востоке в самой активной роли и теперь же осуществить свое вековое стремление к переносу центра всей деятельности японского народа на ближайший материк».

Таким материком мог быть только один — Азиатский, поскольку Страна восходящего солнца в своей истории не искала территориальных приобретений вне берегов Тихого океана. Первым объектом для японской экспансии стал ближайший сосед — Корейское королевство, только затем империи — Китай и Россия.

Соседство Российской империи с Японией еще более усилилось после Пекинского договора от 14 ноября 1860 года, заключенного шесть дней спустя после ухода из Пекина английских и французских войск. По этому договору к России отходил весь Южно-Уссурийский край, и она, по сути дела, возвращала себе Приамурье, где русские землепроходцы закрепились еще в XVII столетии.

Пекинский договор для России имел огромное, судьбоносное значение. Теперь русская геополитическая экспансия на Дальний Восток пошла прямым путем, а не через чрезвычайно отдаленный замерзающий порт Охотск и полуостров Камчатку. В 1860 году стабильно развивавшемуся Российскому государству возвращался его исторический путь на восток по реке Амур, удобной для судоходства от Забайкалья. Однако обустройство российской Тихоокеанской окраины привело к переплетению на Дальнем Востоке государственных интересов России, Китая, Японии и Кореи.

Российскому правительству первое время не приходилось беспокоиться об участи Тихоокеанской окраины огромной империи. Все три соседних с ней на Дальнем Востоке государства пока находились в состоянии полного покоя или же были заняты решением сугубо внутренних проблем. В таких благоприятных для

России внешнеполитических условиях все ее стратегические соображения относительно Дальнего Востока отходили пока на задний план, если бы не одно обстоятельство — слабость ее вооруженных сил на берегах Тихого океана — как армии, так и военного флота.

Однако слабость России здесь до поры до времени покрывалась военной слабостью ее дальневосточных соседей: Японии, Китая и Кореи. В начале второй половины XIX столетия в Санкт-Петербурге еще не ставился вопрос о более тесных связях Тихоокеанской окраины Российской империи с ее европейским центром. Но подобное безмятежное состояние международных дел продолжалось после Пекинского договора сравнительно недолго.

С 80-х годов на Дальнем Востоке начала активизироваться экспансия Великобритании, а затем и Германии. Лондон и Берлин прежде всего интересовал Китай, этот огромный рынок сбыта товаров. Английское правительство решило противостоять здесь России, которая присоединением к себе Туркмении в ее южной части, у Кушки, опасно приблизилась к главной драгоценности британской короны — Индии. Усиление английского влияния в китайской столице шло параллельно с нагнетанием там враждебности к России.

В Китай стали поступать английские и германские кредиты, в ее армии появились европейские инструкторы. Началось заметное оживление хозяйственной деятельности китайцев в Маньчжурии, в том числе в ее северной, пограничной с Россией части, огромной по размерам слабо заселенной области. В южной Маньчжурии прокладывается первая железная дорога, идущая из Пекина. По реке Сунгари открывается движение пароходов.

Китай начинает усиливаться в военном отношении прежде всего к северу от своей столицы Пекина. Для сухопутной обороны Маньчжурии возводятся современные фортификационные сооружения в Ханчуне, Нингуте и Саньсине. На их фортах устанавливаются орудия германской фирмы Круппа, а многочисленные гарнизоны состоят из по-европейски обученных войск. В городе Гирине построены арсенал и пороховой завод, полностью снабжавшие маньчжурские войска порохом и патронами. Устанавливаются телеграфные линии, используемые прежде всего для военных целей, проводятся исследования по берегам пограничных рек Амур, Сунгари и Ялу.

Соответственно начинается наращивание и военной мощи Японии. Этот процесс был предопределен тем, что к концу XIX столетия за Тихим океаном, прежде всего за его северо-западной частью, закрепилось наименование «Средиземного моря будущего». Свое будущее стремились строить здесь такие мировые державы, как Великобритания, США, Германия и Франция. Россия, уже давно твердой ногой стоявшая на северном побережье самого великого океана планеты, естественно, оказалась в самом центре всех политических и военных событий на Дальнем Востоке.

В конце XIX века милитаризм стал отличительной чертой бурно развивавшегося японского общества. Началась мало чем прикрытая подготовка к захватнической войне на Азиатском континенте, прежде всего на Корейском полуострове и китайской территории. Вопрос о вооруженном противоборстве с Российской империей пока еще не стоял на повестке дня. Становление японского милитаризма во многом связано с именем маршала А. Яма-гуты. Самурай, по происхождению, духу и воспитанию, откровенно писал о задачах Японской империи на ближайшие годы:

«В настоящее время высокомерная позиция китайцев в отношении Кореи, противоречащая интересам Японии, показала нашим офицерам, что рано или поздно следует ожидать великой войны на континенте, и вызвала в них интерес к приобретению знаний, так как они еще были совершенно непригодны для континентальной войны».

Корея имела для Японии в ее устремленности к завоеваниям на континенте особое значение, и в истории эти государства были взаимосвязаны во многом благодаря тому, что их разделял всего лишь Корейский пролив, легко преодолеваемый даже малыми парусниками. Японские войска не раз десантировались на полуострове. На территории Кореи японские завоеватели не раз сталкивались с китайскими войсками, которые оказывались в Стране спокойного утра с теми же завоевательными целями.

В начале XIV столетия, на протяжении 68 лет, Корее приходилось одновременно регулярно посылать и в Китай, и в Японию особые посольства с богатыми подарками для их правителей с «легкой» для корейцев данью. Для государства на Корейском полуострове это было время относительного внешнего спокойствия.

Такая ситуация изменилась в конце XIV века. Тогда Корея отказалась принять участие в задуманном японцами походе в соседний Китай. Такой отказ стал на Японских островах прямым предлогом для десантирования на юге Корейского полуострова огромной по тому времени 150-тысячной армии. Она заняла города Сеул, Пхеньян и Фузан, после чего начала действия против китайских войск, пришедших на помощь Корее. В итоге земли этой страны оказались страшно опустошенными воюющими сторонами...

Подобных примеров история взаимоотношений Японии (Страны восходящего солнца) и Кореи (Страны спокойного утра) знает немало. В первой половине XVII столетия японская сторона потребовала от корейцев возобновить уплату дани и прислать представительное посольство для изъявления покорности. Корея, умудренная историческом опытом, подчинилась такому требованию воинственного и более сильного соседа. Вплоть до 1811 года Корейское королевство каждые десять лет отправляло на Японские острова свои посольства и вместе с ними установленную дань, которую уже нельзя было назвать «легкой».

Корея тоже пыталась самоизоляцией защитить собственный суверенитет. Корейцам запрещались дальние плавания, морские берега

внешне выглядели безжизненными, чтобы не служить приманкой для иностранных моряков. Побережье охраняла специальная система сигнальных огней для скорейшего извещения столицы о подходе к корейскому берегу даже одного иностранного корабля. Между Китаем и Кореей по пограничной реке Ялу была установлена нейтральная полоса. Эти два соседа сносились между собой только в дни большой ярмарки близ современного города Фыхуанчена.

Однако обособленности Кореи от европейского мира во второй половине XIX века стал приходить конец. На ее северной границе с Приамурским краем России появились русские люди, создавшие на берегу бухты Постьет пост того же названия. В 1866 году у корейских берегов появляется французская эскадра, прибывшая сюда мстить за убийство католического епископа. В 1870 году прибывает американская эскадра адмирала Роджерса, который пытался под дулами орудий своих кораблей склонить правительство этой страны к заключению торгового договора с Соединенными Штатами.

Однако пробить брешь в «корейской стене изолированности» удалось не европейцам и американцам, а японцам. События развивались следующим образом. В 1868 году Япония потребовала от своего соседа возобновить регулярные посольства с дарами и низкопоклонством, которые прекратились с 1811 года. Отец корейского короля Тайвенкун ответил гордым отказом. Японская сторона промолчала и стала терпеливо дожидаться удобного случая, чтобы преподать Корее урок.

Такой случай представился в 1875 году. Между жителями одного из корейских островов и экипажем японского судна, занимавшегося промером глубин прибрежных вод, произошло вооруженное столкновение, причем корейцы открыли ружейный огонь первыми. Япония незамедлительно посылает в Сеул военную флотилию, командующему которой поручается заключить договор между Японией и Кореей.

▲ Маршал Яма-гута

В феврале 1876 года такой договор был заключен: для японской торговли Корея открыла порты Фузан, Генсан и Чемульпо.

В 1882 году Япония добивается от королевства Кореи права на введение своих войск в ее столицу Сеул для охраны своей дипломатической миссии. Это был пробный шаг на пути узаконивания пребывания японских сухопутных и морских сил на Корейском полуострове. При этом японская дипломатия делала вид, что добивается независимости Кореи от Китайской империи.

Однако корейское правительство сразу же решительно отказало в подобном договоре англичанам и американцам. Только в 1883—1884 годах аналогичный договор с Корейским королевством подписали Россия, Германия, Великобритания, Франция, Италия и другие государства цивилизованного мира.

8 октября 1895 года при прямом участии японских дипломатов усилиями так называемой корейской партии реформ было организовано убийство корейской самодержавной королевы Мин, а король был взят в плен. Причиной стало то, что королева во многом противодействовала усилению влияния Японии в ее владениях. Вооруженные «реформаторы» захватили королевский дворец.

Однако такое событие в столице вызвало протест по всей стране, его не одобрили и иностранные дипломаты. Так, в частности, русский консул был вынужден вызвать 200 военных моряков для защиты здания дипломатической миссии в Сеуле. Появление в корейской столице русских войск привело к тому, что в конце января 1896 года в текущих событиях произошел резкий поворот — партия реформ быстро утратила свою популярность у той части населения, которая раньше ее поддерживала. Король бежал из плена, укрылся в русской миссии и оттуда отдал приказ: казнить изменившего монарху премьер-министра и других министров-японофилов. Такое приказание было выполнено незамедлительно.

Так в Стране спокойного утра провалилась хорошо задуманная попытка полностью подчинить ее империи на Японских островах. События в Сеуле получили международный резонанс, нежелательный для организаторов государственного переворота в королевстве на Корейском полуострове. Посол Страны восходящего солнца в Корее Миура был за это предан суду в Токио, но, естественно, его оправдали.

Усиление японского влияния на Корейском полуострове имело стратегические цели. В 1885 году Токио заключает с Пекином Тяньцзинъский договор, который скрепляют своими подписями маркиз Ито и вице-король Печили (глава столичной провинции Китайской империи) Ли

Хунчжан. По договору китайские войска не могли быть введены в Корею без согласия японской стороны.

Страна восходящего солнца стремилась установить полный контроль над Японским морем, став «обладателем» Цусимского пролива. Однако это самым серьезным образом затрагивало интересы России, которая создавала в южном Приморье, на берегах бухты Золотой Рог, современную морскую крепость и портовый город Владивосток. Русские корабли могли войти в Северное Китайское море и держать путь в Индийский океан только через Цусимский пролив.

Японский государственный деятель Мичитаро Хиса писал по этому поводу:

«При хорошем укреплении Японское море с южной стороны может стать вовсе недоступным, со стратегической точки зрения Цусима и Фузан могут быть сравнимы с Константинополем в Мраморном море, а Корея — с Турцией на Балканском полуострове...»

Россия, со своей стороны, стремилась по дипломатическим каналам уладить свои геополитические проблемы на Дальнем Востоке — в Маньчжурии, Корее и на Японских островах. Однако главным препятствием для «обустройства» России на Дальнем Востоке, естественно, была Япония, отношение к которой со стороны всероссийского императора Николая II Романова было личное, особое.

29 апреля 1891 года, во время путешествия по этой стране, наследник российского престола великий князь Николай Александрович оказался жертвой покушения. На главной улице древнего города Киото полицейский Цуда Санзо, стоявший в оцеплении по пути следования высокопоставленного гостя императорского правительства, неожиданно нанес ему сильный удар мечом. Скользящий удар стального клинка пришелся по правой стороне головы великого князя, покрытой шляпой. Брызнула кровь, и будущий самодержец России бросился бежать, поскольку японский полицейский явно намеревался повторить удар самурайским мечом.

От неминуемой насильственной смерти в Стране восходящего солнца наследника российского престола спас его двоюродный брат, греческий принц Георг, который путешествовал вместе с ним. Он уложил нападавшего полицейского ударом бамбуковой палки. Цудо Санзо был схвачен на месте преступления и предан неумолимому и скорому суду. Фанатик оказался членом одной из тайных самурайских организаций. Цесаревич Николай Александрович в тот же день подробно описал это происшествие в своем путевом дневнике. Именно с этого апрельского дня российский государь возненавидел ближневосточных соседей, презрительно именуя их «косоглазыми япошками». На всю жизнь у Николая II остался шрам от удара мечом самурая-полицейского, и временами он страдал от сильных головных болей...

Усиление японской экспансии в Корее сильно затрагивало интересы Китая на полуострове. Исподволь стал вызревать военный конфликт между Токио и Пекином. Японцам удалось организовать в ряде южных корейских провинций восстания тон-хаков (религиозной секты), направленные против китайцев и всех европейцев — «притеснителей народов Востока». Япония и Китай вводят свои войска для оказания «помощи» королевскому правительству в борьбе с «бунтовщиками».

В июле 1894 года японцы неожиданно занимают городские ворота в корейской столице Сеуле. Корейская стража сопротивления нападавшим не оказала. В городе начинается паника. 11 июля японцы врываются в королевский дворец, захватывают в «почетный» плен короля, его наследника, семью монарха и доставляют их под надежной охраной в здание японской миссии.

Китай обвиняется японской стороной в «нарушении Тяньцзиньского договора, поскольку китайские войска пришли на помощь корейскому королю для подавления крестьянских восстаний тон-хаков без официального разрешения на то из Токио. К тому же китайцы успешно подавили „бунтовщиков" еще до высадки в Чемульпо японской смешанной армейской бригады. Российские дипломаты доносили из Сеула в Санкт-Петербург:

«Король и население возлагают единственную надежду на заступничество России, дальнейшее бездействие уничтожает наш престиж».

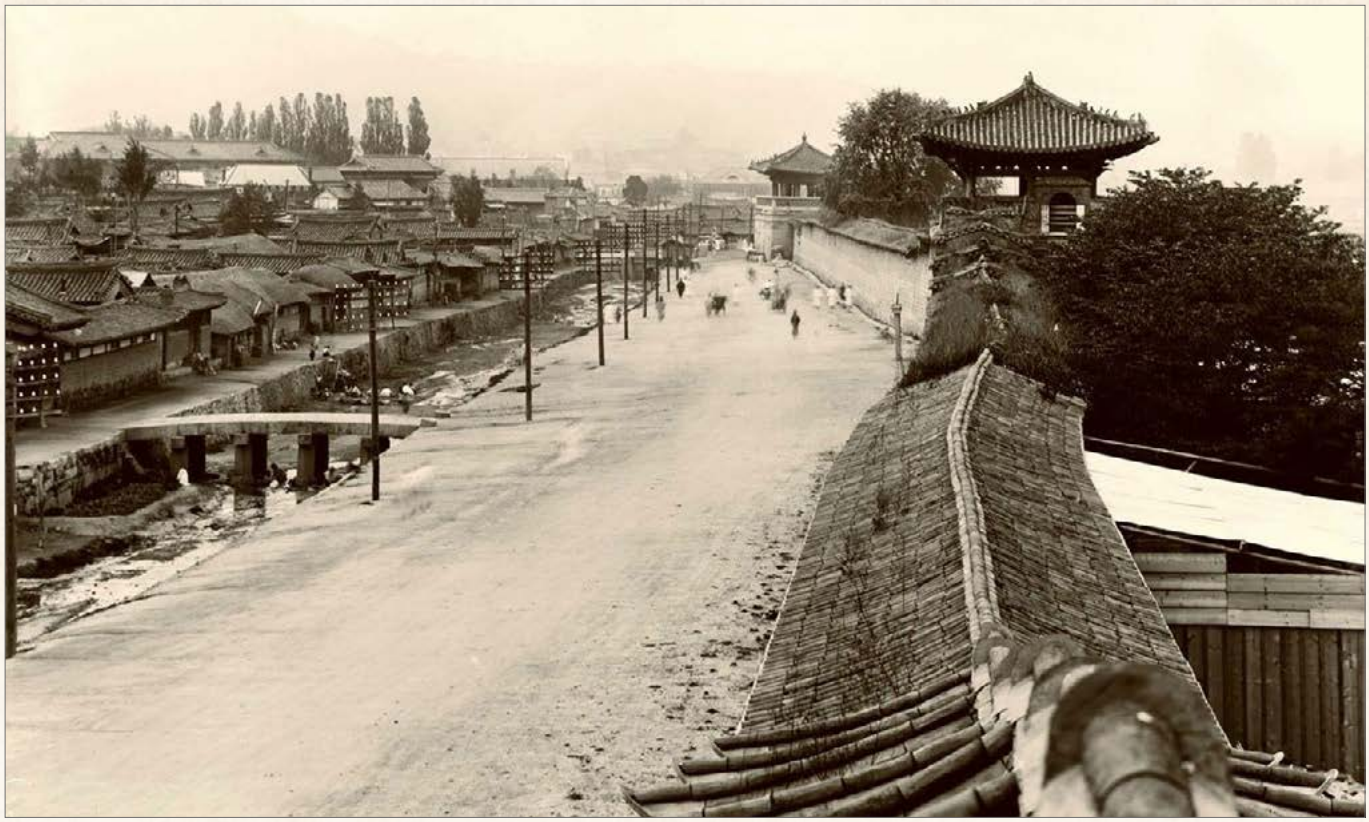
Это соответствует действительности: поведение Российского государства на Дальнем Востоке и стремление установить со своими соседями — Китаем, Японией и Кореей добрососедские, взаимовыгодные отношения не имели аналогов в действиях европейских и американских «цивилизаторов».

Японо-китайская война 1894—1895 годов зачиналась в Корее. Для Японской империи она стала пробой сил на будущее. События развивались быстро. Сформированное японцами новое корейское правительство провозгласило независимость страны от Китая и обратилось за «помощью» к Японии. 1 августа 1894 года Страна восходящего солнца объявила войну Китайской империи.

Но перед этим, 25 июля, японцы в чисто самурайском духе потопили в море английский транспортный корабль с китайскими войсками, которым предстояло десантироваться в Корее, уже оккупированной армией микадо. Транспорт встретил на своем пути крейсер «Панива», которым командовал будущий флотоводец Страны восходящего солнца Хейхатиро Того. Он, не задумываясь, приказал расстрелять британское судно. После этого Того организовал спасение английской команды, но не стал подбирать из воды оставшихся в живых китайских солдат.

Командир крейсера даже отдал команду обстрелять из корабельных орудий спасательные лодки с китайцами.

Война длилась около восьми месяцев. Китайская сторона оказалась совершенно не подготовленной к боевым действиям, чего нельзя было сказать о японской армии и флоте. Сперва китайцы (14 тысяч

▲ Сеул

человек) терпят полное поражение в битве под Пхеньяном от 20-тысячной японской армии генерала Митицуры Ноцу. Затем полному разгрому подвергается китайский флот в морском сражении у острова Хаян (Хайяндао), лежащего в 70 милях от устья реки Ялу в Желтом море. Победителем оказался командующий японским флотом адмирал Юко Ито.

После этих побед две японские армии начинают успешное вторжение в Маньчжурию. Одна из них, 2-я, высаживается на Ляодунский полуостров с моря, тогда как 1-я, форсировав на глазах у китайских войск пограничную реку Ялу, наступает по сухопутью. Японцы захватывают города Цзиньчжоу, Даляньвань (Дальний), Порт-Артур (по-китайски Люйшунь), Ньючжуань (Инкоу). Атакой на порт-артурские укрепления китайцев командовал генерал Маресукэ Ноги. Защитники города оказали лишь символическое сопротивление, после чего сложили оружие.

Боевые действия в войне велись не только в Маньчжурии и на море. Зимой японские войска почти беспрепятственно высаживаются в северной оконечности провинции Шаньдун и захватывают исключительно важный для воюющих сторон порт Вэйхайвэй, в котором укрылись остатки разгромленного китайского флота под командованием адмирала Тин Ючана. Он подписал акт о капитуляции Вэйхайвэя, после чего покончил жизнь самоубийством. В результате создается угроза столице Китайской империи, войска которой всюду терпят поражения.

Однако высшее японское командование в лице маршала Ивао Оямы упускает время для похода на Пекин: в китайских провинциях начались весенние наводнения, а в войсках, которые действовали в Маньчжурии, началась вспышка эпидемии холеры. Японцы стали вынужденно ожидать хорошей погоды для наступления. К тому же потенциальный союзник в военном конфликте на Дальнем Востоке — Великобритания объявила себя нейтральной державой и надеялась получить известные выгоды от завершения японо-китайской войны.

Исход первого крупного международного военного конфликта на Дальнем Востоке был предрешен еще в самом его начале. Силы воюющих сторон были не из равных: Япония успела к тому времени перестроить свои армию и флот на «европейский лад». Российский посланник в Пекине граф Кассини, хорошо знакомый с состоянием китайских вооруженных сил, писал:

«Армия, флот, генералы и офицеры — все, вместе взятое, до такой степени превосходит в Японии те силы, которые может выставить против нее Китай, что для меня не представляется ни малейшего сомнения относительно исхода вооруженного столкновения этих двух противников».

В марте 1895 года в японском городе Симоносеки начинаются мирные переговоры, возглавляемые хорошо знакомыми друг с другом маркизом Ито и Ли Хунчжаном. Советником руководителя китай-

ской делегации был американский дипломат Д. Фостер, японской — американец Деннисон. Переговоры едва не прервались из-за террористического акта в отношении главы китайской делегации. 12 марта некий Кайама Рокуносуси (Тойотаро), член секты (партии), известной под названием «соши», выстрелом из револьвера ранил китайского канцлера Ли Хунчжана в щеку. Правительству микадо пришлось приносить извинения.

17 апреля Япония и Китай подписывают Симоносекский мирный договор. Он заключается между победителем и побежденным на следующих условиях. Китайское правительство признает «полную и безусловную самостоятельность Кореи». Китайская империя уступала Стране восходящего солнца остров Формозу (Тайвань) и Пескадорские острова (Пэнху, или Пэнхулидао), а также полуостров Ляодун (Ляодунский) с прилегающими островами в Желтом море.

Обладание Формозой и Пескадорскими (Рыбачьими) островами — ключами от Формозского пролива имело для Японии стратегически важное значение. Теперь она могла контролировать морские пути в китайские и японские воды из Индийского океана. Приобретение Ляодунского полуострова на юге Маньчжурии приближало ее по суше к китайской столице Пекину и российским границам в Уссурийском крае, Приамурье и Забайкалье.

Пекин обязывался выплатить Токио огромную контрибуцию — военное вознаграждение в 200 миллионов дан (таэлей), что составляло в английских фунтах стерлингов сумму, превышающую 25 миллионов. Четверть контрибуции подлежала выплате победителю через шесть месяцев. Китай гарантировал выплаты военного вознаграждения Японии за счет сборов с таможен страны. Побежденная сторона обязывалась выплачивать огромную контрибуцию в течение семи лет после окончания войны.

Россия при посредничестве Франции устроила Китаю крупный заем для уплаты первого взноса контрибуции победительнице Японии и дала гарантии в отношении последующих взносов. Писатель Валентин Пикуль в историческом романе «Три возраста Окини-сан» писал по этому поводу:

«Россия, кажется, здорово сглупила, гарантируя Китаю заем для оплаты контрибуций Японии. Тем самым мы, русские, обеспечили самураям мощный финансовый источник развития их флота».

Китай обязывался открыть для японской торговли три новых своих порта. В них, равно как и в других, ранее открытых, японцам предоставлялись все преимущества наиболее благоприятствующей нации. До полной выплаты военного вознаграждения за японцами оставалась морская крепость Вэйхайвэй на Шаньдунском полуострове, которая стерегла подходы к Ляодуну.

Однако значительные территориальные приобретения Японии в войне вызвали отрицательную реакцию ряда европейских держав, считавших, что серьезное изменение баланса сил на Дальнем Востоке затрагивает их государственные интересы. В апреле 1895 года Россия, Германия и Франция направили Токио союзную ноту, требуя отказа от пункта

▲ Муравьев-Амурский Н.Н.

Симоносекского мирного договора, который предусматривал передачу ей Ляодунского полуострова.

Три европейские державы давали «дружеский совет» Токио отказаться от Ляодунского полуострова. Они мотивировали свой совет тем, что если Япония оставит за собой полуостров и будет стратегически господствовать над столичной провинцией Джили (то есть над китайской столицей Пекином), то это будет угрожать миру на Дальнем Востоке.

Свои требования на Востоке державы Европы традиционно подкрепили конкретными действиями. Дипломатические демарши подкрепляются военной демонстрацией. Германия и Франция усиливают (широко извещая об этом весь цивилизованный мир) свои экспедиционные эскадры в Тихом океане (38 кораблей), а Россия объявляет мобилизацию военнообязанных в Приамурском военном округе, что могло дать на случай войны 22 пехотных батальона. В китайский порт Чифу прибывает объединенная эскадра трех держав — в действие вступает военно-морская дипломатия.

Состоявшееся в российской столице Особое совещание рассмотрело требования японской стороны к побежденному Китаю и высказало прямую озабоченность их содержанием. Русскому послу в Токио была отправлена следующая телеграмма:

«Рассмотрев условия мира, которые Япония соизволила предъявить Китаю, мы находим, что присоединение Лаотонгского полуострова, потребованное Японией, явилось бы постоянной угрозой китайской столице, сделало бы призрачной независимость Кореи и было бы постоянным препятствием к продолжительному успокоению на Дальнем Востоке. Благоволите высказаться в указанном смысле перед японским правительством и посоветовать ему отказаться от окончательного овладения этим полуостровом. Мы все же хотим пощадить самолюбие японцев. Ввиду этого вы должны придать своему шагу самый дружеский характер и должны войти по этому поводу в соглашение с вашими французскими и германскими коллегами, которые получат такие же инструкции».

В заключение в депеше говорилось, что командующий Тихоокеанской эскадрой вице-адмирал Тыртов получил приказание быть готовым ко всякой случайности. Японии пришлось без лишних разговоров пойти на уступки. В Токио было объявлено, что божественный император — микадо в целях сохранения мира и «уступая требованиям великодушия, принимает советы трех держав». Далее микадо объявлял, что такое его «великодушное решение» не может «омрачить славу и унизить достоинство империи».

При обмене ратификационными грамотами между Японией и Китаем, происходившем в Пекине в мае 1895 года, из текста Симоносекского договора была полностью исключена статья об отказе Китая от Ляодунского полуострова в пользу Японии (это устраивало в первую очередь Россию). За такое «великодушие» Токио дополнительно получал военное вознаграждение в сумме почти в 5 миллионов английских фунтов стерлингов.

Такой пересмотр итогов победной для Страны восходящего солнца войны с Китайской империей вызвал среди японской общественности, особенно ее милитаристских кругов, крайнее возбуждение. Современники отмечали, что давление, оказанное европейскими державами, *«не пришлось по нраву гордой и тщеславной японской нации, упоенной недавними победами, и стремления ее, задержанные на время, остались на будущие времена ее политическим идеалом»*.

Понятно, что главное негодование японцев сейчас же обрушилось на соседнюю Россию, как на ту европейскую державу, которой, по общему мнению, принадлежала вся инициатива коллективного протеста Санкт-Петербурга, Берлина и Парижа. Японцы считали, что именно Российская империя стояла во главе дипломатического похода против Токио. Объяснялось такое мнение весьма просто, поскольку российское правительство энергичнее других принимало меры к пересмотру Симоносекского мирного договора.

Россия становится врагом № 1 для Страны восходящего солнца. Это предопределило во многом дальнейшее развитие хода событий на Дальнем Востоке, и прежде всего взаимоотношения двух соседних государств, граница между которыми пока проходила только по морям и континентальной не была.

Один из российских дипломатов (морских агентов) в Японии писал о тех событиях:

«Кому приходилось проживать в Японии в 1895, 1896 и 1897 гг., иметь сношения с иностранными и русскими торговыми людьми, там проживавшими, тот, конечно, видел и живо чувствовал на себе, как были возбуждены японцы против России и русских».

С 1895 года антироссийское настроение в японском обществе стало сильно возрастать, что нашло широкий отклик на страницах газет, вещавших о желательности войны с Россией. Сторонники этого «общественного мнения» в ноябре того же, 1895 года провели в Токио особый съезд своих представителей с участием официальных правительственных лиц. На съезде было единодушно одобрено обращение к микадо с требованием, чтобы России была объявлена война.

Присутствовавшие на этом представительном собрании офицеры императорской армии и флота торжественно поклялись на мечах могилами своих предков-самураев отомстить России за ее вмешательство в «японо-китайскую распрю». Императорское правительство умело воспользовалось таким антироссийским движением в стране и, начав подготовку к будущей войне против своего северного соседа — России, успело к 1904 году сделать ее делом всенародным. Этот факт большинство историков, пишущих о Русско-японской войне, стараются не признавать. ■

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

№ 359

Получено 12 августа 1945 года.

СТРОГО СЕКРЕТНО ДЛЯ ГЕНЕРАЛИССИМУСА СТАЛИНА ОТ ПРЕЗИДЕНТА ТРУМЭНА

В соответствии с посланием, датированным 11 августа, адресованным Соединенными Штатами Швейцарскому Правительству для передачи Японскому Правительству в ответ на ноту, полученную от Швейцарского Правительства 10 августа 1945 года, я предлагаю, чтобы генерал армии Дуглас Макартур был назначен Верховным Командующим, представляющим союзные державы, для принятия, координации и проведения общей капитуляции японских вооруженных сил.

▲ Сталин и Трумэн

Если Вы уведомите меня о назначении офицера, который по Вашему желанию действовал бы в качестве Вашего представителя, то я дам указание генералу Макартуру провести необходимую подготовку для принятия Вашего представителя на месте и ко времени подписания капитуляции.

Предполагается также, что генерал Макартур даст японской императорской штаб-квартире указание о том, чтобы японские вооруженные силы в Вашем районе операций безоговорочно капитулировали перед Советским Главнокомандующим на Дальнем Востоке или его подчиненными командующими. Я предполагаю, что Вы в общем согласны с вышеизложенной процедурой, и я даю предварительные указания в этом смысле генералу Макартуру. Прошу Вас немедленно сообщить мне о назначаемом Вами представителе с тем, чтобы я мог уведомить генерала Макартура. Я предлагаю, чтобы немедленно была установлена непосредственная связь с генералом Макартуром в отношении каждого мероприятия.

Примечание: 10 августа 1945 г. японское правительство обратилось к правительствам СССР, США, Англии и Китая со следующим заявлением:

«Японское Правительство готово принять условия Декларации от 26 июля сего года, к которой присоединилось и Советское Правительство. Японское Правительство понимает, что эта Декларация не содержит требований, ущемляющих прерогативы императора как суверенного правителя Японии. Японское Правительство просит определенного уведомления по этому поводу».

11 августа 1945 г. государственный департамент США направил ответ правительств США, СССР, Англии и Китая на заявление японского правительства от 10 августа:

«В отношении заявления Японского Правительства, в котором принимаются условия Потсдамской Декларации, но в котором содержится заявление: «при условии, что указанная Декларация не содержит никакого требования, которое затрагивает прерогативы Его Величества как суверенного правителя», наша позиция заключается в следующем:

«С момента капитуляции власть императора и Японского Правительства в отношении управления государством будет подчинена Верховному Командующему союзных держав, который предпримет такие шаги, какие он сочтет нужными для осуществления условий капитуляции.

Императору будет предложено санкционировать и обеспечить подписание Правительством Японии и японской императорской генеральной штаб-квартирой условий капитуляции, необходимых для выполнения условий Потсдамской Декларации, и он должен будет дать от себя приказы всем японским военным, военно-морским и авиационным властям и всем находящимся в их подчинении вооруженным силам, где бы они ни находились, прекратить боевые действия и сдать их оружие, а также дать такие другие приказы, которые может потребовать Верховный Командующий в целях осуществления условий капитуляции.

Немедленно после капитуляции Японское Правительство отправит военнопленных и гражданских интернированных лиц в безопасные пункты, как будет указано, где они могут быть быстро посажены на борт союзных транспортов. Форма правительства Японии в конечном счете будет в соответствии о с Потсдамской Декларацией установлена свободно Выраженной волей японского народа. Вооруженные силы союзных держав будут оставаться в Японии до тех пор, пока не будут достигнуты цели, изложенные в Потсдамской Декларации»».

Ответ японскому правительству был передан через швейцарское правительство.

▲ Трумэн и Сталин

№ 360

ЛИЧНОЕ И СЕКРЕТНОЕ ПОСЛАНИЕ ГЕНЕРАЛИССИМУСА И. В. СТАЛИНА ПРЕЗИДЕНТУ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ Г-НУ Г. ТРУМЭНУ

Получил Ваше послание от 12 августа относительно назначения генерала армии Дугласа Макартура Верховным Главнокомандующим союзных армий для принятия, координации и проведения общей капитуляции японских вооруженных сил.

Советское Правительство согласно с Вашим предложением. Также согласно и с предложенной Вами процедурой, предусматривающей, что генерал Макартур даст японской императорской штаб-квартире указание о безоговорочной капитуляции японских войск и перед Советским Главнокомандующим на Дальнем Востоке. Представителем Советского Военного Главнокомандования назначен генерал-лейтенант Деревянко, которому и даны все необходимые инструкции.

12 августа 1945 года.

№ 361

ЛИЧНО И СТРОГО СЕКРЕТНО ДЛЯ ГЕНЕРАЛИССИМУСА СТАЛИНА ОТ ПРЕЗИДЕНТА ТРУМЭНА

Американским командующим в тихоокеанском и западно-тихоокеанском районах сегодня было направлено следующее послание:

«Ввиду того что 14 августа Правительство Японии приняло требование союзных правительств о капитуляции, настоящим Вы уполномочиваетесь прекратить наступательные операции против японских военных и военно-морских вооруженных сил постольку, поскольку это отвечает безопасности союзных вооруженных сил, находящихся в Вашем районе».

14 августа 1945 года.

№ 362

СТРОГО СЕКРЕТНО ДЛЯ ГЕНЕРАЛИССИМУСА СТАЛИНА ОТ ПРЕЗИДЕНТА ТРУМЭНА

Я одобрил следующий общий приказ генералу армии Макартуру по вопросу о деталях капитуляции японских вооруженных сил:

«ОБЩИЙ ПРИКАЗ № 1.

1. Военная и военно-морская часть.

I. Императорская генеральная штаб-квартира по указанию императора и в соответствии с объявленной императором капитуляцией всех японских вооруженных сил перед Верховным Командующим, представляющим союзные державы, настоящим приказывает всем подчиненным ей командующим в Японии и за границей дать распоряжение находящимся под их командованием японским и контролируемым японцами вооруженным силам немедленно прекратить военные действия, сложить оружие, остаться там, где они в настоящее время находятся, и безоговорочно сдаться командующим, действующим от имени Соединенных Штатов, Китайской Республики, Соединенного Королевства и Британской Империи и Союза Советских Социалисти-

ческих Республик, как указано ниже или как может быть указано в дальнейшем Верховным Командующим, представляющим союзные державы. С упомянутыми командующими или назначенными ими представителями устанавливается непосредственный контакт, если не будет каких-либо касающихся деталей изменений, которые будут предписаны Верховным Командующим, представляющим союзные державы, и их указания должны будут полностью и немедленно выполняться.

a) Старшие японские командующие и все наземные, морские, авиационные и вспомогательные силы, находящиеся в Китае (за исключением Маньчжурии), на Формозе и во Французском Индо-Китае севернее 16 градусов северной широты, должны сдаться генералиссимусу Чан Кай-ши.

b) Старшие японские командующие и все наземные, морские, авиационные и вспомогательные силы, находящиеся в пределах Маньчжурии, Кореи севернее 38 градусов северной широты и на Карафуто, должны сдаться Главнокомандующему советскими вооруженными силами на Дальнем Востоке.

c) Старшие японские командующие и все наземные, морские, авиационные и вспомогательные силы, находящиеся в пределах Андаманских островов, Никобарских островов, Бирмы, Таиланда, Французского Индо-Китая южнее 16 градусов северной широты, Малайи, Борнео. Голландской Индии, Новой Гвинеи, архипелага Бисмарка и Соломоновых островов, должны сдаться Верховному Союзному Командующему в Юго-Восточной Азии или Главнокомандующему австралийскими вооруженными силами (точное разграничение между Маунтбеттеном и австралийцами должно быть определено между ними, и детали этого пункта должны быть разработаны затем Верховным Командующим, представляющим союзные державы).

d) Старшие японские командующие и все наземные, морские, авиационные и вспомогательные силы, находящиеся на подмандатных японских островах Рюкю, островах Бонин и на других островах Тихого океана, должны сдаться Главнокомандующему Тихоокеанским флотом Соединенных Штатов.

ё) Императорская генеральная штаб-квартира, ее старшие командующие, а также все наземные, морские, авиационные и вспомогательные силы, находящиеся на главных островах Японии и на примыкающих к ним мелких островах, в Корее южнее 38 градусов северной широты и на Филиппинах, должны сдаться Главнокомандующему сухопутными вооруженными силами Соединенных Штатов на Тихом океане.

f) Вышеуказанные командующие являются единственными представителями союзных держав, уполномоченными принять капитуляцию, причем во всех случаях японские вооруженные силы должны сдаваться только им или их представителям.

Японская императорская генеральная штаб-квартира приказывает, далее, находящимся в ее подчинении командующим в Японии и за границей полностью разоружить все вооруженные силы Японии и силы, находящиеся под японским контролем, где бы они ни были расположены, сдать неповрежденными и в полной сохранности все вооружение и снаряжение в те сроки и в тех пунктах, которые могут быть предписаны вышеуказанными союзными командующими. (Впредь до дальнейших указаний японские полицейские силы на главных островах Японии не подпадают под действие этого пункта о разоружении. Полицейские силы остаются на своих постах и будут, отвечать за поддержание закона и порядка. Будут предписаны численность и вооружение этих полицейских сил.)

II. Японская императорская генеральная штаб-квартира предоставляет Верховному Командующему, представляющему союзные державы, спустя (срок) после получения этого приказа следующую полную информацию в отношении Японии и всех территорий, находящихся под японским контролем:

a) списки всех наземных, авиационных частей и частей противовоздушной обороны с указанием их дислокации и численности офицерского и рядового состава;

b) списки всех самолетов: военных, военно-морских и гражданских — с полными сведениями о количестве, типе, местонахождении и состоянии этих самолетов;

c) списки всех японских и находящихся под японским контролем военно-морских судов, надводных и подводных, а также вспомогательных военно-морских судов, действующих и недействующих и находящихся в постройке, с указанием их местопребывания, состояния и направления следования;

▲ Германия, Потсдам 1945 г.

d) списки всех японских и находящихся под японским контролем торговых судов водоизмещением свыше 100 тонн брутто, действующих и недействующих и находящихся в постройке, включая торговые суда, ранее принадлежавшие какой-либо из Объединенных Наций и находящиеся ныне в руках японцев, с указанием их местонахождения, состояния и направления следования;

e) полная и подробная информация с картами, показывающая расположение всех мин, минных полей и других препятствий для передвижения по суше, морю или воздуху и имеющиеся безопасные проходы к них;

f) расположение и описания всех военных устройств и учреждений, включая аэродромы, базы гидросамолетов, противо воздушную оборону, порты и военно-морские базы, склады, постоянные и временные наземные и береговые укрепления, крепости и другие укрепленные районы;

g) расположение всех лагерей и других мест заключения военнопленных и интернированных гражданских лиц Объединенных Наций.

III. Органы японских вооруженных сил и гражданской авиации обеспечат, чтобы все японские военные, военно-морские и гражданские самолеты оставались на земле, на воде или на борту судов до тех пор, пока не будет получено уведомление о том, что с ними должно быть сделано.

IV. Японские или находящиеся под японским контролем военно-морские и торговые суда всех типов будут содержаться в исправности и не будут передвигаться до получения указаний от Верховного Командующего, представляющего союзные державы. На судах, находящихся в море, будут немедленно обезврежены и выброшены за борт всякого рода взрывчатые средства. С судов, не находящихся в море, всякого рода взрывчатые средства будут немедленно выгружены на берег для безопасного хранения.

V. Ответственные японские или находящиеся под японским контролем военные и гражданские власти обеспечат, чтобы:

a) все японские мины, минные поля и другие препятствия для передвижения по суше, морю и воздуху, где бы они ни были расположены, были сняты в соответствии с указаниями Верховного Командующего, представляющего союзные державы;

b) все вспомогательные навигационные устройства были немедленно вновь установлены;

c) все безопасные проходы были открыты и ясно обозначены впредь до осуществления указанного в пункте «a» выше.

VI. Ответственные японские и находящиеся под японским контролем военные и гражданские власти должны содержать неповрежденными, в полной сохранности впредь до получения дальнейших указаний от Верховного Командующего, представляющего союзные державы, следующее:

a) все вооружение, боеприпасы, взрывчатые вещества, военное снаряжение, запасы и довольствие, а также другие орудия войны всех видов и всякую другую военную технику (за исключением того, что особо оговорено в разделе IV этого приказа);

b) все наземные, водные и авиационные средства, устройства и оборудование транспорта и связи;

c) все военные сооружения и учреждения, включая аэродромы, базы гидросамолетов, противовоздушную оборону, порты и военно-морские базы, склады, постоянные и временные наземные и береговые укрепления, крепости и другие укрепленные районы вместе с планами и чертежами всех таких укреплений, сооружений и учреждений;

d) все фабрики и заводы, мастерские, исследовательские институты, лаборатории, испытательные станции, технические данные, патенты, планы, чертежи и изобретения, запроектированные или предназначенные для производства или облегчения производства или использования всяких орудий войны и другой техники и имущества, используемого или предназначенного к использованию любыми военными или полувоенными организациями в связи с их операциями.

VII. Японская императорская генеральная штаб-квартира должна представить Верховному Командующему, представляющему союзные державы, спустя (срок) после получения этого приказа полные списки всех предметов, указанных в пунктах «a», «b» и «d» раздела VI выше, с указанием количества, типов и местонахождения каждого предмета.

VIII. Производство и распределение всякого оружия, боеприпасов и орудий войны немедленно прекращается.

IX. Что касается военнопленных и гражданских интернированных лиц Объединенных Наций, находящихся в руках японских или контролируемых японцами властей, то:

a) безопасность и благополучие всех военнопленных и гражданских интернированных лиц Объединенных Наций будут полностью обеспечиваться, включая хозяйственно-снабженческое обслуживание, необходимое для целей обеспечения их достаточным количеством продовольствия, кровом, одеждой и медицинским обслуживанием, до тех пор, пока эти функции не возьмет на себя Верховный Командующий, представляющий союзные державы;

b) все лагеря или другие места заключения военнопленных и гражданских интернированных лиц Объединенных Наций вместе с их оборудованием, запасами, документами, оружием и боеприпасами будут немедленно переданы под командование старшего офицера или выделенного для этой цели представителя военнопленных и гражданских интернированных лиц;

c) в соответствии с указаниями Верховного Командующего, представляющего союзные державы, военнопленные и гражданские интернированные лица будут переведены в безопасные пункты, где они могут быть приняты союзными властями;

d) японская императорская генеральная штаб-квартира предоставит Верховному Командующему, представляющему союзные державы, спустя (срок) после получения этого приказа полные списки всех военнопленных и гражданских интернированных лиц Объединенных Наций с указанием их местопребывания.

X. Все японские и находящиеся под японским контролем военные и гражданские власти должны оказывать помощь и содействие занятию Японии и контролируемых Японией территорий вооруженными силами союзных держав.

XI. Японская императорская генеральная штаб-квартира и соответствующие японские должностные лица должны быть готовы собрать и сдать по указаниям командующих союзными оккупационными силами все оружие, имеющееся у японского гражданского населения.

XII. Эти и последующие указания, издаваемые Верховным Командующим, представляющим союзные вооруженные силы, или другими союзными военными властями, будут точно и быстро выполняться японскими и находящимися под японским контролем военными и гражданскими должностными и частными лицами. Всякая задержка в выполнении и невыполнение положений этого или последующих приказов и любые действия, которые, по определению Верховного Командующего, представляющего союзные державы, наносят ущерб союзным державам, повлекут за собой применение союзными военными властями и Японским Правительством мер сурового и быстрого наказания».

Этот приказ одобряется мною с условием, что он может подвергнуться изменению как в результате дальнейших указаний, изданных через Объединенный Штаб, так и касающихся деталей изменений, которые будут произведены Верховным Командующим, представляющим союзные державы, в свете известной ему оперативной обстановки. Принятие решений по разделам приказа, заключенным в скобках, является делом Верховного Командующего, представляющего союзные державы.

15 августа 1945 года.

№ 363

ЛИЧНО И СЕКРЕТНО ОТ ПРЕМЬЕРА И. В. СТАЛИНА ПРЕЗИДЕНТУ Г. ТРУМЭНУ

Ваше послание с «Общим приказом № 1» получил. В основном не возражаю против содержания приказа. При этом имеется в виду, что Ляодунский полуостров является составной частью Маньчжурии. Однако предлагаю внести в «Общий приказ № 1» следующие поправки:

1. Включить в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам все Курильские острова, которые согласно решению трех держав в Крыму должны перейти во владение Советского Союза.

2. Включить в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам северную половину острова Хоккайдо, примыкающего на севере к проливу Лаперуза, находящемуся между Карафуто и Хоккайдо. Демаркационную линию между северной и южной половиной острова Хоккайдо провести по линии, иду щей от гор. Кусиро на восточном берегу острова до города Румоэ на западном берегу острова, со включением указанных городов в северную половину острова.

Это последнее предложение имеет особое значение для русского общественного мнения. Как известно, японцы в 1919- 1921 годах держали под оккупацией своих войск весь Советский Дальний Восток. Русское общественное мнение было бы серьезно обижено, если бы русские войска не имели района оккупации в какой-либо части собственно японской территории.

Я бы очень хотел, чтобы изложенные выше мои скромные пожелания не встретили возражений.

16 августа 1945 года.

№ 364

Получено 18 августа 1945 года.

СТРОГО СЕКРЕТНО ДЛЯ ГЕНЕРАЛИССИМУСА СТАЛИНА ОТ ПРЕЗИДЕНТА ТРУМЭНА

Отвечая на Ваше послание от 16 августа, я выражаю согласие с Вашей просьбой изменить «Общий приказ № 1» с тем, чтобы включить все Курильские острова в район, который должен капитулировать перед Главнокомандующим советскими вооруженными силами на Дальнем Востоке. Однако мне хотелось бы пояснить, что Правительство Соединенных Штатов желает располагать правами на авиационные базы для наземных и морских самолетов на одном из Курильских островов, предпочтительно в центральной группе, для военных и коммерческих целей. Я был бы рад, если бы Вы сообщили мне, что Вы согласны на такое мероприятие, причем месторасположение и другие детали будут согласованы путем назначения для этой цели специальных представителей наших обоих правительств.

Что касается Вашего предложения в отношении капитуляции японских вооруженных сил на острове Хоккайдо перед советскими вооруженными силами, то я имею в виду — и в связи с этим были проведены мероприятия, — что генералу Макартуру сдаются японские вооруженные силы на всех островах собственно Японии: Хоккайдо, Хонсю, Сикоку и Кюсю.

Генерал Макартур будет использовать символические союзные вооруженные силы, которые, конечно, будут включать и советские вооруженные силы, для временной оккупации такой части собственно Японии, какую он сочтет необходимым оккупировать в целях осуществления наших союзных условий капитуляции.

№ 365

ЛИЧНО И СЕКРЕТНО ОТ ПРЕМЬЕРА И. В. СТАЛИНА ПРЕЗИДЕНТУ Г-НУ Г. ТРУМЭНУ

Получил Ваше послание от 18 августа.

1. Я понимаю содержание Вашего послания в том смысле, что Вы отказываетесь удовлетворить просьбу Советского Союза о включении северной половины о. Хоккайдо в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам. Должен сказать, что я и мои коллеги не ожидали от Вас такого ответа.

2. Что касается Вашего требования иметь постоянную авиационную базу на одном из Курильских островов, которые, согласно Крымскому решению трех держав, должны перейти во владение Советского Союза, то я считаю своею обязанностью сказать по этому поводу следующее. Во-первых, должен напомнить, что такое мероприятие не было предусмотрено решением трех держав ни в Крыму, ни в Берлине и ни в какой мере не вытекает из принятых там решений. Во-вторых, требования такого рода обычно предъявляются либо побежденному государству, либо такому союзному государству, которое само не в состоянии защитить ту или иную часть своей территории и выражает готовность ввиду этого предоставить своему союзнику соответствующую базу. Я не думаю, чтобы Советский Союз можно было причислить к разряду таких государств. В-третьих, так как в Вашем послании не излагается никаких мотивов требования о предоставлении постоянной базы, должен Вам сказать чистосердечно, что ни я, ни мои коллеги не понимаем, ввиду каких обстоятельств могло возникнуть подобное требование к Советскому Союзу.

22 августа 1945 года.

№366

Получено 27 августа 1945 года.

ЛИЧНО И СТРОГО СЕКРЕТНО ДЛЯ ГЕНЕРАЛИССИМУСА СТАЛИНА ОТ ПРЕЗИДЕНТА ТРУМЭНА

В ответ на Ваше послание от 22 августа 1945 года сообщаю, поскольку речь идет о базе на Курильских островах, что моя мысль заключалась в том, что пользование правами посадки на центральной группе Курильских островов во время оккупации Японии было бы существенным вкладом в те совместные действия, которые мы будем предпринимать в связи с осуществлением условий капитуляции Японии, так как это обеспечило бы еще один путь авиационной связи с Соединенными Штатами для использования в чрезвычайных случаях в период оккупации Японии.

Я также не испытывал никаких колебаний, ставя вопрос о предоставлении возможностей для посадки коммерческих самолетов. Вы, очевидно, неправильно поняли мое послание, так как Вы говорите о нем, как о требовании, обычно предъявляемом побежденному государству или союзному государству, которое не в состоянии защищать части своей территории. Я не говорил о какой-либо территории Советской Республики. Я говорил о Курильских островах, о японской территории, вопрос о которой должен быть решен при мирном урегулировании. Мне было известно, что мой предшественник согласился поддержать при мирном урегулировании приобретение этих островов советской стороной. Я не считал оскорбительной Вашу просьбу о том, чтобы я подтвердил это соглашение. Если Вы рассчитываете на нашу поддержку Вашего желания получить в постоянное владение все Курильские острова, я не могу понять, почему Вы считаете оскорбительным, если я прошу Вас рассмотреть просьбу о предоставлении прав для посадки самолетов только на одном из этих островов. Я считаю просьбу об обсуждении этого вопроса тем более уместной, что между нашими обоими правительствами и между нами лично существуют тесные и искренние отношения. Хотя я полагаю, что было бы целесообразно обсудить в ближайшее время эти вопросы, я не буду настаивать на этом, если Вы не желаете обсуждать их теперь.

№367

ЛИЧНО И СЕКРЕТНО ОТ ПРЕМЬЕРА И. В. СТАЛИНА ПРЕЗИДЕНТУ Г-НУ ТРУМЭНУ

Ваше послание от 27 августа получил. Я рад, что недоразумения, вкравшиеся в нашу переписку, рассеялись. Я не был нисколько оскорблен Вашим предложением, но переживал состояние недоумения, поскольку я, как это видно теперь, неправильно понял Вас.

Я, конечно, согласен с Вашим предложением обеспечить для Соединенных Штатов право посадки на наших аэродромах на одном из Курильских островов в чрезвычайных случаях в период оккупации Японии.

Я согласен также с тем, чтобы на советском аэродроме на одном из Курильских островов предоставить возможность посадки коммерческим самолетам. При этом Советское Правительство рассчитывает на взаимность со стороны Соединенных Штатов в отношении права посадки советских коммерческих самолетов на американском аэродроме на одном из Алеутских островов. Дело в том, что нынешняя авиационная трасса из Сибири через Канаду в Соединенные Штаты Америки нас не удовлетворяет ввиду ее большой протяженности. Мы предпочитаем более короткую трассу от Курильских островов через Алеутские острова как промежуточный пункт на Сиетл.

30 августа 1945 года.

№ 368

ПРЕЗИДЕНТУ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ ГОСПОДИНУ ТРУМЭНУ

В день подписания Японией акта капитуляции разрешите поздравить Вас, Правительство Соединенных Штатов Америки и американский народ с великой победой над Японией.

Приветствую вооруженные силы Соединенных Штатов Америки с блестящей победой.

И. СТАЛИН

2 сентября 1945 года.

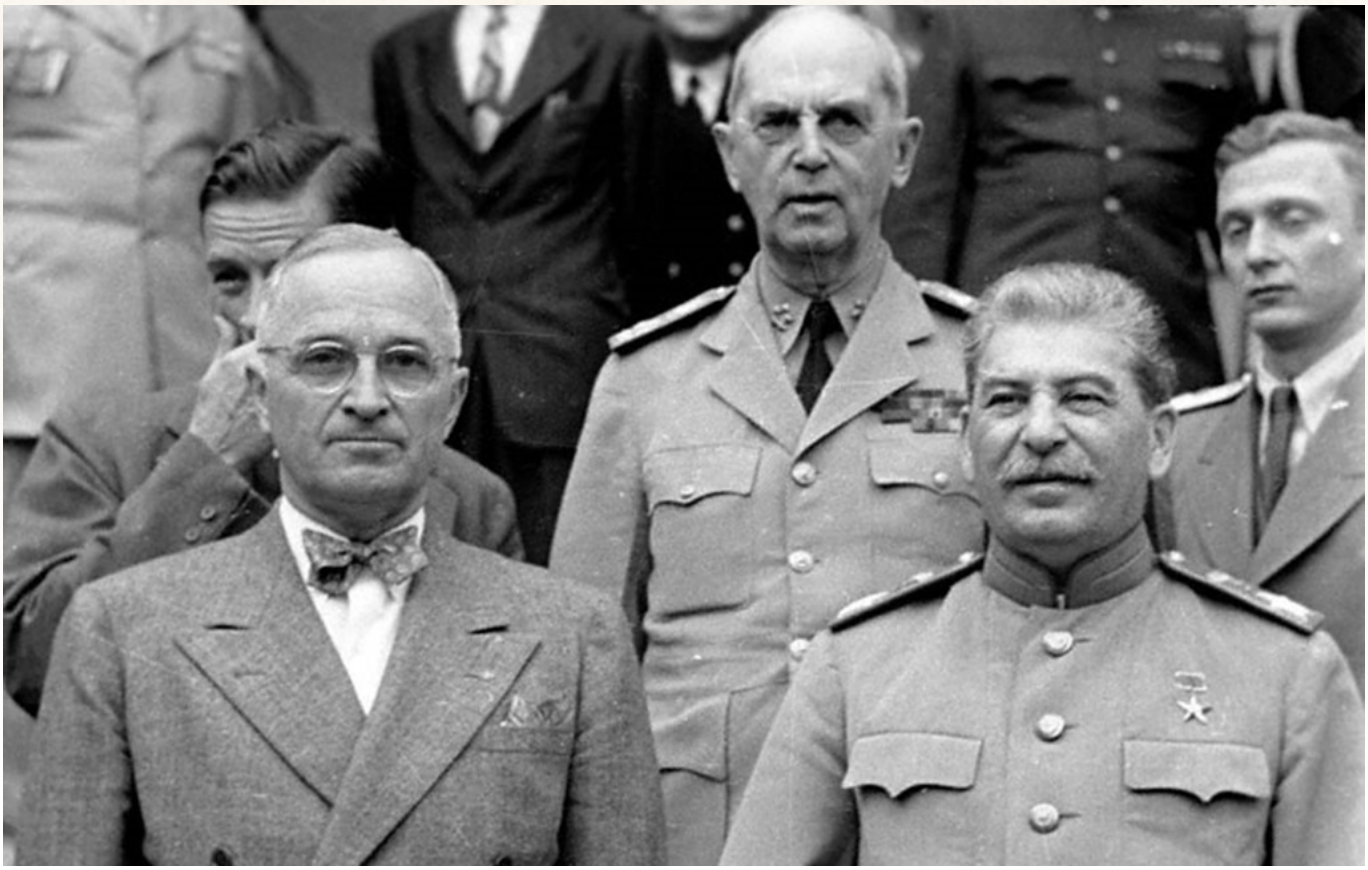
№ 369

Получено 6 сентября 1945 года.

ДЛЯ ГЕНЕРАЛИССИМУСА СТАЛИНА ОТ ПРЕЗИДЕНТА ТРУМЭНА

Пожалуйста, примите выражение признательности американского народа и моей лично за Ваше любезное послание с поздравлениями по случаю общей победы союзников над Японией.

Все союзники внесли свой вклад в победу в той степени, в какой им позволили это сделать их наличные ресурсы, и теперь мы все можем надеяться на длительный мир и новое процветание во всех миролюбивых странах.

▲ Сталин и Трумэн

С.В. СМИРНОВ

МАНЬЧЖУРСКАЯ БАЗА, ЭВАКУАЦИЯ БЕЛОЙ АРМИИ В КИТАЙ

▲ Базар в Урумчи

В результате поражения Белого движения в Гражданской войне в России десятки тысяч военнослужащих Белой армии оказались за пределами родины, став людьми без гражданства. С самого начала пребывания в эмиграции в среде бывших военных проявилась сильная тенденция к консолидации. Особенно важную роль в деле сохранения боевого потенциала военной эмиграции и объединения бывших военных с целью продолжения борьбы против большевиков играло командование остатков Белой армии во главе с генералом П.Н. Врангелем. Оно не только стремилось удержать от распыления воинские части, эвакуированные из Крыма, но и превратить воинские формирования в консолидирующее ядро всей эмиграции. Благодаря деятельности созданного на базе подразделений Русской Армии и различных организаций бывших военных Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) в Европе было сформировано русское военное сообщество, обладавшее собственной организационной структурой, руководящими органами, учебными подразделениями, прессой; имевшее связи с общественными и политическими объединениями и эмигрантской молодежью.

В Китае, который стал вторым после Европы регионом наиболее массового расселения бывших военнослужащих Российской Императорской и Белой армий, ситуация для

▲ КВЖД

формирования военно-эмигрантского сообщества и поддержания его относительной целостности была многократно сложнее, чем в Европе. Степень разобщенности между основными эмигрантскими, в том числе военно-эмигрантскими центрами здесь была значительно выше, чем в Европе, что усугублялось постоянной внутриполитической вооруженной борьбой и развернувшейся с начала 1930-х гг. интервенцией со стороны Японии. Ситуация для радикальной эмиграции осложнялась и наличием в Китае, особенно в его северо-восточной части — Маньчжурии, постоянного советского присутствия, выражавшегося в проживании здесь десятков тысяч советских граждан, широкой деятельности легальных и нелегальных советских структур от администрации Китайской Восточной железной дороги (КВЖД), общественных и профессиональных организаций до резидентур всех советских разведывательных органов. Свою роль играло и более низкое «качество» оказавшихся в эмиграции в Китае воинских подразделений белого Восточного фронта с присущим им духом атаманчества и невысоким уровнем дисциплины.

Тем не менее, русская военная эмиграция в Китае, также как в Европе, при всей неоднородности и противоречивости ее характеристик являла собой специфическое сообщество, объединенное общим прошлым (главной смысловой частью которого выступала борьба против власти большевиков) и настоящим (основным смыслосодержащим элементом которого являлось утрата родины и неприятие советской власти).

К началу XX века огромный и густозаселенный Китай утратил значительную часть своего суверенитета, превратившись в раздираемую державами полуколонию. Русское присутствие в Китае больше всего ощущалось на северо-востоке страны, в Маньчжурии. Азиатская политика С. Ю. Витте принесла России в 1896 г. очень выгодную концессию на строительство железной дороги по китайской территории, которая должна была стать продолжением Транссиба и связать российское Забайкалье с российским Приморьем. Территория вдоль строившейся Китайской Восточной железной дороги была выделена в особую зону — полосу отчуждения КВЖД, где русские осуществляли административные, судебные, охранительные функции.

Для охраны российских объектов и имущества железной дороги, а также для упрочнения российского присутствия на северо-востоке Китая была создана Охранная стража КВЖД, преобразованная после восстания ихэтуней (1901 г.) в части специального Заамурского округа Отдельного Корпуса пограничной стражи со штабом в городе Харбине. В ходе последней реорганизации в 1910 г. войска Заамурского округа составили шесть пехотных и шесть конных полков, железнодорожную бригаду четырех-полкового состава, четыре конно-горные батареи и саперную роту. Воинские части были распределены на три отряда с центрами на ст. Бухэду, в Харбине и на ст. Ханьдаохэцзы. Все подразделения округа располагали хорошо оборудованными казармами, стены которых были способны выдержать огонь стрелкового оружия, зданиями Офицерских собраний, складами с большими материальными запасами.

В 1915 г. в ходе I мировой войны воинские части Заамурского округа были направлены на фронт. В полосе отчуждения остались только одна кадровая сотня и железнодорожная бригада. Место ушедших на фронт подразделений округа заняли ополченческие дружины, гораздо хуже обученные и дисциплинированные. В дальнейшем личный состав этих дружин создал немало проблем администрации КВЖД.

Февральская революция 1917 г. была встречена в полосе отчуждения позитивно. Дело в том, что по своим социально-культурным характеристикам полоса отчуждения являла собой т. н. зону фронтира — зону освоения, порубежья с особым режимом социальных отношений. За предшествующий период здесь оказалось немало людей предприимчивых, авантюристичных, сочетавших в своем арсенале борьбы за благосостояние как законные, так и не вполне законные методы. Первоначально революция не принесла коренных перемен полосе отчуждения. Практически вся старая администрация во главе с ге-

нерал-лейтенантом Л. Д. Хорватом (председатель Правления КВЖД), получившим теперь полномочия комиссара Временного правительства в полосе отчуждения, сохранила свои позиции. Но уже летом 1917 г. ситуация существенно изменилась. Началось противостояние между администрацией Хорвата и левыми организациями, чьи позиции были наиболее сильны в совете солдатских депутатов, возглавляемом членом РСДРП(б) прапорщиком М. Н. Рютиным. Совет располагал существенной вооруженной опорой в лице расквартированных в Харбине бойцов 559-й и 618-й ополченческих дружин.

В начале декабря 1917 г. большевистский революционный комитет полосы отчуждения потребовал от Хорвата сложить свои полномочия. Однако, будучи человеком большой личной смелости, как это отмечали и друзья и враги генерала, Хорват отказался принять требования. Положение старой администрации спасло лишь вмешательство китайцев.

Китайские власти Маньчжурии умело воспользовались сложившейся ситуацией для постепенного восстановления своего суверенитета в полосе отчуждения. Использовав в качестве повода стремление не допустить захвата власти большевиками, китайцы с согласия администрации КВЖД ввели в полосу отчуждения свои войска. С помощью китайских войск в середине декабря 1917 г. бойцы 559-й и 618-й ополченческих дружин были разоружены и начали выводиться в пределы российского Забайкалья. При этом не обошлось без вооруженного столкновения. Личный состав 618-й дружины, помещавшийся в казармах на Офицерской улице, оказал сопротивление китайским частям. В ходе перестрелки погиб командир дружины подполковник Давыдов, застреленный китайским офицером Цао Чжичаном. Вместе с харбинскими ополченческими дружинами разоружению и выдворению из Маньчжурии подлежали и охранные подразделения, располагавшиеся на линии, а также части Заамурской железнодорожной бригады, требовавшие восстановления совета солдатских и рабочих депутатов и вывода китайских войск.

Вместо выводимых за пределы полосы отчуждения ополченческих дружин генерал Хорват, заручившись поддержкой со стороны китайских властей, объявил в январе 1918 г. о формировании специальной Охранной стражи для обеспечения безопасности путей и имущества КВЖД, аналогичной той, которая существовала в полосе отчуждения до 1901 г. Набор в подразделения стражи должно было осуществлять вербовочное бюро при штабе еще существовавшего под руководством генерал-лейтенанта М. К. Самойлова Заамурского округа. Разложение фронта, приход к власти большевиков и развернувшиеся репрессии против офицерства привели к бегству части офицеров на восточную окраину России и в относительно спокойную «Хорватию», как называли полосу отчуждения КВЖД. В Китае в это время сохранялись старые российские дипломатические, административные, хозяйственные учреждения, при российских дипломатических представительствах продолжали работать военные атташе и агенты. Прежде всего, на Дальний Восток старались пробраться те офицеры, которые служили здесь еще до войны или имели в полосе отчуждения своих родственников, что в немалой степени относилось к бывшим чинам Заамурского округа пограничной стражи. Несколько тысяч солдат и офицеров прибыли в Забайкалье и на Дальний Восток в составе возвращавшихся с фронта на старые места дислокации воинских частей. В военной среде полосы отчуждения царили неопределенность и растерянность у одних, разложение дисциплины и бесшабашный разгул у других. Прибывший в феврале 1918 г. в полосу отчуждения генерал-лейтенант А. П. Будберг называл Харбин не иначе, как «помойницей, в которой гноятся и безвозвратно погибают последние остатки русской молодежи». В дальнейшем часть этих «разболтанных» офицеров оказалась на службе в Охранной страже КВЖД и в различных антибольшевистских отрядах.

Первым подразделением вновь формирующейся Охранной стражи стала 1-я Особая рота, созданная полковником Н. В. Орловым, который в конце 1917 г. наряду с есаулом Г. М. Семеновым первым поднял знамя антибольшевистской борьбы на востоке России. Вслед за 1-й Особой ротой стала формироваться, конный дивизион (сотня) под командованием ротмистра В. В. Враштиля и артиллерийская батарея заамурца, капитана Н. В. Ломиковского. Однако самовольное участие «орловских» частей в неудачном февральском наступлении есаула Семенова вдоль линии Забайкальской железной дороги привело к исключению бойцов 1-й и 2-й Особых рот из состава Охранной стражи, а полковник Орлов, по приказу генерала Самойлова, был также исключен из списков офицеров Заамурского округа.

Между тем, организация Охранной стражи продолжалась. Были учреждены пять территориальных отделов. Численность стражников предполагалось довести до 9–10 тыс. человек. По состоянию на апрель 1918 г., 1-й отдел Охранной стражи (штаб — ст. Хайлар) возглавил участник антибольшевистского восстания юнкеров в Иркутске, генерал-майор В. И. Марковский, 2-й отдел (ст. Фуляэрди) — полковник Шварц, 3-й отдел (Харбин) — генерал-майор Д. Е. Чевакинский, 4-й отдел (ст. Имяньпо) — генерал-майор Л. Г. Подгорецкий, 5-й отдел (ст. Лаошаогоу) — бывший начальник Заамурской железнодорожной бригады, генерал-майор Г. К. Дориан. Личный состав отделов формировался по ротам и сотням, имевшим единую нумерацию. Всего предписывалось организовать 25 рот и 6 сотен: 1-й отдел — 4 роты и 1 сотня, 2-й отдел — 4 роты и 1 сотня, 3-й отдел — 6 рот и 2 сотни, 4-й отдел — 8 рот и 1 сотня, 5-й отдел — 3 роты и 1 сотня.

В отличие от штабов, сформированных достаточно быстро, укомплектование рядовым составом

▲ Вокзал Харбина

подразделений Охранной стражи, особенно на линии, шло медленно. Нехватка русских охранников компенсировалась приемом на службу китайцев, которых насчитывалось в подразделениях до половины личного состава. Материальная база Охранной стражи оказалась сравнительно неплохой, поскольку в распоряжении командования находились склады (частично уже разворованные) Заамурского округа пограничной стражи.

В марте 1918 г. в связи с организацией в Харбине Штаба Российских войск на Дальнем Востоке под командованием генерала от кавалерии М. М. Плешкова Охранная стража вошла в подчинение этому штабу. После ухода воинских частей, ранее подчиненных Штабу Российских войск, в Приморье в конце 1918 г. Охранная стража осталась единственным русским вооруженным подразделением в полосе отчуждения.

В конце 1918 г. главный начальник Охранной стражи генерал Самойлов выдвинул инициативу увеличить численность стражи до 22 тыс. человек, сформировав в полосе отчуждения три пехотные бригады трех-полкового состава, кавалерию из четырех сотен и артиллерию в составе артиллерийской бригады (три дивизиона), конно-горного дивизиона и двух гаубичных батарей. Предполагалась набирать стражников не из вольнонаемных, а из военнообязанных, тем самым увеличив численность личного состава и сократив оклады для рядовых и унтер-офицеров.

В апреле 1919 г. приказом генерала Хорвата, Верховного уполномоченного Омского правительства на Дальнем Востоке, чинам Охранной стражи было присвоено окладное содержание чинов Российской Армии. В состав стражи было включено Управление коменданта Харбина, а также городская и линейная милиция. В июле 1919 г. Омское правительство объявило о восстановлении Заамурского округа пограничной стражи в составе двух дивизий. Для этого в Харбин был направлен Генерального штаба генерал-лейтенант С. Н. Люпов, служивший в 1906–1912 гг. в составе Отдельного корпуса пограничной стражи. Командующим Заамурского округа был назначен все тот же генерал Самойлов. Однако реализовать задачу создания в полосе отчуждения дивизий пограничной стражи не удалось. Катастрофически не хватало личного состава, все мобилизационные компании 1919 года оказались провальными.

Китайские власти отнеслись к воссозданию Заамурского округа резко негативно, требуя совместного управления охранными войсками в полосе отчуждения. В результате выросло число эксцессов на линии с участием китайских солдат. В своем докладе Хорвату от 20 сентября 1919 г. генерал Самойлов привел сводку наиболее характерных бесчинств и нарушений порядка китайскими военнослужащими в полосе отчуждения.

По распоряжению генерала Хорвата, в ноябре 1919 г. Генерального штаба генерал-лейтенанту Н. Г. Володченко было поручено произвести инспекционный осмотр Охранной стражи. Осмотр показал крайне неудовлетворительное состояние подразделений стражи в Харбине.

Ситуация требовала срочного вмешательства командования За-

амурского округа, однако развал Восточного фронта, падение Омского правительства и начавшаяся эвакуация гражданских и военных учреждений из Сибири в полосу отчуждения выдвинули на первый план другие проблемы. В марте 1920 г. китайский Главноначальствующий в полосе отчуждения генерал Бао Гуйцин вынудил администрацию Хорвата уйти в отставку. Было объявлено о ликвидации Охранной стражи КВЖД и передаче ее функций особому Бюро железнодорожной полиции, созданному распоряжением Пекинского Министерства внутренних дел.

Вместо Охранной стражи в бывшей полосе отчуждения КВЖД была создана железнодорожная полиция в составе внешней и внутренней охраны. Первая обеспечивала общественный порядок, а вторая охраняла имущество железной дороги. Начальником Железнодорожного полицейского управления был назначен начальник Харбинской городской полиции Чжан Цзэнцзюй, а его помощником и начальником внутренней охраны — генерал Володченко. В 1921 г. главным инспектором железнодорожной полиции стал генерал-майор А. К. Митрофанов, заамурец, возглавлявший в 1917–1920 гг. в полосе отчуждения военную милицию. В железнодорожной полиции, особенно во внутренней охране, служили в основном русские охранники, часть из которых до этого входила в состав Охранной стражи КВЖД. Внутренняя охрана КВЖД действовала до начала 1925 г.

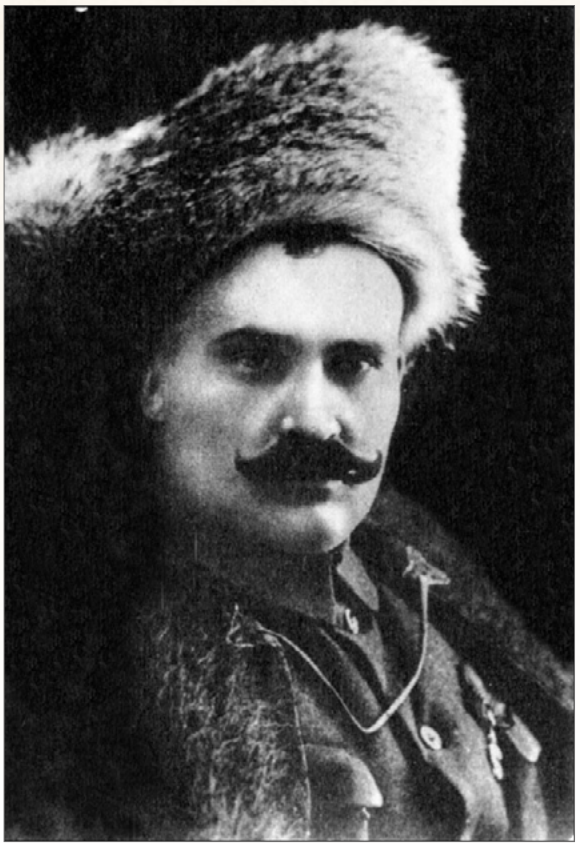
Важным фактором концентрации бывших военнослужащих Российской армии на территории Маньчжурии стало образование здесь одного из наиболее ранних и устойчивых центров антибольшевистского сопротивления, превратившего полосу отчуждения КВЖД в базу Белого движения.

Первыми организаторами антибольшевистского движения в полосе отчуждения стали полковник Орлов, есаул Семенов и подъесаул И. П. Калмыков. Их отряды, Особый Маньчжурский отряд (ОМО) Семенова на ст. Маньчжурия, отряд Орлова в Харбине и Особый Уссурийский казачий отряд (ОКО) Калмыкова на ст. Пограничная, начали формироваться в полосе отчуждения в конце 1917 — начале 1918 гг. Администрация Хорвата, а также российское консульство в Харбине, возглавляемое Г. К. Поповым, первоначально в тайне оказывали этим формированиям поддержку, рассматривая их в качестве инструмента в борьбе против большевизации полосы отчуждения. Однако, как оказалось в дальнейшем, контролировать эти разросшиеся и не желавшие никому подчиняться отряды было практически невозможно.

Основой семеновского Особого Маньчжурского отряда стал добровольческий Монголо-Бурятский конный полк, комплектовавшийся в Забайкалье осенью 1917 г. под командованием есаула Семенова. После неудачной попытки захватить Верхнеудинск в конце ноября 1917 г. остатки полка перебрались на ст. Маньчжурия. В январе 1918 г. было объявлено о создании Особого Маньчжурского отряда. Командный состав ОМО формировался из офицеров 1-й Забайкальской казачьей и Уссурийской конной дивизий, часть из которых, имея более высокие воинские чины, тем не менее, признали есаула Семенова командиром отряда. В число комсостава ОМО входили генерал-майор Д. Ф. Семенов, троюродный брат атамана, полковники Г. Е. Мациевский, И. Ф. Шильников, Л. В. Вериго, есаулы барон Р. Ф. Унгерн-Штернберг, А. К. Токмаков, подъесаул барон А. И. Тирбах, сотники Н. И. Савельев и В. Л. Сергеев и др.

Формирование Особого Уссурийского отряда началось на ст. Пограничная в марте 1918 г. после того, как 5-й Войсковой круг Уссурийского казачьего войска отказался признать подъесаула Калмыкова войсковым атаманом и тот, опасаясь ареста, был вынужден бежать на территорию Маньчжурии. На ст. Пограничная Калмыков объявил о мобилизации уссурийских казаков для борьбы с советской властью и создании своего отряда. С мая 1918 г. отряд Калмыкова начал набеги на советскую территорию, в связи с чем советские власти вынуждены были развернуть против калмыковцев т. н. Гродековский фронт.

Отряды Семенова и Калмыкова с самого начала своего создания оказались в сфере внимания представителей союзного (Антантовского) командования на Дальнем Востоке, особенно японцев. Японцы проявили интерес к есаулу Семенову еще в начале 1918 г. По заданию японского Генштаба изучить личность Семенова и его возможности в борьбе с большевиками было поручено подполковнику Куросава Хитоси, начальнику харбинской резидентуры. В ходе встреч Куросавы и забайкальского есаула выяснилось, что Семенов питает надежды на помощь со стороны японцев. Кандидатуру Семенова,

▲ Атаман Семенов

в качестве антибольшевистского деятеля, которому стоило бы оказать помощь, поддержали генерал-майор Накадзима Масатакэ, сменивший Куросаву на посту главы харбинской резидентуры, и Нисихара Камэдзо, один из самых влиятельных японских предпринимателей на Дальнем Востоке, тесно связанный с разведкой. К концу февраля 1918 г. правительство Японии приняло решение об оказании помощи Семенову. Вскоре в семеновский штаб прибыли девять японских офицеров, занявших посты советников и инструкторов. Подполковник Куросава лично курировал Семенова в Харбине. Резидент японской разведки Андзё Дзюнъити занимался рекрутированием японцев в ОМО. К апрелю 1918 г. в отряде насчитывалось 346 японских военнослужащих запаса от офицеров до рядовых.

Внимание японской разведки к Калмыкову было проявлено благодаря рекомендации японского агента Алексина. В феврале 1918 г. генерал Накадзима пообещал помощь Калмыкову и командировал из Владивостока в Иман капитана Ёко Нориёси, который безуспешно пытался оказать влияние на Войсковой круг Уссурийского казачьего войска в деле избрания Калмыкова войсковым атаманом. В дальнейшем капитан Ёко осуществлял связь с Калмыковым посредством разведывательного пункта Корейской гарнизонной армии на ст. Пограничная. Японские разведывательные органы, в частности Японская военная миссия (ЯВМ), прилагали большие усилия по созданию разведсети из русских сотрудников, вербуя их из числа офицеров и гражданских лиц. В 1921 г. ежемесячные выплаты японским агентам составили более 2 тыс. иен, разовое вознаграждение русским подданным колебалось от 30 до 150 иен. По неполным данным, к 1922 г. численность японских агентов в Маньчжурии и на российском Дальнем Востоке из числа русских, китайцев, японцев и корейцев составляла около 4 тыс. человек.

Всем добровольческим антибольшевистским формированиям были присущи некоторые черты, роднившие их с «запорожской вольницей». Генерал Будберг, крайне негативно относившийся к «отрядам спасителей родины под фирмами Семенова и Орлова», называл их самыми анархическими организациями, «так как для них не существует никаких законов и слушаются они только тех, кто дает им деньги, и до тех пор, пока дает...».

В конце 1917 — начале 1918 гг. менее 3 % из состава 250-тысячного корпуса офицеров Российской армии приняли участие в противостоянии советской власти.

В феврале 1918 г. в Харбине образовалась политическая организация, громогласно назвавшая себя «Дальневосточным комитетом Защиты Родины и Учредительного собрания». Возглавлял Комитет бывший председатель Исполнительного Комитета полосы отчуждения 1917 года, присяжный поверенный В. И. Александров. Комитет, обещая поддержку и финансирование, сделал попытку объединить антибольшевистские формирования в полосе отчуждения и начать наступление на территорию российского Забайкалья. Возможно, члены Комитета не знали, что Хорват «подкармливает» и опекает отряды, возможно хотели перехватить инициативу в руководстве антибольшевистским движением.

Побуждаемый к действиям Дальневосточным комитетом и союзниками отряд есаула Семенова в феврале 1918 г. перешел границу и двинулся по линии Забайкальской железной дороги. Чтобы обезопасить тылы наступающих полковник Орлов силами 1-й Особой роты предпринял разоружение остававшихся на западной ветке подразделений железнодорожной бригады. Наступление белых оказалось неудачным, пришлось вновь возвратиться на китайскую территорию. Хорват был раздражен «самоволием» Семенова и потерей им значительной части вооружения. Кроме того, разгорелся конфликт между Семеновым и Орловым. Семенов, поддержанный представителями союзников, стремился к единоличному командованию всеми антибольшевистскими отрядами и пытался прибрать к рукам Орловские части, с чем Орлов был категорически не согласен. Произошла размолвка и орловцы возвратились в Харбин. Участие орловцев в боевых действия в Забайкалье стоило полковнику Орлову и его подчиненным увольнения из рядов Охранной стражи, после чего отряд Орлова стал самостоятельной боевой частью.

В период первого выступления отряда Семенова Комитет защиты Родины и Учредительного собрания объявил об обязательной регистрации всех офицеров, находившихся в полосе отчуждения, и их дальнейшей мобилизации. Данная инициатива вызвала горячее обсуждение на собрании офицеров Харбинского гарнизона.

Мобилизация фактически провалилась и Хорват никоим образом здесь себя не проявил. Впрочем, обладая хорошим дипломатическим чутьем и гибкостью, за что получил от генерала Будберга наименование «двуликого Януса», Хорват на роль диктатора не подходил.

Неясная позиция Хорвата в отношении возглавления Белого движения на Дальнем Востоке привела к складыванию новых антибольшевистских отрядов в полосе отчуждения под эгидой Дальневосточного комитета Защиты Родины и Учредительного собрания, создавшего собственный штаб во главе с Генерального штаба подполковником И. Н. Никитиным.

Только в марте 1918 г. Хорват объявил об учреждении в Харбине штаба Российских войск для командования всеми имевшимися отрядами. После чего военный штаб Дальневосточного Комитета Защиты Родины был расформирован. Для руководства «всеми воинскими частями, отрядами, штабами, управлениями, учреждениями и заведениями как находящимися ныне, так и вновь формируемыми в полосе отчуждения КВЖД» был приглашен из Никольск-Уссурийска генерал М. М. Плешков.

▲ Калмыков в центре в кубанке

Будберг по поводу назначения Плешкова, которого считал «некчемушней пустопорожностью». Он был недалек от истины. Более поздние характеристики, данные генералу Плешкову, например, генералом А. С. Лукомским, подтвердят из сказанного о нем Будбергом.

При Плешкове стал формироваться штаб Российских войск, соответствовавший штабу корпуса. В его состав вошел целый ряд офицеров бывшего штаба Уссурийской конной дивизии. Наряду с главным штабом шла работа по организации штабов подчиненных подразделений, не имевших своих войск, о чем не преминул упомянуть вездесущий генерал Будберг: «в штабах этих войск больше народу, чем во всех строевых их частях; есть полки по 50 солдат, а в батареях по два номера на орудие, зато штабные должности переполнены и всюду еще толпы прикомандированных; все начальство обзавелось стадами личных адъютантов; по городу носятся автомобили с супругами, содержанками и ординарцами высокого начальства и разных кандидатов в атаманы» Когда уже позднее, в августе 1918 г., Будберг задал вопрос одному из начальников старшего штаба, «зачем они так раздувают формирование высоких штабов... для дела ненужных, он ответил (он очень прям и откровенен): "сие нужно для флага и для получения содержания: надо же как нибудь кормиться"». Для большинства офицеров борьба за выживание, обеспечение собственных семей были гораздо важнее, нежели борьба против большевиков.

Штаб Российских войск так и не объявил мобилизацию в полосе отчуждения, ставка делалась на уже существовавшие отряды и формирования из китайцев. Нужно отметить, что весной 1918 г. отряды Орлова и Семенова существенно выросли.

7 марта 1918 г. в Харбине на Соборной площади состоялся военный парад с участием отряда Орлова. Принимал парад начальник харбинской резидентуры японского Генштаба генерал-майор Накадзима в сопровождении консула Попова. Японец остался доволен состоянием отряда и распорядился о снабжении его японским оружием и боеприпасами со складов в Чанчуне, а также об отправке в отряд инструкторов для обучения бойцов стрельбе из японских пулеметов.

Особый Маньчжурский отряд атамана Семенова в апреле 1918 г. по некоторым данным составил около четырех тысяч человек. Семеновское командование в значительной мере контролировало часть западной ветки КВЖД от ст. Маньчжурия до Хайлара, имея здесь свои гарнизоны и назначая своих комендантов. Это вело к постоянным трениям со штабом Охранных войск.

Итак, антибольшевистские отряды не только выросли, но и стали вполне самостоятельными боевыми единицами со своими начальниками, и подчиняться приказам штаба Российских войск о реорганизации они не спешили, а Плешков не очень-то и настаивал. Дело ограничилось приказом о разворачивании подразделений Орловского отряда в более крупные части. Самой деликатной задачей для Плешкова стало достижение договоренности с есаулом Семеновым.

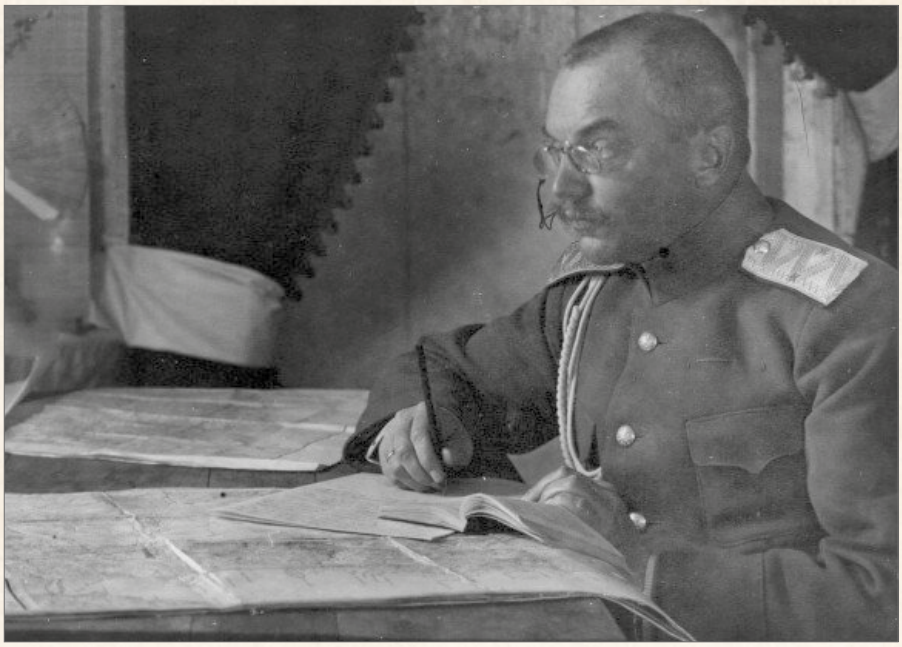
В начале апреля 1918 г. Семенов предпринял очередное самостоятельное наступление на Забайкалье и быстро продвинулся до реки Онон. В разгар наступления генерал Плешков во главе своего штаба нанес

визит атаману и в ходе обсуждения сложившейся обстановки любезно предложил помощь при наступлении на Нерчинск подразделениями отряда полковника Орлова. Тому ничего не оставалось делать, как подчиниться.

Инициатива Плешкова окончилась крайне неудачно. Орлов потерял грузовики и имущество инженерной полуроты, отошедшие Семенову. Те, кто не хотел служить у Семенова, всеми правдами и неправдами стремились возвратиться в Харбин. Но самое главное, Семенов предпочел сохранить самостоятельность и не подчинился Плешкову. Не помогло здесь и производство слишком самостоятельного есаула приказом генерала Хорвата в очередное звание войскового старшины. В дальнейшем столь же безуспешными будут попытки штаба Российских войск подчинить себе атамана Калмыкова. Неспособность генерала Плешкова подчинить своему командованию антибольшевистские отряды и наладить нормальную работу штаба Российский войск заставили Хорвата назначить в мае 1918 г. новым Главнокомандующим Российскими войсками в полосе отчуждения вице-адмирала А.В. Колчака, оказавшегося в Китае по инициативе англичан и российского дипломатического корпуса.

Новое назначение мало изменило ситуацию, объединить отряды Колчаку также не удалось. Адмирала признали только орловцы. Ни атаман Семенов, ни Калмыков не желали ему подчиняться. Колчак в дальнейшем считал, что здесь не обошлось без влияния японцев. В конце мая 1918 г. отношения между Колчаком и Семеновым настолько обострились, что едва не произошло вооруженного столкновения между подчиненными им отрядами. Инцидент был разрешен вмешательством японцев, которые заявили, что в случае столкновения применят военную силу.

В этой ситуации Колчак обратился к Хорвату с просьбой об отставке. Хорвата, по-видимому, такой вариант устраивал. Дело в том, что Колчак так и не смог наладить отношения со штабом Плешкова. Здесь все были

▲ Будберг

недовольны планом адмирала сосредоточить войска на ст. Пограничная и оттуда начать наступление на Владивосток. Против Колчака начались интриги, особенно со стороны генерала Хрещатицкого. Не уступал ему и генерал Самойлов, обиженный слишком прямым и вспыльчивым адмиралом. К тому же, Колчак, став главнокомандующим Российскими войсками в полосе отчуждения, практически сразу вступил в трения с Японской военной миссией, возглавляемой генералом Накадзимой.

В дело с отставкой Колчака вмешалось командование Орловского отряда и консул Попов, выступившие в поддержку адмирала. Стремясь лишить Колчака опоры, 1 июня 1918 г. отряд полковника Орлова был выдвинут на разъезд Эхо для дальнейшего перемещения на ст. Пограничная, что соответствовало колчаковскому плану подготовки наступления на Приморье. После этого Хорват предпринял попытку восстановить генерала Плешкова в должности главнокомандующего, а Колчака назначить командующим войсками восточной группы. Колчак отказался выполнить приказ Хорвата.

Вероятно, отсутствие у Колчака надежной вооруженной опоры заставило его начать формирование в июне 1918 г. нового подразделения — морской роты. Рота состояла из четырех взводов: трех стрелковых и одного минно-подрывного. На начало июля численность роты составляла более ста человек, из них более двадцати — офицеры, главным образом сухопутные. В июле морская рота получила в свое распоряжение два мобилизованных у российских граждан из Харбина катера — «Талисман» и «Рыболов», и осуществила первую боевую операцию на одной из проток Амура, в ходе которой был захвачен красный пароход «Сретенск»

Трения между Колчаком и Хорватом были прекращены благодаря «посредничеству» японцев, предложивших Колчаку на некоторое время выехать в Японию, откуда он осенью 1918 г. уехал в Омск.

Японское командование, которое адмирал Колчак не устраивал своим нежеланием идти на определенные уступки в будущем после победы антибольшевистских сил при поддержке Японии, делало свою ставку в объединении отрядов в полосе отчуждения на атамана Семенова. Направляемые японцами китайские власти, уже давно стремившиеся ликвидировать все русские вооруженные отряды в полосе отчуждения, потребовали

расформирования орловского отряда, к большому удовольствию генерала Самойлова, у которого Орлов со своими бойцами был, как кость в горле. Ко всеобщему, казалось бы, удовлетворению отряд Орлова будет расформирован в середине июля 1918 г., но до этого произойдет еще ряд важных событий.

В начале июля, получив известия о свержении власти большевиков во Владивостоке чехословацкими частями под командованием Генерального штаба генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса, штаб Российских войск выехал на ст. Пограничная, чтобы оттуда развернуть свою деятельность на территории Приморской области и помочь чехам во взятии Никольск-Уссурийского.

В это же время, 10 июля, после долгих уговоров генерал Хорват объявил себя Временным Правителем России «до тех пор, пока не будет восстановлена русская национальная верховная власть и созвано Учредительное собрание», и начал формировать свое правительство — «деловой кабинет». Хорват надеялся на поддержку союзников, намереваясь утвердиться во Владивостоке, но реальной поддержки не получил, впрочем, как и Временное правительство Автономной Сибири (ВПАС) эсера П. Я. Дербера. Не получив поддержки со стороны командования интервентов, совет министров ВПАС поручил «управление всеми делами» Приморской области Областной земской управе под председательством А. С. Медведева, но фактически правительство Автономной Сибири продолжало действовать под прикрытием земской управы. По соглашению с генералом М. К. Дитерихсом (начальник штаба союзническими войсками), полковнику С. С. Толстову, командующему вооруженными силами ВПАС, было предложено возглавить все вооруженные сухопутные и морские силы Приморской области. Толстов согласился и начал формирование своего штаба, начальником которого был назначен Генерального штаба полковник П. Г. Бурлин. В это время генерал Хорват со своим «правительством» и штабом оказался блокирован на ст. Гродеково. Дело даже дошло до вооруженной стычки между русскими и чехами, не улучшившей положение хорватовского штаба. Началось т. н. «гродековское сидение», обусловленное в том числе и отсутствием у Хорвата надежной вооруженной опоры, с которой стоило бы считаться. В июле 1918 г. в подчинении Временного правительства находился ОМО атамана Семенова (до 6 тыс. чел.), отряд полковника Орлова (1 тыс. чел.), отряд атамана Калмыкова (500 чел.), отряд полковника Маковкина (650 чел.), 3-й Туземный полк (до 700 чел.), конный полк полковника Враштиля (500 чел.), отряд атамана Гамова (700 чел.) и Охранная стража КВЖД.

В реальности отряд полковника Орлова был расформирован, на базе его пехотных частей планировалось создать Егерский им. полковника Орлова полк, но уже без Орлова. Устранение любимого командира было воспринято многими орловцами весьма негативно, но Орлов не стал затевать смуту, сложил свои полномочия и уехал в Харбин. Атаманские отряды Семенова, Калмыкова и Гамова Хорвату практически не подчинялись, а части, созданные в основном из китайцев (Туземный полк), в конце июля взбунтовались и их пришлось выводить в тыл для переформирования. После этого случая было решено отказаться от широкого привлечения в регулярные части китайских добровольцев, среди которых попадалось немало хунхузов. Стремясь сохранить связь с атаманом Семеновым, Хорват произвел его в начале августа 1918 г. в полковники с переименованием, по занимаемой должности, в зауряд-генерал-майоры. Через две недели новым приказом Семенов был назначен Забайкальским областным комиссаром.

▲ Колчак и Плешков

«Гродековское сидение» правительства Хорвата вызывало немало зубоскальства в Харбине. Генерала называли «Дмитрием I, самодержцем всея Гродековская станция и ея запасных путей». В самом Приморье очень немногие высказались в поддержку Хорвата. В основном к Хорвату тяготели офицеры Владивостокского гарнизона, не желавшие подчиняться земской управе, возглавляемой эсерами.

В августе была предпринята попытка выйти из политического тупика путем переговоров между Временным правительством Автономной Сибири и «деловым кабинетом» при участии союзников. Генерал Плешков был выдвинут в качестве общего командующего Российскими вооруженными силами на Дальнем Востоке, что было встречено очень позитивно со стороны офицеров Владивостокского гарнизона. Полковник Толстов не возражал против объединения русских войск на Дальнем Востоке, но отказался подчиняться Плешкову, по-видимому, под влиянием эсеров. Тогда 23 августа 1918 г. Плешков, находившийся во Владивостоке, объявил о включении вооруженных сил Приморья в состав Российских войск Дальнего Востока под своим командованием. Толстов был отстранен от должности, новым командующим вооруженными силами Приморской области и комендантом Владивостокской крепости был временно назначен полковник Бурлин, возглавивший т. н. Владивостокскую группу Российских войск Дальнего Востока.

Руководители городского и областного самоуправления не признали полномочий Плешкова, ситуация грозила перерасти в вооруженное противостояние и была спасена только вмешательством иностранных держав. Военные представители держав на совещании 25 августа во Владивостоке под председательством генерала Накадзима, заявив о непризнании полномочий генерала Плешкова и нежелательности его присутствия во Владивостоке, потребовали, чтобы части Владивостокского гарнизона сложили оружие и перешли в распоряжение атамана Семенова или полковника Толстова. Полковник Толстов был восстановлен в своей должности.

Плешков немедленно ретировался из города, а полковник Бурлин был вынужден подчиниться требованиям интервентов. Переговоры между ВПАС и «деловым кабинетом» провалились. Сибирское правительство объявило Хорвата узурпатором, а Плешков назвал «сибиряков» изменниками.

В сентябре 1918 г. представители держав, стремясь «загладить» свою ошибку, возвратили оружие русским войскам Приморской области, но почти сразу после этого удалили части Владивостокского гарнизона в полосу отчуждения КВЖД. Вывезенные в Харбин 1-й и 2-й Сибирские стрелковые полки и 3-й дивизион 1-го Сибирского артиллерийского полка вскоре были перемещены на ст. Ханьдаохэцзы, где до декабря 1918 г. составляли местный гарнизон под командованием полковника Бурлина. Вместе с Владивостокской группой войск в полосу отчуждения КВЖД были перемещены и части т. н. Уссурийской группы Российских войск Дальнего Востока, которой командовал генерал Хрещатицкий. Ядро этой группы, Отдельная Уссурийская бригада под командованием полковника Маковкина, составило на некоторое время гарнизон на ст. Эхо. Сам Хрещатицкий получил назначение начальником штаба к генералу Плешкову.

На протяжении сентября во Владивостоке шла грызня за место главнокомандующего, на которое помимо полковника Толстова претендовали генерал Плешков, представитель атамана Семенова полковник Л. Н. Скипетров и чешское командование генерала Р. Гайды. Более того, Гайда, командующий войсками Восточного фронта, даже попытался распространить свою власть на полосу отчуждения, назначив сюда в сентябре 1918 г. в качестве главноначальствующего своего представителя — полковника Э. Кадлеца. Это назначение вызвало протест со стороны российского дипломатического корпуса и администрации КВЖД, а также заявления китайских властей и японцев о нарушении суверенных прав Китая. Командующий войсками Гиринской провинции генерал Мэн предписал приостановить выполнение приказов Гайды и предложил сформировать новую бригаду для охраны железной дороги. В сложившейся ситуации полковнику Кадлецу ничего не оставалось делать как покинуть Харбин.

Ситуация более или менее стабилизировалась в октябре после достижения договоренности между Временным Сибирским правительством (П. В. Вологодского) в Омске и Хорватом о признании последним полномочий Сибирского правительства и принятии должности Верховного уполномоченного этого правительства на Дальнем Востоке. Вскоре свои полномочия в пользу Временного Всероссийского правительства («Уфимской директории») сложило ВПАС, после чего директорию признал и Хорват. В начале октября командующим сухопутными и морскими силами Приморской области с правами командира корпуса был назначен полковник Х. Е. Бутенко.

Осенью 1918 г. деятельность антибольшевистских вооруженных формирований, некогда базировавшихся в полосе отчуждения КВЖД, окончательно переместилась на российскую территорию, Гражданская война заполыхала с новой силой. С этого времени больше чем на год полоса отчуждения стала далеким тылом Восточного фронта Белого движения. Штаб Российских войск в полосе отчуждения уже практически не играл никакой роли и в октябре 1918 г. генерал Флуг предложил ликвидировать все штабные структуры, но не был в этом поддержан Хорватом, который не хотел обижать генерала Плешкова. В это время в распоряжении штаба Плешкова находилась Отдельная Уссурийская бригада, расквартированная на ст. Раздольная, и Владивостокская группа войск генерал-майора Бурлина на ст. Ханьдаохэцзы. В состав Уссурийской бригады входили: 1-й Егерский полк, 2-й Пластунский полк, Конно-егерский полк, 1-й легкий артиллерийский дивизион, Отдельная

гаубичная батарея, инженерная рота и подразделения связи. Всего 289 офицеров и 1646 солдат. Численность Владивостокской группы войск (1-й и 2-й Сибирские стрелковые полки, 3-й дивизион 1-го Сибирского артиллерийского полка, Артиллерийский склад) составляла 199 офицеров и 140 солдат. Кроме того, Плешкову подчинялась Морская рота, несколько судов Отдела речных операций, бронепоезд, сводный запасной полк (82 офицера) [Там же, с. 280] и Охранная стража КВЖД.

Несмотря на всю свою неэффективность, штаб Российских войск продолжал предпринимать определенные усилия по созданию новых воинских частей для антибольшевистского фронта. Так, генерал Хрещатицкий предложил идею организации смешанных русско-японских частей, желая, по мнению Будберга, обставить в этом англичан.

По-видимому, японские круги выделили под реализацию проекта Хрещатицкого определенные деньги, поскольку, по словам того же Будберга, «у причастных к формированию [русско-японских частей] лиц прежде в карманах была аравийская пустыня, а сейчас они швыряются пачками пятисотрублевок».

В ноябре 1918 г. Омским правительством адмирала Колчака было принято решение о роспуске с 1 декабря «делового кабинета» Хорвата и расформировании штаба Российский войск в полосе отчуждения и всех подчиненных ему штабов, управлений и частей. Из подлежащих расформированию воинских частей было решено создать 9-ю Сибирскую стрелковую дивизию, части которой размещались на территории Приморья. Временно и. д. начальника дивизии, приказом Хорвата, был назначен генерал-лейтенант П. А. Кордюков, начальником штаба — подполковник Я. Я. Смирнов. Отдел речных операций Российских войск был реорганизован в Амурский флот, базой которого стал Владивосток. Туда же перебазировалась Морская рота.

После роспуска «делового кабинета» генерал Хорват до июля 1919 г. продолжал выполнять функции Верховного уполномоченного Омского правительства на Дальнем Востоке. Генерал Плешков получил новую, ни к чему не обязывающую должность, став русским Главноначальствующим в полосе отчуждения, а Хрещатицкий был назначен инспектором иностранных формирований русской службы, каковым являлся до августа 1919 г.

Осенью 1918 г., в связи с переходом под контроль белых сил Урала, Сибири и Дальнего Востока, основная масса желающих принять участие в борьбе против большевиков покинула полосу отчуждения. Однако в Маньчжурии и на российском Дальнем Востоке еще осталось много не находившихся на военной службе офицеров. В декабре, согласно поступившему из Омска приказу, Хорват объявил о мобилизации всех офицеров в возрасте до 43 лет, не состоявших в войсках и резерве. К 1 января 1919 г. они должны были явиться к комендантам городов и ближайшим воинским начальникам для назначения в ряды войск. Мобилизация оказалась не очень успешной. Как отмечал в своем дневнике Будберг, в Харбине «гоняются за подлежащими призыву офицерами,

▲ Генерал Хорват во Владивостоке

ловят их и отправляют в Никольск, а тамошнее строевое начальство чертыхается, так как не знает, что с присланными делать, так как у него нет ни войск, ни солдат, ни казарм... Среди взбаламученного офицерства волна недовольства».

Впрочем, качество офицеров, находившихся в это время в полосе отчуждения, также оставляло желать лучшего. Вполне естественно, что в этом глубоком тылу стремились осесть те, кто не желал принимать участия в гражданской войне и по идейным и по шкурным соображениям. Например, в дневнике все того же генерала Будберга за октябрь 1918 г. можно увидеть оценку, данную полковником В. А. Волковым (в свое время один из руководителей Офицерской организации Владивостока, командир Владимиро-Александровского отряда) после посещения им ст. Эхо тамошним офицерам. Эховским гарнизоном в это время командовал полковник Маковкин. По словам Волкова, «3/4 молодых офицеров распущены и развращены до полной невозможности их исправить, а некоторые из них готовые уже преступники, опасные для общества и государства, ибо за деньги на все способны».

В качестве альтернативы фронту многие офицеры предпочитали устраиваться в Охранную стражу КВЖД, где даже младшими офицерами рот служили полковники и подполковники, или в части атамана Семенова. Согласно заметкам Будберга от февраля 1919 г., «семеновские вербовщики шныряют всюду, пытаясь сманивать к себе кадровых офицеров; предлагают двойные против здешних оклады и высокие должности... Много харбинских военных потянуло в Читу, за последний приезд Семенова им куплено здесь немало ждавших, кто даст выгодную цену». Крайне негативное отношение Будберга к «обер-хунхузу» Семенову и другим атаманам переносится в его записях и на тех офицеров, которые выбрали службу в атаманских частях. Данные Будберга о деятельности семеновского вербовочного бюро подтверждаются сведениями контрразведки в полосе отчуждения от октября 1919 г.

Мобилизация в ряды Белой армии русского и туземного населения проводилась и в еще одном регионе Китая, в Синьцзяне.

В отдельных районах Синьцзяна, особенно в Илийском (Кульджийском) округе еще до революции стали формироваться русские общины из бежавших в Китай старообрядцев, торговцев и их семей. Численность выходцев с территории России существенно выросла в 1916–1918 гг. Особенно много здесь было казахов. Весной — летом 1918 г. в Илийский округ прибыло несколько групп военных беженцев-казаков — отряд полковника М. Е. Ионова, войскового атамана Семиреченского казачьего войска, группа хорунжего Грязнова и др. В дальнейшем часть из них возвратилась в Россию и приняла участие в боях против большевиков.

Потребность пополнения боевых частей на фронте заставила белое командование весной 1919 г. организовать в Илийском округе мобилизационные мероприятия. От генерала Ионова на территории округа работал полковник Сапожников, сформировавший конный полк. Из Омска были присланы генерал-майор Карцев и полковник Брянцев. Генерал Б. В. Анненков также отправил в Кульджу своего представителя — полковника П. И. Сидорова. Формирование подразделений шло медленно и в постоянных склоках. В конце концов, в сентябре 1919 г. удалось выставить возглавляемую Брянцевым Особую Кульджийскую стрелковую бригаду в составе Текесского кавалерийского и Кольджатского пластунского казачьих полков. Кроме того, имелся отряд полковника Сидорова.

После ряда успешных боев в Джарткенском районе «кульджийцы» в январе 1920 г. потерпели сокрушительное поражение. Остатки частей бригады под командованием полковника Сидорова прошли по практически непроходимым зимой перевалам Джунгарского Алатау и присоединились к Семиреченской армии генерала Анненкова.

Таким образом, в первые послереволюционные годы ситуацию в Китае, и особенно в полосе отчуждения КВЖД, для российских военнослужащих нужно считать достаточно благоприятной. Здесь наряду с российскими дипломатическими представительствами сохранились некоторые воинские структуры и военные учреждения. До лета 1920 г. в полосе отчуждения действовала подчиненная только русскому руководству Охранная стража численностью до четырех тысяч человек. Будучи тылом белого Восточного фронта полоса отчуждения являлась местом проживания семей части офицеров, служивших в Приморье, Приамурье и даже в Забайкалье. Главный контингент военных, нашедших себе пристанище в Китае и оставшихся здесь после осени 1918 г., составили те, кто не желал участвовать в гражданской войне, избегая различными способами любых мобилизаций.

Падение Омского правительства адмирала Колчака, уход бывших союзников (за исключением японцев) с российского Дальнего Востока и из полосы отчуждения КВЖД открыли для китайского правительства возможность ликвидировать ранее сохранявшиеся у русских в Китае привилегии. Весной 1920 г. для бывших российских подданных были отменены экстерриториальность, собственные судебные учреждения, упразднялись дипломатические представительства и другие российские структуры, включая Охранную стражу КВЖД. Бывшие российские подданные, оказавшиеся на территории Китая, превратились в эмигрантов.

Массовый исход русских военных в сопредельные с Россией регионы Китая — Маньчжурию, Синьцзян, Внешнюю Монголию — развернулся с начала 1920 года после разгрома белого Восточного фронта и гибели Омского правительства, а позднее — падения семеновского Забайкалья.

В начале 1920 г. в Маньчжурию, и прежде всего в Харбин, из Сибири начали прибывать эшелоны с ранеными и больными, а также тысячами беженцев, среди которых было немало офицеров. В массе своей это были

офицеры и чиновники военного времени из крайне раздутых штабных и тыловых служб Омского правительства. По подсчетам Е. В. Волкова, изучавшего офицерский корпус армии адмирала А. В. Колчака, в ее рядах насчитывалось около 30 тыс. офицеров, при этом на фронте находилось не более 12 тысяч. Значительная часть этих людей погибла и попала в плен во время отступления на восток и знаменитого Сибирского Ледяного похода. Из многотысячной колчаковской армии в Забайкалье пробилось около 25 тыс. солдат и офицеров, назвавших себя «каппелевцами» в честь умершего в период отступления главнокомандующего войсками Восточного фронта генерала В. О. Каппеля, одного из кумиров Белого движения на востоке России. Таким образом, в начале 1920 г. в Маньчжурию помимо части вывезенных из Сибири больных и раненных военнослужащих прибыли в основном офицеры и чиновники штабных и тыловых учреждений, среди которых было много тех, кто всеми правдами и неправдами не желали оказаться на фронте. В дальнейшем большинство из них не приняли участия в продолжавшейся на Дальнем Востоке Гражданской войне.

Другими районами, откуда в Маньчжурию перемещались отдельные воинские отряды и группы, являлись Приамурье и Приморье, вышедшие из-под контроля белой администрации. Так, в связи с переходом власти во Владивостоке в руки Приморской земской областной управы командующий войсками Приамурского военного округа генерал-лейтенант С. Н. Розанов (начальник штаба — генерал Будберг) с частью своего штаба покинул город, выехав в Японию. Неудачная попытка уйти в Китай после того, как Никольск-Уссурийский оказался в руках левых сил, предприняло командование Уссурийской отдельной конной бригады. Большая часть состава бригады перешла на сторону левых, а остававшиеся с генералом Маковкиным и полковником Враштилем бойцы не были пропущены на китайскую территорию местными казаками.

В середине феврале 1920 г. сформированный на добровольческих началах Особый Уссурийский отряд атамана Калмыкова, насчитывавший более 600 человек покинул Хабаровск с намерением вступить в бой с красными партизанами. Командование Хабаровским гарнизоном Калмыков временно передал Генерального штаба полковнику М. А. Демишхану начальнику штаба Хабаровского воинского района. Осознавая, что его отряд не сможет противостоять красным, Калмыков отказался от открытого столкновения и приказал своим подчиненным уходить в Китай.

Переход был очень тяжелым — часть бойцов отряда погибла от обморожения, ампутации нередко приходилось делать подручными средствами. В начале марта отряд был разоружен китайцами в Фугдине (Фуцзине), атаман Калмыков, генерал Суходольский и капитан 1-го ранга Безуар были арестованы. Ситуация для «калмыковцев» складывалась крайне неблагоприятно — китайцы готовы были их всех передать красным. Около 200 бойцов в самом деле были выдворены на советскую территорию. Калмыкова спасло от выдачи, возможно, то обстоятельство, что

▲ Дудоров Б.П.

он объявил китайцам о спрятанных им 37 пудах золота, местонахождение которого было известно лишь ему. Калмыков и Безуар были отправлены в Гирин. В сентябре 1920 г., согласно официальной версии, Калмыков при попытке к бегству был убит, а Безуар благодаря ходатайству Русского Морского Агента в Японии и Китае контр-адмирала Б. П. Дудорова получил свободу.

Помимо группы старшего лейтенанта Вуича в Маньчжурию в начале 1920 г. прибыло еще несколько небольших групп моряков: группы капитана 1-го ранга Н. Ю. Фомина и контр-адмирала Старка из Омска, группа капитана 1-го ранга Б. К. Шутова из Благовещенска и группа из Приморья.

В начале февраля 1920 г. в Харбине в связи с большим наплывом военных был организован «Комитет по разработке вопросов об устройстве, службе и довольствии офицеров, прибывших в полосу отчуждения из мест захваченных большевиками» под председательством генерала Плешкова. Большинство беженцев первые месяцы пребывания в Харбине жили в железнодорожных вагонах, размещавшихся на запасных путях Харбинского вокзала. Как отмечал в своем дневнике полковник И. С. Ильин, прибывший с семьей в Харбин в начале февраля 1920 г., «наш вагон стоит в длинном ряду других вагонов, в которых все такие же беженцы, как и мы...». Стоимость гостиничных номеров и сдаваемых в наем квартир была невероятно высока, местные домовладельцы стремились нажиться на вновь прибывших. Даже номер гостиницы Офицерского гарнизонного собрания стоил 2–3 иены, что составляло около 300 сибирских. Контр-адмирал М. И. Федорович, бывший командующий морскими силами на Дальнем Востоке, следовавший во Владивосток, но из-за случившегося там переворота застрявший в Харбине, устроил в своем вагоне, стоявшем на запасных путях в т. н. «Адмиральском тупике», общежитие для морских офицеров, оказывая материальную помощь особо нуждавшимся из тех скромных денежных средств, которыми располагал.

Чтобы помочь выжить офицерам и их семьям командование Охранной стражи охотно брало офицеров на службу. Жалование простого стражника составляло 42 китайских (мексиканских) доллара в месяц. Иногда к частям Охранной стражи прикомандировывались отдельные воинские подразделения. Например, в феврале 1920 г. к 1-му Заамурскому железнодорожному батальону было прикомандировано Управление воздушного флота Восточного фронта в составе пяти офицеров и одного классного чиновника (начальник — полковник П. Самойло).

Между тем, дни самой Охранной стражи были сочтены. 16 марта китайские солдаты захватили Главный штаб стражи в Харбине, сорвав с крыши здания российский флаг. На линии начались захваты китайскими войсками казарм и имущества Охранной стражи. Генерал Самойлов, обратившись с запросом к Хорвату о дальнейших действиях, получил указание подчиниться китайской администрации. Вскоре Пекинское Министерство внутренних дел объявило о создании особого Бюро железнодорожной полиции.

Весной 1920 г. на территорию китайского Синьцзяна начали прибывать русские воинские части, отступавшие из Семиречья. Это были подразделения Отдельной Семиреченской армии генерал-майора Б. В. Анненкова (заместитель — генерал-майор А. И. Бакич), в состав которой входили и части бывшей Отдельной Оренбургской армии атамана А. И. Дутова, а также разрозненные небольшие отряды.

Первыми на китайскую территорию в районе города Чугучак 27 марта 1920 г. вышли части под командованием генерала Бакича (Северная группа Семиреченской армии): 1-я и 2-я Оренбургские казачьи дивизии и Отдельная Сызранская Егерская бригада, составлявшие в Семиречье Отряд им. атамана Дутова. Численность отступавших исчислялась в 1814 офицеров и военных чиновников, 8039 солдат и казаков, 785 членов семей военнослужащих и около пяти тысяч гражданских беженцев из Оренбургской и Уфимской губерний. Обязательным условием интернирования, выдвинутым китайскими властями, стала сдача практически всего оружия, включая револьверы и шашки офицеров. Было разрешено оставить лишь по четыре винтовки на часть для охраны денежных ящиков.

Интернированные русские части и беженцы были размещены в 10-верстовой зоне на правом берегу реки Эмиль в 40 верстах от Чугучака. Первым делом беженцы стали обустраиваться на месте, поскольку здесь не было никакого жилья. Строили бараки, шалаши, землянки. Китайскими властями были выделены для размещения беженцев сто юрт. Также были сооружены столовые и церковь. Вскоре на берегу Эмили сформировался своеобразный беженский город с правильной планировкой и русским комендантом.

Бакичу было разрешено сохранить в отряде прежнюю организацию и управление. В условиях неминуемого разложения командование отрядом стремилось поддерживать дисциплину, в отряде существовал военно-полевой суд, чем китайцы были весьма недовольны. Важным средством поддержания дисциплины и улучшения отношений с китайскими властями являлось соглашение Бакича с китайцами о возможности ареста любого чина отряда за оставление лагеря без особого разрешения и наказания провинившихся «без всякого снисхождения».

Практически одновременно с частями Бакича на китайскую территорию в районе Кульджи перешла Южная группа Семиреческой армии под командованием генерал-майора Н. П. Щербакова, последнего атамана Семиреченского казачьего войска, а также отряд полковника П. И. Сидорова, имевший самостоятельное управление и державшийся ранее в районе Хоргоса и Кольджата. По другой версии, приводимой в воспоминаниях сотника В. Н. Ефремова, небольшая группа семире-

▲ Розанов крайний слева

ченских казаков во главе с генералом Щербаковым и полковник Сидоров с несколькими офицерами Отдельной Кульджийской стрелковой бригады ушли в Китай вместе с отрядом атамана Дутова.

Партизаны генерала Анненкова совместно с несколькими оренбургскими казачьими частями численностью более четырех тысяч человек первоначально обосновались у перевала Сельке в горах Джунгарского Алатау недалеко от русско-китайской границы, сформировав лагерь, получивший название «Орлиное гнездо», с намерением развернуть партизанскую войну против красных. Вынужденное полуголодное сидение в горах вело к быстрому разложению анненковских частей. Вскоре между анненковцами и оренбуржцами разгорелись распри, поводом для чего стало жестокое уничтожение анненковцами нескольких семей оренбургских казаков. Оренбуржцы расправились с насильниками, после чего в конце апреля 1920 г. Орлиное гнездо покинул 1-й Оренбургский казачий полк, возглавляемый войсковым старшиной Н. Е. Завершинским. В конце мая остававшиеся под командованием Анненкова около 1,5 тыс. человек (бывшие лейб-атаманцы, кирасиры, личные конвойцы, артиллеристы и личный оркестр генерала) покинули Орлиное гнездо и перешли китайскую границу в районе села Джимпань.

Генерал Бакич, узнав об интернировании анненковцев, обратился с просьбой к китайским властям не размещать их ближе чем на сто верст от лагеря на реке Эмиль, в противном случае такое соседство грозило эксцессами и столкновениями. Китайцы сочли за лучшее разместить Анненкова и его людей на берегах реки Боротала, значительно южнее Чугучака. Здесь был создан еще один русский лагерь, вскоре получивший название «Веселый».

В мае 1920 г., преодолев практически непроходимый в это время года высокогорный перевал Кара-Сарык, русско-китайскую границу пересек небольшой отряд под командованием атамана Дутова (около 300 человек). Дутов после передачи в начале 1920 г. командования армией атаману Анненкову выполнял в Семиречье формальные функции гражданского губернатора и не имел под своим началом войск. Оренбургский атаман и часть его людей были размещены в Суйдине (40 км к северо-западу от Кульджи), где они заселились в оставшихся незанятыми китайскими войсками казармы на территории бывшего русского консульства. Часть беженцев расположилась в китайских поселках поблизости — Мазаре и Чимпанцзы. Вскоре к Дутову присоединились Оренбургский казачий полк Завершинского (разместился в Мазаре) и отдельные группы оренбуржцев.

Летом 1920 г. под руководством атамана Дутова сосредоточилось более тысячи человек. Генерал Щербаков и полковник Сидоров со своими людьми перебрались в Кульджу. Однако Дутов, несмотря на поступавшие ему предложения, в Кульджу переезжать отказывался, будучи крайне негативно настроенным против местных притонов и разгула, которому предавались некоторые беженцы.

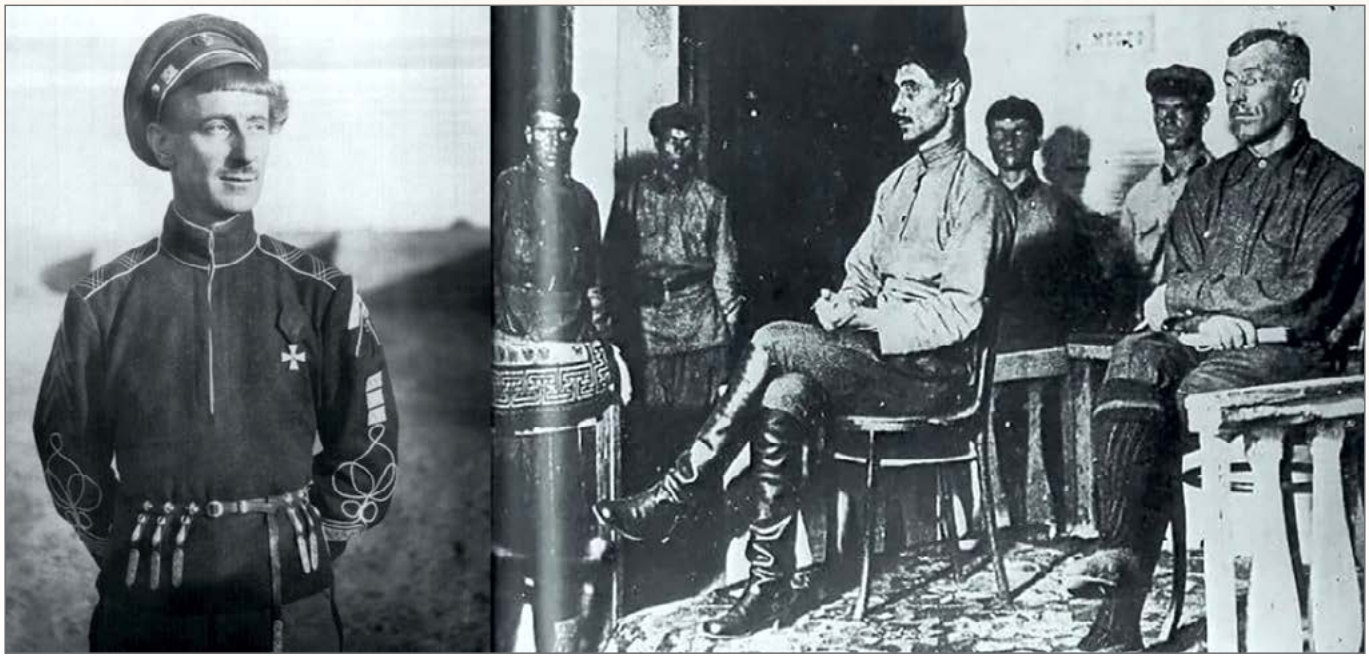
Положение военных беженцев, оказавшихся в Синьцзяне, было очень тяжелым. Найти работу было практически невозможно, денежные средства и продовольственные припасы, которыми располагало руководство русскими воинскими частями, были крайне невелики. В этой ситуации в мае 1920 г. генерал Бакич кон-

фисковал в Чугучаке все серебро бывшей Семиреченской армии (243 пуда), а также реквизировал скот (8 тыс. баранов), закупленный колчаковским правительством на нужды армии Эти действия были вполне оправданными, но Бакич не поделился серебром с другими отрядами, о чем ему мягко выговорил в одном из писем атаман Дутов. Некоторые средства поступали беженцам от русских консульств и из Забайкалья от атамана Семенова через представителя Оренбургского казачьего войска в Забайкалье генерал-майора Н. С. Анисимова. Однако кардинально это ситуацию не меняло, а отсутствие перспектив на будущее подталкивало людей к возвращению на родину. Свою лепту в разложение беженской массы вносили и большевистские агитаторы, проникавшие в беженские лагеря.

Первоначально Бакич, имевший в своем подчинении самый крупный воинский контингент, пытался препятствовать уходу беженцев, но уже в мае отказался от этих попыток. Возвращавшихся в Россию провожали всем лагерем с молебнами и клятвами не поднимать оружия против своих братьев, остававшихся в эмиграции. В результате массовой репатриации к концу лета 1920 г. в лагере на реке Эмиль осталось только 6746 человек, из них 1468 офицеров и 3557 солдат. Часть офицеров, имея разногласия с Бакичем, были откомандированы из отряда или ушли сами, с целью пробраться в Маньчжурию Отток беженцев наблюдался и из «Веселого» лагеря генерала Анненкова, где к августу 1920 г. осталось 670 человек.

Разложение и распыление белых частей в Синьцзяне существенно снижали шансы на продолжение антибольшевистской борьбы. Между тем, часть военных руководителей рассматривали пребывание в Китае, как временную передышку, накапливание сил для нового витка противостояния. Наиболее деятельное участие в подготовке нового антибольшевистского выступления принимал атаман Дутов. Попытки наладить связь с востоком оказались неудачными. Для этой цели в Забайкалье еще в конце декабря 1919 г. был командирован генерал И. Ф. Шильников (командир 1-го Оренбургского казачьего корпуса). Однако атаман Семенов не принял прибывшего в начале мая 1920 г. в Читу Шильникова, предписав ему покинуть Забайкальскую область в течение 48 часов. Семенов, видимо, не забыл конфликта с Шильниковым в июне 1918 г. и соперничества за пост Войскового атамана Забайкальского казачьего войска. После неудачи своей миссии Шильников остался на ст. Маньчжурия. В феврале 1920 г. Дутов отправил в Маньчжурию и Пекин специальную военно-дипломатическую миссию во главе с генерал-майором И. М. Зайцевым. Эта миссия также закончилась безрезультатно, генерал Зайцев осел в Шанхае.

Не имея большой надежды на поддержку с востока, Дутов установил связи с несколькими подпольными офицерскими организациями в Семиречье, наиболее известной из которых была организация в Верном, возглавляемая войсковым старшиной С. Е. Бойко. Существовали контакты и с басмачами Ферганы. В августе 1920 г. Дутов издал приказ об объединении всех русских воинских частей в Илийско-Тарбагатайском крае в составе Отдельной Оренбургской армии под своим командованием и потребовал подчинения себе со стороны командиров отдельных отрядов. Однако атаман Анненков к этому времени уже договорился с китайцами о переброске его отряда в Маньчжурию, а генерал Бакич, считая план Дутова поднять восстание в Семиречье утопичным и не желая терять самостоятельности, отказался

▲ Атаман Анненков на Семипалатинском процессе

подчиниться. Острый конфликт разгорелся между Дутовым и генералом Щербаковым, который провел около месяца в китайской тюрьме якобы по доносу оренбургского атамана. Дело дошло до того, что Щербаков вызвал Дутова на дуэль и тот ответил согласием. Впрочем, благоразумие восторжествовало и было решено перенести поединок до возвращения на родину. По-видимому, наиболее деловые отношение у Дутова установились с полковником Сидоровым, чей отряд периодически делал вылазки на советскую территорию.

Несмотря на первые неудачи подчинить себе командиров самостоятельных отрядов, Дутов не сложил руки и занялся реорганизацией находившихся под его командованием частей. К концу 1920 г. отряд Дутова состоял из 1-го Оренбургского казачьего полка (Мазар), Семиреченского пластунского батальона численностью в 80 человек (Суйдин), кадрового пластунского батальона (Чимпанцзе, 2 сотни), атаманской батареи, конвойной и особой сотни, инженерной и комендантской команд. Существовали отрядный суд чести и гауптвахта.

Летом 1920 г. китайские власти Тарбагатайского уезда, стремясь добиться распыления русских воинских частей, приложили немало сил, чтобы уговорить генерала Анненкова перебраться в Пекин, а его части перевести вглубь китайской территории. В конце концов, Анненков дал согласие на перемещение своих бойцов в район Урумчи. В середине августа три эшелона с анненковцами двинулись вглубь Китая.

В Урумчи китайцы развернули работу по разложению отряда, добившись ухода части анненковцев в Россию. В феврале 1921 г. была достигнута договоренность о продолжении перемещения русских подразделений. Эшелоны с офицерами и бойцами были направлены в Гучен, где китайские власти, узнав, что русские незаконно сохранили у себя много оружия, отказались от дальнейшего их снабжения продовольствием. В ответ на это анненковцы взяли город в осаду. Достичь перемирия удалось только в апреле в обмен на сдачу русскими оружия (кое-что из оружия все-таки вновь удалось спрятать). После возобновления снабжения русские части двинулись дальше на восток. Но после отбытия первых эшелонов с лейб-атаманцами и кирасирами из Гучена Анненков был арестован китайцами и водворен в тюрьму в Гучене, позднее переведен в Урумчи, где находился до января 1924 г.

Сначала оставшиеся без командира анненковские части хотели возвратиться в Гучен и отбить атамана силой, но не все поддержали эту идею. Два месяца лейб-атаманцы и кирасиры находились в Хами, после чего решили следовать дальше на восток. По требованию китайской стороны продвижение разрешалось только небольшими группами по 20–30 человек по маршруту Аньсичжоу — Ланьчжоу — Гуйхуачен — Баотоу — Пекин — Тяньцзин. Весь конный состав анненковцами был продан, поэтому до Баотоу добирались на арбах, далее до Пекина — по железной дороге.

Часть Лейб-атаманского полка во главе с полковником П. Д. Илларьевым в апреле 1922 г. прибыла в Южное Приморье, где анненковцы присоединились к 3-му «каппелевскому» корпусу Дальневосточной армии. Атаманский конвой (40 человек), возглавляемый начальником штаба Анненкова полковником А. Н. Денисовым, остался в Гучене, надеясь на скорое освобождение атамана. Другие части распылились по китайской территории.

Осенью 1920 г. очень тяжелое положение сложилось в отряде генерала Бакича. Бойцы практически не имели работы. Скудное финансирование, плохое снабжение продовольствием постоянно создавали угрозу голода, особенно большие опасения вызывала приближающаяся зима. Тяжелые условия способствовали дальнейшему разложению отряда. Некоторые офицеры уехали в Монголию, обосновавшись в Урге. Участь многих их них была трагичной — одни были убиты китайцами, другие — мобилизованы на службу в Азиатскую конную дивизию генерала Унгерна и погибли в монгольских степях. Часть ушедших из отряда Бакича военнослужащих объединялись в банды, действовавшие в районе Чугучака. По некоторым данным, осенью 1920 г. у Бакича осталось менее трех тысяч человек, около половины из которых являлись офицерами. Из оружия в распоряжении бойцов имелось лишь 108 винтовок.

В середине осени 1920 г. к поредевшему отряду генерала присоединились повстанцы, отступившие через Монголию в район Чугучака с территории Алтайской и Семипалатинской губерний. Один из отрядов возглавлял есаул Сибирского казачьего войска Д. Я. Шишкин. Всего под его командованием было около 800 человек. Повстанцы имели в своем распоряжение некоторое количество оружия.

Китайские власти, первоначально настроенные дружелюбно в отношении Бакича, постепенно стали проявлять все большее недовольство действиями разлагающегося русского воинства и недоверие к русскому военному руководству, особенно после обнаружения нескольких складов оружия и боеприпасов, закопанных у границы. Бакич отрицал принадлежность оружия его бойцам, сваливая все на анненковцев, но китайцы ему не поверили. Окончательно настроила китайские власти против белых русских военная авантюра генерала Унгерна в Монголии, предпринявшего в начале 1921 г. попытку создания независимого монгольского государства.

Кроме того, отношения между генералом Бакичем и атаманом Дутовым продолжали оставаться очень напряженными. Нежелание Бакича признать верховенство Дутова и готовить совместное вторжение на советскую территорию заставили атамана в январе 1921 г. объявить об отстранении Бакича от командования и назначить новым начальником отряда генерал-майора А. С. Шеметова, а начальником штаба — полковника С. И. Кострова. Бакич приказу не подчинился. Ситуация грозила перерасти в более серьезное противостояние, но в начале февраля 1921 г. атаман Дутов был убит агентами-чекистами в его штабквартире в Суйдине. Ликвидация ата-

▲ Дутов в центре с шашкой

мана стала частью развернувшейся еще осенью 1920 г. активной борьбы ЧК с белым вооруженным подпольем в Семиречье и эмиграции. Чекисты имели своих агентов в ближайшем окружении Дутова, Бакича и других белых руководителей. Известно, что на Семиреченскую ОблЧК работала гражданская жена Бакича, А. М. Ишимова, отец которой М. П. Поверяев являлся секретным сотрудником ЧК, имевшим задание способствовать разложению белой эмиграции.

После гибели Дутова его отряд возглавил полковник Т. В. Гербов, начальником штаба стал подполковник П. П. Папенгут. Однако Гербов продержался недолго. В отряде разгорелись интриги, не последнюю роль в которых играл главный отрядный священник — игумен Иона, поддерживавший в борьбе за лидерство начальника хозяйственной части отряда подъесаула А. Я. Арапова. Важным было и то, что игумен Иона имел доступ к отрядным деньгам, хранившимся в Кульдже. В конце концов, Иону удалось командировать в Китай с докладом о тяжелом положении беженцев в Синьцзяне.

После гибели атамана Дутова генерал Бакич предпринял попытку поставить во главе дутовского отряда своего ставленника генерал-майора Н. П. Карнаухова, но потерпел неудачу. Тем не менее, в апреле 1921 г. полковник Гербов сложил свои полномочия в пользу войскового старшины А. З. Ткачева, в прошлом штаб-офицера для поручений при Походном атамане всех казачьих войск. Вскоре Ткачев избавился от своего конкурента в лице есаула Арапова, обвинив того в подготовке вооруженного выступления совместно с полковником Сидоровым и добившись заключения Арапова в Куринскую тюрьму, где тот провел полгода.

В отряде Бакича, который после смерти Дутова был переименован в Отдельный Оренбургский корпус, ситуация тоже была неспокойной. Часть офицеров высказывала недовольство конфликтом Бакича с атаманом Дутовым и выступала за смещение Бакича и присоединение к дутовцам. В роли главных «раскольников» выступили полковник Е. Д. Савин, командир Атаманского полка, неоднократно пытавшийся уйти со своими людьми к Дутову, но так и не получивший разрешения Бакича, есаулы Остроухов и Шишкин. При помощи китайской администрации генерал Бакич все же сумел нейтрализовать заговорщиков, они были арестованы и помещены в китайскую тюрьму.

В начале мая 1921 г. в лагерь на реке Эмиль прибыла очередная партия отступивших с российской территории повстанцев — «Народная армия» подхорунжего С. Г. Токарева, насчитывавшая более двух тысяч человек. Повстанцы имели достаточно оружия, включая четыре пулемета. Токарев принял главенство Бакича и был произведен в полковники, а его «армия» включалась в состав Оренбургского корпуса в качестве 1-й Сибирской дивизии.

Появление в лагере на Эмили «токаревцев» подтолкнуло китайские власти Тарбагатайского округа к принятию решения о ликвидации отряда Бакича. Для этого было заключено соглашение с красным командованием Туркестанского фронта, получившим возможность ввести свои войска на территорию округа для разгрома белых. У Бакича оставалась одна возможность — уйти на восток. Первоначально планировалось захватить Чугучак, чтобы обеспечить себя оружием. Но сосредоточение большого количества советских войск у грани-

цы, заставило отказаться от этой затеи и отступать с тем оружием, которое имелось.

В конце мая красные вошли в Чугучак и устроили здесь настоящую охоту за белыми офицерами, но лагерь на Эмили был уже пуст. Отряд Бакича численностью около 8,5 тыс. военных и гражданских беженцев в это время продвигался в глубь китайской территории навстречу пустыне Гоби. В результате тяжелейшего похода от голода, болезней и боевых потерь в столкновениях с красными до китайского Алтая добралась только половина беженцев. В июле 1921 г. корпус Бакича захватил крупный город Шарасумэ, центр китайского Алтая. Здесь генерал установил связи с Русско-инородческим отрядом Горного Алтая есаула А. П. Кайгородова.

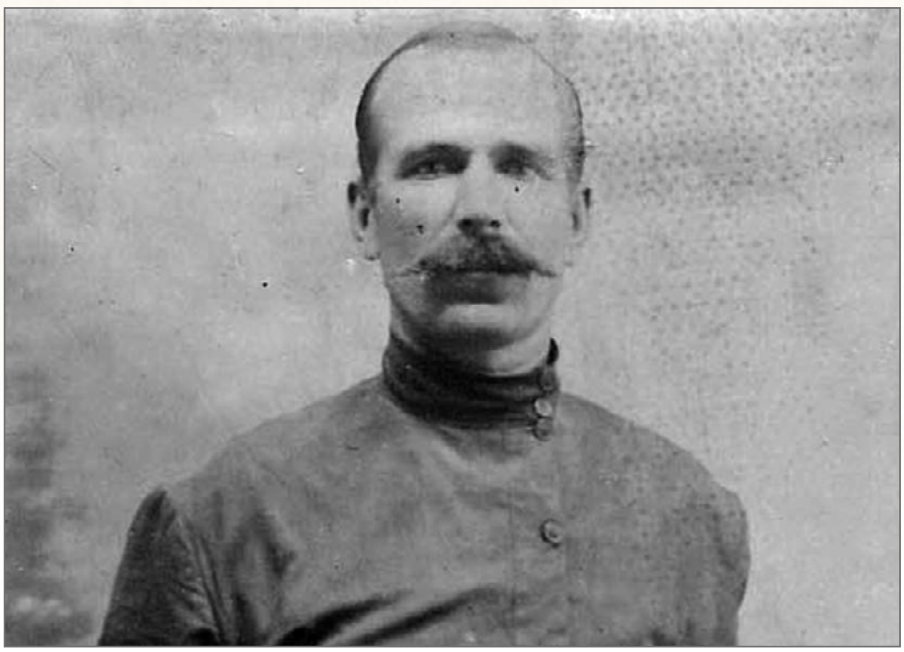
Небольшой отряд Кайгородова обосновался на границе русского и китайского Алтая в начале 1921 г. (местечко Оралго), образовав что-то вроде «Алтайской сечи». Первоначально в отряде было очень мало офицеров, но вскоре их количество увеличилось за счет беженцев. Начальником штаба есаула Кайгородова в марте 1921 г. стал бежавший с семьей из Кобдо во время резни русских монголами полковник В. Ю. Сокольницкий. В конце весны 1921 г. в ходе наступления войск генерала Унгерна на Кяхту и Троицкосавск, втянувшего в свою орбиту целый ряд белых отрядов в Монголии и на китайской Алтае, отряд Кайгородова захватил Кобдо. В июне кайгородовцы выступили в «поход на Россию», намереваясь пробиться в Сибирский Алтай. Однако успешные действия красных частей против войск Унгерна и выдача самого барона его же взбунтовавшимися бойцами красным, привела к изменению планов. Отряд Кайгородова, к которому в августе присоединился партизанский отряд атамана И. Г. Казанцева, развернул боевые действия против красных в районе Кобдо.

В августе 1921 г. китайские провинциальные власти заключили новое соглашение с советским командованием об открытии границы для красных войск. Их целью являлось уничтожение частей генерала Бакича. В свою очередь, Бакич 4 сентября объявил приказ о выступлении своих войск в Россию. В это время в составе его корпуса (1-я и 2-я Оренбургские казачьи дивизии, 1-я Сибирская (Народная) дивизия, Сызраньская дивизия, конвой) находилось 2250 человек. Через несколько дней корпус Бакича и отряд Кайгородова (800–900 бойцов) соединились у занятого красными монастыря (хурэ) Сарыл-гун.

Попытка захвата хурэ штурмом окончилась для белых неудачей. Не принесла успехов и последующая осада. Все это очень негативно сказалось на настроениях бойцов Кайгородова и Бакича. Целые группы, выйдя из подчинения командирам, покидали осаждаемый монастырь. В конце сентября часть распавшегося отряда Кайгородова перешла под руководство полковника Сокольницкого и расположилась в Кобдо. В октябре казаки из 1-го и 2-го Оренбургских дивизионов Бакича (сформированы из Оренбургских дивизий) оставили своего начальника и ушли в Кобдо к Сокольницкому. Во главе этой группы стояли полковник Д. В. Кочнев и войсковой старшина Эпов. Бакич снял осаду Сарыл-гуна и с остатками своего отряда попытался пробиться в Россию, но был разбит и сдался монголам. Монголы выдали Бакича, Токарева и еще 20 руководителей отряда красным.

В конце октября 1921 г. отряд полковника Сокольницкого эвакуировался из Кобдо и двинулся на юг к китайскому Туркестану. В отряде находилось 670 человек, из «которых бойцов было 488 человек, сбитых в четыре сотни и пулеметную команду; около 100 человек было нестроевых и раненных и около 80 женщин и детей». Добравшись с большим трудом до территории Китая, отряд в начале декабря был интернирован и размещен в лагере на реке Булугун. Начальником лагеря был назначен подъесаул И. А. Вощило. В дальнейшем отряд партиями начали переводить в район Гучена. Последним туда в ноябре 1922 г. прибыл штаб Сокольницкого. В конце ноября 1922 г. своим последним приказом полковник Сокольницкий ликвидировал отряд. На протяжении декабря 1922 — февраля 1923 г. члены отряда были вывезены во Внутренний Китай, где осели в основном в Пекине, Тяньцзине и других населенных пункта Северного Китая.

После разгрома Бакича единственным крупным руководителем антибольшевистского движения в Синьцзяне оставался полковник Сидоров. Осенью 1921 г. полковник перешел

▲ Папенгут П. П.

к строгой конспирации. Распустив слух о своей смерти, он жил в Кульдже и работал под вымышленным именем в одной из небольших кузниц. Возможно, Сидоров имел связи с генералом Щербаковым, которого агентура Туркестанского фронта считала председателем тайного военного совета, готовившего вооруженное вторжение на советскую территорию. В сотрудничестве с китайским генералом У Тайчжи, бывшим командиром Маньчжурской бригады Семиреченской армии, Сидоров разрабатывал план нового партизанского рейда в Семиречье. Однако в августе 1922 г. советским агентам, среди которых находился и один из бывших сослуживцев Сидорова, прапорщик К. Мухамедов, удалось заманить полковника на конспиративную квартиру, где он был убит.

Гибель Сидорова заставила генерала Щербакова покинуть Кульджу с семьей и небольшим отрядом семиреченских казаков. Материальную помощь Щербакову оказал губернатор Синьцзяна Ян Цзэнсинь, передав ему через своих людей четыре тысячи китайских долларов серебром. Во время путешествия генерал заболел тифом и умер в сентябре 1922 г. в городе Сучжоу, где и был похоронен. Семья Щербакова и часть его офицеров добрались до Тяньцзина, откуда впоследствии выехали в США. Часть семиреченских казаков из окружения генерала обосновались в Шанхае.

Осенью 1920 г. белые воинские подразделения Забайкалья, находившиеся под общим командованием атамана Семенова, потерпели окончательное поражение и были вынуждены эвакуироваться на территорию Маньчжурии. В общей сложности китайскую границу перешли 8511 офицеров и 16289 солдат из «семеновских» и «каппелевских» частей. В ноябре 1920 г. на ст. Цицикар генерал-лейтенант Г. А. Вержбицкий, командующий Дальневосточной армией, издал приказ, объявлявший войну с большевиками законченной и переводивший армию на трудовые начала. В январе 1921 г. было достигнуто соглашение с представителями Приморского областного управления о размещении частей бывшей Дальневосточной и Семеновской армий в Гродеково, Никольск-Уссурийском, ст. Раздольная и Владивостоке. Более 18 тыс. человек из подразделений этих армий были переброшены по железной дороге в Приморье. Первыми были отправлены 2-й и 3-й «каппелевские» корпуса. Из «семеновского» 1-го Забайкальского корпуса в Приморье перебрались 2300 человек, т. е. примерно половина личного состава. Остальные во главе с генерал-майором Г. Е. Мациевским осели в Трехречьи и районе Хайлара. На основе частей 1-го корпуса и других подразделений, сосредоточенных на западной линии КВЖД, стали формироваться новые белые соединения, которые атаман Семенов планировал использовать для возобновления боевых действий в Забайкалье.

Однако для многих офицеров и солдат, даже перебравшихся в Приморье, гражданская война казалась оконченной. Покидать армию не воспрещалось, поэтому многие оставляли военную службу и переходили к мирной жизни. Это одинаково относилось и к офицерам и к нижним чинам. Так, например, генерал-лейтенант В. А. Кислицин, бывший начальник 1-й Сводной Маньчжурской дивизии 1-го Забайкальского корпуса, после нескольких дней пребывания на ст. Маньчжурия оставил военную службу и уехал с женой в Харбин.

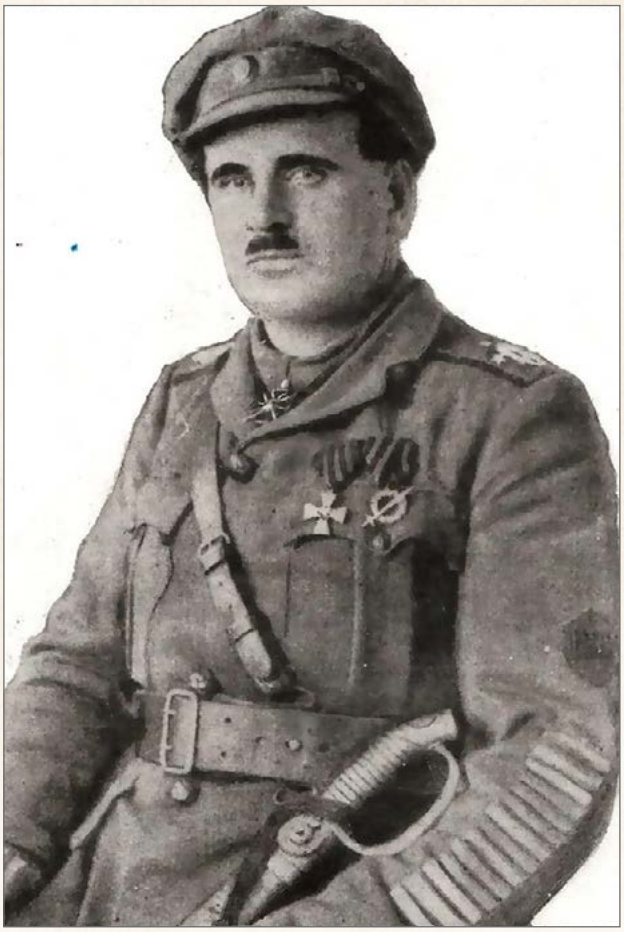
Во время следования через полосу отчуждения целые подразделения Дальневосточной армии оставались в Харбине. Например, большая часть «уральцев» из состава Урало-Алтайского конного полка (3-й и 4-й эскадроны и пулеметная команда) после расформирования полка и распродажи лошадей на ст. Маньчжурия отказалась следовать в Приморье и осела в Харбине. В Харбине остался практически весь драгунский полк из состава Отдельной Волжской бригады. Иногда сами командиры частей стремились убрать из своих подразделений непригодный для продолжения антибольшевистской борьбы «материал» и побуждали тех, у кого были родственники в полосе отчуждения, оставить военную службу. По воспоминаниям бывшего штабс-капитана В. А. Морозова, являвшегося в то время офицером Сибирского казачьего полка, командир полка полковник Ф. Л. Глебов, узнав, что у Морозова есть родственники в Харбине, настоял на том, чтобы Владимир Александрович, юрист по образованию, офицер военного времени, уволился из части и уехал в Харбин.

Большую активность в разложении остатков Дальневосточной армии проявили большевики. Опираясь на обещание советского правительства о прощении участникам Белого движения, они агитировали военнослужащих Белой армии возвращаться на родину. Благодаря большевистской пропаганде в конце 1920 г. в Харбине под руководством полковника М. Г. Смыслина (бывший помощник командира Добровольческого Егерского отряда) при участии харбинских коммунистов была создана «Главная комиссия по реэвакуации бывших белых армий на родину». Руководство комиссии в результате переговоров с представителями правительства ДВР на ст. Маньчжурия достигло соглашения о гарантиях неприкосновенности возвращающимся на родину офицерам и солдатам. Вскоре подкомиссии по реэвакуации были созданы на нескольких станциях КВЖД. Они вели регистрацию военнослужащих и членов их семей. Первая партия бывших белых в количестве 236 человек выехала в ДВР в конце декабря 1920 г. Всего удалось реэвакуировать около полутора тысяч человек.

В мае 1922 г. Военный совет Народно-революционной армии ДВР создал «Комиссию по эвакуации военнопленных и добровольно перешедших белоармейцев», которая должна была развернуть широкую агитацию по возвращению русских военнослужащих на родину и выработать план по их эвакуации в ДВР и Советскую Россию. Уполномоченные Комиссии работали как на фронте, так и на линии КВЖД, согласовывая свои действия с политорганами НРА, подпольщиками Харбина и партизанами. За период своей деятельности до сентября 1922 г. Комиссия орга-

▲ Савельев Н.И.

▲ Кислицин В.А.

низовала выезд в ДВР 3400 солдат и офицеров Белой армии.

Сохранение старых и формирование новых воинских подразделений из белых русских в бывшей полосе отчуждения КВЖД было возможным только благодаря давлению на китайские власти японцев, заинтересованных в сохранении своих позиций на российском Дальнем Востоке. Согласно сведениям советской стороны, к организации новых белых отрядов в полосе отчуждения имели отношение бывший командующий Дальневосточной армией генерал-лейтенант Н. А. Лохвицкий, являвшийся до 1923 г. представителем белых в Харбине, и ряд офицеров Генштаба, направленных в Маньчжурию из Гродеково, где располагались штаб и части бывшей Семеновской армии (командующий до сентября 1921 г. — генерал-лейтенант Н. И. Савельев, бывший командир 1-го Забайкальского корпуса). Как сообщают документы штаба РККА, в районе пос. Маньчжурия генералом Мациевским и полковником Хребтовым был сформирован из оставшихся 560 татар Уфимской стрелковой дивизии 2-й Маньчжурский стрелковый полк. Этот полк включался в состав формирующейся в Цицикаре 2-й Маньчжурской дивизии наряду с Цицикарским стрелковым полком. Здесь же располагалась 1-я Забайкальская пехотная дивизия. На участке от ст. Маньчжурия до Хайлара шло формирование охранной стражи, на начало 1921 г. была набрана тысяча. По сообщениям информатора, «ожидался наплыв людей армии противника, поступивших в распоряжение «Домов Трудолюбия», где насчитывалось до 4 тысяч офицеров и солдат, вооруженных огнестрельным оружием, которое скупается белогвардейцами не только в Маньчжурии, но и в Приморье. Помимо этого в Хайларе, видимо, существует целая артбаза, которая снабжает также белогвардейцев в Монголии».

На февраль 1921 г. боевое расписание штаба РККА давало сведения о нескольких белых отрядах, располагавшихся на западной линии КВЖД. Отряд Сербиновича на тракте Сахалян — Цицикар в 700 человек, отряд Шильникова на Далай-Норе в 50 человек, отряд А. Погадаева в пос. Маньчжурия в 400 человек, отряд Комаровского в Ван-Курене, отряд Галинова на реке Ульдза в 200 человек и отряд Топхаева в Кирылуне в 60 человек. Существовали связи между белыми отрядами в Западной Маньчжурии и войсками барона Унгерна в Монголии. В качестве представителей Унгерна в Маньчжурии некоторое время работали есаул А. Погадаев и войсковой старшина А. П. Костромин.

В Харбине к формированию нового Забайкальского корпуса летом 1921 г. был привлечен генерал Кислицин. Находившийся в это время в Гро-

▲ Нечаев К.П.

▲ Генерал Гайда

дековo атаман Семенов назначил его корпусным командиром. Начальником Забайкальской казачьего бригады в составе корпуса был назначен генерал-майор Т.И. Артамонов.

В белом лагере существовали глубокие противоречия, крайне негативно сказывавшиеся на перспективах продолжения вооруженной борьбы против советской власти. Особенно напряженными были отношения между семеновцами и каппелевцами. Каппелевцы после прихода в Забайкалье хотя и признали главенство атамана Семенова, как преемника адмирала Колчака, но, тем не менее, считали атамана одной из главных причин крушения Восточного фронта, а его попытки начать переговоры с правительством ДВР восприняли как предательство и после перемещения в Приморье заявили о своем полном разрыве с Семеновым.

Постоянные междоусобицы и крайне неблагоприятное материальное положение стали причинами ухода части офицеров с военной службы в Приморье. Так, например, один из кавалерийских командиров, генерал-лейтенант К.П. Нечаев (командир Сводной кавалерийской бригады Южно-Уссурийского района), весной 1921 г. уволился из армии и уехал в Харбин, где вместе с женой занялся извозным промыслом.

В результате майского 1921 года военного переворота во Владивостоке, организованного семеновскими частями под руководством генерал-майора Д.А. Лебедева, к власти в Приморье пришло Временное Приамурское правительство братьев Меркуловых. Не желая расставаться с властью в пользу атамана Семенова, Меркуловы оперлись на каппелевцев, запретив, в конце концов, Семенову въезд в Приморье. Семеновская Гродековская группа войск, подчинявшаяся только главнокомандующему всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины, осенью 1921 г. была вынуждена признать новое правительство.

Падение влияния атамана Семенова в Приморье негативно сказалось на положении его частей, располагавшихся в бывшей полосе отчуждения КВЖД. Генерал Кислицин после отбытия Семенова из Гродеково отказался от попыток сформировать корпус в Харбине и окончательно отошел от дел. Часть находившихся в его подчинении офицеров выехала в Приморье. Приамурское правительство, стремясь контролировать вооруженные формирования на западной линии КВЖД, объявило их Забайкальским фронтом и поставило во главе фронта своего представителя генерала Шильникова, известного антагониста атамана Семенова. По советским данным, численный состав белоповстанцев в конце лета — начале осени 1921 г. составлял около двух тысяч человек.

Приамурское правительство возлагало на Забайкальский фронт большие надежды, стремясь поднять антибольшевистское движение в Забайкалье. В этих целях Шильников разделил Забайкальскую и Прибайкальскую (Бурятия) области на оперативные районы, во главе которых стояли организаторы. Из документов,

перехваченных советской разведкой, известно, что организатором Сретенско-Нерчинско-Удинского оперативного района являлся некто Богатырев, Акшинского — Топорков, Верхнеудинского — Вольдемаров, Селенгинско-Чикойского — Марков. В эти районы для развертывания подпольной деятельности со ст. Маньчжурия тайно направлялись офицеры. Особое внимание уделялось работе в среде бывших красных партизан, недовольных приказом главнокомандующего Народно-революционной армии ДВР В. К. Блюхера о роспуске партизанских отрядов. При этом подчеркивалось, что ни о каком воскрешении семеновщины не может идти и речи, фигура атамана Семенова также не приемлема для белоповстанцев, как и для красных партизан и населения. Антибольшевистское выступление в Забайкалье планировалось осуществить летом 1922 г.

Вместе с тем, положение генерала Шильникова, как командующего Забайкальским фронтом, было весьма непрочным. Те казаки-эмигранты, которые ориентировались на атамана Семенова, не особо поддерживали его. В январе 1922 г. атаман Семенов назначил своего командующего Забайкальским фронтом — генерал-майора Ф. К. Мыльникова, штаб которого располагался в Хайларе. Здесь же в Хайларе с конца 1920 г. размещался особоуполномоченный атамана генерал-майор С. А. Бирюков. Даже подчинение Шильникову приказом Приамурского правительства в мае 1922 г. войскового атамана Забайкальского казачьего войска Г. М. Семенова и Войскового правления в лице генерал-лейтенанта А. П. Бакшеева, а также наделение правом призывать в войска как беженцев, находившихся на территории Китая, так и население в самом Забайкалье, мало изменили ситуацию.

По-видимому, главной опорой Шильникова в белоповстанческой среде являлся фельдшер Забайкальского казачьего войска З. И. Гордеев. Шильников и Гордеев знали друг друга еще по службе в Читинском казачьем полку до Германской войны. Гордеев был фигурой весьма популярной и имел достаточно широкие связи на территории Забайкалья и Прибайкалья. По приказу Шильникова, Гордеев весной 1922 г. создал в Чите подпольную организацию, руководил которой на месте полковник Т. Г. Васильев. Для организационных целей Гордеев, согласно советским данным, получил от Шильникова девять тысяч иен.

В конце июня 1922 г. отряд Гордеева перешел советскую границу и двинулся по Витимскому тракту. Рейд оказался неудачным, поднять, как планировалось, население Забайкалья против советской власти не удалось. Не получил Гордеев и обещанной Шильниковым поддержки из Маньчжурии. Дело в том, что Шильников под давлением МИДа ДВР был арестован китайскими властями в августе 1922 г. и помещен в тюрьму. Чекисты при поддержке китайского дипломатического комиссара на ст. Маньчжурия сумели заполучить секретные документы, принадлежавшие генералу. Преследуемый милицией и чоновцами отряд Гордеева в августе прорвался в долину реки Онон и ушел в Монголию, откуда перебрался в Китай. Советские органы, в свою очередь, развернули активную борьбу по уничтожению белого подполья в Забайкалье и Прибайкалье.

В октябре 1922 г., в условиях агонии белого Приморья, руководство Забайкальского фронта (Шильников к этому времени был освобожден из тюрьмы) приняло решение выступить всеми имевшимися военными силами в Забайкалье. Выступление должны были поддержать своими действиями на советской территории партизаны Гордеева и есаула Токмакова, стоявшие у советской границы.

Опасаясь китайского вмешательства, Шильников вывел свои подразделения с линии КВЖД. Штаб Забайкальского фронта, возглавляемый полковником Е. Л. Трухиным, располагался в это время в долине реки Ган. Фронт включал в себя две войсковые группы — Хайларскую и Маньчжурскую. Штаб Хайларской группы размещался в районе Хайлара, возглавлял группу генерал Мациевский. Группа была сформирована из двух бригад, составленных отдельными отрядами. В состав 1-й бригады (Аргуньская группировка, командир — полковник Зимин) [Русская военная эмиграция, т. 7, с. 26] входили отряды полковников А. Д. Размахнина, Шадрина, Гладышева и сотника Ивачева. Общая численность белых партизан доходила до 50 штыков и 755 сабель. В состав 2-й бригады (Хайларская группировка, командир — генерал-майор П. А. Федосеев) входили отряды сотника Аникаева, полковников Малкова и Сорокина, генерала Богатырева, численностью в 540 штыков и 90 сабель. Кроме того, Хайларской группе были приданы отряды полковника Углова в районе Цицикара (150 штыков), и хорунжего И. С. Вагина в районе пос. Якеши (50 штыков).

Маньчжурская группа с центром на ст. Маньчжурия находилась под командованием генерал-майора А. Г. Сабеева и была представлена 3-й бригадой (комбриг — генерал-майор М. Е. Золотухин). В состав бригады входили отряды капитана Брагина, штабс-капитана Бондарева, прапорщика Зябликова, полковников Сабанова, Топоркова и Савицкого. Всего в Маньчжурской группе насчитывалось 430 штыков и 770 сабель [Фомин, 2000, с. 41]. Кроме того, в Харбине полковником Д. Ф. Карловым был сформирован отряд в 200 человек добровольцев для отправки в Приморье. Однако из-за начавшейся эвакуации Приморья он остался не у дел.

Таким образом, численность личного состава подразделений Забайкальского фронта едва превышала три тысячи человек. По другим сведениям, белые боевые группы в Маньчжурии насчитывали 4667 бойцов. В подразделениях остро ощущалась нехватка оружия и денежных средств. Вместо требовавшихся 30 тыс. рублей повстанцы получили из Приморья только 5 тысяч.

Намеченное выступление Забайкальского фронта так и не состоялось. Не последней причиной этого стала деятельность китайских властей, по-видимому, координировавших свои действия с большевиками. Китайцы провели ряд арестов, взяв под стражу генерала Шильникова (находился

▲ Генерал-майор Сычев Е.Г.

в тюрьме до начала 1925 г.), полковника Трухина, сотника Пальшина и др. Генерал Золотухин, его жена (являлась сестрой генерала А.Е. Маковкина, также участвовавшего в белоповстанческом движении) и брат были ликвидированы советскими агентами на ст. Маньчжурия. Ликвидация генерала Золотухина была организована столь тщательно, что разведка НРА ДВР даже не знала о том, кто осуществил эту операцию, подозревая в ликвидации руководителей отдельных белопартизанских отрядов — Токмакова, Фролова, Колтунова. Заместитель Шильникова генерал А.Н. Вагин, получив приказ начальника «коней в табуны, оружие и патроны в землю», выехал в Харбин, откуда, находясь под угрозой ареста, вместе с семьей перебрался в Японию, а позднее — в США. Аресты также производились в Хайларе и близлежащих поселках. Известно, например, что в 1923 г. в лагере города Цицикара находилось 140 русских офицеров и солдат, среди которых были генералы Мациевский и Евсеев, полковник Евтин и др. Отряды, входившие в состав Забайкальского фронта, рассыпались. Даже такие известные партизанские вожаки, как Гордеев и Размахнин, были вынуждены временно отказаться от активных действий.

Еще один крупный белоповстанческий центр располагался в районе китайского Сахаляна. Здесь в начале 1921 г. был создан штаб Амурской военной организации (АВО), поддерживавший связи с антибольшевистскими силами на территории советской Амурской области. Возглавлял организацию заместитель войскового атамана Амурского казачьего войска, генерал-майор Е.Г. Сычев. Первоначально АВО ориентировалась на атамана Семенова, но в 1922 г. стала сотрудничать с правительством Приморья. Представителем Сычева во Владивостоке являлся генерал-майор Р.А. Вертопрахов.

По предположениям советской стороны, Амурская организация планировала крупное восстание на апрель 1921 г., но силы повстанцев советские агенты чрезмерно завышали. В июне того же года, по некоторым данным, на верхнем Амуре под командованием генерала Сычева сосредоточилось более двух тысяч человек и орудийная батарея. Белоповстанцами была предпринята попытка прорыва на советскую территорию, окончившаяся неудачей. Отступивших бойцов Сычева китайские власти интернировали в Чикаде, а позднее разместили в Цицикаре. В марте 1922 г. бойцы отряда были отправлены во Владивосток.

На протяжении 1922 г., согласно документам советской стороны, несколько белоповстанческих отрядов (отряды Телина, Новикова, Рязанцева, Сараева и Сапожникова) вторгались на советскую территорию из района Сахаляна, но были уничтожены. Одной из причин неудач в работе АВО являлось наличие в ее рядах большевистских агентов (в частности, Брагина). Это позволило чекистам осуществить ряд дерзких акций на китайской стороне. Так, в декабре 1921 г. сотрудники государственно-политической охраны красных захватили в Сахаляне и тайно переправили в Благовещенск есаула Бетенева, одного из руководителей белоповстанческих групп.

Несмотря на ряд неудач, генерал Сычев в конце 1922 г. сумел сохранить АВО от распада. В это время в его распоряжении находилось около 500 штыков и 170 сабель при шести пулеметах и трех орудиях. Партизаны снабжались продовольствием и обмундированием, иногда даже получали денежное довольствие. Известно, что в ноябре 1922 г. Сычеву через Китайский банк были переведены 16 тыс. рублей, которые он распределил между бойцами. Для того, чтобы не иметь формальных трений с китайскими властями, всем членам отряда было предписано выправить для проживания китайские охранные листы.

Падение белого Приморья в конце 1922 г. для подавляющей части участников Белого движения стало показателем несостоятельности дальнейшей борьбы против большевистского режима вооруженным путем и поставило на повестку дня вопрос репатриации или приспособления к новой среде. ■

АННА РЕВЕЛЬСКАЯ

В связи с тем, что архивы российской военно-морской разведки времён Первой мировой войны во время хаоса революционных событий сильно пострадали, установить подлинное имя и подробности биографии выдающегося агента разведки Балтийского флота Анны Ревельской, сыгравшей немалую роль в нанесении серьёзного урона германским военно-морским силам, теперь вряд ли представляется возможным. Также не сохранилось фотографий Анны Ревельской.

Историку и литератору Владимиру Шигину удалось выяснить в Российском государственном архиве военно-морского флота, что в годы Первой мировой войны в штате разведки Балтийского флота действительно была некая Анна Ревельская, которая являлась агентом-нелегалом.

«Однако, — пишет он, — это не настоящее имя и фамилия разведчицы, а всего лишь один из её служебных псевдонимов. Как на самом деле звали Анну Ревельскую, мы не знаем».

В историю Первой мировой войны она вошла под именем Анны Ревельской. В занятой немцами в 1915 году Либаве (сегодня латвийский город Лиепая), который стал на время основным местом деятельности разведчицы, её знали под именем Клары Изельгоф (*Clara Izelgof*).

Все авторы, которые писали об Анне Ревельской, единодушны в том, что она происходила из обеспеченной русской семьи, владевшей несколькими имениями в Прибалтике, окончила гимназию, знала иностранные языки, в том числе немецкий.

По другим данным она была латышкой или русской немкой.

▲ Анна Ревельская

Её описывают как грациозную и обворожительную даму, эффективно использовавшую свою привлекательность и обаяние для работы.

Российская военно-морская разведка, предвидя возможность успешного германского наступления вдоль побережья Балтийского моря, создавала агентурные точки в портовых городах, которые могли оказаться захваченными противником.

Карты со схемами минных заграждений — ловушка русской разведки

В Либаве Анна появилась ещё до её оккупации германскими войсками. Это дало возможность вжиться в окружающую обстановку, не вызывая особого интереса к своей персоне, и ждать возможного прихода немцев.

▲ Гросс-адмирал Генри Прусский

Весной 1915 года по разработанной легенде под именем Клары Изельгоф она устроилась работать официанткой в портовой кондитерской, часто посещаемой моряками. Спустя некоторое время германские войска заняли Либаву и сделали ее базой флота. В город со своим штабом перебрался брат кайзера, гросс-адмирал Генри Прусский, командующий немецким флотом на Балтийском море.

Основным и самым достоверным источником, освещающим деятельность российской разведчицы в латвийском городе, в настоящее время является книга английского журналиста и писателя Гектора Байуотера (*Hector Charles Bywater*) «Морская разведка и шпионаж: Эпизоды из мировой войны», переведённая на русский язык и опубликованная в 1939 году.

Автор имел доступ к конкретным германским документам, а его книга была издана вскоре после окончания Первой мировой войны, когда были ещё живы участники описываемых событий. Всё это позволяет относиться к приведённым фактам с определённым доверием.

Байуотер подробно освещает ход операции по передаче германскому военно-морскому командованию на Балтике фальшивой карты минных заграждений. Он сообщает, что среди германских унтер-офицеров (по другим данным — лейтенантом) Балтийской эскадры был некто Курт Бремерман (*Kurt Bremermann*) — весьма привлекательный мужчина, служивший на одном из германских кораблей. Он познакомился с Ревельской в портовом кафе, где она работала. Внешность девушки покорила германского офицера, и он влюбился.

Однажды Ревельская рассказала германскому моряку следующую историю. В начале войны она якобы была увлечена находившимся в Либаве русским офицером, который служил в береговой обороне. Однако он её обманул.

Через некоторое время, после того как русский офицер её покинул, она обнаружила забытый им в спешке портфель. В нём находились какие-то бумаги.

Курт, разумеется, заинтересовался. Сопровождая свою речь нелицеприятными эпитетами в адрес «подлого русского моряка», она вручила Курту портфель.

Находившиеся в нём документы были на русском языке и, без сомнения, являлись официальными, ибо бланки были украшены двуглавым орлом. Среди бумаг были географические и навигационные карты, значение которых было ясно и без перевода. Была полностью показана оборона Рижского и Финского заливов: форты, минные заграждения и другие препятствия.

Бремерман с разрешения Анны взял бумаги с собой. Они были переведены и тщательно исследованы офицерами германского флота. На картах были обозначены не только схемы минных полей, охранявших заливы, но и безопасные проходы, используемые российскими военно-морскими силами.

Как раз в то время, осенью 1916 года, немцы планировали крупное наступление германского военно-морского флота с целью прорыва в Финский залив. Для его подготовки предполагалось протралить безопасные проходы в русских минных полях. Теперь, когда проходы стали известны, необходимость в длительных и опасных операциях Балтийской эскадры по тралению отпала. Германское командование не скрывало своей радости.

Однако подкинутые через Ревельскую карты со схемами минных заграждений оказались умело подстроенной ловушкой. Отдельные факты, касающиеся подготовки этой операции по дезинформации германского флота на Балтике, приво-

дятся в дневниках начальника разведотделения штаба Балтийского флота, капитана 1-го ранга И. Ренгартена, частично опубликованные в научно-историческом журнале «Красный архив» (том 32, 1929 год).

Кроме того, как отмечает В. Шигин, «судя по всему, в Либаве действовал не агент-одиночка, а целая группа российских агентов, во главе которой и стояла Анна, которая и являлась местным резидентом».

О том, что произошло в устье Финского залива в ночь с 28 на 29 октября (10–11 ноября) 1916 года, можно судить по воспоминаниям командира 10-й флотилии, капитана 1-го ранга Франца Виттинга (*Franz Witting*), опубликованным в вышедшей в 1921 году в Мюнхене книге «На море непобедимы». Ничего странного в названии нет, так как гибель 10-й флотилии — только один из эпизодов действий германского флота на Балтике. Впервые перевод воспоминаний германского офицера на русский язык был изложен в журнале ВМФ России «Морской сборник» в номерах 8–9 за 1922 год.

Для начала несколько слов о самой флотилии минных сил германского флота. Она была сформирована уже в ходе начавшейся войны и состояла из 11 новейших эскадренных миноносцев, по скорости и вооружениям относящихся к высокому классу минных крейсеров. На 1916 год эта флотилия считалась лучшей в кайзеровском флоте. Главной её задачей являлась охрана и оборона в море линейных кораблей.

В операции в Финском заливе её целью было обнаружить и атаковать лёгкие российские морские силы, защищавшие вход в залив, а также забросать минами фарватеры залива. Для проверки надёжности маршрута на разведку были высланы два эсминца. Благополучно миновав все ловушки, они вернулись назад. Безопасность проходов подтвердили и рейды в этот район германских подводных лодок. Последние сомнения отпали.

Под покровом темноты флотилия покинула Либаву. Море было спокойное. Низкая облачность, закрывавшая луну, способствовала скрытному продвижению. Когда все одиннадцать кораблей втянулись в обозначенный на русских схемах «безопасный проход», произошло то, чего германские моряки никак не ожидали: два корабля подорвались на минах.

Капитан Виттинг, отправив в Либаву один из крейсеров с подобранными из воды экипажами, всё-таки решил продолжить рейд, списав подрыв на случайность. Эскадре удалось войти в Финский залив. Более двух часов продолжались безуспешные поиски русских судов. Не обнаружив их и желая чем-нибудь себя проявить, корабли эскадры решили обстрелять прибрежный город Балтийский Порт (сегодня эстонский город Палдиски).

Вскоре стало очевидно, что так называемый «безопасный проход» весь забросан минами. Эскадра очутилась в минной «паутине». Один за другим рвались германские эсминцы. При таких обстоятельствах нечего было и думать о продолжении рейда. Корабли резко повернули назад.

Некоторые миноносцы после спасения команды топили своими же торпедами, чтобы упростить отход. Так перестала существовать 10-я флотилия германского военно-морского флота, потерявшая за одну ночь семь эсминцев — почти шестую часть всех миноносцев, погибших за годы войны.

Германская контрразведка бросилась искать Клару Изельгоф. Но безуспешно: русской разведчицы и след простыл. В публикациях об Анне Ревельской говорится, что по одним (ничем не подтверждённым) данным, она скрылась на территории Германии, по другим (также не подтверждённым), в ту ночь её неподалёку от Либавы забрала и эвакуировала на русскую базу российская подводная лодка «Пантера».

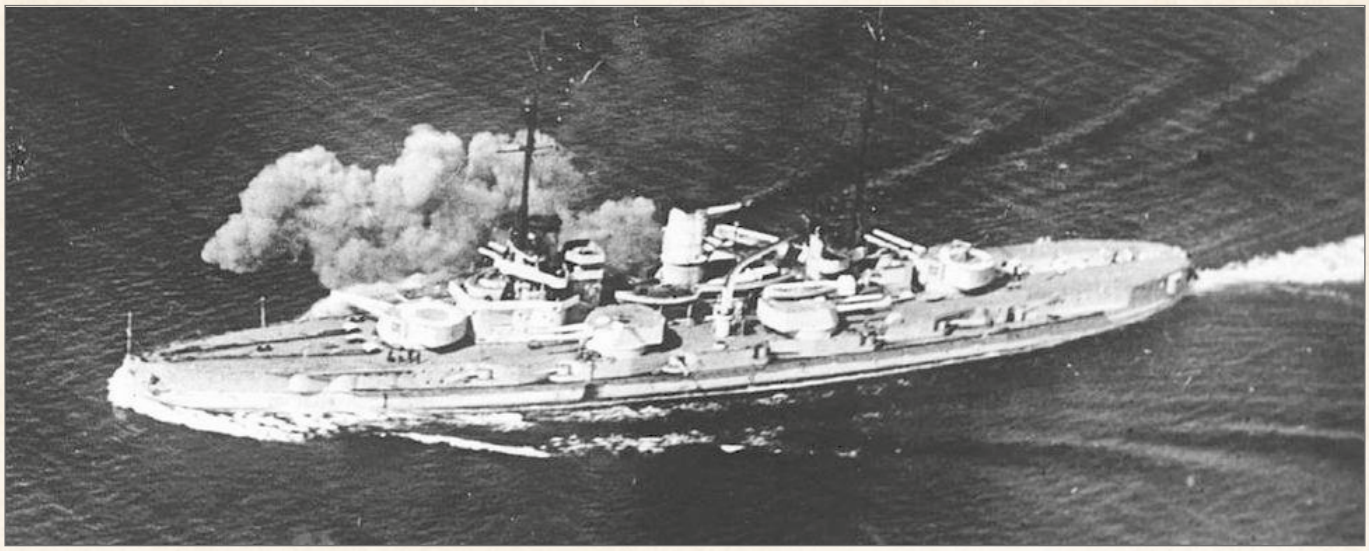
Работа в Швеции

Через некоторое время Анна оказалась в нейтральной Швеции.

Интересы военно-морского флота России в этой стране в годы Первой мировой войны представлял капитан 1-го ранга В. Сташевский. Основным

▲ Балтика

▲ Германский линкор «Нассау»

для него был вопрос, сохранит ли Швеция в войне нейтралитет. Дело в том, что в разработках российского Генерального штаба это государство считалось потенциальным союзником Германии в балтийском регионе.

Возможно, поэтому после завершения операции в Либаве А. Ревельская появилась именно в Швеции. Но в связи с тем, что военного столкновения между Россией и Швецией не произошло, об этом периоде разведдеятельности Анны практически ничего не известно.

В конце сентября 1917 года, оставшись, по всей видимости, без связи, разведчица пришла в российское посольство в Стокгольме и сообщила В. Сташевскому о подготовке германского флота к крупной операции в районе архипелага Моонзундских островов и о дате её начала.

В частности, она сообщила о том, что 4 линкора типа «Нассау», уже

▲ Сташевский В.А.

▲ М.А. Воронцов

▲ Ледовый поход 1918 г.

находятся в Либаве, также там появились дредноуты наподобие мощного «Байерна». Возле Виндавы наблюдается повышенная активность немцев. На платформах из Германии перевозятся подозрительные баржи с откидными бортами, много мотоциклов и лошадей.

Эта информация была немедленно передана в штаб Балтийского флота России.

Силам Балтфлота, несмотря на оставление ими Моонзундского архипелага, которым немцы овладели с большим трудом, удалось не допустить прорыва превосходящих сил противника в Финский залив и сорвать планы германского командования.

А затем к власти пришли большевики, которые в марте 1918 года заключили с Германией сепаратный Брестский мир. Можно предположить, что это событие стало потрясением для Ревельской. Получалось, что вся её патриотическая деятельность в годы войны во благо родины оказалась напрасной! В Россию Анна не возвратилась, и её следы потерялись на много лет...

Последнее дело разведчицы

Последнее дело Анны Ревельской связано с датой 17 июня 1941 года. О нём рассказал впоследствии военно-морской атташе посольства СССР в Германии, капитан 1-го ранга М. Воронцов, к которому она пришла в этот день. В разговоре с Воронцовым Ревельская сообщила ему, что 22 июня 1941 года в 3 часа ночи германские войска вторгнутся в Советскую Россию (так она назвала Советский Союз). Источник имеющихся у неё сведений она раскрыть отказалась.

После некоторых раздумий Воронцов в обезличенном виде — «другие источники» — включил сообщение А. Ревельской в шифротелеграмму на имя наркома ВМФ СССР Н. Кузнецова.

Из воспоминаний адмирала Кузнецова:

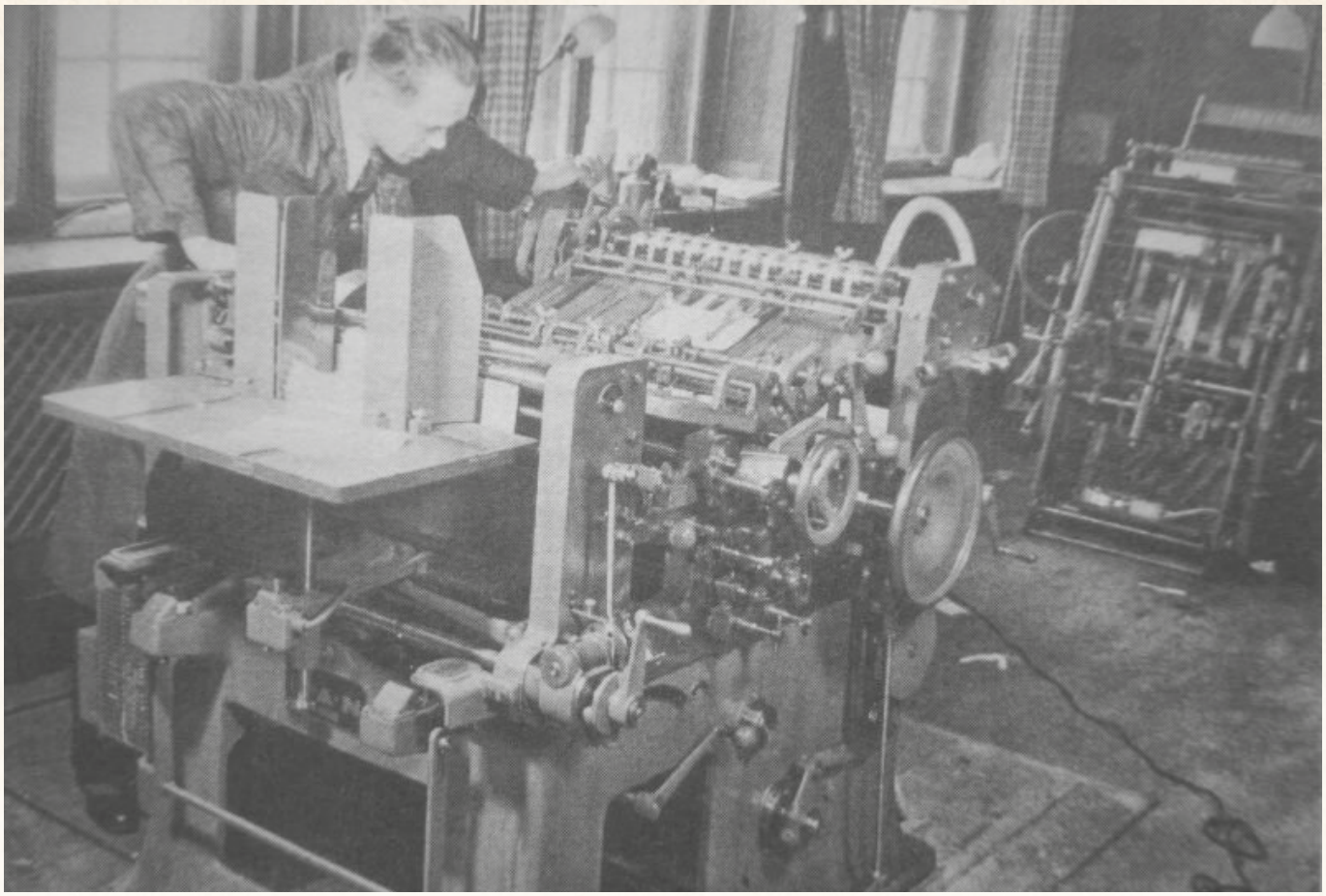
«В те дни, когда сведения о приготовлении фашистской Германии к войне поступали из самых различных источников, я получил телеграмму военно-морского атташе в Берлине М. Воронцова... По существующему тогда порядку подобные донесения автоматически направлялись в несколько адресов. Я приказал проверить, получил ли телеграмму Сталин. Мне доложили: да, получил».

Действия Анны Ревельской говорят о том, что она по-прежнему оставалась патриоткой России, независимо от её социально-политического строя. Смелый поступок А. Ревельской вполне объясним, принимая во внимание исключительную важность информации, которой она обладала.

Конечно, она понимала, что ей, женщине с улицы, вряд ли поверят. Однако она могла полагать, что кто-то из сотрудников наркомата ВМФ обязательно должен был если не знать, то хотя бы слышать о проделанной ею работе в Либаве в 1916 году по дезинформации руководства германского флота. Этим может объясняться и тот факт, что она обратилась именно к военно-морскому атташе. ■

ВАЛЬТЕР ШЕЛЛЕНБЕРГ

ТЕХНИКА И РАЗВЕДКА

К середине 1944 года нам, наконец, удалось направить за границу первую партию профессионально подготовленных специалистов, частично оснащенных новейшей радиоаппаратурой. Это позволило нам заполнить ощутимые пробелы в нашей работе — ведь было бы неоправданным требовать от необученных в техническом отношении наших сотрудников за границей, например, от учителей и торговцев зерном, квалифицированной информации о научно-технических достижениях в создании радаров, коротковолновой аппаратуры или установок для запуска летающих снарядов. Так как среди наших новых кадров были квалифицированные физики, химики или техники, мы ожидали от их работы решающих успехов. Разумеется, мы предоставляли этим людям все возможности для того, чтобы они сразу же вступили в «боевое соприкосновение» с противником. Внедрение этих агентов должно было производиться с величайшими предосторожностями, чтобы они не вызвали прежде времени подозрений полиции. Поэтому было необходимо найти для них «профессию», с помощью которой они смогли бы незаметно включиться в естественный ритм жизни зарубежной страны.

Я хотел бы на следующем примере показать, какие новинки были освоены нами за это время в области радио-телеграфной связи. После почти целого года работы нам удалось войти в непосредственный радиоконтакт с одним важным лицом из Ватикана, не подвергаясь при этом опасности быть подслушанными вражеской разведкой.

Высокопоставленное лицо из Ватикана согласилось передавать нам важные сведения, касающиеся России, но отказалось поддерживать устную или письменную связь через нижестоящих агентов. Тогда наши техники разработали передатчик, по своим размерам и весу не больше коробки для сигар. Для маскировки прибор был вмонтирован как раз в коробку для сигар. Для пользования им необходимо было

ШЕЛЛЕНБЕРГ ВАЛЬТЕР (1900-1952), шеф политической разведки гитлеровской Германии, бригадефюрер СС, начальник VI и военного управлений РСХА. На Нюрнбергском процессе как военный преступник приговорен к 6 годам заключения. Освобожден в 1950 г.

только снять верхний ряд сигар — после этого аппарат приводился в рабочее состояние следующим образом: для настройки применялся диск, как в телефоне, с тремя отверстиями. Включив штекер в электросеть и «набрав» первый «номер» (то есть, вращая диск через первое отверстие), можно было передавать сообщение, размером до двух машинописных страниц, как по обычному телефону. Диск автоматически наносил слова шифра по принципу магнитной записи на стальную ленту, помещенную внутри аппарата, и позволял накапливать информацию, записанную азбукой Морзе. Окончив первую стадию передачи, следовало набрать второй «номер» и подождать, пока зеленый огонек не загорится на полную яркость. Этот сигнал говорил о том, что коротковолновый передатчик настроен точно на волну приемника в Германии. После этого нужно было набрать третий «номер», в результате чего через три пятых секунды информация, записанная азбукой Морзе на стальной ленте, начинала передаваться на воспринимающее устройство. Этот прибор работал так быстро, что ни одной службе радиоперехвата невозможно было запеленговать его. Единственная трудность для радиста заключалась в том, что он вынужден был устанавливать у себя в комнате тонкую антенну длиной в семь метров, прикрепляя ее к кровати или выставляя в окно.

Приемник, установленный в Германии, в определенный срок точно настраивался на передатчик в Риме. Аппаратура принимающей центральной станции была настолько сложной, что я не в состоянии, будучи дилетантом в этой области, в точности описать ее. Во всяком случае, в сравнении с небольшим передатчиком, она была невероятно громоздкой — под нее были отведены три большие комнаты. До сих пор у меня перед глазами стоит это сооружение — как молнии, вспыхивают на матовом экране радиоволны, я слышу непрерывный гул и пощелкивание, производимое работой сложного механизма. К сожалению, тогда нам еще не удалось установить двустороннюю связь с Римом.

▲ Рузвельт

Еще один немаловажный успех в области коротковолновой техники был достигнут научно-исследовательским управлением имперского почтового ведомства. Его высококвалифицированным сотрудникам удалось «засечь» главный подводный кабель между Англией и Америкой. Токи высокой частоты, проходящие по кабелю, улавливались как самостоятельные короткие волны, несмотря на изоляцию, и в результате страшно сложной обработки трансформировались в буквы. «Засеченный» таким образом кабель служил, главным образом, для непосредственной телефонной связи между Британскими островами и США. Большинство из расшифрованных телефонных разговоров касалось вопросов снабжения, заявок на важные материалы, применяемые в самолетостроении, поставок газолина, а также деталей и запасных частей для артиллерийских орудий и танков. Систематически следя за переговорами, мы могли с известной степенью вероятности определить основные направления и узкие места в области снабжения противника. Полученная информация позволяла нам делать очень важные выводы относительно интенсивности океанских перевозок, благодаря чему наши подводные лодки «наводились» на цель.

Кульминацией наших усилий по подслушиванию явился разговор между Рузвельтом и Черчиллем в начале 1944 года, из которого мы почерпнули много ценных сведений — узнали о расширении военных приготовлений в Англии и о предстоящем вторжении во Францию.

Если бы собеседники догадывались, что мы их подслушиваем, Рузвельт наверняка не закончил разговора столь безмятежной фразой: «Ну что ж, постараемся сделать все, что от нас зависит, а теперь займусь ка я рыбной ловлей».

Большого прогресса достигла также техника микрофотокопирования. Например, мы могли переснимать газетные листы большого формата, уменьшая изображение до размеров булавочной головки. Я сам не раз, когда разъезжал без дипломатического паспорта в кармане, имел при себе ценные документы, переснятые на микропленку и вделанные в специально для этого надеваемый фарфоровый искусственный зуб. Надавив на зуб языком, я мог легко снимать его. Я уже упоминал, что агенты, которым угрожала опасность, пользовались этим приспособлением для хранения яда.

Из-за непрекращающейся угрозы воздушных налетов я распорядился переснять на микропленку все самые важные документы и поместить их в две стальные кассеты. Кассеты, которые можно было носить в папке для бумаг, были сконструированы таким образом, что при попытке открыть их, не зная установленного мной кода, срабатывал фосфорный заряд и содержимое их полностью уничтожалось. Обе кассеты именно так были уничтожены в 1945 году.

Особый отдел занимался изготовлением удостоверений, паспортов, отпускных свидетельств, печатей, чернил для тайнописи, а также подделкой валюты. Я приведу следующий пример «искусства» этого отдела: мне вспоминается курьезный случай, произошедший во время моего ареста американцами в 1945 году. Когда я ответил допрашивавшим меня офицерам, что никогда не был в США, они пришли в неописуемую ярость. Желая уличить меня во лжи, они предъявили туристский паспорт, выписанный на мое имя, на котором стояли въездные и выездные визы, а также пометки о состоянии здоровья, которые делаются для всех, кто посещает Америку. Увидев паспорт, я на самом деле на мгновение

▲ Черчилль

пришел в замешательство. Но тут я вспомнил, что один из сотрудников нашего специального отдела подарил мне как-то в день рождения этот фальшивый документ. Я вернул ему «подарок» и забыл об этом случае. Сначала американцы не хотели верить моим объяснениям. Только после длительных исследований они определили, что перед ними мастерская подделка.

Наши химики занимались проблемой чернил для тайнописи. Они разработали состав, который невозможно было обнаружить ни химическими реакциями, ни с помощью инфракрасных лучей. Помнится, что в основе этого материала была человеческая кровь с определенным содержанием гемоглобина. В случае необходимости агент укалывал себе палец, выдавливал каплю крови на кончик пера, где она смешивалась с определенным раствором, и смесь для написания секретных донесений была готова. Сначала строчки были красного цвета, но через несколько минут бесследно исчезали. Только тот, у кого были необходимые химикалии для проявления написанного, мог восстановить запись, которая приобретала при этом зеленый оттенок.

Здесь необходимо сказать хотя бы несколько слов о нашем графологическом феномене — простом канцелярском чиновнике, который в считанные минуты мог подделать любой почерк столь безукоризненно, что лучшие графологи не могли распоз-

нать подделку. Эта поражавшая нас способность, благодаря которой он мог исписывать целые страницы чужим почерком, не сбиваясь на собственный, была у него врожденной. Поскольку в то время — после создания так называемого «Национального Комитета Свободная Германия» — до нас дошли первые декларации Комитета, к которым прилагались тексты, написанные генералами фон Зейдлицем и фон Паулюсом, а также письма к их семьям, возник вопрос, не подделаны ли эти рукописные документы. Наш феномен очень быстро опроверг мнения психологов и графологов, убежденных в абсолютной подлинности документов, в доказательство чего он без особых усилий очень точно подделал почерки генералов. В отдельных случаях, когда речь шла о неотложных мероприятиях, я имел право, заранее уведомив по телефону тех, кого это касалось, прибегать к помощи этого человека для подписания срочных документов от лица той или иной инстанции. Однажды пришлось поступить так и с подписью Гиммлера на письме к президенту Швейцарского Красного креста, когда Гиммлер находился в штаб-квартире фюрера.

Постепенно мы добивались заметных успехов и в области контрразведки против англичан, хотя в самой Германии они были не столь выдающимися, как в оккупированных нами странах. Проникнуть в хитросплетения разведывательной сети англичан, которую они сплетали в Германии несколько десятилетий подряд, было крайне трудно, так как она была организована исключительно тщательно и укомплектована особо опытными кадрами. Только по мере того, как события войны требовали все более всеобъемлющей и оперативной информации, англичане допустили ряд промахов в подборе агентов и в организации разведывательной деятельности. Нам удалось раскрыть, благодаря этому, некоторые разведывательные организации англичан в Германии, в том числе и действовавшую на немецких аэродромах английскую «службу наблюдения».

Использовала английская разведка и иностранных рабочих, занятых на наших заводах, стремясь расширить свои связи и охватить двойным кольцом центр военного и административного механизма Германии. Неограниченное использование иностранных рабочих в Германии предоставляло английской разведке настолько широкие возможности, что она в конце концов начала создавать в оккупированных нами странах школы агентов для подготовки рабочих, которым предстояло переехать в Германию, что позволило ей даже засылать собственных сотрудников на территорию рейха, которые под видом иностранных рабочих должны были на месте проводить предварительную проверку поступающих сведений. Превосходная система оповещения, созданная англичанами, упреждала все наши попытки напасть на след вражеских шпионов.

На оккупированных нами территориях, в особенности в Голландии и Бельгии, наша контрразведка действовала более удачно, несмотря на то, что гражданское население относилось к нам все более враждебно и участвовало в подпольной борьбе. Но именно подпольное движение предоставляло нам возможность внедриться во вражескую контрразведку. Здесь мы действовали не столь стремительно, как имели обыкновение поступать, например, в борьбе против советской разведки, так как в противном случае на месте раскрытых сразу же возникли бы новые, неизвестные нам организации. В результате создалась курьезная ситуация, когда мы совместно с англичанами не только «руководили» одной из таких групп сопротивления, но и удовлетворяли собственные потребности во взрывчатке (английская была гораздо лучше нашей), в радиооборудовании, даже в необходимой валюте — все это мы получали из Англии. Однажды я получил через Голландию несколько центнеров взрывчатки, которую англичане в течение десяти дней сбрасывали на парашютах. Столь же успешно использовали мы английскую разведку и как источник валютных поступлений. Со временем нам удалось выкачать из англичан несколько миллионов. Через каждые два месяца я обсуждал результаты этих «дотаций» с рейхсминистром финансов Функом, который мог только приветствовать эту неожиданную помощь.

По мере непрерывного ухудшения нашего положения с валютой в ходе войны, наша разведка начала осуществление операции «Бернгард» — она начала изготовлять фальшивые английские фунты для собственных нужд. Наши специалисты затратили два года, чтобы только овладеть способом изготовления бумаги, годной для печатания фунтов. Параллельно велись чрезвычайно сложные граверные работы, которые вообще стало возможным

начать только после того, как для каждой банкноты было установлено от семидесяти до ста шестидесяти характерных признаков. После этого граверы работали почти непрерывно в три смены — все они были военнослужащими и давали специальную присягу. Две бумажные фабрики работали по специальным заказам, приравненным к военным, изготовляя бумагу для денег. Множество математиков с помощью сложных формул вычисляли систему регистрации номеров английских банкнот — теперь производство было налажено так, что мы постоянно опережали на сто-двести номеров английский банк, благодаря чему была достигнута полная синхронность в выпуске поддельной валюты. Мы постоянно контролировали оборот наших денег и выяснили, что ни одному самому придирчивому банковскому служащему в Англии не пришло в голову заподозрить новые номера банкнот. Первоначально мы планировали инсценировать «воздушный бой» в небе над Англией, нагрузив самолеты вместо бомб тоннами фальшивых денег, чтобы сбросить их на остров. Это нанесло бы ощутимый удар по английской валюте. Но эту операцию вновь пришлось отложить из-за нехватки горючего.

Впервые мы попробовали обменять фальшивые английские банкноты в Швейцарии. У нашего уполномоченного хватило даже смелости попросить швейцарских банковских служащих проверить эти купюры — он сказал им, что купил валюту на черном рынке.

Банк провел экспертизу, в результате которой большую часть банкнот счел подлинными — только около десяти процентов денег признали поддельными. С этих пор мы развернули изготовление фальшивых денег в широких масштабах, хотя пользовались мы ими весьма умеренно, в небольших количествах. Однажды Кальтенбруннер попытался использовать эти деньги на черных рынках оккупированных районов, но от этой идеи сразу пришлось отказаться, так как это нанесло бы ущерб нашим собственным валютным делам. Было принято решение финансировать в этой валюте крупные заграничные сделки — например, оплачи-

▲ Кальтенбруннер

▲ Гиммлер и Гитлер

вать услуги жадных до денег агентов, которые сами по себе представляли для нас известную опасность, а также пользоваться при покупке и контрабанде оружия. Ведь везде, где существовало движение Сопротивления и действовали партизаны, как в Италии, Франции, Греции, шла оживленная торговля оружием. Управление вооружений сухопутных войск приветствовало такую поддержку, тем более, что закупалось, главным образом, английское и американское оружие лучшего качества, например, автоматы, которые затем передавались нашим войскам.

Подделкой денег мы поставили англичан в настолько тяжелое положение, что в 1945 году они были вынуждены изъять старые деньги из обращения и напечатать новые образцы.

Незадолго до конца войны мы овладели также сложнейшей технологией изготовления долларовых банкнот. Но напечатать удалось всего лишь несколько сотен купюр.

Однако успехи, достигнутые нашей разведкой в борьбе против Англии, перечеркнула, по моему мнению, операция английских «коммандос» в Норвегии. Английские десантники при поддержке сил норвежского Сопротивления уничтожили наши экспериментальные установки для проведения атомных исследований (производство тяжелой воды). Теперь, оглядываясь назад, можно утверждать, что этот успех англичан оказал решающее влияние на исход войны. Ведь если бы наши работы в этой области были продолжены, теоретически было бы возможно, я думаю, в 1944 году создать в Германии атомную бомбу. Английской разведке также удалось организовать выезд из Дании известного физика-атомщика Нильса Бора, который захватил с собой все свои научные материалы.

Среди новинок, разработанных в то время нашими техниками, было изобретение, о котором я упоминаю только потому, что Риббентроп надеялся найти в нем панацею, гарантирующую успешное окончание войны на Востоке. Рейхсминистр иностранных дел попросил меня приехать к нему по срочному делу в замок Фушль в Австрии. По дороге я заехал к Гиммлеру, который в то время находился в своем специальном поезде в Берхтесгадене. Он сообщил мне в общих чертах, что Риббентроп собирается обсудить со мной вопрос о покушении на Сталина. Самому ему, сказал Гиммлер, очень нелегко отдавать такой приказ, так как он, как и Гитлер, верит в историческое провидение и считает Сталина великим вождем своего народа, призванным выполнять свою миссию. То, что Гиммлер все же согласился устроить покушение на Сталина, свидетельствовало о том, насколько пессимистически он смотрел теперь на наше военное положение.

▲ Риббентроп

Когда я прибыл в Фушль, Риббентроп сначала завел разговор о США, о возможности повторного избрания Рузвельта на пост президента и о прочих вещах. Я поддерживал разговор и уже собирался откланяться, как вдруг Риббентроп переменил тон и с серьезным выражением лица попросил меня задержаться. Ему нужно, сказал он, обсудить со мной одно очень важное дело, в которое никто не посвящен, кроме Гитлера, Гиммлера и Бормана. Он тщательно ознакомился с моей информацией о России и считает, что для нас нет более опасного врага, чем Советы. Сам Сталин намного превосходит Рузвельта и Черчилля по своим военным и государственным способностям; он единственный, кто действительно заслуживает уважения. Но все это заставляет рассматривать его как опаснейшего противника, которого необходимо устранить. Без него русский народ не сможет продолжать войну. Риббентроп сообщил, что он уже беседовал с Гитлером на эту тему и заявил ему, что готов пожертвовать в случае необходимости собственной жизнью, чтобы осуществить этот план и, тем самым, спасти Германию. И Риббентроп начал излагать свой план. Необходимо попытаться, сказал он, привлечь Сталина к участию в переговорах, чтобы в удобный момент застрелить его. Правда, Гитлер заметил, сказал Риббентроп, что провидение отомстит за это, но все же поинтересовался, кто мог бы взяться за проведение этого плана в жизнь или кого можно наметить хотя бы в сопровождающие. Тут Риббентроп уставился на меня своим неподвижным взглядом и сказал: «Я назвал фюреру ваше имя». После этого, добавил он, Гитлер поручил ему еще раз как следует обсудить это дело со мной. «Вот почему, — заключил он, — я попросил вас приехать».

Думаю, что лицо мое во время этого монолога не дышало интеллектом, так как план показался мне более чем сумбурным. Но хоть какой-то ответ дать было необходимо. Однако

▲ Сталин И.В.

не успел я раскрыть рта, как Риббентроп сказал, что продумал до малейших деталей практическое выполнение плана. Разумеется, сказал он, следует ожидать, что советская охрана будет крайне бдительной, поэтому вряд ли удастся пронести в зал заседаний ручную гранату или пистолет. Но он знает, что наш технический отдел разработал модель авторучки, в корпусе которой вмонтирован револьверный ствол. Пуля обычного калибра, выпущенная из этой «ручки» на расстоянии от шести до восьми метров, попадает точно в цель. Поскольку такая авторучка вряд ли вызовет подозрения охраны, этот план, считал Риббентроп, можно успешно осуществить — лишь бы рука не дрогнула.

Рассказывая, Риббентроп воодушевился до самозабвения, и стал похож на подростка, начитавшегося «индейских» романов о похождениях Виннету. Но отвечать ему было нужно, лишь тщательно взвешивая каждое слово, ведь он обо всем доложил бы Гитлеру. Я сказал, что хотя план представляется мне осуществимым с технической точки зрения, но главная проблема заключается в том, как вообще усадить Сталина за стол переговоров. Опираясь на опыт в делах с русскими, накопленный мной в Стокгольме [49], я полагал, что это будет очень нелегким делом. Я не утаил также, что вряд ли имеет смысл устанавливать контакты с русскими через меня, так как я уже подорвал свою репутацию в их глазах. Поэтому я предложил Риббентропу попробовать самому установить эти контакты. Если ему это удастся, я всегда готов помочь ему и советом, и делом.

«Я подумаю, — сказал Риббентроп, — поговорю с Гитлером и вновь вернусь к этому вопросу». Этим, видимо, и закончился план о ликвидации Сталина, ибо Риббентроп впоследствии в разговорах со мной ни разу не затрагивал этой темы.

Гиммлер, которого обрадовал мой ответ Риббентропу, считал однако, что определенные шаги в этом направлении необходимо предпринять. Уступая непрерывному давлению сверху, наши специалисты в конце концов разработали специальную аппаратуру, принцип действия которой был таков.

Наш агент должен был прикрепить к одному из автомобилей Сталина небольшой комок клейкого вещества, внешне напоминающего пригоршню глины. Это была высокоэффективная взрывчатка, легко пристающая к любому предмету под нажатием руки. В ней было вмонтировано регулируемое по радио взрывное устройство. Входивший в состав оборудования передатчик распространял ультракороткие волны на расстояние до семи километров, которые автоматически включали взрыватель, в результате чего происходил взрыв. Это задание было поручено двум военнопленным офицерам Красной Армии, которые долгое время проведи в заключении в Сибири и ненавидели Сталина. На большом транспортном самолете, на борту которого находился русский милицейский автомобиль, агентов доставили в окрестности Москвы. Под видом патруля они должны были успешно проникнуть в центр русской столицы, так как не только затратили несколько месяцев на подготовку, но и были снабжены всеми необходимыми документами. Но план все же провалился. Так никогда мы и не узнали, что сталось с этими людьми. ■

В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ

ПЕТР ВЕЛИКИЙ СРЕДИ СВОИХ СОТРУДНИКОВ

▲ Петр I Великий

Мы привыкли представлять себе Петра Великого более дельцом, чем мыслителем. Таким обыкновенно видали его и современники. Жизнь Петра так сложилась, что давала ему мало досуга заранее и неторопливо обдумывать план действий, а темперамент мало внушал и охоты к тому. Спешность дел, неуменье, иногда и невозможность выжидать, подвижность ума, необычайно быстрая наблюдательность — все это приучило Петра задумывать без раздумья, без колебания решаться, обдумывать дело среди самого дела, и чутко угадывая требования минуты, на ходу соображать средства исполнения. В деятельности Петра все эти моменты, так отчетливо различаемые досужим размышлением и как бы рассыпающиеся при раздумьи, шли дружно вместе, точно вырастая один из другого, с органически-жизненной неразделимостью и последовательностью. Петр является перед наблюдателем в вечном потоке разнообразных дел, в постоянном деловом общении со множеством людей, среди непрерывной смены впечатлений и предприятий; всего труднее вообразить его наедине с самим собою, в уединенном кабинете, а не в людной и шумной мастерской.

Это не значит, что у Петра не было тех общих руководящих понятий, из которых составляется образ мыслей человека; только у Петра этот образ мыслей выражался несколько по-своему, не как подробно обду-

манный план действий или запас готовых ответов на всевозможные запросы жизни, а являлся случайной импровизацией, мгновенной вспышкой постоянно возбужденной мысли, ежеминутно готов отвечать на всякий запрос жизни при первой с ним встрече. Мысль его вырабатывалась на мелких подробностях, текущих вопросах практической деятельности, мастеровой, военной, правительственной. Он не имел ни досуга, ни привычки к систематическому размышлению об отвлеченных предметах, а воспитание не развило в нем и наклонности к этому. Но когда среди текущих дел ему встречался такой предмет, он своей прямой и здоровой мыслью составлял о нем суждение так же легко и просто, как его зоркий глаз схватывал структуру и назначение впервые встреченной машины. Но у него всегда были наготове две основы его образа мыслей и действий, прочно заложенные еще в ранние годы под неуловимыми для нас влияниями: это — неослабное чувство долга и вечно напряженная мысль об общем благе отечества, в служении которому и состоит этот долг. На этих основах держался и его взгляд на свою царскую власть, совсем непривычный древнерусскому обществу, но бывший начальным, исходным моментом его деятельности и вместе основным ее регулятором. В этом отношении древнерусское политическое сознание испытало в лице Петра Великого крутой перелом, решительный кризис.

Ближайшие предшественники Петра, московские цари новой династии, родоначальник которой сел на московский престол не по отцовскому завещанию, а по всенародному избранию, конечно, не могли видеть в управляемом ими государстве только свою вотчину, как смотрели на него государи прежней династии. Та династия построила государство из своего частного удела и могла думать, что государство для нее существует, а не она для государства, подобно тому, как дом существует для хозяина, а не наоборот. Избирательное происхождение новой династии не допускало такого удельного взгляда на государство, составлявшего основу политического сознания государей Калитина племени. Соборное избрание дало царям нового дома новое основание н новый характер их власти. Земский собор просил Михаила на царство, а не Михаил просил царство у земского собора. Следовательно, царь необходим для государства, и хотя государство существует не для государя, но без него оно существовать не может. Идеей власти, как основы государственного порядка, суммой полномочий, вытекающих из этого источника, исчерпывалось все политическое содержание понятия о государе. Власть исполняет свое назначение, если только не бездействует, независимо от качества действия. Назначение власти править, а править значит приказывать и взыскивать. Как исполнить указ — это дело исполнителей, которые и отвечают перед властью за исполнение. Царь может спросить совета у ближайших исполнителей, своих советников, даже у советных людей всей земли, у земского собора. Это его добрая воля и много-много требование правительственного обычая или политического приличия. Дать совет, подать мнение о деле, когда его спрашивают, — это не политическое право боярской думы или земского собора, а их верноподданническая обязанность. Так понимали и так практиковали свою власть первые цари новой династии; по крайней мере, так понимал и практиковал ее второй из них, царь Алексей, который даже не повторил тех неопределенных, никогда не обнародованных и ничем политически не обеспеченных обязательств, на которых целовал крест боярам, — только боярам, а не земскому собору, — его отец. И с 1613 по 1682 год никогда ни в боярской думе, ни на земском соборе не возникало вопроса о пределах верховной власти, потому что все политические отношения устанавливались на основе, положенной избирательным собором 1613 г. Сами просили на царство — сами давайте и средства царствовать; такова основная нота

▲ Ключевский В.О.

в грамотах новоизбранного царя Михаила к собору.

Конечно, и по происхождению нового царственного дома, и по общему значению власти в христианском обществе, христианская мысль и в составе московского самодержавия XVII в. могла найти идею долга царя, как блюстителя общенародного блага, и идею, если не юридической, то нравственной его ответственности не только перед Богом, но и перед землей; а здравый смысл указывал, что власть не может быть сама себе ни целью, ни оправданием и становится непонятной, как скоро перестает исполнять свое назначение — служить народному благу. Все это, вероятно, чувствовали и московские цари XVII века, особенно такой благодушный и набожный носитель власти, как царь Алексей Михайлович. Но они слабо давали чувствовать все это своим подданным, окруженные в своем дворце тяжелой церемониальной пышностью, при тогдашних, сказать мягко, суровых нравах и приемах управления, являясь перед народом земными богами в неземном величии каких-то царей ассирийских. Тот же благожелательный царь Алексей, может быть, и сознавал одностороннюю постановку своей власти;

но у него не доставало сил пробиться сквозь накопившуюся веками и плотно окутавшую его толщу условных понятий и обрядностей, чтобы вразумительно показать народу и другую, оборотную сторону власти. Это и лишало московских государей XVII века того нравственно-воспитательного влияния на управляемое общество, которое составляет лучшее назначение и высшее качество власти. Своим образом правления, чувствами, какие они внушали управляемым, они значительно дисциплинировали их поведение, сообщали некоторую наружную выдержку, но слабо смягчали их нравы и еще слабее проясняли их политические и общественные понятия.

В деятельности Петра Великого впервые ярко проявились именно эти народно-воспитательные свойства власти, едва заметно мерцавшие и часто совсем погасавшие в его предшественниках. Трудно сказать, под какими сторонними влияниями или каким внутренним процессом мысли удалось Петру перевернуть в себе политическое сознание московского государя изнанкой на лицо; только он в составе верховной власти всего яснее понял и особенно живо почувствовал „долженства", обязанности царя, которые сводятся, по его словам, к „двум необходимым делам правления": к распорядку, внутреннему благоустройству, и обороне, внешней безопасности государства. В этом и состоит благо отечества, общее благо родной земли, русского народа или государства — понятия, которые Петр едва ли не первый у нас усвоил и выражал со всею ясностью первичных, простейших основ общественного порядка. Самодержавие — средство для достижения этих целей. Нигде и никогда не покидала Петра мысль об отечестве; в радостные и скорбные минуты она ободряла его и направляла его действия, и о своей обязанности служить отечеству, чем только можно, он говорил просто, без пафоса, как о деле серьезном, но естественном и необходимом. В 1704 г. русские войска взяли Нарву, смыв позор первого поражения. На радостях Петр говорил находившемуся в походе сыну Алексею, как необходимо ему, наследнику, для обеспечения торжества над врагом следовать примеру отца, не бояться ни труда, ни опасностей. „Ты должен любить все, что служит ко благу и чести отечества, не щадить трудов для общего блага; а если советы мои разнесет ветер, — я не признаю тебя своим сыном". Впоследствии, когда возникла опасность исполнить эту угрозу, Петр писал царевичу: „За мое отечество и людей моих я живота своего не жалел и не жалею; как могу тебя непотребного пожалеть? Ты ненавидишь дела мои, которые я для людей народа своего, не жалея здоровья своего, делаю". Однажды какой-то знатный господин улыбнулся, видя, с каким усердием Петр, любя дуб, как корабельное дерево, сажал желуди по петергофской дороге. „Глупый человек, — сказал ему Петр, заметив его улыбку и догадавшись о ее значении, — ты думаешь, не дожить мне до матерых дубов? Да я ведь не для себя тружусь, а для будущей пользы государства". В конце жизни, больным отправившись в дурную погоду осматривать работы на Ладожском канале и усилив болезнь этой поездкой, он говорил лейб-медику Блюментросту: „Болезнь упряма, природа знает свое дело; но и нам надлежит пещись о пользе государства, пока силы есть". Соответственно характеру власти изменилась и ее обстановка: вместо кремлевских палат, пышных придворных обрядов и нарядов — плохой домик в Преображенском и маленькие дворцы в новой столице; простенький экипаж, в котором, по замечанию очевидца, не всякий купец решился бы показаться на столичной улице; на самом простой кафтан из русского сукна, нередко стоптанные башмаки

▲ Царевич Алексей

▲ Ромодановский Ф.Ю.

со штопанными чулками, — все платье, по выраженно князя Щербатова, писателя Екатеринина века, „было так просто, что и беднейший человек ныне того носить не станет".

Жить для пользы и славы государства и отечества, не жалеть здоровья и самой жизни для общего блага — такое сочетание понятий было не вполне ясно для обычного сознания древнерусского человека и мало привычно для его обиходной житейской практики. Он понимал служение государству и обществу, как службу по назначению правительства или по мирскому выбору, смотрел на это, как на повинность или как на средство для устройства личного и семейного благополучия. Он знал, что слово Божие заповедует любить ближнего, как самого себя, полагать душу свою за други своя. Но под ближними он разумел, прежде всего, своих семейных и родных, как самых близких из ближних; а другами своими считал, пожалуй, и всех людей, но только как отдельных людей, а не как общества, в которые они соединены. В минуты всенародного бедствия, когда опасность грозила всем и каждому, он понимал обязанность и мог чувствовать в себе готовность умереть за отечество, потому что, защищая всех, он защищал и самого себя, как каждый из всех, защищая себя, защищал и его. Он понимал общее благо, как частный интерес каждого, а не как общий интерес, которому должно жертвовать частным интересам каждого. А Петр именно и не понимал частного интереса, не совпадающего с общим, не понимал возможности замкнуться в кругу частных, домашних дел. „Что вы делаете дома? — с недоумением спрашивал он иногда окружающих, — я не знаю, как без дела дома быть", т.е. без дела общественного, государственного. „Горько нам! Он наших нужд не знает", — жаловались на него в ответ на это люди, утомленные его служебными требованиями, постоянно отрывавшими их от домашних дел, — „как бы присмотрел он хорошенько за своим домом да увидел, что либо дров не хватает, либо другого чего, так бы и узнал, что мы дома делаем". Вот это трудное для древнерусского ума понятие об общем благе и усиливался объяснить ему своим примером, своим взглядом на власть и ее отношение к народу и государству Петр Великий.

***

Этот взгляд служил общей основой законодательства Петра и выражался всенародно в указах и уставах, как руководящее правило его деятельности. Но особенно любил Петр высказывать свои взгляды и руководящие идеи в откровенной беседе с приближенными, в компании своих „друзей", как он называл их. Ближайшие исполнители должны были знать прежде и лучше других, с каким распорядителем имеют дело, и чего он от них ждет и требует. То была столь памятная в нашей истории компания сотрудников, которых подобрал себе преобразователь, — довольно пестрое общество, в состав которого входили и русские, и иноземцы, люди знатные и худородные, даже безродные, очень умные и даровитые, и самые обыкновенные, но преданные и исполнительные. Многие из них, даже большинство, и притом самые видные и заслуженные дельцы, были многолетние и ближайшие сотрудники Петра: кн. Ф.Ю. Ромодановский, кн. М.М. Голицын, Тих. Стрешнев, кн. Я.Ф. Долгорукий, кн. Меншиков, графы Головин, Шереметев, П. Толстой, Брюс, Апраксин. С ними он начинал свое дело; они шли за ним до последних лет шведской войны, иные пережили Ништадтский мир и самого преобразователя. Другие, как гр. Ягужинский, бар. Шафиров, бар. Остерман, Волынский, Татищев, Неплюев, Миних постепенно вступали в редевшие ряды на место раньше выбывших кн. Б. Голицына, гр. Ф.А. Головина, Шеина, Лефорта, Гордона. Петр набирал нужных ему людей всюду, не разбирая звания и происхождения, и они сошлись к нему с разных

сторон и из всевозможных состояний: кто пришел юнгой на португальском корабле, как генерал-полициймейстер новой столицы Девиер, кто пас свиней в Литве, как рассказывали про первого генерал-прокурора сената Ягужинского, кто был сидельцем в лавочке, как вице-канцлер Шафиров, кто из русских дворовых людей, как архангельский вице-губернатор, изобретатель гербовой бумаги, Курбатов, кто, как Остерман, был сын вестфальского пастора; и все эти люди, вместе с кн. Меншиковым, когда-то, как гласила молва, торговавшим пирогами по московским улицам, встречались в обществе Петра с остатками русской боярской знати. Иноземцы и люди новые из русских, понимая дело Петра или нет, делали его, не входя в его оценку, по мере сил и усердия, по личной преданности преобразователю или по расчету. Из родовитых людей большинство не сочувствовало ни ему самому, ни его делу. Они были тоже люди преобразовательного направления, только не такого, какое дал реформе Петр. Они желали, чтобы реформа шла так, как повели было ее цари Алексей, Федор и царевна Софья, когда, по выражению кн. Б. Куракина, Петрова свояка, „политес восставлена была в великом шляхетстве и других придворных с манеру польского и в экипажах, и в домовном строении, и в уборах, и в столах", с науками греческого и латинского языка, с риторикой и священной философией, с учеными киевскими старцами. Вместо того они видели политес с манеру голландского, матросского, с нешляхетскими науками — артиллерией, навтикой, фортификацией, с заграничными инженерами, механиками да с безграмотным и безродным Меншиковым, который всеми ими, родословными боярами, командует, которому даже сам фельдмаршал Б. П. Шереметев вынужден искательно писать: „Как прежде всякую милость получал через тебя, так и ныне у тебя милости прошу".

Нелегко было сладить столь разнохарактерный набор в дружную компанию для общей деятельности. Петру досталась трудная задача не только подыскивать годных людей для исполнения своих предприятий, но и воспитывать самих исполнителей. Неплюев впоследствии говорил Екатерине II: „Мы, Петра Великого ученики, проведены им сквозь огонь и воду". Но в этой суровой школе применялись не одни только суровые воспитательные приемы. Посредством раннего и прямого общения Петр приобрел большое уменье распознавать людей даже по одной наружности, редко ошибался в выборе, верно угадывал, кто на что годен. Но за исключением иностранцев, да и то не всех, люди, подобранные им для своего дела, не становились на указанные им места готовыми дельцами. Это был добротный, но сырой материал, нуждавшийся в тщательной обработке. Подобно своему вождю они учились на ходу, среди самого дела. Им нужно было все показать, растолковать наглядным опытом, собственным примером, за всяким присмотреть, каждого проверить, иного ободрить, другому дать хорошую острастку, чтоб не дремал, а смотрел в оба.

Притом, Петру нужно было приручать их к себе, стать к ним в простые и прямые отношения, чтобы личной к ним близостью вовлечь в эти отношения их нравственное чувство, по крайней мере, чувство некоторой стыдливости хотя бы только перед ним одним, и, таким образом, получить возможность действовать не только на ощущение официального страха должностного холопа, но и на совесть, как нелишнюю подпорку гражданского долга или, по крайней мере, общественного приличия. В этом отношении, что касается долга и приличия, большинство русских сотрудников Петра вышло из старого русского быта с большими недочетами, а в западно-европейской культуре, при первом знакомстве

▲ Царевна Софья

▲ Князь Куракин

с нею, им больше всего пришлась по вкусу ее последняя прикладная часть, что ласкала чувства и возбуждала аппетиты. Из этой встречи старых пороков с новыми соблазнами вышла такая нравственная неурядица, которая заставляла многих неразборчивых людей думать, что реформа несет только крушение добрых старых обычаев и ничего лучшего принести не может. Эта неурядица особенно ярко проявлялась в злоупотреблениях по службе. Свояк Петра, кн. В. Куракин, в записках о первых годах его царствования рассказывает, что после семилетнего правления царевны Софьи, веденного „во всяком порядке и правосудии", когда „торжествовало довольство народное" наступило „непорядочное" правление царицы Натальи Кирилловны; и тогда началось „мздоимство великое и кража государственная, что доныне (писано в 1727 г.) продолжается с умножением, а вывести сию язву трудно". Петр жестоко и безуспешно боролся с этой язвой. Многие из видных дельцов с Меншиковым впереди были за это под судом и наказаны денежными взысканиями. Сибирский губернатор кн. Гагарин повешен, петербургский вице-губернатор Корсаков пытан и публично высечен кнутом, два сенатора тоже подвергнуты публичному наказанию, вице-канцлер барон Шафиров снят с плахи и отправлен в ссылку, один следователь по делам о казнокрадстве расстрелян. Про самого кн. Я. Долгорукого, сенатора, считавшегося примером неподкупности, Петр говорил, что и кн. Яков Федорович „не без причины". Петр ожесточался, видя как вокруг него играют в закон, по его выражению, словно в карты, и со всех сторон подкапываются „под фортецию правды". Есть известие, что однажды в Сенате, выведенный из терпения этой повальной недобросовестностью, он хотел издать указ вешать всякого чиновника, укравшего хоть настолько, сколько нужно на покупку веревки. Тогда блюститель закона, „око государево", генерал-прокурор Ягужинский встал и сказал: „Разве, ваше величество, хотите царствовать один, без слуг и без подданных? Мы все воруем, только один больше и приметнее другого". Человек снисходительный, доброжелательный и доверчивый, Петр в такой среде стал проникаться недоверием к людям и приобрел наклонность думать, что их можно обуздывать только „жесточью". Он не раз повторял Давидово слово, что всяк человек есть ложь, приговаривая: „Правды в людях мало, а коварства много". Такой взгляд отразился и на его законодательстве, столь щедром на жестокие угрозы. Впрочем, дурных людей не переделаешь. Раз в кунсткамере он говорил своему лейб-медику Арескину: „Я велел губернаторам собирать монстры (уродов) и присылать к тебе; прикажи заготовить шкафы. Если бы я захотел присылать к тебе монстры человеческие не по виду телес, а по уродливым нравам, у тебя бы места для них не хватило; пускай шляются они во всенародной кунсткамере: между людьми они более приметны".

Петр сам сознавал, как трудно очистить столь испорченную атмосферу одной грозой закона, как бы суров он ни был, и вынужден был нередко прибегать к более прямым и коротким способам действия. В письме к непобедимому упрямцу сыну, он писал: „Сколько раз я тебя бранил, и не только бранил, но и бивал!" То же „отеческое наказание", как назван в манифесте об отрешении царевича от престолонаследия такой способ исправления в отличие от „ласки и укоризненного выговора", Петр применял и к своим сподвижникам. Нерасторопным губернаторам, которые в ведении своих дел „зело раку последуют", он назначал последний срок с угрозой, что потом станет уже „не словом, но руками с оными пуступать". В этой ручной политической педагогике нередко появлялась в руках

Петра его знаменитая дубинка, о которой так долго помнили и так много рассказывали по личному опыту, или со слов испытавших ее на себе, отцов русские люди XVIII в. Петр признавал в ней большие педагогические способности и считал ее своей неизменной помощницей в деле политического воспитания своих сотрудников, хотя знал, как трудна ее задача при неподатливости наличного воспитательного материала. Воротясь из Сената, вероятно, после крупного объяснения с сенаторами, и гладя увивавшуюся около него любимую свою собачку Лизету, он говорил: „Когда бы упрямцы так же слушались меня в добром деле, как послушна мне Лизета, я не гладил бы их дубиною; собачка догадливее их, слушается и без побой, а в тех заматерелое упрямство". Это упрямство, как спица в глазу, не давало покоя Петру. Занимаясь в токарной и довольный своей работой, он спросил своего токаря Нартова: „Каково я точу?" — Хорошо, ваше величество! — „Так-то Андрей, кости я точу долотом изрядно, а вот упрямцев обточить дубиной не могу".

С царской дубинкой близко знаком был и светлейший князь Меншиков, даже, пожалуй, ближе других сподвижников Петра. Этот даровитый делец занимал совершенно исключительное положение в кругу сотрудников преобразователя. Человек темного происхождения, „породы самой низкой, ниже шляхетства", по выражению кн. В. Куракина, едва умевший расписаться в получении жалованья и нарисовать свое имя и фамилию, почти сверстник Петра, сотоварищ его воинских потех в Преображенском и корабельных занятий на голландских верфях, — Меншиков, по отзыву того же Куракина, в милости у царя „до такого градуса взошел, что все государство правил, почитай, и был такой сильный фаворит, что разве в римских гисториях находят". Он отлично знал царя, быстро схватывал его мысли, исполнял самые разнообразные поручения, даже по инженерной части, которой совсем не понимал, был чем-то вроде главного начальника его штаба, успешно, иногда с блеском командовал в боях. Смелый, ловкий и самоуверенный, он пользовался полным доверием царя и беспримерными полномочиями, отменял распоряжения его фельдмаршалов, не боялся противоречить ему самому и оказал Петру услуги, которых он никогда не забывал. Но никто из сотрудников не огорчал его больше, чем этот „мейн липсте фринт" (мой любимый друг) или „мейн герцбрудер" (мой сердечный брат), как называл его Петр в письмах к нему. Данилыч любил деньги, и ему нужно было много денег. Сохранились счета, по которым с конца 1709 по 1711 год он издержал лично на себя 45 тыс. рублей, т. е. около 400 тыс. на наши деньги. И он не стеснялся в средствах добывать деньги, как показывают известия о его многочисленных злоупотреблениях: бедный преображенский сержант впоследствии имел состояние, которое современники определяли в 150 тыс. рубл. поземельного дохода (около 1.300.000 на наши деньги), не считая драгоценных каменьев на 11½ мил. руб. (около 13 мил.) и многомиллионных вкладов в заграничных банках. Петр не был скуп для заслуженного любимца; но такое богатст-

▲ Князь Долгоруков Я.Ф.

▲ Меншиков А.Д.

во едва ли могло составиться из одних царских щедрот да из барышей беломорской кампании моржевого промысла, в которой князь состоял пайщиком. „Зело прошу, писал ему Петр в 1711 г. по поводу его мелких хищений в Польше, — зело прошу, чтобы вы такими малыми прибытками не потеряли своей славы и кредита". Меньшиков и старался исполнить эту просьбу царя, только уж слишком буквально: избегал „малых прибытков", предпочитая им большие. Через несколько лет следственная комиссия по делу о злоупотреблениях князя сделала на него начет более 1 миллиона рублей (около 10 мил. на наши деньги). Петр сложил значительную часть этого начета. Но такая нечистота на руку выводила его из терпения. Царь предостерегал князя: „Не забывай, кто ты был, и из чего сделал я тебя тем, каков ты теперь". В конце своей жизни, прощая ему новые вскрывающиеся хищения, он говорил всегдашней его заступнице, императрице: „Меншиков в беззаконии зачат, во гресех родила его мать, и в плутовстве скончает живот свой; если не исправится, быть ему без головы". Кроме заслуг, чистосердечного раскаяния и ходатайства Екатерины, в таких случаях выручала Меньшикова из беды и царская дубинка, покрывавшая забвением грех наказанного. Но и царская дубинка о двух концах: исправляя грешника одним концом, она другим роняла его во мнении общества. Петру нужны были дельцы с авторитетом, которых бы уважали и слушались подчиненные, а какое уважение мог внушать битый царем начальник? Петр надеялся устранить это деморализующее действие своей исправительной дубинки, делая из нее строго-келейное употребление в своей токарной. Нартов рассказывает, что он часто видал, как здесь государь знатных чинов людей потчевал за вину дубинкою, как они после того с веселым видом выходили в другие комнаты и в тот же день приглашаемы были к государеву столу, чтобы посторонние ничего не заметили. Не всякий виноватый удостоивался дубинки: она была знаком известной близости, доверия к наказуемому. Потому испытавшие такое наказание вспоминали о нем без горечи, как о милости, даже когда считали себя наказанными незаслуженно. А. П. Волынский после рассказывал, как во время персидского похода, на Каспийском море Петр, по наговорам недругов, прибил его, бывшего тогда астраханским губернатором, тростью, заменявшей дубинку в ее отсутствии, и только императрица „до больших побой милостиво довести не изволила". „Но, добавлял рассказчик, — государь изволил наказать меня, как милостивый отец сына, своею ручкою, и назавтра сам всемилостивейше изволил в том обмыслиться, что вины моей в том не было, милосердуя раскаялся и паки изволил меня принять в прежнюю свою высокую милость". Петр наказывал так лишь тех, кем дорожил и кого надеялся исправить этим средством. На доклад об одном корыстном поступке все того же Меншикова, Петр отвечал: „Вина не малая, да прежние заслуги больше ее", подверг князя денежному взысканию, а в токарной прибил его дубиной при одном Нартове и выпроводил со словами: „В последний раз, смотри, Александр, берегись!"

Но когда добросовестный делец ошибался, делал невольный промах и ждал грозы, Петр спешил утешить его, как утешают в несчастии, умаляя неудачу. В 1705 г. В. Шереметев испортил порученную ему стратегическую операцию в Курляндии против Левенгаунта и был в отчаянии. Петр взглянул на дело просто, как на „некоторый несчастливый случай", и писал фельдмаршалу: „Не извольте о бывшем несчастии печальны быть, понеже всегдашняя удача многих людей

▲ Волынский А.П.

ввела в пагубу, но забывать и паче людей ободривать".

***

Петр не успел стряхнуть с себя дочиста древнерусского человека с его нравами и понятиями даже тогда, когда воевал с ними. Это сказывалось не только в отеческой расправе с людьми знатных чинов, но и в других случаях, например, в надежде искоренить заблуждения в народе, выгоняя кнутом бесов из ложнобеснующихся, — „хвост-де кнута длиннее хвоста бесовского", или в способе лечения зубов у жены своего камердинера Полубоярова. Камердинер жаловался Петру, что жена с ним неласкова, ссылаясь на зубную боль. — „Хорошо, я полечу ее". Считая себя достаточно опытным в оперативной хирургии, Петр взял зубоврачебный прибор и зашел к камердинерше в отсутствие мужа. „У тебя, слышал я, зуб болит?" — Нет, государь, я здорова. — „Неправда, ты трусишь". Та, оробев, признала у себя болезнь, и Петр выдернул у нее здоровый зуб, сказав: „Помни, что жена да боится своего мужа, иначе будет без зубов". — „Вылечил"! — с усмешкой заметил он мужу, воротившись во дворец.

При уменьи Петра обращаться с людьми когда нужно властно или запросто, по-царски или по-отечески, келейные поучения вместе с продолжительным общением в трудах, горях и радостях устанавливали известную близость отношений между ним и его сотрудниками; а участливая простота, с какою он входил в частные дела близких людей, придавала этой близости отпечаток задушевной короткости. После дневных трудов, в досужие вечерние часы, когда Петр по обыкновению или уезжал в гости, или у себя принимал гостей, он бывал весел, обходителен, разговорчив, любил и вокруг себя видел веселых собеседников, слышать непринужденную, умную беседу и терпеть не мог ничего, что расстраивало такую беседу, никакого ехидства, выходок, колкостей, а тем паче ссор и брани; провинившегося тотчас наказывали, заставляли пить штраф — опорожнить бокала три вина или одного орла (большой ковш), чтоб „лишнего не врал и не задирал". П. Толстой долго помнил, как он раз принужден был выпить штраф за то, что принялся чересчур неосторожно расхваливать Италию. Ему и в другой раз пришлось пить штраф, только уже за излишнюю осторожность. Некогда, в 1682 г., как агент царевны Софьи и Ивана Милославского, он сильно замешался в стрелецкий бунт и едва удержал голову на плечах, но вовремя покаялся, получил прощение, умом и заслугами вошел в милость и стал видным дельцом, которым Петр очень дорожил. Однажды, на пирушке у корабельных мастеров, подгуляв и разблагодушествовавшись, гости принялись запросто выкладывать царю, что у каждого лежало на дне души. Толстой, незаметно уклонившийся от стаканов, сел у камелька, задремал, точно во хмелю, опустил голову и даже снял парик, а между тем, покачиваясь, внимательно прислушивался к откровенной болтовне собеседников царя. Петр, по привычке ходивший взад и вперед по комнате, заметил уловку хитреца и, указывая на него присутствующим, сказал: „Смотрите, повисла голова — как бы с плеч не свалилась". — Не бойтесь, ваше величество, — отвечал вдруг очнувшийся Толстой, — она вам верна и на мне тверда. — „А! Так он только притворился пьяным, продолжал Петр, — поднесите-ка ему стакана три доброго флина (гретого пива с коньяком и лимонным соком), так он поравняется с нами и также будет трещать по-сорочьи". И, ударяя его ладонью по плеши, продолжал: „Голова, голова! Кабы не так умна ты была, давно б я отрубить тебя велел".

▲ Петр Толстой

Щекотливых предметов, конечно, избегали, хотя господствовавшая в обществе Петра непринужденность располагала неосторожных или чересчур прямодушных людей высказывать все, что приходило на ум. Флотского лейтенанта Мишукова Петр очень любил и ценил за знание морского дела, и ему первому из русских доверил целый фрегат. Раз, — это было еще до дела царевича Алексея, — на пиру в Кронштадте, сидя за столом возле государя, Мишуков, уже порядочно выпивший, задумался и вдруг заплакал. Удивленный государь с участием спросил, что с ним. Мишуков откровенно и во всеуслышание объяснил причину своих слез: место, где сидят они, новая столица, около него построенная, балтийский флот, множество русских моряков, наконец, сам он, лейтенант Мишуков, командир фрегата, чувствующий, глубоко чувствующий на себе милости государя, — все это создание его государевых рук; как вспомнил он все это, да подумал, что здоровье его, государя, все слабеет, так и не мог удержаться от слез. „На кого ты нас покинешь?“ — добавил он. „Как на кого? — возразил Петр, — у меня есть наследник — царевич“. — „Ох, да ведь он глуп, все расстроит“. Петру понравилась звучавшая горькой правдой откровенность моряка; но грубоватость выражения и неуместность неосторожного признания подлежали взысканию. „Дурак! — заметил ему Петр с усмешкой, треснув его по голове, — этого при всех не говорят“.

Участники этих досужих товарищеских бесед уверяют, что самодержавный государь как бы исчезал в веселом госте или радушном хозяине, хотя мы, зная рассказы про вспыльчивость Петра, скорее расположены думать, что благодушные его собеседники должны были чувствовать себя подобно путешественникам, любующимся видами с вершины Везувия, в ежеминутном ожидании пепла и лавы. Случались, особенно в молодости, и грозные вспышки. В 1698 г. на пиру у Лефорта Петр едва не заколол шпагой генерала Шеина, вспылив на него за торговлю офицерскими местами в своем полку. Лефорт, удержавший раздраженного царя, поплатился за это раной. Однако, несмотря на подобные случаи, видно, что гости на этих собраниях все-таки чувствовали себя весело и непринужденно; корабельные мастера и флотские офицеры, подбадриваемые радушным потчеванием из рук развеселившегося Петра, запросто с ним обнимались, клялись ему в своей любви, и усердии, за что получали соответственные выражения признательности. Частное, не официальное обхождение с Петром облегчалось одной новостью, заведенной еще во время потех в Преображенском и вместе со всеми потехами превратившейся незаметно в прямое дело. Верный рано усвоенному правилу, что руководитель должен прежде и лучше руководимых знать дело, в котором он ими руководит, и вместе с тем желая показать собственным примером, как надо служить, — Петр, заводя регулярную армию и флот, сам проходил сухопутную и морскую службу с низших чинов: был барабанщиком в роте Лефорта, бомбардиром и капитаном, дослужился до генерал-лейтенанта и даже до полного генерала. При этом он позволял производить себя в высшие чины не иначе, как за действительные заслуги, за участие в делах. Производство в эти чины было правом потешного короля, князя-кесаря Ф. Ю. Ромодановского. Современники описывают торжественное пожалование Петра в вице-адмиралы за морскую победу при Гангуде в 1714 г., где он в чине контр-адмирала командовал авангардом и взял в плен командира шведской эскадры Эреншильда с его фрегатом и несколькими галерами. Среди полного

▲ Лефорт

собрания Сената восседал на троне князь-кесарь. Позван был контр-адмирал, от которого князь-кесарь принял письменный рапорт о победе. Рапорт был прочитан всему Сенату. Следовали устные вопросы победителю и другим участникам победы. Затем сенаторы держали совет. В заключение контр-адмирал, „в рассуждении верно оказанные и храбрые службы отечеству", единогласно провозглашен вице-адмиралом. Однажды на просьбу нескольких военных о повышении их чинами Петр не шутя отвечал: „Постараюсь, только как заблагорассудит князь-кесарь. Видите, я и о себе просить не смею, хотя отечеству с вами послужил верно, надо выбрать удобный час, чтоб его величество не прогневать; но что ни будет, я за вас ходатай, хоть и рассердился. Помолимся прежде Богу, — авось, дело сладится". Стороннему наблюдателю все это могло показаться пародией, шуткой, если не шутовством. Петр любил мешать шутку с серьезным, дело с бездельем; только у него обыкновенно выходило при этом так, что безделье превращалось в дело, а не наоборот. У него ведь и регулярная армия незаметно выросла из шуточных полков, в которые он играл в Преображенском и Семеновском. Нося армейские и флотские чины, он действительно служил, точно исполнял служебные обязанности и пользовался служебными правами, получал и расписывался в получении присвоенного чину жалованья, причем говаривал: „Эти деньги мои собственные; я их заслужил и могу употреблять, как хочу; но с государственными доходами надо поступать осторожно: в них я должен дать отчет Богу". Службой Петра по армии и флоту с ее кесарским чинопроизводством создавалась форма обращения, упрощавшая и облегчавшая отношения царя к окружающим. В застольной компании, в частных, внеслужебных делах, обращались к сослуживцу, товарищу по полку или фрегату, „басу" (корабельному мастеру) или капитану Петру Михайлову, как звался царь по морской службе. Становилась возможна доверчивая близость без панибратства. Дисциплина не колебалась, напротив, получала опору во внушительном примере: опасно было шутить службой, когда ею не шутил сам Петр Михайлов.

▲ Граф Борис Шереметев

В своих воинских инструкциях Петр предписывал капитану с солдатами „братства не иметь", не брататься: это повело бы к поблажке, распущенности. Обращение самого Петра с окружающими не могло повести к такой опасности: в нем было слишком много царя для того. Близость к нему упрощала обхождение с ним, могла многому научить добросовестного и понятливого человека; но она не баловала, а обязывала, увеличивала ответственность приближенного. Он высоко ценил талант и заслугу и много грехов прощал даровитым и заслуженным сотрудникам. Но ни за какие таланты и заслуги не ослаблял он требований долга; напротив, чем выше ценил он дельца, тем взыскательнее был к нему и тем доверчивее полагался на него, требуя не только точного исполнения своих распоряжений, но, где нужно, и действий на свой страх, по собственному соображению и почину, строго предписывая, чтобы в донесениях ему отнюдь не было привычного как изволишь. Никого из своих сотрудников не уважал он больше эрестферского и гумельсгофского победителя шведов, Б. Шереметева, встречал и провожал его, по выражению очевидца, не как подданного, а как гостя-героя; но и тот нес на себе всю тяжесть служебного долга. Предписав осторожному и медлительному, к тому же не совсем здоровому фель-

▲ Голицын М.М.

▲ Репнин Аникита Иванович

дмаршалу ускоренный марш в 1704 г., Петр не дает ему покоя своими письмами, настойчиво требуя: „Иди днем и ночью, а если так не учинишь, не изволь на меня впредь пенять". Сотрудники Петра хорошо понимали смысл такого предостережения. Потом, когда Шереметев, не зная что делать за неимением инструкций, отвечал на запрос царя, что согласно указу никуда итти не сметь, Петр с укоризненной иронией писал ему, что он похож на слугу, который, видя, что хозяин его тонет, не решается его спасать, пока не справится, прописано ли у него в наемном контракте вытаскивать из воды утопающего хозяина. К другим генералам в случае их неисправности Петр обращался уже без всякой иронии, с суровой прямотой. В 1705 г., задумав нападение на Ригу, он запретил пропускать туда Двиной товары. Кн. Репнин по недоразумению пропустил лес и получил от Петра письмо с такими словами: „Herr, сегодня получил я ведомость о вашем столь худом поступке, за что можешь шеею заплатить; впредь же, аще единая щепа пройдет, ей, Богом клянусь, без головы будешь".

Зато и умел Петр ценить своих сподвижников. Он уважал в них столько же таланты и заслуги, сколько и нравственные качества, особенно преданность, и это уважение считал одного из первейших обязанностей государя. За своим обеденным столом он пивал тост „за здравие тех, кто любит Бога, меня и отечество", и сыну вменял в непременную обязанность любить верных советников и слуг, будут ли они свои или чужие. Кн. Ф. Ю. Ромодановский, страшный начальник тайной полиции, „князь-кесарь" в шуточной компанейской иерархии, „собою видом как монстра, нравом злой тиран", по отзыву современников, или просто „зверь", как величал его сам Петр в минуты недовольства им, не отличался особенно выдающимися способностями, только „любил пить непрестанно и других поить да ругаться"; но он был предан Петру, как никто другой, и за то пользовался его безмерным доверием и наравне с фельдмаршалом Б. П. Шереметевым имел право входить в кабинет Петра без доклада — преимущество, которое не всегда имел далее сам „полудержавный властелин" Меншиков. Уважение к заслугам своих сотрудников иногда получало у Петра задушевно-теплое выражение. Раз, в разговоре с лучшими своими генералами, Шереметевым, М. Голицыным и Репниным, о славных полководцах Франции, он с одушевлением сказал: „Слава Богу, дожил я до своих Тюреннов, только вот Сюллия у себя еще не вижу". Генералы поклонились и поцеловали у царя руку, а он поцеловал их в лоб. Своих сподвижников Петр не забывал и на чужбине. В 1717 г., осматривая укрепления Намюра в обществе офицеров, отличившихся в войне за испанское наследство, Петр был чрезвычайно доволен их беседой, сам рассказывал им об осадах и сражениях, в которых участвовал и с сияющим от радости лицом сказал коменданту: „Словно я нахожусь теперь в отечестве среди своих друзей и офицеров". Вспомнив раз о покойном Шереметеве († 1719 г.), Петр, вздохнув, с грустным предчувствием сказал окружающим: „Нет уже Бориса Петровича, ско-

ро не будет и нас; но его храбрость и верная служба не умрут и всегда будут памятны в России". Незадолго до своей смерти он мечтал соорудить памятники своим покойным военным сподвижникам — Лефорту, Шейну, Гордону, Шереметеву, говоря про них: „Сии мужи — верностью и заслугами вечные в России монументы". Ему хотелось поставить эти памятники в Александро-Невском монастыре под сенью древнего святого князя, невского героя. Рисунки памятников были уже отправлены в Рим к лучшим скульпторам; но за смертью императора дело не состоялось.

***

Воспитывая себе дельцов самим обхождением с ними, требованиями служебной дисциплины, собственным примером, наконец, уважением к таланту и заслуге, Петр хотел, чтобы его сотрудники ясно видели, во имя чего он требует от них таких усилий, и хорошо понимали как его самого, так и дело, которое вели по его указаниям, — хотя бы только понимали, если уж не могли в душе сочувствовать ни ему самому, ни его делу. Да и самое это дело было настолько серьезно само по себе и так чувствительно всех задевало, что поневоле заставляло над ним задумываться. „Трехвременная жестокая школа", как называл Петр длившуюся три школьных семилетия шведскую войну, приучала всех проходивших ее учеников, как и самого учителя, ни на минуту не выпускать из виду тяжелых задач, какие она ставила на очередь, отдавать себе отчет в ходе дел, подсчитывать добытые успехи, запоминать и соображать полученные уроки и допущенные ошибки. В досужие часы, иногда и за пиршественным столом, в возбужденном и приподнятом настроении по случаю какого-нибудь радостного события, в обществе Петра и завязывались беседы о таких предметах, к каким редко обращаются в минуты отдыха много занятые люди. Современники записали почти только монологи самого царя, который обыкновенно и заводил эти разговоры. Но едва ли где еще можно найти более явственное выражение того, о чем хотел Петр заставить думать и как настроить свое общество. Содержание бесед было довольно разнообразно: говорили о Библии, о мощах, о безбожниках, о народных суевериях, о Карле XII, о заграничных порядках. Иногда среди собеседников заходила речь и о предметах более им близких, практических, о начале и значении того дела, которое они делали, о планах будущего, о том, что им предстоит еще сделать. Тут-то и сказывалась в Петре та скрытая духовная сила, которая поддерживала его деятельность и обаянию которой волей-неволей подчинялись его сотрудники. Видим, как война и возбуждаемая ею реформа поднимала их, напрягала их мысль, воспитывала их политическое сознание.

▲ Феофан Прокопович

Петр, особенно к концу царствования, очень интересовался прошлым своего отечества, заботился о собирании и сохранении исторических памятников, говорил ученому Феофану Прокоповичу: „Когда же мы увидим полную историю России?" Неоднократно заказывал написать общедоступное руководство по русской истории. Изредка мимоходом вспоминал он в беседах, как начиналась его деятельность, и раз в этих воспоминаниях мелькнула древняя русская летопись. Казалось бы, какое участие могла принять в его деятельности эта летопись? Но в деловом уме Петра каждое приобретаемое знание, каждое набегающее впечатление получало практическую обработку.

Он начинал эту деятельность под гнетом двух наблюдений, вынесенных им из знакомства с положением России, как только он начал понимать его. Он видел, что Россия лишена тех средств внешней силы и внутреннего благосостояния, какие дают просвещенной Европе знание и искусство; видел также, что шведы и турки с тата-

▲ Апраксин А.М.

▲ Бекович-Черкасский

рами лишали ее самой возможности заимствовать эти средства, отрезав ее от европейских морей: „Разумным очам, — как он писал сыну, — к нашему нелюбозрению добрый задернули завес и со всем светом коммуникацию пресекли". Вывести Россию из этого двойного затруднения, пробиться к европейскому морю и установить непосредственное общение с образованным миром, сдернуть с русских глаз наброшенную на них неприятелем завесу, мешающую им видеть то, что им хочется видеть, — это была первая, хорошо выясненная и твердо поставленная цель Петра.

Однажды, в присутствии гр. Шереметева и генерал-адмирала Апраксина, Петр рассказывал, что в ранней молодости он читал летопись Нестора и оттуда узнал, как Олег посылал на судах войско под Царьград. С этих пор запало в нем желание сделать то же против врагов христианства, вероломных турок, и отмстить им за обиды, какие они вместе с татарами наносили России. Эта мысль окрепла в нем, когда во время поездки в Воронеж в 1694 году, за год до первого азовского похода, обозревая течение Дона, он увидел, что этой рекой, взяв Азов, можно выйти в Черное море, и решил завести в пригодном месте кораблестроение. Точно также первое посещение города Архангельска породило в нем охоту завести и там строение судов для торговли и морских промыслов. „И вот теперь, продолжал он, когда при помощи Божией у нас есть Кронштадт и Петербург, а вашей храбростью завоеваны Рига, Ревель и другие приморские города, — строящимися у нас кораблями мы можем защищаться от шведов и других морских держав. Вот почему, друзья мои, полезно государю путешествовать по своей земле и замечать, что может служить к пользе и славе государства". В конце жизни, осматривая работы на Ладожском канале и довольный их ходом, он говорил строителям: „Видим, как Невой ходят к нам суда из Европы; а когда кончим вот этот канал, увидим, как нашей Волгой придут торговать в Петербург и азиаты". План канализации России был одною из ранних и блестящих идей Петра, когда это дело было еще новостью и на Западе. Он мечтал, пользуясь речной сетью России, соединить все моря, примыкающие к русской равнине, и таким образом сделать Россию торговой и культурной посредницей между двумя мирами, Западом и Востоком, Европой и Азией. Вышневолоцкая система, замечательная по остроумному подбору вошедших в нее рек и озер, осталась единственным законченным при Петре опытом осуществления задуманного грандиозного плана. Он смотрел еще дальше, за пределы русской равнины, за Каспий, куда посылал экспедицию князя Бековича-Черкасского, между прочим, с целью разведать и описать сухой и водный, особенно водный путь в Индию; за несколько дней до смерти вспомнил он давнюю свою мысль об отыскании дороги в Китай и Индию Ледовитым океаном. Уже страдая предсмертными припадками, он спешил написать инструкцию Камчатской экспедиции Беринга, которая должна была расследовать, не соединяется ли Азия на северо-востоке с Америкой, — вопрос, на который давно уже и настойчиво обращал внимание Петра Лейбниц. Передавая документ Апраксину, он говорил: „Нездоровье заставило меня сидеть дома; на днях я вспомнил, о чем думал давно, но чему другие дела ме-

шали, — о дороге в Китай и Индию. В последнюю поездку мою за границу ученые люди там говорили мне, что найти эту дорогу возможно. Не будем ли мы счастливее англичан и голландцев? Распорядись за меня, Федор Матвеевич все исполнить по пунктам, как написано в этой инструкции". Чтобы быть умелой посредницей между Азией и Европой России, естественно, надлежало не только знать первую, но и обладать знаниями и искусствами последней. На беседах, разумеется, заходила речь и об отношении к Европе, к иноземцам, приходившим оттуда в Россию. Этот вопрос давно, чуть не весь XVII век, занимал русское общество. Петра с первых лет царствования по низвержении Софьи сильно осуждали за привязанность к иноземным обычаям и к самим иноземцам. В Москве и Немецкой Слободе много было толков о почестях, с какими Петр в 1699 г. хоронил Гордона и Лефорта. Он ежедневно навещал больного Гордона, оказавшего ему большие услуги в азовских походах и во второй стрелецкий мятеж 1697 г., сам закрыл глаза покойнику и поцеловал его в лоб при погребении, бросив землю на опущенный в могилу гроб, Петр сказал предстоящим: „Я даю ему только горсть земли, а он мне дал целое пространство с Азовом". Еще с большей горестью хоронил Петр Лефорта: сам шел за его гробом, обливался слезами, слушая надгробную проповедь реформатского пастора, восхвалявшего заслуги покойного адмирала, и прощался с ним в последний раз с сокрушением, вызвавшим крайнее удивление присутствовавших иностранцев; а на похоронном обеде сделал целую сцену русским боярам. Они не особенно скорбели о смерти царского любимца, и некоторые из них, пользуясь минутной отлучкой царя, пока накрывали поминальный стол, спешили убраться из дома, но на крыльце наткнулись на возвращавшегося Петра. Он рассердился и, воротив их в зал, приветствовал речью, в которой говорил, что понимает их побег, что они боятся выдать себя, не надеясь выдержать за столом притворную печаль. „Какие ненавистники! Но я научу вас почитать достойных людей. Верность Франца Яковлевича пребудет в сердце моем, доколе я жив, и по смерти понесу ее с собою в могилу!" Но Гордон и Лефорт были исключительные иностранцы: Петр ценил их за преданность и заслуги, как потом ценил Остермана за таланты и знания. С Лефортом он был связан еще личной дружбой и преувеличивал достоинства „дебошана французского", как назвал его кн. Б. Куракин; готов был даже признать его начинателем своей военной реформы. „Он начал, а мы довершили", говаривал о нем Петр впоследствии (за то и пошел в народе слух, что Петр был сын „Лаферта да немки беззаконной", подкинутый царице Наталье). Но к иностранцам вообще Петр относился разборчиво и без увлечения.

В первые годы деятельности, заводя новые дела военные и промышленные, он не мог обойтись без них, как инструкторов, сведущих людей, каких не находил между своими; но при первой возможности старался заменять их русскими. Уже в манифесте 1705 г. он прямо признается, что дорого стоившими наемными офицерами „желаемого не возмогли достигнуть", и предписывает более строгие условия приема их на русскую службу. Паткуль сидел в крепости за растрату денег, назначенных на русское войско; а с наемным австрийским фельдмаршалом Огильви, человеком деловитым, но „дерзновенником и досадителем", как называл его Петр, он кончил тем, что приказал его арестовать и потом „с неприязнью" отослал обратно.

Столь же расчетливо было отношение Петра и к иноземным обычаям, как оно сказывалось в беседах. Раз, при шутливом столкновении с князем-кесарем из-за длинного бешмета, в каком Ромодановский приехал в Преображенское, Петр сказал, обращаясь к присутствовавшим гвардейцам и знатным господам: „Длинное платье мешало проворству рук и ног стрельцов; они не могли ни работать хорошо ружьем, ни маршировать. Для того-то велел я Лефорту пообрезать сперва зипуны и зарукавья, а потом сделать новые мундиры по европейскому обычаю. Старая одежда больше похожа на татарскую, чем на сродную нам легкую славянскую; не годится являться на службу в спальном платье". Петру же приписывали и обращенные к боярам слова о брадобритии, отвечающие обычному тону его речи и образу мыслей: „Наши старики по невежеству думают, что без бороды не войдут в царство небесное, хотя оно отверсто для всех честных людей, с бородами ли они или без бород, с париками или плешивые". Петр видел только дело приличия, удобства или суеверия в том, чему старорусское общество придавало значение религиозно-национального вопроса, и ополчался не столько против самих обычаев русской старины, сколько против суеверных представлений с ними соединенных, и упрямства, с каким их отстаивали.

Это старорусское общество, так ожесточенно обвинявшее Петра в замене добрых старых обычаев дурными новыми, считало его беззаветным западником, который предпочитает все западно-европейское русскому не потому, что оно лучше русского, а потому, что оно не русское, а западно-европейское. Ему приписывали увлечения, столь мало сродные его рассудительному характеру. По случаю учреждения в Петербурге ассамблей, очередных увеселительных собраний в знатных домах, кто-то при государе стал расхваливать парижские обычаи и манеры светского обхождения. Петр, видавший Париж, возразил: „Хорошо перенимать у французов науки и художества, и я бы хотел видеть это у себя; а, впрочем, Париж воняет". Он знал, что хорошо в Европе, но никогда не обольщался ею, и то хорошее, что удалось перенять оттуда, считал не ее благословенным даром, а милостью Провидения.

В одной собственноручной программе празднования годовщины Ништадского мира он предписывал возможно сильнее выразить мысль, что иностранцы старались не допустить нас до света разума, да проглядели, словно в глазах у них помутилось, и он признавал это чудом Божиим, содеянным для русского

▲ Гордон

народа. „Сие пространство развести надлежит, гласит программа, и чтобы сенсу (смыслу) было довольно". Предание донесло отзвук одной беседы Петра с приближенными об отношении России к Западной Европе, когда он будто бы сказал; „Европа нужна нам еще несколько десятков лет, а потом мы можем повернуться к ней задом".

В чем сущность реформы, что она сделала и что ей предстоит еще сделать? Эти вопросы все более занимали Петра по мере того, как облегчалась тяжесть шведской войны. Военные опасности всего более ускоряли движение реформы. Потому главное ее дело было военное, „чем мы от тьмы к свету вышли и прежде незнамые в свете ныне почитаемы стали", как писал Петр сыну в 1715 г. А что дальше? На одной беседе, живо рисующей отношения Петра к сотрудникам и сотрудников друг к другу, на этот вопрос пришлось отвечать кн. Я. Ф. Долгорукому, правдивейшему законоведу своего времени, нередко смело споришему с Петром в Сенате. За эти споры Петр иногда досадовал на Долгорукого, но всегда уважал его. Раз, воротившись из Сената, он говорил про князя: „Кн. Яков в Сенате прямой мне помощник: он судит дельно и мне не потакает, без краснобайства режет прямо правду, не смотря на лицо". В 1717 г. блеснула, наконец, надежда на скорое окончание тяжкой войны, чего Петр желал нетерпеливо: в Голландии открылись предварительные переговоры о мире со Швецией, и был назначен конгресс на Аландских островах. В этом году раз, сидя за столом на пиру со многими знатными людьми, Петр разговорился о своем отце, о его делах в Польше, о затруднениях, какие наделал ему патриарх Никон. Мусин-Пушкин принялся выхвалять сына и унижать отца, говоря, что царь Алексей сам мало что делал, а больше Морозов с другими великими министрами; все дело в министрах: каковы министры у государя, таковы и его дела. Государя раздосадовали эти речи; он встал из-за стола и сказал Мусину-Пушкину: „В твоем порицании дел моего отца и в похвале моих больше брани на меня, чем я могу стерпеть". Потом, подошедши к кн. Я. Ф. Долгорукому и став за его стулом, говорил ему: „Вот ты больше всех меня бранишь и так больно досаждаешь мне своими спорами, что я часто едва не теряю терпения; а как рассужу, то и увижу, что ты искренно меня и государство любишь и правду говоришь, за что я внутренно тебе благодарен. А теперь я спрошу тебя, как ты думаешь о делах отца моего и моих, и уверен, что ты нелицемерно скажешь мне правду". Долгорукий отвечал: „Изволь, государь, присесть, а я подумаю". Петр сел подле него, а тот по привычке стал разглаживать свои длинные усы. Все на него смотрели и ждали, что он скажет. Помолчав немного, князь начал так:

„На вопрос твой нельзя ответить коротко, потому что у тебя с отцом дела разные: в одном ты больше заслуживаешь хвалы и благодарности, в другом — твой отец. Три главные дела у царей: первое — внутренняя расправа и правосудие; это ваше главное дело. Для этого у отца твоего было больше досуга, а у тебя еще и времени подумать о том не было, и потому в этом отец твой больше тебя сделал. Но когда ты займешься этим, может быть, и больше отцова сделаешь. Да и пора уж тебе о том подумать. Другое дело — военное. Этим делом отец твой много хвалы заслужил и великую пользу государству принес, устройством регулярных войск тебе путь показал; но после него неразумные люди все его начинания расстроили, так что ты почти все вновь начинал и в лучшее состояние привел. Однако хоть и много я о том думал, но еще не знаю, кому из вас в этом деле предпочтение отдать: конец твоей войны прямо нам это покажет. Третье дело — устройство флота, внешние союзы, отношения к иностранным государствам. В этом ты гораздо больше пользы государству принес и себе чести заслужил, нежели твой отец, с чем, надеюсь, и сам согласишься. А что говорят, якобы каковы министры у государей, таковы

и дела их, так я думаю о том совсем напротив, что мудрые государи умеют и умных советников выбирать и верность их наблюдать. Потому у мудрого государя не может быть глупых министров, ибо он может о достоинстве каждого рассудить и правые советы отличить". Петр выслушал все терпеливо и, расцеловав Долгорукого, сказал: „Благий рабе верный, в мале был еси мне верен, над многими тя поставлю". „Меншикову и другим сие весьма было прискорбно, — так заканчивает свой рассказ Татищев, — и они всеми мерами усиливались озлобить его государю, но ничего не успели".

Скоро представился и удобный к тому случай. В 1718 г. следственное дело о царевиче вскрыло предосудительные сношения с ним одного из князей Долгоруких и дерзкие слова его о царе. Беда потерять доброе имя грозила фамилии. Но энергическое оправдательное письмо старшего в роде князя Якова к Петру, уваженное царем, помогло провинившемуся избавиться от розыска, а фамилии от бесчестья носить звание „злодейского рода".

Петра занимало не соперничество с отцом, не счеты с прошедшим, а результаты настоящего, оценка своей деятельности. Он одобрил все, сказанное на пиру князем Яковом, согласился, что на ближайшей очереди реформы стало устройство внутренней расправы, обеспечение правосудия. Отдавая предпочтение в этом деле отцу, князь Долгорукий имел в виду его законодательство, особенно Уложение. Как практический законовед, он лучше многих понимал и значение этого памятника для своего времени, и его устарелость во многом для настоящего. Но и Петр не хуже Долгорукого сознавал это, и сам возбудил вопрос об этом задолго до беседы 1717 г., еще в 1700 г. приказав пересмотреть и пополнить Уложение новоизданными узаконениями, а потом в 1718 г., вскоре после описанной беседы, предписал свести русское Уложение со шведским. Но ему не удалось это дело, как не удавалось оно и после него целое столетие. Князь Долгорукий не договаривал, говорил не все, что по мысли Петра было нужно. Законодательство — только часть предстоявшего дела. Пересмотр Уложения заставил обратиться к шведскому законодательству в надежде найти там готовые нормы, выработанные наукой и опытом европейского народа. Так было и во всем: для удовлетворения домашних нужд спешили воспользоваться произведениями знания и опыта европейских народов, готовыми плодами чужой работы. Но не все же брать готовые плоды чужого знания и опыта, теории и техники, того, что Петр называл „науками и искусствами". Это значило бы вечно жить чужим умом, „подобно молодой птице в рот смотреть", по выражению Петра. Необходимо пересадить самые корни на свою почву, чтобы они дома производили свои плоды, овладеть источниками и средствами духовной и материальной силы европейских народов. Это была всегдашняя мысль Петра, основная и плодотворнейшая мысль его реформы. Она нигде и никогда не выходила у него из головы. Осматривая „вонючий" Париж, он думал о том, как бы видеть у себя такой же расцвет наук и искусств; рассматривая проект своей Академии Наук, он при Блументросте, Брюссе и Остермане говоритъ Нартову, составлявшему проект Академии Художеств: „Надлежит при том быть департаменту художеств, а паче механическому; желание мое насадить в столице сей рукомеслие, науки и художества вообще".

Война мешала решительному приступу к исполнению этой мысли. Да и самая эта война была предпринята с целью открыть прямые и свободные пути к тем же источникам и средствам. Мысль эта росла в уме Петра по мере того, как перед его глазами начинал светиться желанный конец войны. Передавая Апраскину в начале января 1725 г. Инструкцию Камчатской экспедиции, написанную уже слабеющей рукой, он признался, что это его давняя мысль, что, „оградя отечество безопасностью от неприятеля, надлежит стараться находить славу государства чрез искусство и науки".

Беспокойно заботясь о будущем, нередко говоря о своих недугах и возможности скорой смерти, Петр едва ли надеялся прожить две жизни, чтобы по окончании войны исполнить и это второе свое великое дело. Но он верил, что оно будет сделано, если не им, то его преемниками, и эту веру высказал как в словах — если только они были сказаны — о нескольких десятках лет русской нужды в Западной Европе, так и по другому случаю. В 1724 г. лейб-медик Блументрост просил отправлявшегося по поручению Петра в Швецию Татищева подыскивать там ученых для Академии Наук, открытие которой он подготовлял, как будущий ее президент. „Напрасно ищете семян, возразил Татищев, когда самой почвы для посева еще не приготовлено". Вслушавшись в этот разговор, Петр, по мысли которого учреждалась Академия, отвечал Татищеву такою притчей. Некий дворянин хотел у себя в деревне мельницу построить, а воды у него не было. Тогда, видя обильные водой озера и болота у соседей, он начал с их согласия канал в свою деревню копать и материал для мельницы заготовлять, и хотя при жизни не успел этого к концу привести, но дети, жалея отцовых издержек, поневоле продолжали и доканчивали дело отца. Эта крепкая вера поддерживалась в Петре и со стороны, таким славным ученым, как Лейбниц, давно предлагавший ему и учреждение высшей ученой коллегии в С.-Петербурге с многосложными научными и практическими задачами, и исследование границ между Азией и Америкой, и широкие планы водворения наук и художеств в России, с раскинутой по всей стране сетью академий, университетов, гимназий и, главное, с надеждой на полный успех этого дела. На взгляд Лейбница это не беда, что здесь недоставало ни научных преданий и навыков, ни учебных пособий и вспомогательных учреждений, что Россия в этом отношении белый лист бумаги, по выражению философа, или непочатое поле, где надо все заводить вновь. Это даже лучше, потому что, заводя все вновь, можно избегнуть недостатков и ошибок, каких наделала Европа, потому что при возведении нового здания скорее можно достиг-

нуть совершенства, чем при исправлении и перестройке старого.

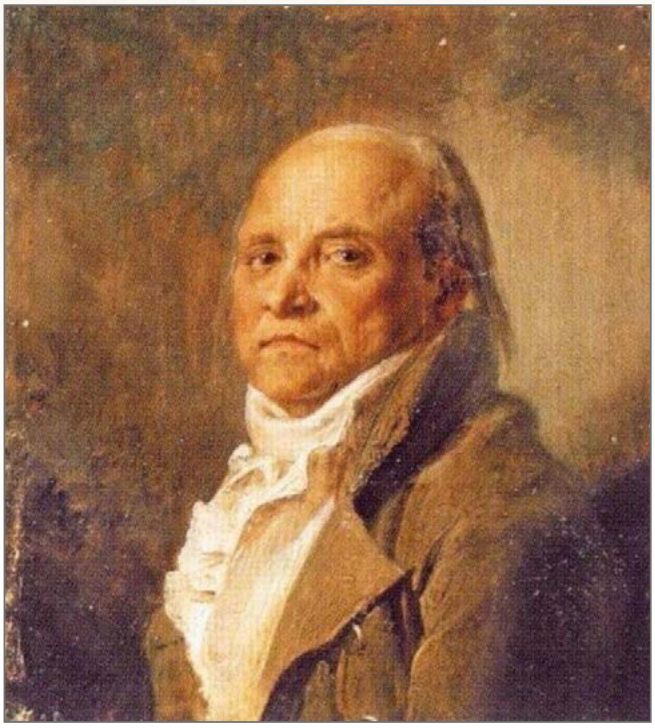
Трудно сказать, кем была внушена или как возникла в уме Петра мысль о круговороте наук, тесно связанная с его просветительными помыслами. Мысль эта высказана в приписке к черновому письму, которое Лейбниц писал Петру в 1712 году; но в письме, посланном к царю, эта приписка опущена. „Провидение, — писал философ в этой приписке, — по-видимому хочет, чтобы наука обошла кругом весь земной шар и теперь перешла в Скифию, и потому избрало Ваше Величество орудием, так как Вы можете и из Европы и из Азии взять лучшее и усовершенствовать то, что сделано в обеих частях света". Может быть, эту мысль Лейбниц высказывал Петру в личной беседе с ним. Нечто, похожее на ту же мысль, как бы вскользь высказано и в одном сочинении славянского патриота Юрия Крижанича: после многих народов древнего и нового мира, поработавших на поприще науки, очередь дошла, наконец, и до славян. Но это сочинение, писанное в Сибири, при царе Алексее, едва ли было известно Петру.

Как бы то ни было, в одной превосходной беседе с сотрудниками Петр изложил ту же мысль по-своему, кстати, воспользовавшись ею, чтобы дать почувствовать некоторым из собеседников, что ему слышен идущий вокруг него шепот не о пользе, даже не о безполезности наук, а о прямом вреде их. В 1714 году, празднуя спуск военного корабля в Петербурге, царь был в самом веселом расположении духа и за столом на палубе, среди приглашенного на пир высшего общества, много говорил об успешном ходе русского кораблестроения. Между прочим, он обратился с целой речью прямо к сидевшим около него старым боярам, которые видели мало проку в опытности и знаниях, приобретенных русскими министрами и генералами, искренно преданными реформе. Надобно иметь в виду, что речь изложена бывшим на торжестве немцем, брауншвейгским резидентом Вебером, который всего месяца два как приехал в Петербург и едва ли был в состоянии уловить и точно передать ее оттенки, хотя и называет ее самой глубокомысленной и остроумной из всех речей, им слышанных от царя. Читая его изложение, легко заметить, что некоторым мыслям царя он дал свою окраску и свое толкование.

„Кому из вас, братцы мои, хоть бы во сне снилось лет 30 тому назад, — так начал царь, — что мы с вами здесь, у Остзейского моря, будем плотничать, и в одежде немцев, в завоеванной у них же нашими трудами и мужеством стране, построим город, в котором вы живете, что мы доживем до того, что увидим таких храбрых и победоносных солдат и матросов русской крови, таких сынов, побывавших в чужих странах и возвратившихся домой столь смышленными, что увидим у себя такое множество иноземных художников и ремесленников, доживем до того, что меня и вас станут так уважать чужестранные государи? Историки полагают колыбель всех знаний в Греции, откуда по превратности времен они были изгнаны, перешли в Италию, а потом распространились было и по всем австрийским землям, но невежеством наших предков были приостановлены и не проникли далее Польши; а поляки, равно как и все немцы, пребывали в таком же непроходимом мраке невежества, в каком мы пребываем доселе, и только непомерными трудами

▲ Корсаков Я.Н.

▲ Гагарин Матвей Петрович

правителей своих открыли глаза и усвоили себе прежние греческие искусства, науки и образ жизни. Теперь очередь приходит до нас, если только вы поддержите меня в моих важных предприятиях, будете слушаться без всяких отговорок и привыкнете свободно распознавать и изучать добро и зло. Это передвижение наук я приравниваю к обращению крови в человеческом теле, и сдается мне, что со временем они оставят теперешнее свое местопребывание в Англии, Франции и Германии, продержатся несколько веков у нас и затем снова возвратятся в истинное отечество свое — в Грецию. Покамест, советую вам помнить латинскую поговорку: Ora et labora (молись и трудись), и твердо надеяться, что, может быть, еще на нашем веку вы пристыдите другие образованные страны и вознесете на высшую степень славу русского имени".

– „Да, да, правда!" — отвечали царю старые бояре, в глубоком молчании слушавшие его слова, и заявив ему, что они готовы и будут делать все, что он им повелит, снова обеими руками ухватились за любезные им стаканы, предоставляли царю рассудить в глубине его собственных помышлений, насколько успел он убедить их и насколько мог надеяться достигнуть конечной цели своих великих предприятий".

Рассказчик придал этой беседе иронический эпилог. Петр огорчился бы, даже, пожалуй, сказал бы боярам другую, менее возвышенную и ласковую речь, если бы заметил, что они отнеслись к его словам так безучастно, себе на уме, как это представил иноземец. Ему известно было, как судили о его реформе в России и за границей, и эти суждения болезненно отзывались в его душе. Он знал, что там и здесь очень многие видели в его реформе насильственное дело, которое он мог вести, только пользуясь своей неограниченной и жестокой властью и привычкой народа слепо ей повиноваться. Стало быть, он не европейский государь, а азиатский деспот, повелевающий рабами, а не гражданами. Такой взгляд оскорбляет его, как незаслуженная обида. Он столько сделал, чтобы придать своей власти характер долга, а не произвола; думал, что на его деятельность иначе нельзя смотреть, как на служение общему благу народа, а не как на тиранию.

Он так старательно устранял все унизительное для человеческого достоинства в отношениях подданного к государю: еще в самом начале столетия запретил писаться уменьшительными именами, падать перед царем на колени, зимою снимать шапки перед дворцом, рассуждая так об этом: „К чему уничижать звание, безобразить достоинство человеческое? Менее низости, больше усердия к службе и верности ко мне и государству — таков почет, подобающий царю". Он устроил столько госпиталей, богаделен и училищ, „народ свой во многих воинских и гражданских науках обучил", в Воинских статьях запретил бить солдата, писал наставление всем принадлежащим к русскому войску, „каковой ни есть веры или народа они суть, между собою христианскую любовь иметь", внушал „с противниками церкви с кротостью и разумом поступать по Апостолу, а не так, как ныне, жестокими словами и отчуждением", — говорил, что Господь дал царям власть над народами, но над совестью людей властен один Христос, — и он первый на Руси стал это писать и говорить, — а его считали жестоким тираном, азиатским деспотом. Об этом не раз заводил он речь с приближенными и говорил с жаром, с порывистой откровенностью: „Знаю, что меня считают тираном. Иностранцы говорят, что я повелеваю рабами. Это неправда: не знают всех обстоятельств. Я повелеваю подданными, повинующимися моим указам; эти указы содержат в себе пользу, а не вред государству. Надобно знать, как управлять народом. Английская вольность здесь не у места, как к стене горох. Честный и разумный человек, усмотревший что-либо вредное или придумавший что полезное, может говорить мне прямо без боязни. Вы сами тому свидетели. Полезное я рад слушать и от последнего подданного. Доступ ко мне свободен, лишь бы не отнимали у меня времени бездельем. Недоброхоты мои и отечеству, конечно, мной недовольны. Невежество и упрямство всегда ополчались на меня с той поры, как задумал я ввести полезные перемены и исправить грубые нравы. Вот кто настоящие тираны, а не я. Я не усугубляя рабства, обуздывая озорство упрямых, смягчая дубовые сердца, не жестокосердствую, переодевая подданных в новое платье, заводя порядок в войске и в гражданстве и приучая к людскости, не тиранствую, когда правосудие осуждает злодея на смерть. Пускай злость клевещет: совесть моя чиста. Бог мне судья! Неправые толки в свете разносит ветер".

Защищая царя от обвинения в жестокости, любимый токарь его Нартов пишет: „Ах, если бы многие знали то, что известно нам, дивились бы снисхождению его. Если бы когда-нибудь случилось философу разбирать архиву тайных дел его, вострепетал бы он от ужаса, что соделывалось против сего монарха. Эта „архива" уже разбирается и все яснее обнаруживает, по какой раскаленной почве шел Петр, ведя реформу со своими сотрудниками. Все вокруг роптало на него, и этот ропот, начинаясь во дворце, в семье царя, широко расходился оттуда по всей Руси, по всем классам общества, проникая вглубь народной массы.

Сын жаловался, что отец окружен злыми людьми, сам очень жесток, не жалеет человеческой крови, желал смерти отцу, и духовник прощал ему это грешное желание. Сестра, царевна Марья, плакалась на бесконечную войну, на великие подати, на разорение народное, и „ее милостивое сердце снедала печаль от воздыханий народных". Ростовский архиерей Досифей, лишенный сана по делу о бывшей царице Евдокии, говорил на соборе архиереям: „Посмотрите, что у всех на сердцах; извольте пустить уши в народ, что в народе говорят". А в народе говорили про царя, что он враг народа, оморок мирской, подкидыш, антихрист, и Бог знает, чего не говорили про него. Роптавшие жили надеждою, авось, либо царь скоро умрет, либо

▲ Шарифов Петр вице-канцлер

▲ Ягужинский П.И.

народ поднимется на него; сам царевич признался, что готов был пристать к заговору против отца. Петр слышал этот ропот, знал толки и козни, против него направленные, и говорил: „Страдаю, а все за отечество; желаю ему полезного, но враги пакости мне делают демонские". Он знал также, что было и на что роптать: народные тягости все увеличивались, десятки тысяч рабочих гибли от голода и болезней на работах в Петербурге, Кронштоте, на Ладожском канале, войска терпели великую нужду, все дорожало, торговля падала. По целым неделям Петр ходил мрачный, открывая все новые злоупотребления и неудачи. Он понимал, что до нельзя, до боли напрягает народные силы, но раздумье не замедляло дела; никого не щадя, всего менее себя, он все шел к своей цели, видя в ней народное благо, так хирург, скрипя сердце, подвергает мучительной операции своего пациента, чтобы спасти его жизнь. Зато, по окончании шведской войны, первое, о чем заговорил Петр с сенаторами, просившими его принять титул императора, это — „стараться о пользе общей, от чего народ получит облегчение". Узнавая людей и вещи, как они есть, привыкнув к дробной, детальной работе над крупными делами, за всем следя сам, и всех уча собственным примером, он выработал в себе вместе с быстрым глазомером тонкое чутье естественной, действительной связи вещей и отношений, живое, практическое понимание того, как делаются дела на свете, какими силами и с какими усилиями поворачивается тяжелое колесо истории, то поднимая, то опуская судьбы человеческие. Оттого неудача не приводила его в уныние, а удача не внушала самонадеянности. Это, когда нужно, ободряло, а порой отрезвляло и сотрудников. Рассказывали, что после поражения под Нарвой он говорил: „Знаю, что шведы еще будут бить нас; пусть бьют; но они выучат и нас бить их самих; когда же ученье обходится без потерь и огорчений?" Он не обольщался ни успехами, ни надеждами. В последние годы жизни, лечась олонецкими целебными водами, он говорил своему лейб-медику: „Врачую тело свое водами, а подданных примерами; в том и другом исцеление вижу медленное; все решит время". Он ясно видел все трудности своего положения, в котором из 13 правителей 12 опустили бы руки, и в самую тяжелую пору своей жизни, во время следствия над царевичем, описывал судьбу Толстому с сострадательной изобразительностью стороннего наблюдателя: „Едва ли кто из государей сносил столько бед и напастей, как я. От сестры (Софьи) был гоним до зела: она была хитра и зла. Монахине (первой жене) несносен: она была глупа. Сын меня ненавидит: он упрям". Но Петр поступал в политике, как на море. Вся его бурная деятельность как в миниатюре изобразилась в одном эпизоде из его морской службы. В июле 1714 г., за несколько дней до победы при Гангуде, крейсируя со своей эскадрой между Гельсингфорсом и Аландскими островами, он был в темную ночь застигнут страшною бурей. Все пришли в отчаяние, не зная, где берег. Петр

с несколькими матросами бросился в шлюпку, не слушая офицеров, которые на коленях умоляли его не подвергать себя такой опасности; сам взялся за руль, в борьбе с волнами, встряхнул опускавших руки гребцов грозным окриком: „Чего боитесь? Царя везете! С нами Бог!", благополучно достиг берега, развел огонь, чтобы показать путь эскадре, согрел сбитнем полумертвых гребцов, а сам, весь мокрый, лег и, покрывшись парусиной, заснул у костра под деревом.

Неослабное чувство долга, мысль, что этот долг неуклонно служит общему благу государства и народа, беззаветное мужество, с каким подобает это служение, — таковы основные правила той школы, проводившей своих учеников сквозь огонь и воду, о которой говорил Неплюев Екатерине II. Эта школа способна была воспитывать не один страх грозной власти, но и обаяние нравственного величия. Рассказы современников дают только смутно почувствовать, как это делалось; а делалось, кажется, довольно просто, как бы само собой, действием неуловимых впечатлений. Неплюев рассказывает, как он с товарищами в 1720 г., по окончании заграничной выучки, держал экзамен перед самим царем, в полном собрании адмиралтейской коллегии. Неплюев ждал представления царю, как страшного суда. Когда дошла до него очередь на экзамене, Петр сам подошел к нему и спросил: „Всему ли ты научился, для чего был послан?" Тот отвечал, что старался по всей своей возможности, но не может похвалиться, что всему научился, и, говоря это, стал на колени. „Трудиться надобно", сказал на это царь, и, оборотив к нему ладонью правую руку, прибавил: „Видишь братец, я и царь, да у меня на руках мозоли, а все для того — показать вам пример и хотя бы под старость видеть себе достойных помощников и слуг отечеству. Встань, братец, и дай ответ, о чем тебя спросят, только не робей; что знаешь, сказывай, а чего не знаешь, так и скажи". Царь остался доволен ответами Неплюева и потом, ближе узнав его на карабельных постройках, отзывался о нем: „В этом малом путь будет". Петр заметил дипломатические способности в 27-летнем поручике галерного флота и в следующем же году прямо назначил его на трудный пост резидента в Константинополе. При отпуске в Турцию Петр поднял упавшего ему в ноги со слезами Неплюева и сказал: „Не кланяйся, братец! Я вам от Бога приставник, и должность моя смотреть, чтобы недостойному не дать, а у достойного не отнять. Будешь хорошо служить, не мне, а более себе и отечеству добро сделаешь, а буде худо, так и истец, ибо Бог того от меня за всех вас востребует, чтоб злому и глупому не дать места вред делать. Служи верой и правдой; вначале Бог, а по Нем и я должен буду не оставить. Прости, братец! — прибавил царь, поцеловав Неплюева в лоб: — приведет ли Бог свидеться?" Они уже не свиделись. Этот умный и неподкупный, но суровый и даже жесткий служака, получив в Константинополе весть о смерти Петра, отметил в своих записках: „Ей-ей, не лгу, был более суток в беспамятстве; да иначе мне и грешно бы было: сей монарх отечество наше привел в сравнении с прочими, научил нас узнавать, что и мы люди". После, пережив шесть царствований и дожив до седьмого, он, по отзыву его друга Голикова, не переставал хранить беспредельное почитание к памяти Петра Великого и имя его не иначе произносил, как священное, и почти всегда со слезами.

Впечатление, какое производил Петр на окружающих своим обращением, своими ежедневными суждениями о текущих делах, взглядом на свою власть и на свое отношение к подданным, замыслами и заботами о будущем своего народа, самими затруднениями и опасностями, с которыми ему приходилось бороться, — всей своею деятельностью и всем своим образом мыслей трудно передать выразительнее того, как передал его Нартов. „Мы, бывшие сего великого государя слуги, воздыхаем и проливаем слезы, слыша иногда упреки жестокосердию его, которого в нем не было. Когда бы многие знали, что претерпевал, что сносил и какими уязвляем был горестями, то ужаснулись бы, колико снисходил он слабостям человеческим и прощал преступления, не заслуживающие милосердия; и хотя нет более Петра Великого с нами, однако, дух его в душах наших живет, и мы, имевшие счастие находиться при сем монархе, умрем верными ему и горячую любовь нашу к земному богу погребем вместе с собою. Мы без страха возглашаем об отце нашем для того, что благородному бесстрашию и правде учились от него".

Нартов, подобно Неплюеву, как близкий человек, стоял под непосредственным влиянием Петра. Но деятельность преобразователя так захватывала общее внимание, ее побуждения были так открыты и так нравственно убедительны, что ее впечатление из тесного круга приближенных пробивалось вглубь общества, заставляло даже простые и грешные, но не предубежденные души понимать и чувствовать, чему она учила, и бояться царя, по удачному выражению Феофана Прокоповича, не только за гнев его, но и за совесть. Петру едва ли приходилось слышать о себе суждения, подобные высказанному Нартовым: он не любил этого. Но его должно было глубоко утешить предсмертное письмо некоего Ивана Кокошкина, полученное им в 1714 г. и сохранившееся в его бумагах. Лежа на смертном одре, этот Кокошкин страшится предстать пред лицом Божиим, не принесши чистого покаяния пресветлому монарху, покуда еще грешная душа с телом не разлучилась, и не получив прощения в своих грехах по службе: состоял он при рекрутских наборах в Твери и от тех рекрутских наборов брал себе взятки, кто что приносил; да он же Иван Кокошкин ему, государю, виновен, — оговоренного в воровстве человека отдал в рекруты за своих крестьян. Великая награда государю стать заочно предсмертным судьею совести своего подданного. Петр Великий полностью заслужил эту награду. ■

ЮРИЙ НЕРСЕСОВ

МЕЧТА ИМПЕРСКОГО ЧУХОНЦА

В стране Суоми до сих пор принято считать, что первый акт советской агрессии против их маленькой безобидной родины произошёл ещё 1 марта 1918 года. Именно в этот день лично товарищ Ленин подписал в Смольном «Договор об укреплении дружбы и братства» между РСФСР и так называемой Финляндской Социалистической Рабочей республикой, созданной левыми повстанцами в южных районах страны, после переворота 27–28 января того же года. И не только договор заключили, но ещё и оружием против законного правительства снабдили.

На первый взгляд, крыть вроде бы нечем, однако договору 1 марта предшествовали другие события. Признав независимость Финляндии 31 декабря 1917 года, Совет Народных Комиссаров на первых порах достаточно сдержанно отнёсся к руководству ФСРР, не без оснований считая его достаточно далёким от большевизма. Действительно, в отличие от России, где большевики с меньшевиками давно создали самостоятельные организации, власть в южной Финляндии захватила единая Социал-демократическая партия. Поскольку твёрдые ленинцы никогда не имели там абсолютного большинства, сформированное СДПФ и профсоюзами правительство было не красным, а скорее «розовым» и вело себя весьма умеренно.

Финские эсдеки не проводили сколь-нибудь значительных экспроприаций, не организовывали массовых расстрелов, и главное, никоим образом не помышляли отказываться от независимости страны во имя торжества коммунистических идеалов. В беседе

▲ Ленин В.И.

с бургомистром Стокгольма Карлом Линдхагеном, Ленин в сердцах назвал финских эсдеков предателями революции, а Совнарком, не желая осложнить себе жизнь ради столь сомнительных союзников, официально заявил, что Россия будет соблюдать нейтралитет и не вмешиваться во внутренние распри в Финляндии.

Первоначально, революционный переворот в Хельсинки в Петрограде предпочли не замечать. Даже постоянные нападения белофинских отрядов на готовящиеся к выводу из страны российские гарнизоны и их вторжения на территорию северной Карелии практически не встретили никакого реального отпора.

Пользуясь этим, контрреволюционные силы развернули против проживающих в стране россиян террор, сравнимый разве что с грядущими подвигами чеченских боевиков. Представителей «некоренного» населения убивали прямо на улицах, грабили чуть ли не догола, а уж со всем недвижимым имуществом «русские оккупанты» могли проститься заранее. Без колебаний ставили к стенке даже антисоветски настроенных офицеров, которые при ФСРР прятались по домам, а с приходом белых радостно бросились их встречать. За несколько недель было расстреляно не менее тысячи российских граждан, включая женщин и детей, а ещё около 20 тысяч изгнано. Выручка, полученная в результате экспроприации казённой и частной собственности, составила

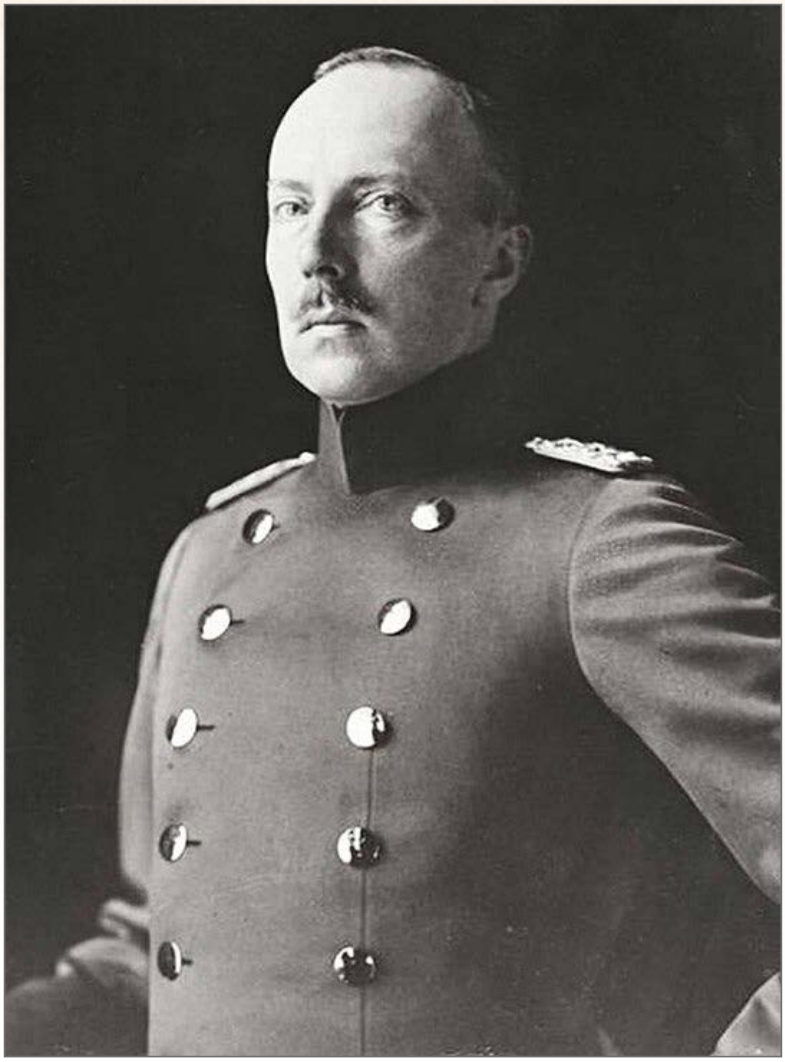
17,5 миллиардов золотых рублей.

Некоторые особо помешанные на общечеловеческих ценностях граждане до сих пор объясняют данный беспредел местью финнов злобно угнетавшим их колонизаторам. Однако между историей русско-финских и, скажем, англо-индийских отношений имелось, как минимум, две большие разницы. Прежде всего, Индия никогда не угрожала Британии. В то время как Финляндия и в XIII, и в XVIII, и в XX веках традиционно служила базой для нападений, сперва, на Новгород, а затем на Ленинград и Мурманск. Более того, сами финны охотно участвовали во всех без исключения вторжениях на российскую территорию.

Наконец, в отличие от британских, да и других европейских колоний у Финляндии по существу был статус самоуправляющегося государства в составе Российской Империи. Она имела свою валюту и собственную полицию. Все чиновничьи должности на её территории могли занимать только финские уроженцы, а в Российской империи финские уроженцы могли служить свободно, что и делали. Права же центральных органов были на финской территории столь ограничены, что большевики, анархисты и эсеры, включая террористов, чувствовали себя там почти в такой же безопасности, как в какой-нибудь Швейцарии. Так что хотя даже и при столь либеральном режиме стремление финнов к независимости понять вполне можно, их зверств, совершённых уже после её получения, это никак не оправдывает.

Тем не менее, Совнарком молчал целый месяц, и лишь когда сам главнокомандующий финской армией Карл Маннергейм заявил 23 февраля, что не вложит меч в ножны, пока не будет освобождена от большевиков Восточная Карелия, в Петрограде, наконец, зашевелились. Однако руки большевиков были связаны условиями Брестского мира, и никакой реальной помощи ФСРР, за исключением нескольких небольших партий оружия, они не оказали. Остаткам русских войск было приказано придерживаться нейтралитета. Попытка части петроградских красногвардейцев двинуться на помощь «розовым» была пресечена большевистским правительством по указанию Берлина, где на призывы белофиннов о помощи отреагировали незамедлительно. Предложение сбежавших из Хельсинки депутатов Сейма объявить страну монархией во главе с принцем Фридрихом Карлом Гессенским, тронуло сентиментального кайзера Вильгельма чуть ли не до слёз.

Вскоре в Финляндию было отправлено изрядное количество вооружения. Почти одновременно туда прибыл егерский полк, состоявший из финнов, сражавшихся на стороне Германии в Первую мировую войну. А начиная с 3 апреля в тылу «розовых» стали высаживаться первые подразделения 15-тысячной экспедиционной дивизии генерала фон дер Гольца. Противостоять этим отлично обученным частям вялые социал-демократы не смогли, и к середине мая 1918 года ФСРР торжественно отдала концы. Часть её защитников сбежала в Петроград, другие нашли убежище под крылышком высадившихся в Мурманске британцев, а свыше 20 тысяч были без особых церемоний прикончены счастливыми победителями или умерли в лагерях. Разобравшись с соотечественниками, новорождённая республика двинулась на завоевание сопредельных территорий. Аппетиты, которые она при этом демонстрировала, порой бросали в оторопь даже видавших виды кайзеровских генералов и британских моряков.

▲ Принц Фридрих Карл

Почти сразу же после вторжения на российскую территорию в Хельсинки был создан «Временный Комитет Восточной Карелии», при котором открылись курсы для подготовки командиров повстанческих и разведывательно-диверсионных групп. (Понятно теперь с кого взял пример Сталин, создав в 1939 году просоветское правительство во главе с одним из бывших лидеров ФСРР Отто Куусиненом?) Параллельно глава финского государства, с трепетом ожидавший принца Фридриха — регент Свинхувуд, заявил 7 марта 1918 года, что готов удовлетвориться миром на «умеренных условиях». То есть получить всего-навсего Карелию, прославленную в комедии «Иван Васильевич меняет профессию» «Кемску волость», Кольский полуостров и, конечно, Мурманскую железную дорогу, дабы беспрепятственно кататься из Мурманска в Петрозаводск. Неделю спустя Маннергейм утвердил эти скромные притязания, добавив к ним ещё и проект превращения Петрограда в зависимый от Финляндии вольный город.

Наступление финской армии началось 15 марта, 18-го в захваченной Ухте (ныне Калевала) «Временный Комитет» заявил о присоединении Карелии к Финляндии, а в начале мая маннергеймовцы даже неудачно попытались прорваться к Петрограду через Сестрорецк. Ровно через два месяца после вторжения Финляндия официально объявила войну России, а к январю следующего года, в дополнение к занятым ранее территориям, овладела Ребольской и Поросозёрской волостями.

Постепенно в боевые действия втягивались и соседние государства. Вскоре после начала финского наступления в Карелии появились шведские волонтёры. В свою очередь, финский добровольческий полк «Парни с Севера» принял участие в боях с Красной Армией на территории северной Эстонии. А 4 июня 1919 года в финскую гавань в Бьорке вошли первые корабли английской эскадры. Предъявив претензии на Карелию и Кольский полуостров, Финляндия пыталась пропихнуть передачу этих территорий в текст завершающего Первую мировую войну Версальского договора. И поскольку именно Британская империя, наряду с Францией и США, заказывала музыку в Версале, финны, позабыв о любимом кронпринце Фридрихе, очень старались заслужить любовь Лондона.

Сосредоточив в Бьорке 8 крейсеров, 8 эскадренных миноносцев, 5 подводных лодок, а также авиатранспорт «Виндиктив» с 12 гидросамолётами и монитор «Эребус», вооружённый мощнейшими на Балтике 381-мм орудиями, англичане могли серьёзно угрожать Балтийскому флоту и Петрограду. Особенно опасными для российских моряков оказались базирующиеся неподалёку от Терийок (Зеленогорска) британские торпедные катера. Один из них 17 июня 1919 года потопил крейсер «Олег», а в ночь на 18 августа сразу 7 катеров при поддержке авиации атаковали российские корабли на Кронштадтском рейде. Однако на сей раз гордых бриттов встретили как следует, и на базу сумела вернуться всего одна их посудина.

Не преуспев в уничтожении противника, англичане пытались сорвать злость на мирном населении. Например, 1 августа 1919 года их самолёт сбросил бомбы на участников митинга в центре Кронштадта. Но 11 погибших и 12 раненых кронштадтцев не сильно уменьшили боеспособность Балтфлота, и англичанам пришлось убираться при равных с Россией потерях. Потопив или захватив лёгкий крейсер, 5 эсминцев и плавбазу, они лишились своего крейсера, 2 эсминцев, подлодки, военного транспорта, пары тральщиков и 6 торпедных катеров. Тем не менее, появление вражеских эскадр под стенами Петрограда изрядно отравило жизнь оборонявшим город Сталину и Троцкому, а также властям советской Карелии.

Пристроив на зеленогорских дачах английских корсаров, финны сумели неплохо наладить взаимодействие с британцами и на сухопутном фронте. В апреле 1919 года их «Олонецкая добровольческая армия», подчиняющаяся ну совсем независимому от Хельсинки «Олонецкому правительству», начала наступление на Петрозаводск, к которому одновременно с севера двинулись англо-канадские части. Лишь проведя общую мобилизацию и бросив на фронт всё, что можно, наступление предшественников НАТО

▲ Юденич

удалось отразить, а к 8 июля «Олонецкую армию» выбили из Карелии окончательно.

Не оставляли маннергеймовцы и попыток прорваться к Петрограду, за помощь во взятии которого командующий Северо-Западной белой армией генерал Юденич обещал удовлетворить все территориальные претензии финнов. Одновременно с движением на Петроград эстонских и белогвардейских отрядов в июне-сентяб-ре 1919 года на Токсово наступал «Северо-Ингерман-ландский добровольческий полк». Данная экспедиция обосновывалась необходимостью освободить от русского гнёта местное «коренное население» — так называемых ингерманландских финнов. Однако те освобождаться не особенно жаждали, да и вообще не являлись коренными жителями, поскольку были поселены здесь шведами в начале XVII века. «Освободители» ненадолго захватили кусочек приграничной территории, но, не получив ожидаемой поддержки, были вышвырнуты обратно. Правда, их командир, полковник Эльфенгрен, оказался настолько упрямым, что в 1925 году вернулся на российскую территорию для подготовки очередной заварушки, однако был своевременно поставлен к стенке.

Следует признать, что главные силы Маннергейма на Петроград всё же не пошли, предпочитая спокойно грабить Карелию. Естественно, не из гуманных соображений. Финский главком просто не хотел иметь дело с частями 7-й Красной Армии, которая сосредоточила свои основные силы именно на севере, а не против Юденича. На 5 мая 1919 года из 16 тысяч её активных штыков здесь находилось 8900, из 406 пулемётов — 213, а из 170 орудий — даже 125, то есть почти 80 % всей армейской артиллерии.

Не рискнув лезть под их жерла, оккупанты с особым садизмом вымещали злобу на пленных и мирных жителях. Автор нескольких книг о советско-финских войнах петербургский историк Виктор Степаков собрал настоящую коллекцию зверств, достойных самого крутого штатовского триллера. Например, в деревне Кимасозеро майор Талвела забил палкой 70-летнюю старуху Никитину, а внука её соседки колотил по голове до тех пор, пока тот не свихнулся от боли. В деревне Юшкозеро унтер-офицер Карвонен отрубил топором голову пленному Лейконену. Его приятели отрезали милиционеру Тарасову сперва пальцы на обеих руках, потом нос, уши и выкололи глаза. Солдаты из отряда «Алоярви» распиливали не понравившихся им местных жителей специальной двуручной пилой, а вбивание в глаза и уши пленных винтовочных патронов вообще было любимой забавой финских военнослужащих, как и варка их отрезанных голов. По свидетельству магистра политологии Хельсинкского университета Йохана Бэкмана, газета «Суомен Кувалехти» до сих пор относит этот специфический обряд к разряду милых армейских шуток.

Лишь к июлю 1920 года, после изгнания британско-канадских и американских интервентов, этот беспредел был прекращён, «Временное карельское правительство», в которое был преобразован созданный финнами «Комитет», бежало в Хельсинки, а все оккупированные территории, кроме Петсамо с его богатыми никелевыми рудниками, освобождены. Мирный договор, заключённый в Тарту (Юрьеве) 14 октября 1920 года, закрепил установившиеся границы, но вскоре боевые действия вспыхнули снова.

Как и во всяком уважающем себя цивилизованном европейском государстве, в Финляндии совершенно искренне считали, что мирные соглашения существуют исключительно для того, чтобы нарушать их в самый удобный для себя момент. И Юрьевский договор, естественно, не являлся исключением. Конечно, его подписание позволило финскому руководству изрядно поживиться, но по сравнению с грандиозными планами покорения Архангельщины, Мурманщины и Петрозаводчины, Выборг с Петсамо тянули разве что на лёгкую закуску перед обильным пиршеством.

▲ Сталин И.В.

Уже 10 декабря 1920 года «Временное Карельское правительство», «Олонецкое правительство» и ещё несколько политических микробов создали в Выборге «Карельское объединённое правительство». А в конце сентября 1921 года в Тунгудской волости Карелии состоялся подпольный съезд членов очередного «Временного Карельского комитета», организованного при активном содействии финской агентуры. «Комитет» должен был создать из недовольных властью элементов так называемые «лесные отряды», провозгласить себя Карельским правительством, а затем совместно с посланными на помощь финскими войсками овладеть территорией региона. Вооружённое выступление «лесных отрядов» началось 24 октября, а 6 ноября первые из них перешли границу РСФСР. Численность интервентов и присоединившихся к ним противников советской власти вскоре превысила 6 тысяч человек, а поскольку, согласно Юрьевскому договору, все регулярные части Красной Армии были выведены из приграничных областей Карелии, захватчики отбросили малочисленные погранзаставы и быстро продвинулись на 50–60 км, угрожая Мурманской железной дороге.

«Временный Карельский комитет» торжественно въехал в Ухту,

▲ Свинхувуд

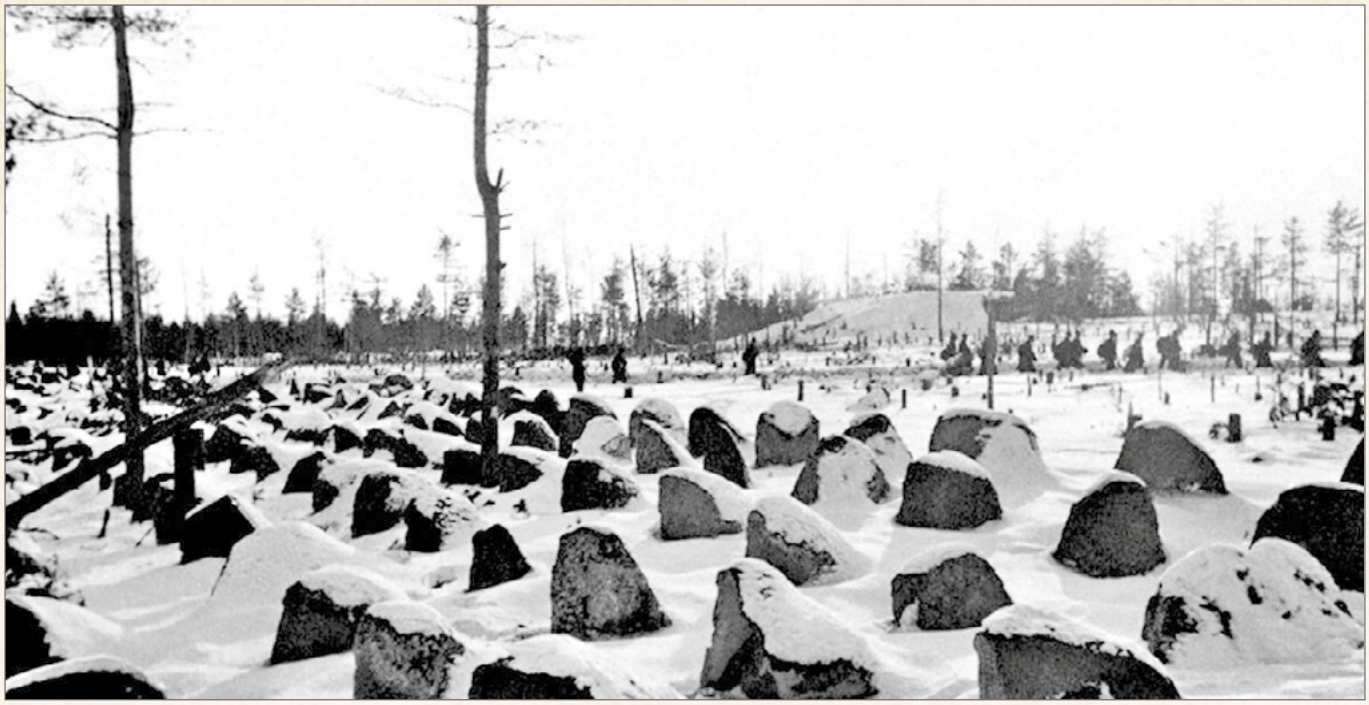
и некоторое время заседал там, однако халява длилась недолго. Введя на территории Мурманского края и Карельской Трудовой Коммуны военное положение, советская администрация сосредоточила там около 15 тысяч красноармейцев, 166 пулемётов, 22 орудия, 17 аэропланов и 3 бронепоезда. В конце декабря из переброшенных частей был создан Карельский фронт, который в первых числах января 1922 года начал методично очищать Карелию от незваных гостей. Наступая от Мурманска и Петрозаводска, части фронта уже к 17 февраля выбили финнов со всей занятой ими территории, а для полного осознания провели и пару образцово-показательных рейдов по вражеской земле.

И тут, подобно любым огрёбшим по шее захватчикам, финны вспомнили о международном праве, срочно составив кляузу в уже существовавший тогда Международный суд в Гааге. Но даже в этой, мягко говоря, не особенно расположенной к большевистской России организации претензии Хельсинки расценили как ничем не обоснованную наглость. Чтобы открыто не становиться на сторону красных, гаагские судьи 24 июля 1923 года заявили о своей некомпетентности в данном вопросе, и неудачливые агрессоры остались с носом. Правда, и ущерб от интервенции, оценённый после окончания боевых действий в 5610 тысяч золотых рублей, нам не компенсировали.

Вряд ли стоит удивляться, что Финляндия с той поры стала рассматриваться как плацдарм для внешней агрессии против СССР со всеми вытекающими отсюда последствиями в виде, прежде всего, Зимней войны 1939–1940 гг. Благо и в 30-е годы в Хельсинки изо всех сил старались показать, что являются соседом, которому доверять не стоит.

После разгрома в Карелии горячие финские парни поняли, что самостоятельно поживиться за счёт Москвы у них кишка тонка. Между тем зуд к округлению границ как минимум до Белого моря никак не ослабевал, а самые отмороженные предлагали расширить пределы грядущей империи аж до Енисея. Справедливо решив, что гуртом и батьку бить легче, в Хельсинки решили для начала договориться с кровными братьями из Эстонии. И уже в 1930 году оперативный отдел финского генштаба подготовил записку о взаимодействии вооружённых сил братских республик в грядущей войне против СССР. Помимо прочих мер, планом предусматривалось минирование советских территориальных вод, а главное — организация «мощного наступления из Финляндии на Ленинград и базу Балтийского флота». (Я. Лескинен. «Тайное военное сотрудничество Финляндии и Эстонии против СССР», журнал «Цитадель», №10, 2002 г).

Конечно, даже совместный штурм финнами и эстонцами Ленинграда мог иметь успех разве что в случае смерти его защитников от смеха, но в Кремле не без основания предполагали, что на невские берега может заявиться и куда более представительная компания. Верные принципу, сформулированному первым финским премьер-министром Пером Свинхувудом: «Любой враг России должен всегда быть другом Финляндии», горячие финские парни после прихода к власти Гитлера

▲ Линия Маннергейма

начали активно сотрудничать с его спецслужбами. Шеф Абвера адмирал Канарис и его ближайшие помощники Пиккенброк и Бентивеньи, начиная с 1936 года, разрабатывали совместные планы действий против СССР с руководителями финской разведки полковниками Свенсоном и Меландером. В середине 1939 года на территории Финляндии появился германский разведывательный орган «Кригсорганизацьон Финляндия» (так называемое «Бюро Целлариуса»). Его задачей стал сбор данных о положении дел в Ленинградском военном округе, Балтийском флоте и ленинградской промышленности.

Пообещай хельсинкским политиканам любая европейская держава за услуги кусочек Карелии, и дороги для её армии разве что ковриками бы не выстлали. А желание порой было очень сильным. Ведь даже в 1940 году, уже находясь в состоянии войны с Германией, англичане и французы всерьёз собирались высаживать экспедиционный корпус на севере Финляндии и бомбить кавказские нефтепромыслы! Представлять эти страны в виде мирных овечек тогда (как, впрочем, и сейчас) было бы крайне легкомысленно. Товарищ Сталин чем-чем, а легкомыслием никогда не отличался. Поэтому, начиная с апреля 1938 года, он не желая иметь столь беспокойных соседушек в 40 километрах от второго по величине города и крупнейшего порта страны, стал настоятельно предлагать Финляндии отодвинуть границу на Карельском перешейке и передать СССР несколько островов в Финском заливе. В обмен предлагалась значительно большая территория Восточной Карелии и согласие на ремилитаризацию демилитаризованного согласно Женевской конвенции 1920 года Аландского архипелага.

Маршал Маннергейм, хорошо представлявший себе неравенство сил, склонялся к компромиссу и был готов на определённых условиях передать Советскому Союзу небольшой участок в западной части Карельского перешейка вплоть до Териоки (Зеленогорска). Однако политики в Хельсинки были настроены куда более воинственно. Там считали, что имеющихся сил вполне хватит, чтобы продержаться за укреплениями линии Маннергейма до подхода либо англо-французских, либо немецких союзников. И определённые основания для этого имелись.

Пресловутая линия представляла собой мощный укреплённый район протяжённостью 134 и глубиной до 90 километров. Позиции финнов были чрезвычайно удачно вписаны в рельеф местности, а многочисленные реки и озёра служили дополнительными преградами. Линия состояла из 22 опорных пунктов со 157 бетонными дотами и почти пятью тысячами других оборонительных сооружений. Толщина стен крупнейших дотов достигала 1300 мм, бронированных колпаков — 200 мм, а насыпанный сверху слой земли и валунов иной раз доходил до 7–8 метров. Даже с учётом относительно слабого вооружения, состоявшего, как правило, из 3–4 пулемётов, овладеть таким сооружением было чрезвычайно сложно.

Русская армия в Первую мировую и Гражданскую войны (в отличие от немцев, французов и англичан) не сталкивалась со столь серьёзно укреплённой обороной, поэтому влияние фортификации на боевые действия у нас недооценивалось. В целом военные потенциалы Советского Союза и Финляндии были

несопоставимы, однако по ряду важнейших параметров и тут всё оказывалось весьма неоднозначно. Ко дню начала боевых действий 30 ноября 1939 года по количеству развёрнутых от Ленинграда до Мурманска активных штыков Красная Армия практически не имела численного превосходства над финскими вооружёнными силами. Их 170 расчётным пехотным батальонам противостояло 185 наших, причём большей частью не приспособленных к действиям в лесу и передвижению на лыжах.

Правда, по артиллерии, танкам и авиации Красная Армия имела многократные преимущество, однако реализовать его было весьма сложно. Подавляющее большинство состоящих на вооружении образцов бронетехники составляли совершенно непригодные для атаки укреплений линии Маннергейма лёгкие танки и бронемашины с противопульной бронёй и малокалиберной артиллерией. «Наличная бронетанковая матчасть, — свидетельствовал командир 155-й стрелковой дивизии 8-й армии, — совершенно небоеспособна. Прибывшие из организаций и учреждений газогенераторные автомашины совершенно не приспособлены для работы на северном театре». (РГВА. Ф.34980. Оп. 10. Д. 1242. Л.25).

Аналогичная ситуация складывалась и с артиллерией. Чтобы уничтожить финские доты на Карельском перешейке, в каждый из них обычно приходилось всаживать как минимум 30–35 снарядов не менее чем 203-мм калибра. Однако к моменту наступления на линию Маннергейма в штурмовавших её частях насчитывалась всего дюжина 203-мм гаубиц, а более мощные 280-мм мортиры появились на фронте лишь к январю.

Авиация Красной Армии в 1939 году не имела ни самолётов непосредственной боевой поддержки, вроде штурмовиков Ил-2, ни способных поражать малоразмерные цели пикирующих бомбардировщиков типа Пе-2 и Ту-2. Отсутствовали также современные тяжёлые бомбардировщики, способные смешивать вражеские

▲ Милюков

укрепления с землёй с помощью бетонобойных гостинцев весом более одной тонны, а точность бомбёжки состоящих на вооружении машин была недостаточной.

За всё это, равно как и за огромные потери сухопутных войск, мы должны благодарить, прежде всего, к счастью, расстрелянного перед войной замнаркома обороны Тухачевского и прочих подобных «гениев», отвечавших в 1930-е годы за вооружение Красной Армии. Несомненно, виноват здесь и Сталин. Поставь он Тухачевского и К° к стенке несколькими годами раньше или хотя бы не столь доверяйся им в вопросах военного строительства, и ход войны мог бы стать совсем иным.

В результате Финляндии удалось продержаться три с половиной месяца и получить значительную иностранную помощь (свыше 14 тысяч иностранных добровольцев, около 100 тысяч единиц стрелкового оружия, более 800 орудий и порядка 200 самолётов). Более того, Маннергейм даже сумел почти дождаться англо-франко-польского десанта. Однако предотвратить прорыв линии имени себя маршал так и не смог. К концу февраля 1940 года положение финнов стало безнадёжным, и они запросили мира. Уже готовый к отплытию экспедиционный корпус западных благодетелей был использован в Норвегии, откуда немцы его успешно выкинули.

▲ Оборона Заполярья

В то же время Советский Союз, ввиду угрозы столкновения с англо-французской коалицией, к которой при определённых условиях могла присоединиться и Германия, проявил умеренность. Возникший в начале войны проект превращения Финляндию в вассальную социалистическую республику наподобие Монголии был свёрнут и правительство Куусинена распущено.

Однако первоначально поставленные задачи были выполнены. Согласно Московскому мирному договору от 12 марта 1940 года СССР получил Карельский перешеек с Выборгом и ещё ряд территорий общей площадью около 36 тысяч квадратных километров, а также взял в аренду Гангутский полуостров для организации там военно-морской базы. Здесь следует учесть, что Карельский перешеек и Выборг не входили изначально в состав Финляндии, а были присоединены к ней указом Александра I после того, как Россия в 1809 году отвоевала финскую территорию у шведов. Поскольку этой территории была дарована независимость, забрать у неё царский подарочек назад, согласитесь, более чем справедливо. Даже чрезвычайно враждебный большевикам бывший лидер Конституционно-демократической партии и министр иностранных дел России Павел Милюков в те дни приветствовал из эмиграции взятие Выборга.

Естественно, в Хельсинки думали совсем наоборот, и не успели на тексте Московского договора высохнуть чернила, как Финляндия начала ударными темпами готовиться к реваншу. И коль скоро воевать в одиночку было невозможно, естественным союзником финнов оказалась единственная реальная сила тогдашней континентальной Европы в лице Третьего Рейха.

В Берлине тоже желали привлечь финнов к готовящемуся вторжению, и уже 18 августа 1940 года личный эмиссар рейхсмаршала Геринга Вельтьенс появился в уютном особнячке Маннергейма с письмом от шефа. А начиная с октября финские добровольцы стали активно вступать в ряды национального батальона 5-ой моторизованной дивизии СС «Викинг», через который прошло за три года более 2 тысяч человек. В январе 1941 года первые эшелоны немецких войск отправились на север Финляндии для грядущего штурма Мурманска, а ещё раньше, 28 мая 1940 года, Маннергейм специальным приказом увеличил количество дивизий регулярной армии с 12 до 16.

Значительно выросло и техническое оснащение финской армии. В частности, количество полевых и противотанковых пушек в каждой дивизии по сравнению с 1939 годом увеличилось с 54 до 117. Всего же Финляндия, без учёта батарей береговой обороны, имела на 22 июня

▲ Гитлер и Маннергейм

1941 года свыше 4 тысяч орудий различных калибров — в три раза больше, чем до войны. Количество танков по сравнению с предвоенным периодом увеличилось также примерно втрое, боевых самолётов почти вдвое, а прибытие немецких войск сделало угрозу для Ленинграда и Мурманска ещё более реальной.

В общей сложности на территории Финляндии сосредоточилась без малого 600-тысячная интернациональная армия в составе 16 финских и 5 немецких пехотных дивизий. В их число входили 2 дивизии австрийских горных стрелков и усиленная батальоном французских танков 6-ю горнопехотная бригада СС «Норд» (равная дивизии и с 1942 года в неё переименованная), укомплектованная как уроженцами Рейха, так и этническими немцами из других стран. Кроме того, Финляндия сосредоточила здесь 2 егерских и одну лыжную бригады, а из прочих территорий тогдашней объединённой Европы впоследствии прибыли эстонский полк, шведский добровольческий батальон и норвежский, тоже добровольческий, лыжный батальон СС. В составе финской армии находилось несколько сотен верующих иудеев, которым толерантная финская администрации позволила открыть походную синагогу на реке Свирь. Трое из них — майор Лео Скурник, капитан Соломон Класс и член добровольческой женской организации «Лотта Свярд» Дина Полякоф были награждены германскими союзниками Железными крестами, но политкорректно не приняли награду (что, впрочем, никак не повлияло на выполнение ими воинского долга).

К 22 июня вся эта армада, сопровождаемая более чем 200 танками и почти 900 самолётами, была готова к наступлению. Операция, получившая кодовое название «Зильберфукс» («Песец»), предусматривала быстрый захват Мурманска и Ленинграда, а также всех основных станций соединяющей их железной дороги. Одновременно войска Маннергейма должны были оккупировать Карелию и, выйдя к Белому морю, завершить создание Великой Финляндии.

Развернувшиеся от Мурманска до Выборга соединения Красной Армии выглядели не менее внушительно. Однако финны не без основания рассчитывали, что значительная часть их уже в первые дни войны будет переброшена на юг, что в итоге и случилось. Таким образом, реально вторжению противостояли 12 стрелковых и 1 мотострелковая дивизии. Их поддержали отдельная стрелковая бригада на Гангутском полуострове, а также разрозненные подразделения трёх танковых дивизий, вместе примерно соответствующие одной целой. По числен-

▲ Беломор-канал

▲ Паасикиви

ности советские войска уступали агрессорам примерно в полтора раза, но значительно превосходили их по танкам, в то время как, в артиллерии и авиации соотношение сил оказалось примерно равным. Тем не менее, значительную часть приграничных территорий финны всё-таки оккупировали.

Развёрнутые против Финляндии дивизии не слишком умело вели боевые действия в местных лесах, что вообще было характерно для войск антигитлеровской коалиции на первом этапе войны. Разгром британцев в джунглях Бирмы и Малайи и капитуляция американцев на Филиппинах выглядели куда более неприглядно, чем оборонительные действия Красной Армии в Карелии. Японцы, имея в Малайе 60-тысячную армию, за два с небольшим месяца полностью уничтожили вдвое большую армию противника и захватили крупнейшую военно-морскую базу Великобритании на Тихом океане — город и крепость Сингапур. Войска гитлеровского Евросоюза за полгода смогли лишь вытеснить советские части из Восточной Карелии, Карельского перешейка и некоторых пограничных районов Заполярья, а также крайнего севера Ленинградской области до реки Свирь. Ни занять Мурманск и Ленинград, ни перерезать Мурманскую железную дорогу Гитлеру с Маннергеймом так и не удалось, хотя они очень старались, особенно финский главком.

Когда немцы и в Заполярье, и под Ленинградом, и на других участках фронта уже перешли к обороне, финны, напротив, из последних сил пытались отгрызть хотя бы ещё кусочек жизненного пространства. Потерпев поражение при попытке форсировать Беломорско-Балтийский канал 7–8 декабря 1941 года, они стали готовить очередное наступление. Лишь январские контрудары Красной Армии вынудили хельсинкских генералов отказаться от этих планов и удовлетвориться захватом 28 марта 1942 года острова Гогланд. Их атаки на других направлениях, в частности, две попытки прорвать оборонительные позиции юго-западнее Лемболовского озера по направлению на Термолово, были отбиты.

Зато свою лепту в блокаду и связанную с этим массовую гибель ленинградцев от голода Маннергейм внёс, и раскаиваться в этом продолжатели его дела не намерены. Например, считающийся главным финским специалистом по истории войны профессор Хельсинкского университета Тимо Вихавайнен до сих пор утверждает, что голодная смерть сотен тысяч ленинградцев — вина исключительно их самих и отстоявших город бойцов. Сдались бы на милость победителя и отправлялись по лагерям, в которые, наряду с военнопленными, было отправлено большинство оставшихся оккупированной территории, нефинноязычных жителей. По данным архивным данным обнародованным финским историком Хельге Сеппяля, в этих лагерях скончалось свыше четверти советских пленных — 18 318 из 64 188, а из примерно 20 тысяч гражданских лиц погибло не менее 4600. И это без учёта расстрелянных и умерших от голода из-за массовых реквизиций продуктов в пользу непрошеных «освободителей».

И не миновать бы кое-кому за такое добротной виселицы, не продай Маннергейм с друзьями любимого фюрера со всеми потрохами. После разгрома финской армии под

▲ Блокадный Ленинград

Выборгом и Петрозаводском им удалось договориться с Москвой о сепаратном мире. В обмен на выход из войны, передачу Советскому Союзу никелевых рудников под Печенгой и удар в спину германским «братьям по оружию» Финляндия относительно удачно соскочила с несущегося в пропасть гитлеровского поезда.

Само собой, многих финских историков, а также угодливо и зачастую не бесплатно подпевающих им российских демократов столь неприглядная правда не устраивает. Поэтому уже который год они вбивают в головы доверчивой публике сладкую сказочку о том, как гадкий Советский Союз 25 июня 1941 года начал бомбить мирные финские хутора, а благородный старик Маннергейм вторично после 1919 года спас Ленинград, не став продолжать наступление дальше старой границы и позволив тем самым перебросить войска с Карельского перешейка навстречу немцам.

Естественно, на самом деле события развивались с точностью до наоборот. Ещё 21 июня главные силы финского флота высадили десант на демилитаризованные Аландские острова, арестовав находящихся там сотрудников советского консульства. В тот же день 4 финские подводные лодки приступили к постановке минных заграждений в советских территориальных водах у побережья Эстонии, имея приказ топить любое наше судно, которое сочтут нужным. Наконец, 22 июня финская диверсионная группа попыталась взорвать шлюзы Беломоро-Балтийского канала, а в 3 часа 45 минут вылетевшие из Кёнигсберга немецкие бомбардировщики сбросили под Кронштадтом изрядную партию морских мин, после чего спокойно приземлились на гостеприимные финские аэродромы.

Было бы очень интересно узнать, что бы сделал в такой ситуации на месте Сталина какой-нибудь сугубо миролюбивый западный политик типа Буша? Особенно с учётом того, что за 22 года до происходящих событий базирующиеся на тех же аэродромах вражеские самолёты многократно атаковали тот же Кронштадт. Учитывая последние события на Среднем Востоке, я могу предположить, что уже к вечеру 23 июня Хельсинки разделил бы судьбу, в лучшем случае, Помпей после извержения Везувия. Иосиф Виссарионович оказался не столь демократичен, и поэтому 25 июня авиация Ленинградского военного округа нанесла удар исключительно по финским аэродромам, где базировалась немецкая авиация. Премьер-министр Финляндии Рангель

тут же гневно обличил коварное нападение, превратив военные аэродромы в «незащищённые города». Тем не менее, слабость его аргументов была настолько очевидна, что в Сейме за войну проголосовал всего 101 депутат из 200. Однако вопрос был решён задолго до советских бомбёжек.

«Был у Рюти на его летней квартире, — писал будущий президент Финляндии Юхо Паасикиви 23 июня. — Рюти рассказал: 3.07.41 мы выступаем, так как к этому сроку немцы в Северной Финляндии будут готовы. Мы уточнили будущую границу Финляндии. Границы будут установлены в зависимости от исхода войны и оттого, что станет с Советским Союзом. Сейчас стоит вопрос о Восточной Карелии. Германский посланник передал Рюти собственноручное письмо германского фюрера, в котором фюрер обращает внимание, что Германия и Финляндия во второй раз будут сражаться вместе, и заверял, что он не оставит Финляндию. Это хорошо. Маннергейм, который приходил к Рюти, был этим также очень удовлетворён. Маннергейм сказал Рюти, что немцы преуспели против Советского Союза с самого начала гораздо больше, чем можно было предвидеть. У Советского Союза дефицит высшего командного состава. Фалькенхорст — на севере Финляндии, он командует германскими войсками. О финляндских условиях мира говорили с Риббентропом, и он их одобрил». («Дневники. Война-продолжение. 11 марта 1941 — 27 июня 1944»).

Приняв решение о начале боевых действий, финны и тогда изо всех сил пытались выставить себя невинными жертвами. Однако между собой они не считали нужным скрывать истинные цели войны. «Нам необходимо объединить теперь все финские племена, — заявил на заседании 25 июня депутат Салмиала. — Нам нужно осуществить идею создания Великой Финляндии и добиться того, чтобы передвинуть границы туда, где проходит самая пря-

▲ Блокадный Ленинград

мая линия от Белого моря до Ладожского озера». (Н. Барышников «Блокада Ленинграда и Финляндия»). На реплику же одного из коллег: «Не надо говорить всего того, о чём думаешь», объединитель братских народов успокоительно заметил, что заседание сегодня закрытое.

Что касается самого Маннергейма, то он, в отличие от осторожного парламентария, на конспирацию откровенно плевал. Две недели спустя после решения Сейма о начале войны финский главком отдал приказ, в котором искреннее желание отхватить побольше сопредельных территорий так и лезло буквально из каждой фразы:

«Во время освободительной войны 1918 года я сказал карелам Финляндии и Востока, что не вложу меч в ножны, пока Финляндия и Восточная Карелия не будут свободны, — вдохновлял своих бойцов первый и последний финский маршал. — Двадцать три года Северная Карелия и Олония ожидали исполнения этого обещания, полтора года после героической Зимней войны финляндская Карелия, опустошённая, ожидала восхода зари... В этот исторический для мира момент немецкие и финские солдаты — как и в освободительную войну 1918 года — грудью стоят против большевизма и Советского Союза. Борьба немецких братьев по оружию рядом с нашими солдатами-освободителями на Севере ещё больше укрепит давнее и прочное боевое братство, поможет уничтожить угрозу большевизма и гарантирует светлое будущее... Свобода Карелии и Великая Финляндия мерцают перед нами в огромном водовороте всемирно-исторических событий». (Там же).

Правда, 1 сентября миролюбивейший из маршалов отдал другой приказ, который его фанаты долгое время трактовали как распоряжение не пересекать границу 1939 года. Однако их вранью пришёл конец после выхода в свет фундаментального исследования профессора Барышникова. В пресловутом приказе не только не содержалось никаких указаний насчёт остановки на старой границе, но, напротив, требовалось от армии «вести борьбу до конца, установив границы, обеспечивающие мир». (Там же). Руководствуясь этим приказом, финские части 4 сентября, перешли пограничные рубежи 1939 года, захватили один из передовых дотов Карельского укреплённого района и станцию Новый Белоостров, а 6 сентября деревни Троицкое и Симолово. Была занята также знаменитая деревня Майнила, с выстрелов у которой началась Зимняя война. Перейдя старую границу почти на всём её протяжении, финская Юго-Восточная армия завязала ожесточённые бои в предполье Карельского укрепрайона.

Одновременно севернее части 6-го корпуса Карельской армии двинулись на Ленинград в обход Ладожского озера через Свирь. Командующий оным генерал Пааво Талвела впоследствии признал, что Маннергейм ещё 5 июня 1941 года предложил ему командовать этим корпусом именно для атаки бывшей столицы империи. Частям Талвелы удалось форсировать Свирь, и Юхо Паасикиви уже готовился торжественно заявить по радио, что «пала впервые в своей истории некогда столь великолепная российская столица, находящаяся вблизи от наших границ. Это известие, как и ожидалось, подняло дух каждого финна... Для нас, финнов, Петербург действительно принёс зло. Он являлся памятником создания русского государства, его завоевательных стремлений». (Там же).

Однако произнести эту пронзительную речь Паасикиви так и не пришлось. Не сумев преодолеть мощные укрепления Карельского перешейка и усилившееся сопротивление переброшенных на фронт свежих красноармейских батальонов, Юго-Восточная армия была остановлена и даже оставила ряд ранее занятых населённых пунктов, включая Новый Белоостров. Не желая без толку умирать под неприступными дотами, финские солдаты стали в массовом порядке отказываться идти в атаку. После того, как подобное произошло в четырёх полках, а общее количество отказников и дезертиров перевалило за тысячу, Маннергейм был вынужден окончательно отбросить планы наступления на Ленинград.

Поскольку в то же самое время захлебнулось финское наступление на Петрозаводск, маршал разумно предпочёл перебросить туда 3 дивизии с перешейка. Слабо укреплённая столица Карелии была куда доступнее, да и соблазнённые обещанными земельными участками солдатики шли её брать, с много большим энтузиазмом, чем Питер, который по итогам войны, скорее всего, достался бы немцам. Предпочтя синицу в руках журавлю в небе, финский главком поступил очень здраво, но руководствовался он при этом чисто практическими соображениями, а не сентиментальными воспоминаниями о юнкерских годах в Николаевском кавалерийском училище. В Берлине это прекрасно понимали, и посему никаких особых претензий к маршалу не имели. Гитлеровцы видели, что Маннергейм честно пытался взять Ленинград, но все его военные таланты не смогли заменить необходимых для взлома советских укреплений тяжёлых орудий, а первое из полученных от французов 305-мм орудий с «Императора Александра III» было установлено на железнодорожную платформу лишь 15 октября 1942 года. ■

ПАМЯТИ ПОЛКОВНИКА Н.Б. МОЧНОВА

21 декабря 2025 года после тяжелой болезни ушел из жизни гвардии полковник, военный летчик, воин-интернационалист, ветеран военной разведки, заслуженный испытатель космической техники **НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ МОЧНОВ**.

Горько, обидно и тяжело сознавать, что ушел навсегда человек, воин, боевой товарищ, душа коллектива.

Николай Борисович родился 10 апреля 1955 года в Таганроге в семье военного летчика. Окончил Балашовское высшее военное авиационное училище. Затем Киевский авиационный институт.

С 1979 по 1983 годы капитан Мочнов находился в составе ограниченного контингента Советских войск (40 армия) в Демократической Республике Афганистан. В небе провел около 6 600 часов. Совершил 360 боевых и специальных вылетов.

Николай Борисович всю свою сознательную жизнь посвятил благородному делу — служению Отечеству. Окончив Академию Советской Армии, получив фундаментальные знания, успешно применял их в ходе решения государственных задач Командования, находясь за рубежом нашего государства. Владел английским и испанским языками.

Военная разведка не романтика, а суровая действительность, ее жизненная необходимость диктуется всей сложностью межгосударственных отношений. Воины — легендарные солдаты невидимого фронта, от которых порой зависел ход и исход войны — это элита Вооруженных сил государства. Жизненный путь Николая Борисовича может служить примером для молодого поколения защитников Родины в верности служения Отечеству.

После увольнения в запас из Вооруженных сил, Николай Борисович продолжал активно трудиться на гражданском поприще. Возглавлял благотворительный региональный общественный фонд социальной защиты и помощи военнослужащих «Резерв». Мочнов занимал активную жизненную позицию. Его отличительной чертой были доброта, бескорыстность, стремление прийти на помощь, доступность, коммуникабельность, умение строить и поддерживать добрые, деловые связи как с людьми, так и с организациями, простота в общении, полное отсутствие чванства, заносчивости и высокомерия.

Николай Борисович являлся одним из организаторов создания Военно-исторического альманаха «Во славу Отчизны!» издательского дома «Русская разведка».

Редакционный совет Военно-исторического альманаха «Во славу Отчизны!» и боевые друзья выражают глубокую скорбь безвременной кончине Н.Б. Мочнова. Вечная тебе память...

ДМИТРИЙ БЫСТРОЛЕТОВ

ВЕРБОВЩИК

Вербовщик—как птица: прилетел, клюнул** и **снова улетел. Если поймали—погиб, уж такая это специальность. Так говорил Дмитрий Александрович Быстролётов. А он знал, что говорит: за многие годы работы нелегалом Быстролётов сменил десятки имен, стран и континентов.

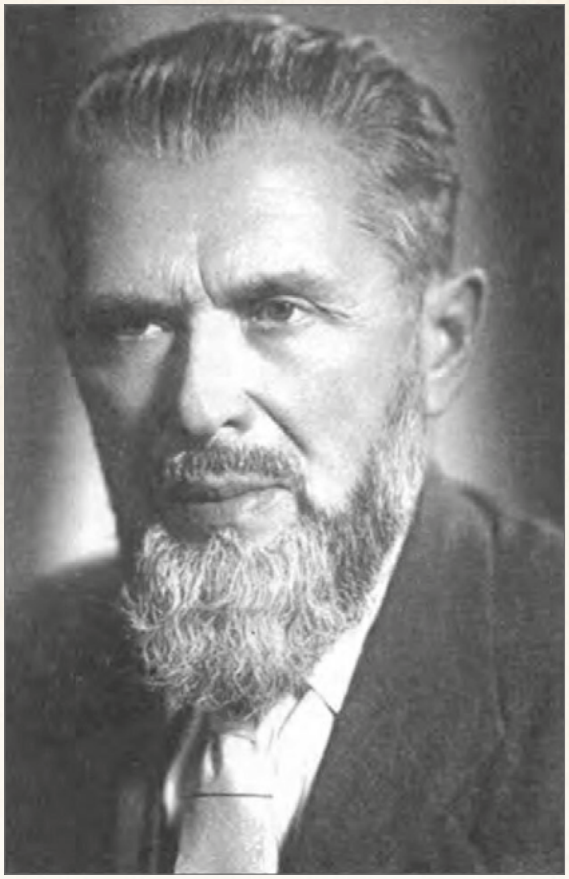
Предлагаем читателю интервью, которого, собственно говоря, не было, а был диалог с самим собой, написанный Дмитрием Александровичем незадолго перед кончиной.

Корреспондент. Дмитрий Александрович, для начала расскажите, пожалуйста, как вы стали разведчиком?

Быстролётов. Так сложилась жизнь. Разведчиками ведь не рождаются. Я окончил гимназию на юге, при белых. Чтобы не служить в деникинской армии, бежал в Турцию. В Константинополе окончил колледж, в Праге получил диплом доктора права, а позднее, уже под чужой фамилией, стал доктором медицины одного из старейших университетов Европы. В Берлине и Париже брал уроки у художников-графиков. Несколько лет работал в наших полпредствах и торгпредствах. Когда вернулся в Москву, мне предложили помочь в трудном и славном деле подпольной борьбы с врагами Родины. Это случилось в середине двадцатых годов.

Говорили со мной Артур Христианович Артузов и Миша Горб, тогдашние руководители нашей разведки. Разговор произошел в частном доме. Измотанный бессонными ночами Артузов лежал на диване с закрытыми глазами. Горб сидел верхом на стуле, курил и смотрел в угол. Рассказ о себе я закончил так: «Я бежал не из страха перед фронтом, а из-за чувства, что воевать у белых мне было не за что. Но я не трус, не пацифист и не вегетарианец!» — «Увидим, – сонно отозвался Артузов. – Где, по-вашему, вы могли бы работать у нас?» — «А где опаснее?» — «Рискованнее всех труд вербовщика: сказал не то, повернулся не так — расплата немедленная! Собачья жизнь, знаете ли, – вечером не знаешь, дотянешь ли до утра, утром не ведаешь, дойдешь ли до своей постели». Я беззаботно ответил: «Это мне подходит!».

Артузов открыл глаза и оглядел меня с головы до ног. Горб тоже, не мигая, уставился в упор. Переглянулись. «Подойдет», – решил Артузов. Горб кивнул: «Да, у него есть то, чего, например, полностью лишен я, – личное обаяние». Артур Христианович поднял руку и пошевелил в воздухе пальцами. Потом повернулся ко мне и сказал: «Проверим в деле и посмотрим, чего Вы стоите!».

▲ Быстролетов Д.А.

Через несколько лет за выполнение задания большого оперативного значения и проявленную исключительную настойчивость я получил почетное боевое оружие с надписью: «За бесстрашие и беспощадность».

Корреспондент. Все это очень интересно, но Вы не ответили на мой вопрос. Почему именно Вас судьба определила в разведчики, какие качества нужны для этого, прежде всего?

Быстролётов. Молодой человек, Вы слишком много от меня хотите. Что там имела в виду судьба, я не знаю, да и не желаю знать, поэтому, извините, буду говорить банальности. Во-первых, чтобы стать хорошим разведчиком, надо много знать в той области, которая в разведке стала вашей специальностью. Изучить несколько языков. Я, например, владею английским, немецким, французским, итальянским, шведским, норвежским, польским, румынским, греческим и еще кое-какими языками. Вербовщик должен быть не только образованнее, умнее и хитрее вербуемого, он обязан еще и видеть дальше, понимать общее положение яснее и глубже. Теперь второе, пожалуй, более трудное: разведчик должен быть актером, но не таким, как в лучших театрах мира, а в тысячу раз более совершенным, более глубоко знающим тот

типаж человека, которого он хочет представить своим зрителям.

И это вовсе не преувеличение. Потому что в театре зритель видит артиста на сцене всего час-другой, да и то издалека и при этом, как правило, замечает неловко наклеенные усы или чуть съехавший набок парик. Впрочем, актеру такая оплошность ничем не грозит, завтра он ее исправит и все. А вербовщик идет к цели по лезвию остро отточенного ножа, он постоянно живет среди своих зрителей, особенно таких чутких и внимательных, как контрразведчики. За любой промах можно расплатиться жизнью, потому что первые подозрения вызывают именно мелочи, детали, они влекут за собой проверку и слежку, а уж если дело дошло до этого, то вербовщик погиб.

Разведчик должен искренне верить в то, что говорит, иначе обязательно сфальшивит. Он долго вживается в роль, чтобы полностью перевоплотиться. Помню, как однажды мне разрешили приехать после трех лет зарубежного подполья отдохнуть на недельку к матери. А она возьми и скажи, что день выдался невероятно жаркий. Тогда я жил в образе бразильца и потому немедленно вспыхнул: «Невероятно жаркий?! Эх, мама! Ты поживи у меня на родине, в Бразилии, – тогда узнаешь, что такое жара!» Увидел испуганные глаза старушки и осекся!

А в Берлине однажды знакомая девушка небрежно заметила, что ночью слышала мое странное бормотание во сне. Я тут же вспомнил купринского штабс-капитана Рыбникова и заставил товарищей, несмотря на их сопротивление, послушать мой бред после того, как я надышусь наркозного эфира. Надышался и сдал экзамен: я бредил по-английски! Но чего стоила эта безжалостная ломка самого себя? Месяцы мучительного принуждения думать на чужом языке! Ведь у вербовщика много масок и часто он меняет их по несколько раз в день.

Разведчик должен изменить в себе все: привычки, вкусы, образ мыслей, выкорчевать все, кроме одного — преданности Родине! Психологически это тяжело и трудно, нужно очень любить Родину, чтобы не особачиться от такой жизни! Можно освоить сложную разведывательную технику, можно привыкнуть к постоянной опасности, но сжиться с насилием над собой невозможно. Только во внутреннем горении — спасение и залог победы разведчика над его противником. Только огонь преданности и любви сжигает все соблазны, страх и усталость!

Корреспондент. Дмитрий Александрович, теперь я вижу, что судьба здесь, действительно, ни при чем. Просто разведчик-человек особой человеческой породы, так сказать высшего качества. И то, что сейчас вы говорили о любви к Родине, как единственном и необходимом условии выживания, в других устах звучало бы, как дешевая патетика. Но вам я верю, хотя сам, чувствую, в разведчики не гожусь. Мне непонятно другое. Как человек, родившийся и выросший в Рязани или Новороссийске, может убедительно выступать в роли, скажем, французского буржуа?

Быстролётов. Не скромничайте, молодой человек. Вы затронули

▲ Горб М.С.

▲ Артузов А.Х.

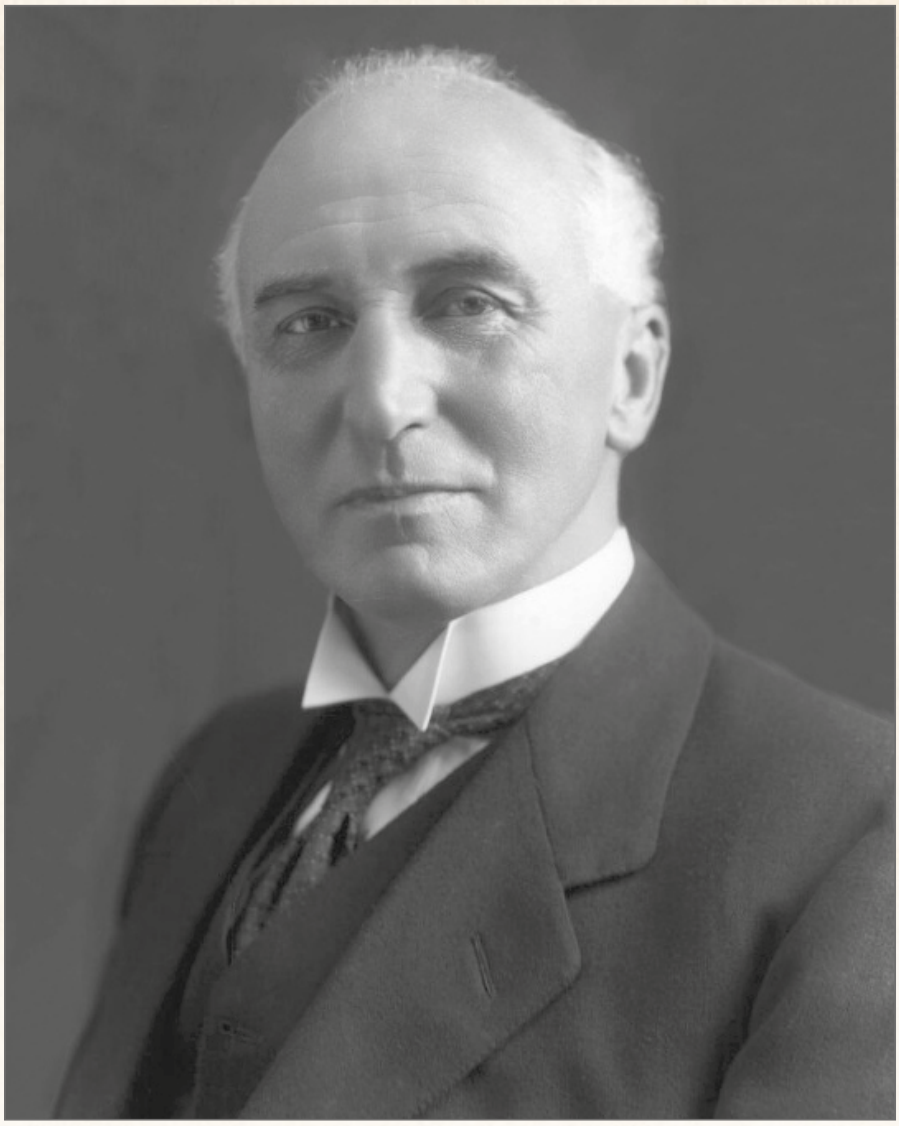
очень важный момент, и это оставляет надежду, что путь в разведку Вам не заказан. Действительно, одной внутренней перестройки мало. За ней следует внешняя.

Она физически опаснее, но психологически легче. Я расскажу несколько эпизодов, в которых мне пришлось выступать то в роли наглого гангстера из Сингапура, то веселого добряка венгерского графа, то надменного английского лорда. Для каждой из них, прежде всего, нужен был паспорт. Все бумаги графа мне купили, и единственное, что от меня требовалось, – это внимательно проштудировать книг пятьдесят по истории, литературе и искусству Венгрии, сфотографироваться на венгерских курортах, тщательно изучить местный быт, а также понаблюдать за характерными особенностями поведения местных аристократов на скачках, в театрах и в церкви.

Во время торжественной религиозной процессии я неожиданно шагнул из толпы с таким идиотским видом религиозного фанатика, что кардинал не мог не обратить на меня внимания. Он улыбнулся, подошел и благословил меня. Эту сценку удачно засняли мои товарищи. А кардинал числился по бумагам моим родным дядей, и с тех пор я эту фотографию всегда возил в чемодане, когда шел на операцию по графскому паспорту.

Английский паспорт мне лично выдал министр иностранных дел сэр Джон Саймон: он видел меня всего один раз, да и то мельком, но и этого оказалось достаточно, чтобы такой многоопытный джентльмен, как сэр Джон, безошибочно признал во мне человека своего круга. Именно таким образом разведчик сдает экзамен на зрелость.

Да что там сэр Джон! Я сдал поистине невероятный экзамен! Только послушайте! В середине тридцатых годов в Берлине гитлеровцы напали на мой след. Подчиненные мне товарищи были из осторожности убраны за границу, а я отправился на ужин к супруге высокопоставленного чиновника, с которым был связан (его тогда в городе не было). Я шел, зная, что на ужин был приглашен и штурмбанфюрер гестапо. Поэтому передвигал ноги не особенно резво, думая, что это последний званый ужин в моей жизни. За столом гитлеровец огорошил меня словами: «Граф, нам известно, что в окружении хозяина этого дома работает чей-то разведчик. Поэтому обращаюсь к Вам с просьбой — помогите нам найти и уничтожить его!»

▲ Саймон Джорж

Черт побери, в Берлине три с половиной миллиона жителей и, чтобы найти меня, враги обратились за помощью именно ко мне! Воистину жизнь бывает красочнее самых невероятных романов!

Корреспондент. Потрясающе! И чем все это кончилось?

Быстролётов. Я попытался сохранить спокойствие и обещал обдумать это предложение, затем встал и по телефону заказал на следующий день отдельный столик в лучшем ресторане Берлина. А рано утром с первым же самолетом улетел в Париж с паспортом английского лорда, подкрасив лицо желтой краской, трясущийся, закутанный в плед и согнувшийся дугой, под бдительным надзором встревоженной стюардессы. Согласитесь, что не всякий профессиональный артист смог бы сыграть так убедительно.

Корреспондент. Полностью согласен. Но Вы упоминали и о роли гангстера из Сингапура. Не могли бы рассказать об этом подробнее?

Быстролётов. Подробнее? Боюсь, что это невозможно: рамки журнальной публикации вряд ли позволят остановиться на всех деталях. Однако попытаюсь изложить эту историю в общих чертах.

Перед войной в Европе существовал порт на правах вольного города, в котором консульский корпус играл роль дипломатического и во главе его стоял дуайен. В то время им был величественный джентльмен, во внешности которого каждая мелочь — от монокля до белых гетр — подчеркивала принадлежность к неприступному и строгому миру безупречного консерватизма. К нему меня направили потому, что нашей разведке стало известно: его превосходительство является крупным агентом международной банды торговцев наркотиками и что он связан с Женевским Комитетом по борьбе с торговлей наркотиками при Лиге Наций, и поскольку добрая половина членов этого Комитета принадлежала к этой же банде.

Дуайен встретил меня крайне сдержанно и заговорил по-английски:

– Что угодно?

– Ваше превосходительство, – тоже по-английски начал я, – окажите помощь соотечественнику: у меня украли портфель, а в нем — паспорт.

– Ваше имя?

Я назвал международное имя без национальности — скажем, Александр Люкс.

– Гм... Где родились?

Я назвал тот город в стране, где сгорела мэрия со всем архивом.

Дуайен нахмурился. Я вынул пузатый конверт с долларами.

– Для бедных этого прекрасного города, Ваше превосходительство! Но дуайен брезгливо покосился на деньги и недовольно буркнул:

– Я не занимаюсь благотворительностью, это не мое дело. Кто-нибудь знает вас в нашем ближайшем посольстве? Нет? В каком-нибудь другом нашем посольстве? Тоже нет? Я так и думал! Слушайте, молодой человек, все это мне очень не нравится. Езжайте, куда хотите, и хлопочите о паспорте в другом месте. Прощайте!

Не поднимаясь, он небрежно кивнул головой, взял со стола какую-то бумагу и углубился в ее изучение.

«Неужели сорвалось? Надо идти на риск!» — подумал я. – «Ну, вперед!» Я шумно отодвинул письменный прибор, оперся локтями на стол и нагло уставился на оторопевшего джентльмена. Грубым басом на лучшем американском сленге я прохрипел:

– Я еду из Сингапура в Женеву, понятно, а? Дуайен изменился в лице и с минуту молча обдумывал ситуацию. Наконец, ответил:

– Из Сингапура в Женеву короче ехать через Геную!

Я вынул американскую сигарету и чиркнул маленькой восковой спичкой с зеленой головкой прямо по бумаге, которую только что внимательно читал его превосходительство. Закурил, выпустил струю дыма

▲ Сингапур

▲ Париж

ему в лицо и процедил с кривой усмешкой:

– Плохо соображаете, консул! Через Геную, конечно, короче, но опасней для меня, да и для вас.

Дуайен смертельно побледнел. Нервно оглянулся на дверь. Прошептал еле слышно: Да.

– В Сингапуре недавно случилась заваруха... Я едва не прыснул от смеха — словечко «заваруха» никак не шло к моноклю! А о «заварухе» тогда писали все газеты: днем в центре города выстрелом в затылок был убит английский полковник, начальник сингапурской полиции. Убийца скрылся, а позднее выяснилось, что он американец, торговец опиумом и японский шпион и что полковник напал на след его преступлений.

– Вы знаете, кто стрелял в офицера?

– Об чем вопрос!

– Кто же?

– Я!!!

На лбу его превосходительства выступили крупные капли холодного пота. Монокль выпал. Дрожащей рукой дуайен вынул платок и стал вытирать лицо.

– Чего пудрить мозги? – зарычал я. – Мне нужна ксива и побыстрее: ночью выезжаю в Женеву. Да вы не дрейфьте, консул, ей и житухи-то будет не больше двух суток. В Женеве я эту ксиву отволоку в сортир. Сквозану по чистому и дам телеграмму для вашего успокоения.

Дуайен закусил губу, тяжело вздохнул и принялся заполнять паспортную книжечку.

– Давайте и короля! – потребовал я, получив в руки новенький паспорт. – И чтоб с ленточкой, по всей форме! – На столе генерального консула стояла красивая рамочка с фотографией короля этой страны, увитая национальной лентой. – Короля я положу в чемодан на самый верх для таможенников: пусть прочувствуют, гады!

Дуайен с ненавистью посмотрел на меня и покорно подал портрет в рамочке.

Я вынул из пиджачного кармана пистолет, положил его на стол перед консулом, раму с ленточкой бережно спрятал в карман пиджака, пистолет сунул в задний карман брюк, пояснив:

– Ну, теперь король в кармашке, а бухало на теплом месте. Пора обрываться!

Хотел для полноты картины еще и плюнуть на персидский ковер, но воздержался: можно переборщить.

Дуайен вышел из-за стола, чтобы проводить до дверей кабинета,

«Позвольте поблагодарить Ваше превосходительство за великодушную помощь соотечественнику! – почтительно пропел я самым нежнейшим и культурным

голоском. – Наша страна может гордиться такими представителями!» Дуайен качнулся, как от удара. «Что? Ах, да... Да... Да, сэр!» — Он пришел в себя, овладел ситуацией и игриво взял меня за талию. «Я польщен вашим приходом, сэр! Надеюсь, вы не забудете мой дом, если опять будете в наших краях!» До двери остался один шаг. Слуга ждал с той стороны, и дверь начала уже приоткрываться. Вдруг Дуайен повернулся и полоснул меня в упор вопросом на чистейшем русском языке: «Вы из Москвы?!» Он впился мне в глаза: «А?» — не сумел удержаться я от неожиданности. Но реакция у разведчика быстрее, чем у летчика. Нечаянно уронив звук «а», я тут же придумал дальнейшую фразу, начинающуюся с английского слова «аи» (то есть я): «Я не понимаю по-польски! Что вы изволили сказать, Ваше превосходительство?» Дуайен прижал пальцы к вискам. «Простите, простите... Это от переутомления... Прощайте, сэр!»

Так холеный английский джентльмен помог прочно укрепиться на европейской почве сингапурскому элегантному «убийце». Я слетал в Женеву и оттуда дал дуайену телеграмму, а потом с этим паспортом жил не один год и удачно провел несколько операций.

Корреспондент. Дмитрий Александрович, вот вы сейчас сказали: «Прочно укрепился на европейской почве». А разве паспорт это все?

Быстролётов. Нет, конечно, но он обеспечивает юридическую основу «запускания корней в местную почву».

Богачам легче оправдать существование, нужно только знать, где находится материальная база, то есть земли венгерского графа и английского лорда, затем наладить регулярную пересылку им денег оттуда по вполне законным каналам, и все принимает естественный вид: граф может ухаживать за женщинами, лорд—лечиться, сколько им было нужно. Конечно, при тщательной проверке выяснилась бы искусственность такого построения, но вербовщик—не резидент и не работник обслуживающего аппарата: это им нужно солидное обоснование их постоянного пребывания на одном месте, в кругу одних и тех же знакомых и друзей, а вербовщик — как птица: прилетел, клюнул и снова улетел. Если удалось сорвать плод—хорошо, если нет—удрал навсегда, если поймали — погиб, уж такая это специальность.

Вербовщик слишком часто и много рискует и при провале его не спасет самая солидная маскировка. Да, вот я, кстати, расскажу, как была подведена база под существование такой трудной для законного обеспечения фигуры, как убийца из Сингапура.

В солидной буржуазной берлинской газете я дал объявление, что иностранец, желающий основать торговую фирму, ищет технических специалистов из отрасли легкой промышленности. Среди откликнувшихся оказался некий Сеня Бернштейн из Лодзи. Наша агентура его проверила. Сеня Бернштейн нашел в Лодзи Изю Рабиновича, а тот братьев Бусю и Липу Циперовичей, которых и доставили ко мне в Антверпен. Их тоже проверили.

Братья основали фирму «Циперович и Циперович», сокращенно–Цип-Цип.

Уговор — они вкладывают труд и умение, я — деньги, а чистую прибыль делим пополам.

Фирма начала скупать высококачественное шерстяное тряпье, которого в Бельгии, Англии, Голландии, Дании и Скандинавии нашлось немало.

Тряпье доставлялось в Лодзь и там, после щедрого добавления хлопчатой бумаги, превращалось в «шерстяную» ткань. Тем временем великолепный бельгийский рисовальщик, товарищ Ган ван Лоой, работавший в Англии у очень солидных текстильных фирм, заранее сообщал нам рисунки и расцветки тканей, которые будут самыми модными в следующем сезоне. Лодзинская подделка на глаз была неотличима от английского оригинала, не хватало только английской марки, поэтому наша фирма везла свое барахло в Англию, и там гладильная машина автоматически ставила по темной кромке белый или желтый штамп: «Сделано в Англии».

Теперь уже невозможно было отличить ценный товар от дряни, качество проверялось только временем: оригинал носился годами, а подделка — едва один сезон. Свою продукцию фирма сплавляла в Африку и в Южную Америку, и наши дела пошли вверх, как ракета.

Вскоре в Антверпен пожаловал Сеня Бернштейн с братьями, потом прикатил Изя Рабинович с сестрами, откуда-то вынырнули толстая тетя Рива и безрукий дедушка Эфраим. Все они сытно кормились около фирмы Цип-Цип, все меня бессовестно обсчитывали, удивляясь, откуда бог послал им такого доверчивого дурака. Ну а я тоже был доволен, потому что фирма была настоящей и давала достаточно денег для оправдания моих оперативных поездок по дуайенскому паспорту. Кстати. Я его несколько раз обменял в других странах, след к дуайену потерялся, и паспорт стал настоящим.

Корреспондент. Все, что Вы говорите, удивительно интересно, но у меня создается впечатление, что работа шла как по наезженной колее.

Неужели не случалось ошибок, срывов, провалов?

Быстролётов. Ну зачем же так! О провалах я уже говорил: в работе вербовщика это почти всегда означает гибель, и случись такое, я был бы лишен удовольствия разговаривать с Вами. Ошибки, конечно, были, но, честно говоря, свои вспоминать не хочется, а вот чужие исправлять приходилось.

В тридцатые годы из одного нашего крупного Полпредства в Европе сбежал сотрудник, занимавший руководящую должность и потому много знавший. Переметнувшись на другую сторону, он неплохо обеспечил себя тем, что прихватил значительную сумму денег, но нужно было еще обеспечить себе политическое доверие новых хозяев. И перебежчик выдал все известные ему государственные секреты

и кое-что рассказал в немедленно изданной книге. В ней он мимоходом упомянул о крупном промахе наших полпредовских работников.

Он описал такой эпизод. Однажды в Полпредство явился небольшого роста человек с красненьким носиком. В руках он держал большой и, видимо, тяжелый желтый портфель. Незнакомец заговорил по-французски:

– Я хотел бы видеть военного атташе или секретаря! К нему вышел ответственный товарищ.

– В этом портфеле все коды и шифры Италии. У вас, конечно, имеются копии шифрованных телеграмм местного итальянского посольства. Возьмите портфель и проверьте подлинность моего товара. Когда убедитесь—выплатите 200 000 французских франков. При очередной перемене кодов и шифров вы получите их снова и заплатите ту же сумму. Вы обеспечены на многие годы! Фашистская Италия уже раздувала пламя войны, ее дипломатическая переписка в мировом масштабе представляла для нас значительный интерес, и поэтому незнакомец был просто подарком судьбы. Ответственный товарищ молча взял портфель, тщательно проверил коды и шифры и убедился в их подлинности. Затем он сфотографировал их и вернул незнакомцу, возмущенно заявив:

– Это провокация! Убирайтесь вон или я вызову полицию!

Незнакомец понял маневр и пришел в ярость, но сдержал себя, злобно прошипев:

– Вы не представители великой державы, а жалкие мошенники.

С тем он и удалился.

Ответственного товарища похвалило непосредственное начальство: ведь он сэкономил для страны большие деньги.

Книжку перебежчика с этим эпизодом прочли в Москве. Меня срочно вызвали из глубокого подполья. Я благополучно добрался в столицу, миновав полдесятка границ.

Мне подарили книгу, открытую на нужной странице. На полях синим карандашом было начертано: «Возобновить!»

Мне сказали, указывая пальцем на слово «возобновить», жирно сияющее на полях: «Это написал Сталин.

Сегодня же ночью уезжайте за рубеж, найдите этого человека и возобновите получение от него всех материалов!»

Я раскрыл рот:

– Да где ж его найти?

– Ваше дело.

▲ Рим

– Ведь о нем только и известно, что он маленький с красным носиком. На земном шаре таких миллионы!

– Возможно.

– Как же его искать?

– Если бы мы это знали, то обошлись бы и без вас. Приказ понятен? Выполняйте. Денег получите без ограничений, время на операцию дается жесткое. Идите!

Так я снова очутился на берегу Женевского озера.

Сел на скамейку и принялся не спеша кормить лебедей. На земном шаре два с половиной миллиарда человек. Где-то среди них бродит и мой Носик. Как его найти? С чего начать?

Среди моих подчиненных была молодая пара, Пепик и Эрика, смелые и исполнительные люди, оба хорошие фотографы. Я послал их дежурить около итальянских посольств в качестве уличных фотографов с заданием заснять всех чиновников небольшого роста. Начать с больших столиц и постепенно перейти к маленьким. Поименные списки чиновников у меня уже были. Но, кормя лебедей, я подумал, что Носик не может быть чиновником и связан он наверняка не с маленьким городом. Он не изменник, а передатчик изменника и работает в большой столице.

Через неделю лебеди уже узнавали меня и мчались со всех сторон, едва я усаживался на скамье. А я думал. Нет, риск такого предательства слишком велик... Чиновник посольства, имеющий доступ к шифрам, у всех на виду. Передатчик будет замечен... Предателем может быть только работник шифровального отдела итальянского Министерства иностранных дел.

Через неделю я уточнил: «Или член правительства!»

Я съездил в Рим, в раздумье походил около прекрасных старинных дворцов. Где-то в них сидит предатель, но мне его не найти... Надо искать с другого конца — с передатчика.

К тому времени пришли материалы от фотографов — ничего подходящего — и письмо из Москвы, в котором дополнительно сообщалось, что ответственный товарищ запомнил две приметы незнакомца: Носик держался развязно и не выглядел вышколенным дипломатом, и на его лице обращал на себя внимание золотистый загар, а красноватый цвет носа объяснялся, вероятно, не пристрасти ем к вину, а солнечным ожогом.

В тот день лебеди получили тройную порцию. Во-первых, манеры Носика подтверждали мою догадку — он не предатель своей родины, а только агент предателя, а золотистый загар... Я думал неделю и вдруг ударил себя по лбу—это горный загар, Носик или швейцарец, или живет здесь! Но, где же именно? Где в крохотной Швейцарии может болтаться агент предателя, имеющий дело с разведками и идущий на смертельный риск? Только в Женеве! В городе, где вокруг Лиги Наций кишат агенты трех десятков разведок, зная свою безнаказанность, потому что никто из них местными швейцарскими делами не интересуется.

Носик живет в Женеве! Он бродит по улицам рядом со мной!!!

Лебеди опять получили тройную порцию, а я вызвал к себе Ган Ван Лооя, моего чудесного антверпенского рисовальщика.

Надо сказать, что Женева — скучный, чопорный кальвинистский город, и все веселые иностранцы, особенно сомнительного поведения, непременно бывают в двух местах — в дорогом «Интернациональном баре» и в более дешевой пивной «Брюссери Юниверселль». Стены обоих заведений увешаны портретами именитых посетителей с их собственными автографами. Среди портретов немало фотографий, но попадаются и бойко рисованные заезжими художниками. Сказано сделано. Я засадил Гана в «Брюссери», а сам уселся с карандашом и бумагой в «Баре». И оба мы за один день вычислили Носика.

Корреспондент. Не может быть! Ну, и что было дальше?

Быстролётов. Дальше предстояло рискнуть. Признаться ему, что я советский агент, мне показалось нецелесообразным, потому что оскорбленный Носик, вероятно, не доверял нам и ненавидел нас больше, чем кого бы то ни было. И я решил — выдам-ка себя за японского шпиона, и пусть поможет мне сам великий Будда!

Бармен Эмиль, агент всех разведок мира, подал мне виски с содовой, когда я уверенно опустился в кресло рядом с Носиком. Посетителей было мало, и Эмиль отвлекся болтовней с красивой американкой.

– А ведь мы знакомы! – нагло начал я, раскрывая золотой портсигар.

– Что-то не помню! – удивился Носик, но сигарету взял. – Кто же нас познакомил?

– Не кто, а что, синьор, – ответил я, сделав внушительную паузу, прошептал Носику в загорелое ухо:

– Итальянские шифры! Он вздрогнул, но сразу овладел собой.

– Эмиль, плачу за обоих! Выйдем, мсье. На улице он очень крепко сжал мне локоть:

– Ну?!

– Локоть здесь ни при чем, а стреляю я отлично, – ответил я со смехом. – Будем друзьями! Японцы не могут сами вести свои дела из-за разреза глаз и цвета кожи, но они молчаливы, как могила, и хорошо платят. Я знаю, что у вас бывает товар, а у меня всегда деньги. Повторяю, давайте будем друзьями!

Корреспондент. Носик, конечно, спросил, откуда вы узнали, что он торгует шифрами?

Быстролётов. Не будьте наивным. Таких вопросов разведчики не задают и на них не отвечают.

Мы стали сотрудничать и постепенно выяснилось следующее: торговлю шифрами Италии на широкую ногу поставил граф Чиано, министр иностранных дел, женатый на Мафальде Муссолини. После опубликования книги нашего перебежчика, Чиано организовал провокацию с исчезновением шифровальных книг в одном из итальянских посольств, нагрянул туда с ревизией и обвинил невинного человека в измене. Невиновный был уничтожен, а Чиано прослыл неукротимым

▲ Берлин

борцом с изменой. Кстати, этим защитным маневром он подтвердил информацию о своей роли в этом деле, по крохам собранную моей неутомимой молодой парой.

Носик оказался отставным офицером швейцарской армии, итальянцем по национальности, с большими связями в Риме и в Ватикане: его дядя был кардиналом. Работать с Носиком было не скучно. Получив пачку денег, он, прежде всего, нюхал их и серьезно спрашивал:

– Настоящие?

– Конечно, – возмущался я.

– Ну и дураки же ваши японцы! Напишите, чтобы они поскорее начали сами печатать доллары, с их тонкой техникой это получится великолепно. Платите мне не 200 000 настоящих франков, а 1 000000 фальшивых долларов — и мы квиты!

Плохо было лишь то, что этот жулик шел на риск по мелочам. Однажды в Довере, в Англии, мы высадились с парохода и шли в группе пассажиров первого класса — их пропускали без задержки. Был туманный вечер, кругом стояли бобби с собаками и фонарями на груди. Вдруг из штанины Носика покатилось что-то белое. Я замер. Бобби скромно потупил глаза, леди и джентльмены тоже. Носик спокойно нагнулся и сунул белый моток себе в носок.

– Брюссельские кружева! – объяснил он мне. – Везу для приработка!

Я едва не избил его... А потом он чуть не застрелил меня: я спасся случайно, ведь это был не государственный работник и патриот, а жулик-одиночка, и злоба в нем взяла верх над разумом. Он продал новые шифры сначала японцам в Токио, а потом мне в Берлине.

По списку купивших государств установил, что я — советский разведчик. Побелел от злобы: выходило, что мы удачно перехитрили его во второй раз! Начал убеждать меня немедленно поехать к нему в Швейцарию, где он познакомит с графом Чиано и Мафальдой. Я согласился. Вечером мы сели в его мощную машину и помчались на юг.

Шел проливной дождь. Мы неслись, как вихрь, обгоняя попутные машины. Оба молчали. На рассвете прибыли в Цюрих. Остановились перед большим темным особняком на горе Дольдер. Носик отпер ворота. Входную дверь. Зажег свет. Роскошный вестибюль был пуст, на статуях и картинах лежал толстый слой пыли, мебель была в чехлах. Я сразу почуял ловушку.

Носик начал раздеваться. Я встал перед зеркалом так, чтобы следить за каждым его движением. Он старался зайти мне за спину. Пистолет я держал в кармане и пуля была в стволе. Я увидел, как с перекошенным от злобы лицом он стал вынимать пистолет из кобуры под мышкой. Преимущество было у меня, но стрелять не пришлось: на улице коротко и сильно рявкнул автомобильный гудок– город просыпался, начиналось движение.

От неожиданности Носик вздрогнул и выдернул руку.

«Дурак, – сказал я. – Это мои товарищи подъехали и дали мне сигнал: если через десять минут я не выйду, то они ворвутся сюда и без лишнего шума сделают из вас отбивную котлету. Мы сильнее. Поняли? Повторяю, не валяйте дурака! А еще разведчик, даже не заметил, что за нами от самого Берлина мчалась вторая машина!»

Носик заныл насчет денег, я обещал добавку и счастливо выбрался из особняка. Заметил номер и улицу. Особняк стал исходной точкой для выяснения личности Носика и его связей.

Так Носик из-за раздражения допустил ошибку и поймал в ловушку самого себя. Это бывает!

Корреспондент. А дальше?

Быстролётов. Не надо перебивать. Я ведь человек пожилой, уважайте старость. Итак, вербовщик ведет сразу несколько дел, он рискует не только собой, но и теми, кто уже начал для нас работать. Начальником нашей вербовочной бригады был генерал-майор, человек богатырского роста и сложения, очень образованный, венгр по национальности. Мы звали его Тэдом.

Когда получение материалов от завербованного налаживалось, наша бригада передавала агента другой бригаде, эксплуатационной. В те годы около богатых американских туристов в Италии и Франции постоянно терся юркий итальянский еврей по кличке Винчи, торговец фальшивыми антикварными вещичками — в Италии существует целая промышленность, изготовляющая эту поддельную старину на потребу богатым невеждам из-за океана. В этом неопрятном человечке с потертым чемоданчиком в руках самый зоркий глаз не смог бы распознать нашего разведчика, начальника эксплуатационной разведывательной группы. Звали его Борисом. Борису мы и передали Носика.

Носик познакомил меня с одним матерым французским разведчиком, зловещего вида стариком, торговцем чужими кодами. Старик развлекал меня рассказами о том, как во время первой мировой войны он собственноручно расстреливал на французско-испанской границе разную подозрительную мелюзгу, угощал вином и устрицами и все старался заманить на французскую территорию. Нехотя, ради установления дружеских отношений с японской разведкой, он передал мне несколько очень нужных шифров: шли предвоенные годы, информация со всех сторон была крайне необходима.

Из сказанного вы видите, что разведывательная нить часто дает» ответвления: тянешь одну рыбку, вытягиваешь три, а весь улов получает наш юркий торговец фальшивыми древностями!

Корреспондент. Дмитрий Александрович, Вы пока ни слова не сказали о войне, о Вашем в ней участии.

Быстролётов. Справедливое замечание. Надо сказать, что перед самым началом войны во мне созрело твердое решение заняться, наконец, научной работой. Вернувшись в Москву из очередной командировки, я даже написал соответствующий рапорт. Но меня не отпустили. Я был вызван к Наркому. Начальник нашей разведки поделился планами направить меня в Антверпен, где я вступаю в бельгийскую фашистскую партию, оттуда еду в Конго и покупаю там плантацию или завожу торговое дело, потом еду в Южную Америку, где в Сан-Паулу у гитлеровцев имеется мощный центр. Там я перевожусь из бельгийской в немецкую фашистскую партию. Выдвигаюсь как фанатик-активист. Перебираюсь в Германию и остаюсь там на все время войны как наш разведчик, работающий в Генеральном штабе рейхсвера.

Нарком взял синий карандаш и поперек доклада написал: «Утверждаю». Вышел из-за стола. Сказал: «Ни пуха, ни пера! Родина вас не забудет».

Обнял, трижды поцеловал и крепко пожал руку.

Корреспондент. Очень интересно. С нетерпением слушаю, Дмитрий Александрович!

Быстролётов. Ну, нет! Это отдельная история и комкать ее не следует — право жалко! Я хочу написать три книги о пережитом. Первая уже написана, она условно называется «Грозовой рассвет над Африкой».

Третья тоже готова. Я назвал ее «Возмездие». Но вот вторая, «Неприкаянная любовь», пока только обдумывается, а она служит мостом к третьей. Надеюсь, все они выйдут в свет, и вы прочтете их. А пока, благодарю за внимание. ■

ОФИЦЕРАМ

А. Е. ПЕШКОВ, полковник Советской Армии, военный разведчик, воин — интернационалист

Нам стеснятся нет резона
Золотых своих погон –
Мы по чести и закону
Без патетики и звона
Выдержали оборону,
Прохождение времен.
Было дело под Полтавой,

Было при Бородине,
Но и мы добыли славу
Добросовестно вполне.
Мы не бегали от службы,
Мы всегда ценили дружбу,
Мы летали на удары,
И поверьте, что недаром.

Мы ходили на засады,
Много делали того,
Что тогда казалось адом,
А сегодня — ничего.
Нам стесняться не резон
Золотых своих погон.
Офицерам всех времен –
Честь и Слава, и Поклон!

СПАСИБО РЕБЯТАМ

Ой, спасибо, ребята,
Что меня вы нашли
В двух шагах от заката
И от края земли.
Ой, спасибо, ребята,
Что я снова живой,
Что последней гранатой
Не окончился бой.

Ой, спасибо, ребята,
Что не грезилось мне –
Подвезти к медсанбату
На горячей броне.
Ой, спасибо, ребята,
Хоть в жару и в бреду
По барханам проклятым
Снова с вами иду.

С вами переживаю
Не последний свой бой,
Ваш отход прикрываю
И огнем, и собой.

ШТУРМОВИК СУ-25

Он подловил меня на взлете,
И я свалился на крыло,
Когда на первом развороте
Ракета разнесла сопло.
Ущелье подавилось эхом
От взрыва верного «Грача»,

А он, наверное, со смехом
Мне вслед проклятия кричал.
Вися на парашютных стропах,
Его я не услышал фраз –
На мне сошлись стальные тропы
Душманских автоматных трасс.

Без крови не бывает боя,
Не все выходят из огня,
Но бой, не выигранный мною,
Друзья закончат за меня.